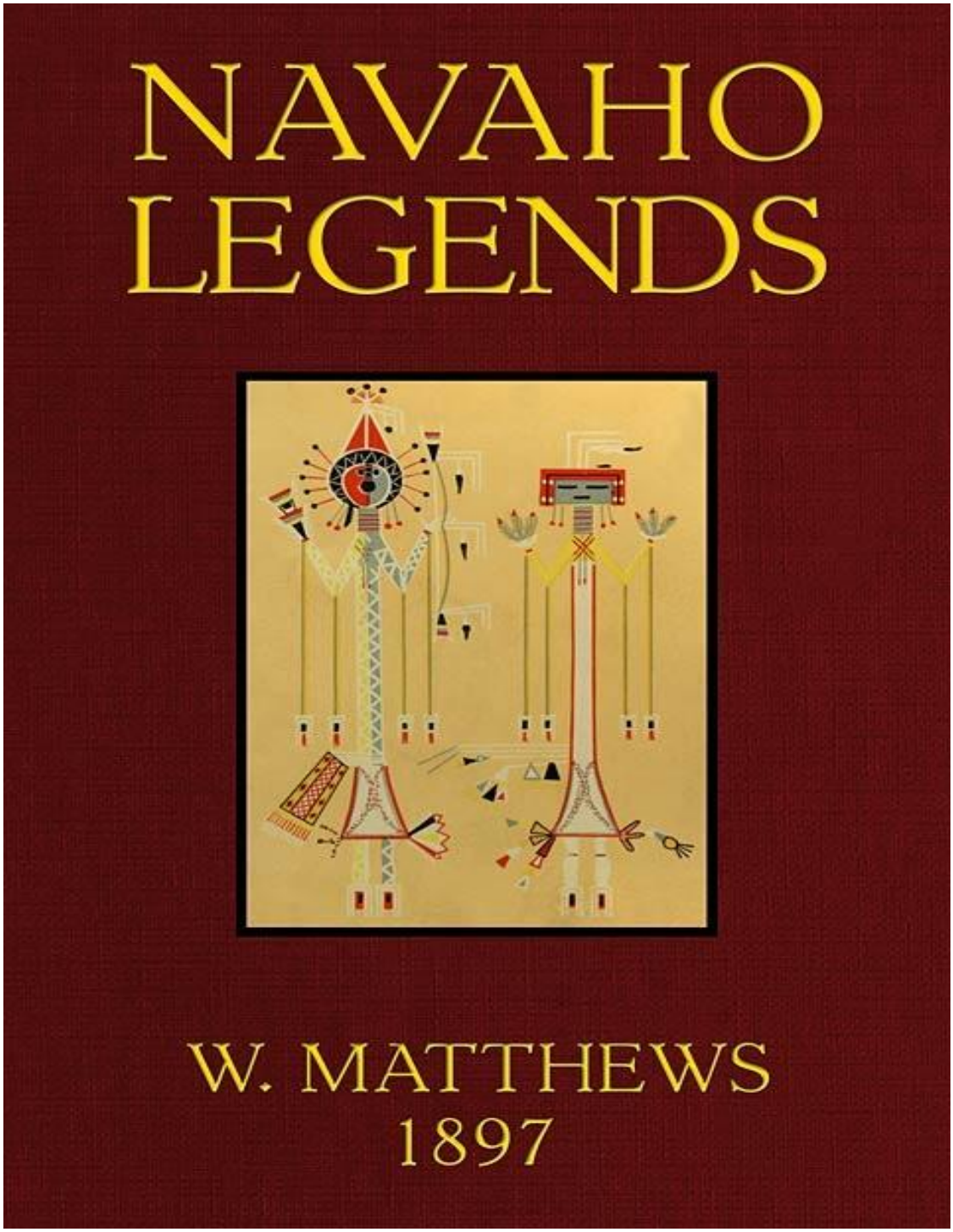
Легенды навахо

Вашингтон Мэтьюз



Содержание

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

ЛЕГЕНДЫ НАВАХО. ВВЕДЕНИЕ.

- ПРЕДИСЛОВИЕ.
- РОДИНА НАВАХО.
- НАСЕЛЕНИЕ.
- РАСОВОЕ РОДСТВО — ВНЕШНИЙ ВИД.
- ПОРТРЕТЫ.
- ЧЕРЕПЫ.
- ЯЗЫК.
- ЖИЛИЩА.
- ИСКУССТВО.
- ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.
- ПОЭЗИЯ И МУЗЫКА.
- ПЛЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.
- РЕЛИГИЯ.
- ЦЕРЕМОНИИ.
- ЛЕГЕНДЫ.
- ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ АЛФАВИТ.
- ПРАВОПИСАНИЕ НАВАХО.
- ПРИМЕЧАНИЯ.
- ШАМАНЫ.16
- ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО (ПОЭТАМ И ДРУГИМ).

ЛЕГЕНДЫ.

- ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАВАХО.

I. ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ.

II. РАННИЕ СОБЫТИЯ В ПЯТОМ МИРЕ.

III. БОГИ ВОЙНЫ.

IV. РОСТ НАЦИИ НАВАХО.

НАТИ'НЭСТАНИ.

ВЕЛИКАЯ РАКОвина КЎНТЫЭЛЯ.

ПРИМЕЧАНИЯ.

МУЗЫКА НАВАХО.

273. ПЕСНЯ ГОЛУБЯ.

ТЕКСТЫ И МЕЖСТРОЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

274. УТВЕРЖДЕНИЕ ТОРЛИНО (ЧАСТИЧНО).

275. НАЧАЛО ЛЕГЕНДЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ.

276. ПЕСНЯ ЭСТСАНАТЛЕХИ.

I.

II.

III.

IV.

277. ПЕСНЯ НАЙЕНЗГАНИ (НАЙЕНЗГАНИ БИГЕН).

I.

II.

III.

IV.

278. ПЕСНЯ НАЙЕНЗГАНИ.

I.

II.

III.

IV.

279. ПЕСНЯ НАЙЕНЕЗГАНИ.

I.

II.

III.

IV.

280. ПЕСНЯ НАЙЕНЕЗГАНИ.

I.

II.

III.

IV.

281. ПЕСНЯ О СОЛНЦЕ.

I.

II.

III.

IV.

282. ПЕСНЯ СОЛНЦА.

I.

II.

283. ЗНАЧИМЫЕ СЛОВА ПЕСЕН ЛОГА, ПЕРВЫЙ НАБОР.

284. ЗНАЧИМЫЕ СЛОВА ПЕСЕН ЛОГА, ВТОРОЙ НАБОР.

285. СЛОВА ОРЛА.

286. ПЕСНЯ ОРЛОВ — ПЕСНЯ ЧАСТИ ЧАСТИ.

I.

287. ПЕСНЯ ВОЗНЕСЕНИЯ.

I.

II.

III.

IV.

V.

VI.

288. МОЛИТВА ПЕРВЫХ ТАНЦОРОВ ИЗ ЦЕРЕМОНИИ НОЧНОГО ПЕНИЯ.

СВОБОДНЫЙ ПЕРЕВОД МОЛИТВЫ.

ЗАМЕЧАНИЯ О МОЛИТВЕ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ.

МЕЛОДИИ1

№ 1. ПЕСНЯ О ПРИБЛИЖЕНИИ БОГОВ ВОЙНЫ.

№ 2. ПЕСНЯ БОГОВ ВОЙНЫ.

№ 3. ДВЕНАДЦАТАЯ ИКАИГИН ИЛИ ПЕСНЯ ДНЯ.

№ 4. ПЕСНЯ НААХАИ, ИЛИ ТАНЕЦ ПОСЛЕДНЕЙ НОЧИ НОЧНОГО ПЕСНЕЙ.

№ 5. ПЕСНЯ НААХАИ.

№ 6. СЕДЬМАЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН.

№ 7. ДЕСЯТАЯ И ОДИННАДЦАТАЯ ПЕСНИ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН.

№ 8. ПЯТНАДЦАТАЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН.

№ 9. ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН.

№ 10. ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН.

№ 11. ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН.

УКАЗАТЕЛЬ.

ПОДПИСЧИКИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ФОНДА АМЕРИКАНСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ОБЩЕСТВА, 1896 ГОД.

Содержание

Колофон

Доступ

Метаданные

Кодировка

История изменений

Внешние ссылки

Исправления

ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ

Электронная книга проекта «Гутенберг» «Легенды народа навахо»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Легенды народа навахо

Составитель: Вашингтон Мэтьюз

Дата выпуска: 24 августа 2019 г. [электронная книга № 60165]
Последнее обновление: 22 сентября 2021 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Джероном Хеллингманом и командой онлайн-корректоров http://www.pgdp.net (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive/American Libraries.) Музыка, представленная в этой книге, была перенесена в формат MusicXML Линдой Кантони.

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ЛЕГЕНДЫ НАВАХО» ***

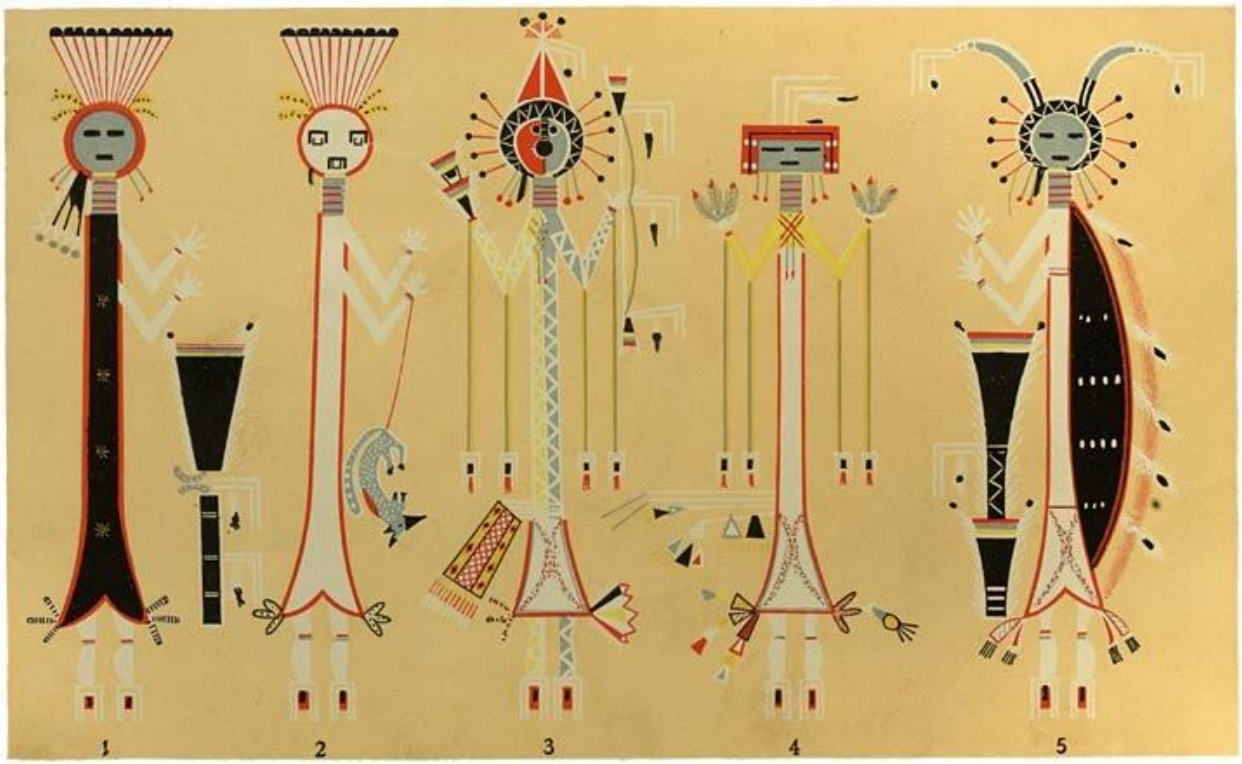


Таблица I. БОГИ НАВАХО, ИЗОБРАЖЕННЫЕ В СУХИХ РИСУНКАХ (параграф 98).

(1. Хастсегоган.[74] 2. Хастсеяльти.[73] 3. Дсахадолдза.[209] 4. Йебаад (пар. 78),[200] 5. Ганаскиди.[207])

NAVAHO LEGENDS

COLLECTED AND TRANSLATED

BY

WASHINGTON MATTHEWS
M. D., LL. D.
MAJOR U. S. ARMY, EX-PRESIDENT OF THE AMERICAN FOLK-LORE SOCIETY, ETC.

WITH INTRODUCTION, NOTES, ILLUSTRATIONS, TEXTS INTERLINEAR TRANSLATIONS, AND MELODIES

BOSTON AND NEW YORK
Published for The American Folk-Lore Society by
HOUGHTON, MIFFLIN AND COMPANY
LONDON: DAVID NUTT, 270, 271 STRAND
LEIPZIG: OTTO HARRASSOWITZ, QUERSTRASSE, 14
1897

ЛЕГЕНДЫ НАВАХО

СОБРАННЫЕ И ПЕРЕВЕДЕННЫЕ

ВАШИНГТОНОМ МЭТТЬЮСОМ

М.Д., Л.Л.Д.

МАЙОР АРМИИ США, БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ АМЕРИКАНСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ОБЩЕСТВА И Т. Д.

С ПРЕДИСЛОВИЕМ, ПРИМЕЧАНИЯМИ, ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ, ТЕКСТАМИ, МЕЖСЛОВНЫМИ ПЕРЕВОДАМИ И МЕЛОДИЯМИ

БОСТОН И НЬЮ-ЙОРК

Издано для Американского фольклорного общества

ХОУГТОН, МИФФЛИН И КОМПАНИЯ

ЛОНДОН: ДЭВИД НАТТ, 270, 271 СТРАНД

ЛЕЙПЦИГ: OTTO HARRASSOWITZ, QUERSTRASSE, 14

1897

Напечатано 500 экземпляров, из которых этот является № 199

Авторские права, 1897 г.,
АМЕРИКАНСКОЕ ФОЛЬКЛОРНОЕ ОБЩЕСТВО.

Все права защищены.

The Riverside Press, Кембридж, Массачусетс, США.
Электротипия и печать: H. O. Houghton and Company.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТРАНИЦА

Введение 1

ЛЕГЕНДЫ .

Легенда о происхождении народа навахо.

I. История появления 63

II. Ранние события в Пятом мире 76

III. Боги войны 104

IV. Рост нации навахо 135

Натинестани 160

Великая раковина Кинтиэля 195

Примечания 209

Библиография 276

Мелодии 279

Указатель 291

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

ИСТРАНИЦА СТРАНИЦА

I. Боги навахо, изображенные в сухих росписях *Фронтиспис*

II. Гора Сан-Франциско, Аризона 63

III. Вид на гору Сан-Матео, Нью-Мексико 76

IV. Найенэзгани 104

V. Эль-Кабезон 114

VI. Лавовый поток в долине Сан-Хосе, Нью-Мексико 118

VII. Тобадзистсини 134

РИСУНОК

1. Мануэлито (портрет) 3

2. Мариано (портрет) 4

3. Джейк-ювелир (портрет) 5

4. Танапа (портрет) 6

5. Хадапа (портрет) 7

6. Мужчина из племени навахо (портрет) 9

7. Мужчина из племени навахо (портрет) 10

8. Череп навахо, сплющенный в затылочной части 11

9. Навахо-колыбель или люлька 12

10. Коническая хижина с дверью для защиты от непогоды 13

11. Хижина из бревен 14

12. Хижина, частично построенная из камня 15

13. Летние домики 16

14. Лечебница 16

15. Потовая хижина 17

16. Священная корзина 18

17. Священная корзина 19

18. Серебряные украшения 20

19. Женщина прядет 21

20. Обычный ткацкий станок 23

21. Ткацкий станок для ткачества диагональной ткани 25

22. Белый дом 36

23. Говорящий кетон 39

24. Круг кетон 40

25. Кетауны (жертвенные палочки и сигареты) в корзине 43

26. Маска из юкки 46

27. Маска Хастсеяльти 47

28. Маска Йебаад или богини 48

29. Изображение Сильнеоле, сухая роспись ночного песнопения 49

30. Алили или представление («танец») нахикаи 52

31. Хатали Натлои (портрет) 57

32. Шаман Хатали Нез (Высокий Певец) (портрет) 59

33. Тропа Эстанатлехи (схема) 148

34. След индейки, приближающейся к своему хозяину (схема) 171

35. След человека и индейки (схема) 173

36. Руины в каньоне Чако, вероятно, Кинтиэль 195

37. Круг из ветвей для ритуала горного песнопения 206

38. Природный мост, недалеко от Форт-Дефайанс, Аризона 227

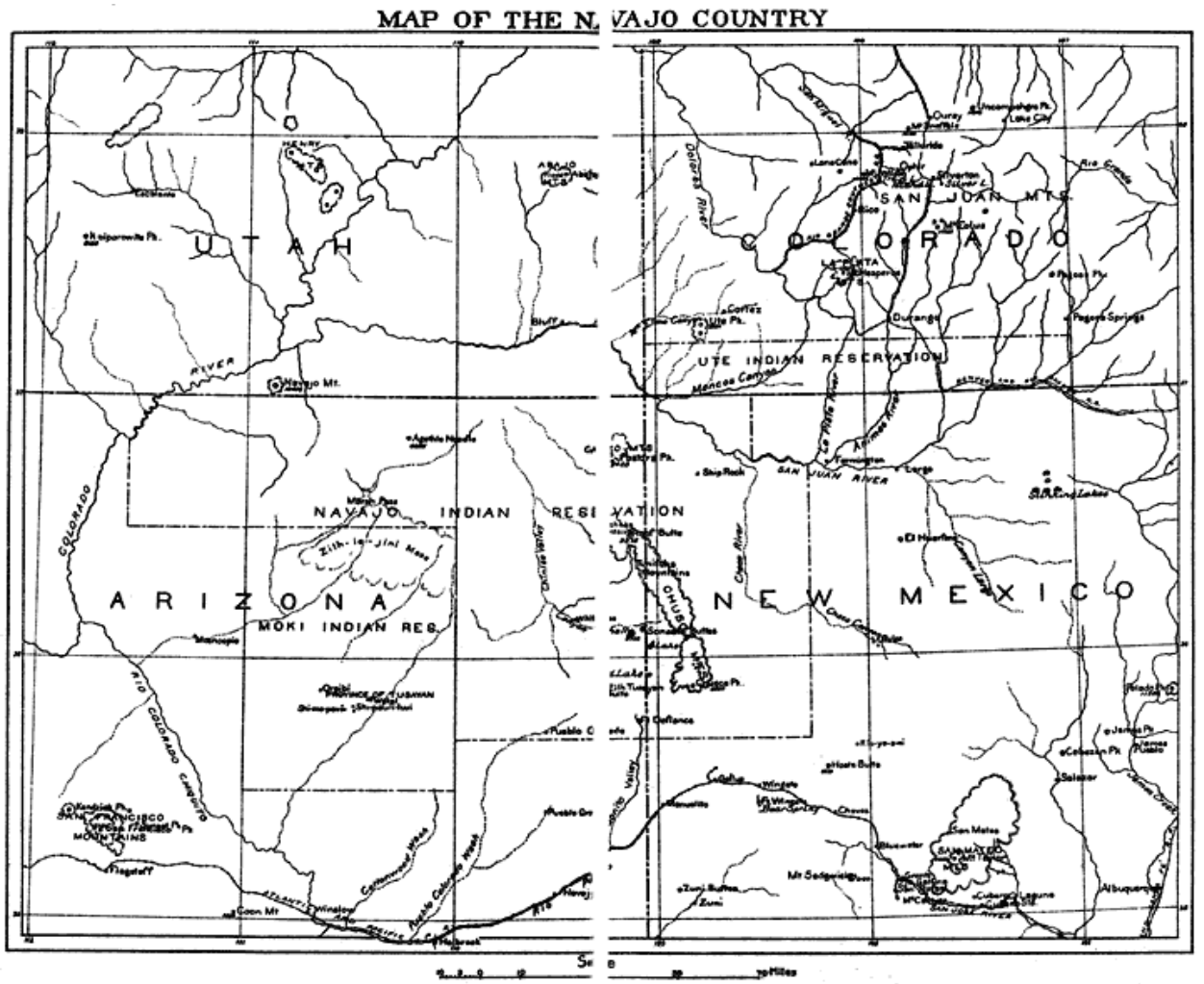
39. Юкка бакката 228

40. Барабанная палочка из листьев юкки 229

41. Схема символа лука на левой ноге исполнителя роли Найенэзгани 253

42. Схема символа «очередь» на левой ноге исполнителя роли Тобадзицини 253

Карта страны навахо 1



КАРТА СТРАНЫ НАВАХО

ЛЕГЕНДЫ НАВАХО.

ВВЕДЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

1. Легенды, содержащиеся в этой книге, принадлежат индейцам навахо1, племени, проживающему в юго-западной части Соединенных Штатов, в основном на территории Нью-Мексико и Аризоны, но частично и в штатах Колорадо и Юта. Для них выделена специальная резервация площадью более 12 000 квадратных миль, но за пределами этой резервации в разных направлениях можно найти отдельные семьи и небольшие группы, которые временно или постоянно проживают в местах, где есть родники, ручьи, водоемы или искусственные водохранилища. Некоторые из них приобрели фермы или иным образом получили законное право на земли за пределами резервации, другие же являются просто самовольными поселенцами. Краткое описание этих индейцев — их искусства, религии, обрядов и т. д. — включено в это введение в надежде, что, если читатель будет иметь некоторое представление о навахо, прежде чем приступить к чтению рассказов, он сможет лучше понять последние. Но гораздо больше информации, представляющей интерес для этнографа, можно найти в примечаниях. Некоторые пункты введений не могли быть включены в примечания, так как в рассказах не было ничего, что бы на них указывало. Другие пункты, возможно, также могли бы быть перенесены в примечания; решение о том, чтобы поместить их во введение, часто было произвольным.

2. *Название книги.* При выборе названия для этой книги было выбрано слово «Легенды», а не «Мифы», поскольку содержащиеся в ней рассказы, хотя и в основном мифические, не являются таковыми полностью. В «Легенде о происхождении» последняя глава «Рост нации навахо» частично является традиционной или исторической, и многие даты в ней даже приблизительно верны, как показал Фредерик Уэбб Ходж в своей статье «Ранние навахо и апачи»301.

РОДИНА НАВАХО.

3. Земля, которую занимают навахо, засушлива, хотя и не является абсолютной пустыней. Количество осадков на высоте 7000 футов в среднем составляет всего 14,10 дюймов в год (на более низких высотах оно меньше, на более высоких — больше), и обычно ограничивается двумя короткими влажными сезонами, разделенными месяцами абсолютной засухи, которая, за исключением особо благоприятных местностей, уничтожила бы любые наши обычные полевые культуры. Но есть небольшие участки, расположенные далеко друг от друга, где можно практиковать орошение, и есть другие места, казалось бы, пустыни, которые ни один белый человек не подумал бы возделывать, но где индейцы выращивают скудные урожаи кукурузы, тыквы и дыни.

4. *Почва.* Тот, кто стоит на краю мезы в индейском пуэбло Уолпи в Аризоне, может разгадать одну из тайн индейского земледелия в засушливом регионе и понять, почему древние руины можно найти в самых безлюдных местах. В шестистах футах ниже него простирается песчаная равнина, которая в большинстве сезонов года кажется почти абсолютной пустыней, но летом она зеленеет рядами карликовой кукурузы. Здесь выпадает мало осадков и нет орошения, но кукуруза растет и дает урожай, который, по крайней мере, окупает труд индейцев. По равнине проходит овраг, который в определенные сезоны отводит воду с высокого плато за ней. Вода не стекает полностью, а частично оседает под песчаной поверхностью и поддерживает влажность подпочвы в течение всего года. Глубоко засаживая семена, индейские фермеры достигают этого влажного подпочвенного слоя и помещают семена туда, где длительная засуха не может их уничтожить. На склоне мезы процветают персиковые деревья, питаемые скрытой влагой, которая просачивается между скалистыми слоями на краю мезы. Места, похожие на описанные, встречаются на земле навахо и также используются навахо для ферм и персиковых садов. Мифы часто содержат упоминания о таких фермах или садах.

5. Недавно белые люди создали несколько полей на высокогорных лугах гор Зуни на высоте более 8000 футов, где без орошения выращивают картофель, овес, ячмень и овощи, но навахо никогда не пробовали заниматься сельским хозяйством на таких высотах и ничего не знали о выращивании вышеупомянутых культур. Помимо своих коренных культур, они в течение долгого времени выращивали небольшое количество пшеницы. Картофель растет в диком виде на территории навахо.

6. *Шахты.* К счастью для навахо, на их резервации пока не обнаружено никаких месторождений драгоценных металлов, хотя в течение многих лет время от времени ходили слухи о таких находках, и на их территорию часто вторгались нежелательные золотоискатели. В течение многих лет до 1892 года главная привлекательность заключалась в горах Карризо.[2] Легенда о шахте под названием «Потерянный Адам» и о шахтерах, убитых в этих горах, долгое время циркулировала в шахтерских лагерях Колорадо. Конфликты между нарушителями и индейцами стали настолько частыми и угрожающими в этом регионе , что генерал Маккук, тогдашний командующий Департаментом Аризоны, в который входила резервация навахо, решил организовать экспедицию и, по возможности, решить вопрос о существовании ценных рудников в горах Карризо. Была назначена комиссия, состоящая из генерала А. Макдука Маккука, бывшего губернатора Вермонта Джона Л. Барстоу и профессора Дж. Г. Эллина из Нью-Мексико. В мае 1892 года комиссия вошла в горы с конной охраной и пригласила старателей, которые ранее посещали этот регион, прийти и показать, где залегают полезные ископаемые. Они прибыли, и тогда выяснилось, что они разметили различные участки и дали им удачные названия, как это умеют делать западные

шахтеры, — «Лаки Билл», «Богги Сногги» и т. д. Образцы руды были собраны из всех мест, где они были обнаружены, и переданы на тщательную экспертизу, но все они оказались бесполезными. Некоторое количество мелкого золота было найдено в песках реки Сан-Хуан[53], на территории резервации навахо, но его добыча не оказалась рентабельной.

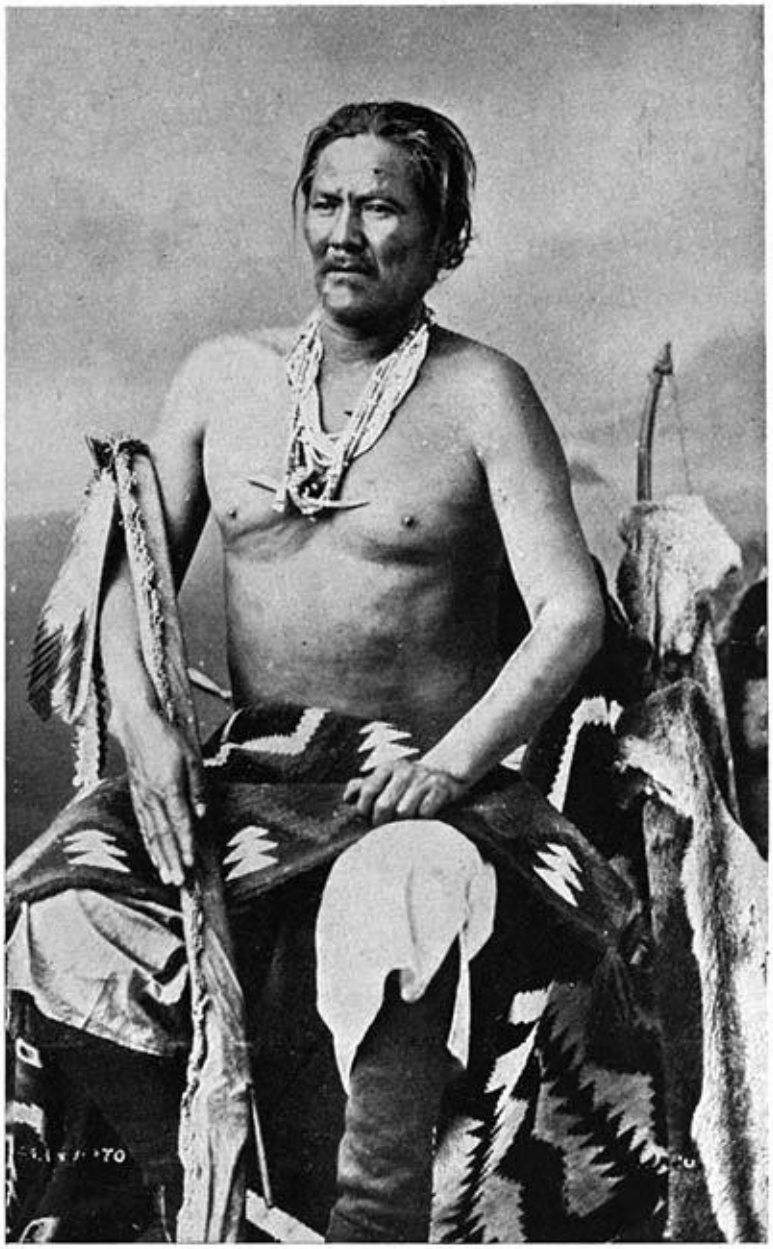


Рис. 1. Мануэлито.

7. *Поверхность — леса.* Поверхность территории, на которой рассеяны навахо, варьируется по высоте от 4000 футов или менее в долине Колорадо до более 11 000 футов на высоких вершинах Циснадзини,[52] Сан-Матео,[54] Сан-Франциско,[56] и хребта Сан-Хуан,58 которые традиционно граничат с их землями. В центральной и более густонаселенной части самая высокая возвышенность находится в горах Туинча, 9575 футов. Средняя высота составляет около 6000 футов ( ). Страна состоит в основном из больших равнин и плато или мес. В то время как на более низких уровнях,

за исключением низин постоянно текущих рек, нет деревьев, месы на высоте от 6000 до 7000 футов хорошо покрыты низкими лесами из пиньона (*Pinus edulis*), красного кедра ( ) и можжевельника (*Juniperus occidentalis*). На высоте 7000 футов редко встречается белая сосна (*Pinus ponderosa*), но на высоте 8000 футов и выше она растет в изобилии и достигает значительных размеров. Ель (*Pseudotsuga taxifolia*) встречается в тенистых долинах и на северных склонах холмов выше 7000 футов, но не составляет значительной части леса. Она является важным элементом в некоторых ритуалах. Тополь (*Populus monolifera* и *P. wislizenii*), осина (*Populus tremuloides*), дуб (*Quercus gambellii*), можжевельник дубовый (*Juniperus pachyphlœa*) и другие деревья растут менее обильно.

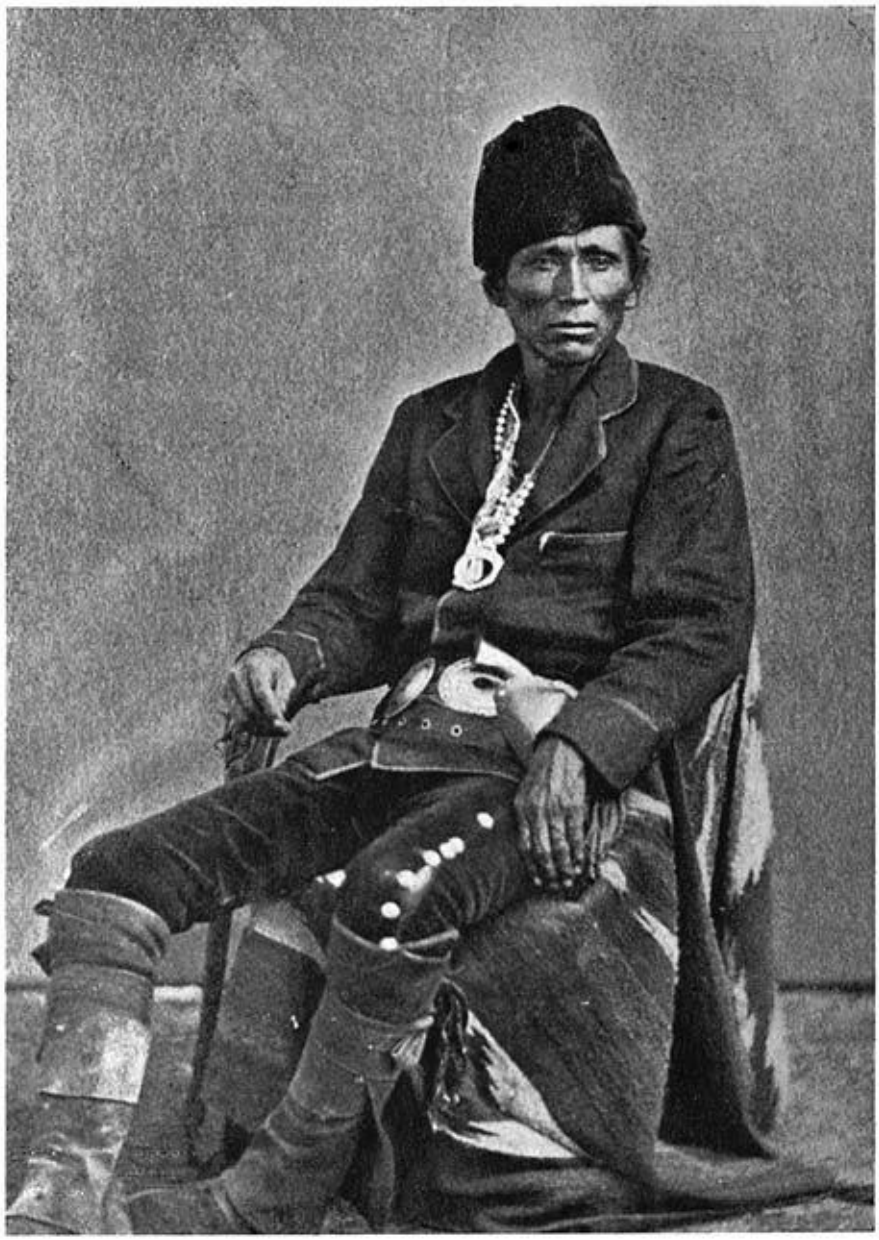


Рис. 2. Мариано.

8. *Пастбища — стада и стада.* Хотя индейцы навахо возделывают землю, из вышесказанного очевидно, что они не делают этого в больших масштабах. Их урожай обеспечивает лишь небольшую часть их пропитания. Но их бесплодная земля довольно хорошо подходит для разведения овец и коз породы « ». Они составляют их основной источник питания, а первые — главный источник богатства. На деньги, полученные за шерсть, они покупают муку и другие продукты у белых торговцев, а также различные предметы роскоши и быта. Они владеют множеством пони и много ездят верхом. Они разводят небольшое количество крупного рогатого скота.

9. Поскольку одомашненные овцы и козы были неизвестны в Америке до открытия Колумбом и были неизвестны в Нью-Мексико до экспедиции Коронадо в 1540 году, из этого следует, что навахо не были пастухами на протяжении многих веков. Из их легенд следует, что не так давно они стали процветающим и богатым народом (и таковыми они являются сейчас, для дикарей); что в старину они были даже плохими охотниками; и что они в основном питались семенами диких растений и мелкими животными, которых ловили в ловушки. Легенды также рассказывают нам, как скудно они были одеты и оснащены. (См. параграфы 382, 384, 391.)

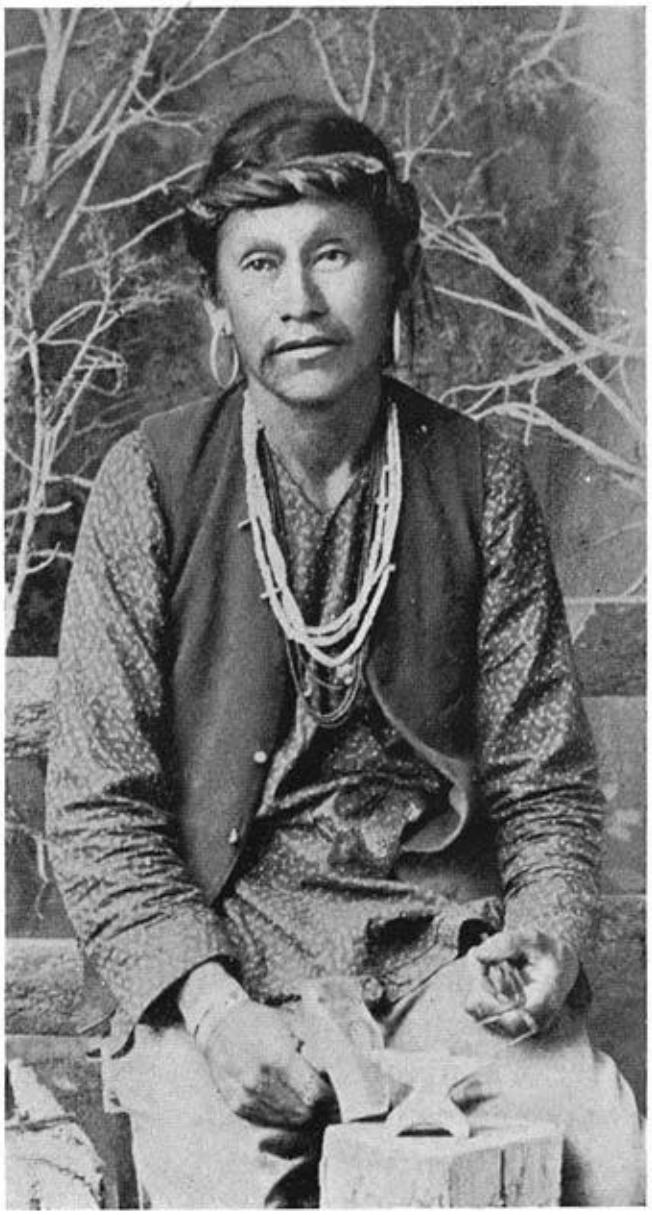


Рис. 3. Джейк, серебряный дел мастер.

НАСЕЛЕНИЕ.

10. Точной переписи племени никогда не проводилось, и сейчас это было бы нелегкой задачей, поскольку навахо рассеяны по очень обширной и дикой местности. Их низкие хижины, построенные в запутанных кедровых лесах или в районах с разбросанными скалами, часто настолько хорошо спрятаны, что можно проехать мимо группы из дюжины обитаемых домов, думая, что в радиусе десяти миль нет ни одного индейца. Когда навахо были удерживаны в плену в форте Самнер, Нью-Мексико, с 1863 по 1867 год, они в основном зависели от продовольствия, поставляемого Соединенными Штатами, и тогда этих пленников, по крайней мере, можно было точно сосчитать. В 1867 году в плену находилось 7300 человек.[298] Из-за дезертирства, с одной стороны, и дополнительных капитуляций, с другой, их число время от времени менялось.

Рис. 4. Танапа.

11. Но хотя большинство членов племени были военнопленными, хорошо известно, что не все были захвачены во время вторжения генерала Карсона в 1863 году, а многие по-прежнему бродили на свободе, пока их братья были в плену. Поэтому подсчет пленных не отражает численность племени.

Рис. 5. Хадапа (по фотографии Дж. К. Хиллерса).

12. Возможно, самой точной переписью населения была перепись 1869 года. «В ноябре 1869 года была проведена перепись племени с целью распределения между ними 30 000 голов овец и 2000 коз. За несколько месяцев до этого было дано соответствующее уведомление, и племя явилось на перепись. Все индейцы были помещены в большой загон и пересчитаны по мере входа. Несколько пастухов, которые держали небольшие стада, которые они тогда собрали на окружающих холмах, не были в загоне. Результаты подсчета показали, что всего было менее 9000 навахо, с учетом всех, кто не пришел. В то время все способствовало полному подсчету: каждые четыре дня им выдавали продовольствие; у них было мало скота, и, помимо выдачи овец и коз, им также должны были выплатить двухлетнюю пенсию. Сезон года « » был благоприятным, погода хорошая, и все они с нетерпением ждали овец, коз и пенсий».[268]

13. В 1890 году был проведен подсчет этих индейцев в рамках одиннадцатой переписи населения Соединенных Штатов.[297] Перед началом подсчета один из переписчиков сообщил автору, что

планировалось действовать следующим образом: территория навахо должна была быть разделена на несколько районов, и в каждый район одновременно должен был быть направлен специальный переписчик, который должен был посетить каждую хижину и подсчитать количество членов каждой семьи. Был ли этот метод реализован, из отчета о одиннадцатой переписи не ясно. Но этот план, хотя и был, вероятно, лучшим из тех, что можно было использовать в то время с выделенными средствами, был очень несовершенным и допускал многочисленные источники ошибок, из которых можно выделить два. Многие хижины могли легко остаться незамеченными по уже указанным причинам, что привело бы к занижению результатов переписи. Многие семьи могли быть легко учтены более чем в одном районе, поскольку навахо часто меняют место жительства, и это привело бы к завышению результатов переписи. В результате этой переписи численность племени в том году составила 17 204 человека. Белые люди, жившие в то время на территории навахо, в целом считали эту оценку завышенной. Если подсчет 1869 года примерно верный, то подсчет 1890 года, вероятно, нет. Неразумно предполагать, что только за счет естественного прироста — а других источников прироста не известно — племя могло почти удвоиться за двадцать один год. Чтобы удвоить население за это время, потребовались бы гораздо более высокие показатели рождаемости и гораздо более низкие показатели смертности, чем те, которые обычно наблюдаются в индейских племенах. Индейские матери не отличаются плодовитостью.

14. Навахо говорят, что во время плена они часто болели и их число уменьшилось, но в официальных отчетах не найдено ничего, что подтверждало бы такие заявления. Все, кто хорошо знает навахо, сходятся во мнении, что их число быстро увеличилось с тех пор, как они вернулись в свои прежние дома в 1869 году. За почти пятнадцать лет, в течение которых автор имел возможность наблюдать за ними, он не заметил среди них явных признаков физической деградации. Их общее состояние здоровья и сопротивляемость болезням в 1894 году казались такими же хорошими, как и в 1880 году. Туберкулез и золотуха, самые страшные враги индейцев, проживающих в резервациях, пока не стали беспокоить навахо. Переход от грубых хижин к тесным каменным домам, который быстро происходит среди этого народа, вероятно, повлияет на их здоровье в будущем, и, скорее всего, не в лучшую сторону. К счастью для них, они не любят печи, предпочитая открытые камины, которые используют пуэбло и мексиканцы. В 1888 году, когда автор отсутствовал в Нью-Мексико, среди них разразилась эпидемия заболевания горла, точный характер которого не был установлен ( ). Говорят, что той зимой умерло около 800 человек. Зимой 1894–95 годов они страдали от нехватки продовольствия, что было для них необычным явлением, и правительство было вынуждено оказать им помощь. В результате смертность возросла, и, несомненно, она была бы гораздо выше, если бы не оперативные действия их агента, майора Константа Уильямса, США, по обеспечению их продовольствием.

Рис. 6. Мужчина из племени навахо (с фотографии Дж. К. Хиллерса).

РАСОВАЯ РОДСТВЕННОСТЬ — ВНЕШНИЙ ВИД.

15. Этнологи обычно считают навахо, как по крови, так и по языку, представителями племени дене или атапаскан, и, вероятно, в основном это так. Но их легенда о происхождении представляет их как очень смешанную расу, содержащую элементы зуньянского и других племен пуэбло, шошонов и юманов, и внешний вид этого народа, кажется, подтверждает эту легенду. Не существует такого понятия, как общий или преобладающий тип навахо. Люди очень разнятся по чертам лица и росту. Среди них можно увидеть всевозможные индейские типы лиц и фигур: высоких мужчин с орлиными носами и выразительными чертами, как у кроу и дакота; карликов с невыразительными чертами, как у пуэбло из Нью-Мексико и Аризоны, и все промежуточные варианты.

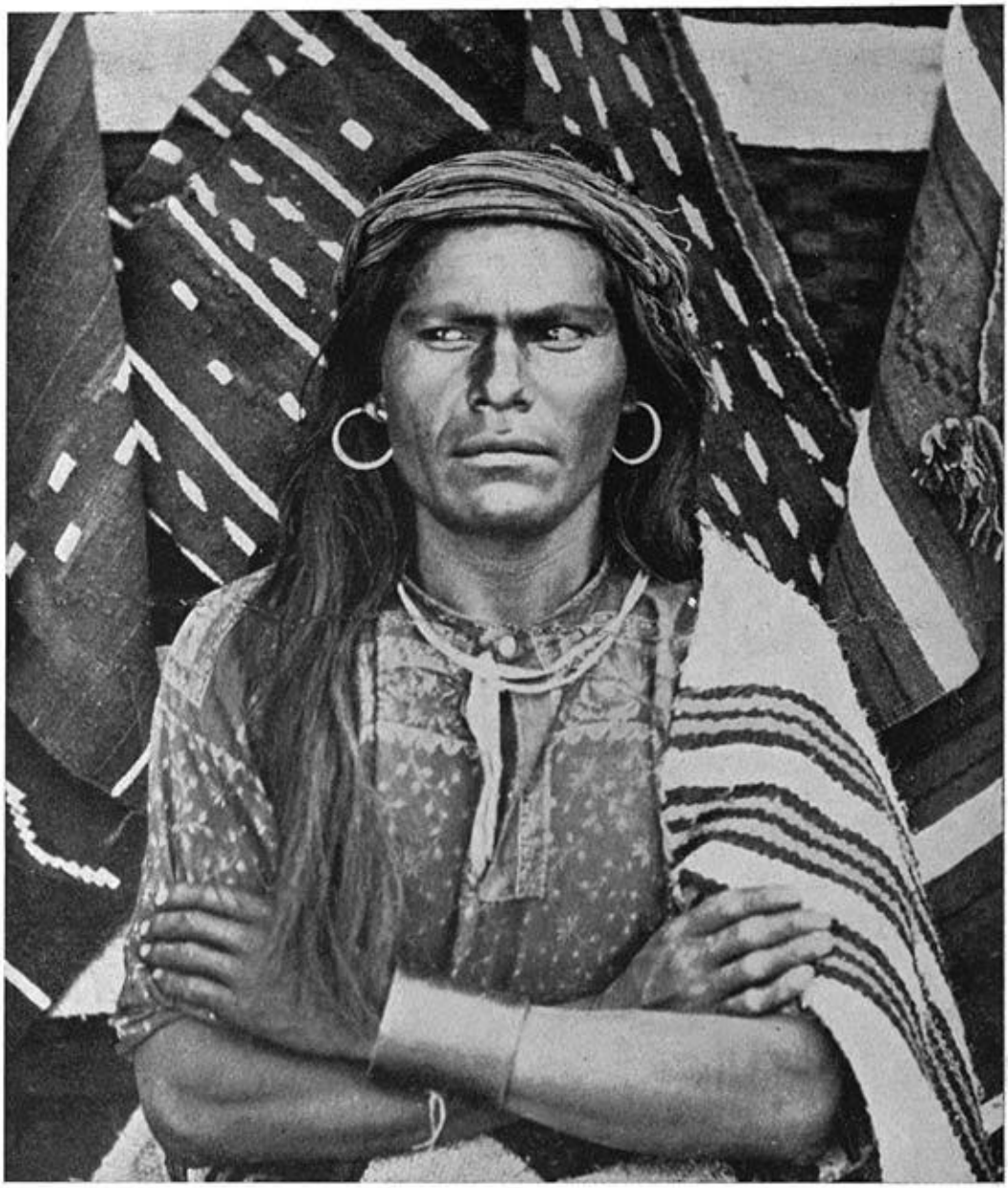


Рис. 7. Мужчина-навахо (с фотографии Хиллерса).

16. Лица навахо, как правило, умные и выразительные; некоторые суровые и сердитые, некоторые приятные и улыбчивые, другие спокойные и задумчивые; но редко можно увидеть тупых и глупых. Эти характеристики можно заметить как среди женщин, так и среди мужчин. Социальное положение женщин навахо отличается большой независимостью; большая часть богатства нации принадлежит им; они управляют своим имуществом, являются владелицами своих детей, и их свобода придает характер их физиономикам.

ПОРТРЕТЫ.

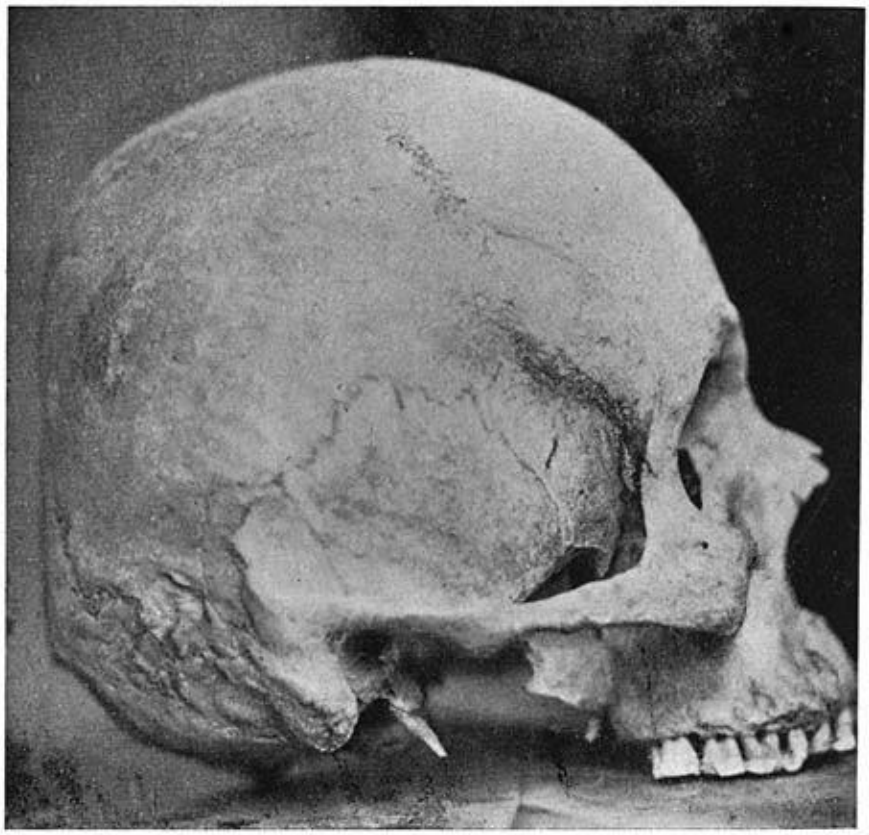


Рис. 8. Череп навахо, уплощенный в затылочной части. Гипербрахицефальный. Коэффициент длины и ширины — 96,93.

17. На рис. 1 изображен Мануэлито, который на протяжении многих лет был самым влиятельным вождем среди навахо. В последние годы он утратил большую часть своего влияния из-за своих неблаговидных привычек, хотя до самой своей смерти в 1893 году считался мудрым советником. Когда он умер, один старый индеец, сообщая об этом автору, сказал: «Теперь мы — народ без глаз, без ушей, без разума». На рис. 2 изображен другой влиятельный вождь по имени Мариано, который также пристрастился к выпивке в старости и умер в 1893 году. На рис. 3 изображен очень умный и заслуживающий доверия индеец, серебряник, известный среди белых как Джейк, но называемый навахо Налцос Нигехани, или «Почтальон», потому что в молодости он работал почтальоном между фортами Уингейт и Дефайанс. Именно он передал автору версию B306 легенды о происхождении. Он практиковал короткие медицинские обряды, был мастером пения священных песен и часто вел пение на великих обрядах. Его серебряные изделия « » пользовались большим спросом, и он усердно трудился в своем ремесле. В 1894 году он сопровождал цирк по восточным штатам, а его мастерская была дополнительной достопримечательностью; но путешествие оказалось для него слишком тяжелым — он умер от сердечной болезни по возвращении в Нью-Мексико. Рис. 4 — портрет женщины из племени навахо по имени Танапа, которая распустила косу, готовясь к съемке. Рис. 5 — женщина по имени Хадапа, чье улыбающееся лицо контрастирует с суровым выражением лица Танапы ( ). Рис. 6 и 7 — мужчины

из племени навахо, чьи имена не зафиксированы. Выражения их лиц резко контрастируют друг с другом.

ЧЕРЕПЫ.

18. Как правило, черепа навахо являются брахицефальными, и очень немногие из них являются долихоцефальными. Укорочение, по-видимому, обусловлено уплощением в затылочной области (рис. 8). Автор считает, что это вызвано использованием детского ящика с жесткой, негибкой деревянной спинкой (рис. 9), в котором женщины навахо носят своих младенцев. Это уплощение затылочной кости навахо было предметом некоторых споров. Действительно, люлька имеет небольшую мягкую подкладку, но она состоит из коры кустарника *Cowania mexicana*, называемого навахо awétsal, или детская кроватка, которая образует довольно жесткую подушку. Правда, когда ребенка носят на спине матери, его голова часто свисает вперед и не соприкасается с задней частью люльки или подушкой, но большую часть времени ребенок лежит на спине, и его нежная затылочная часть подвергается деформирующему давлению.

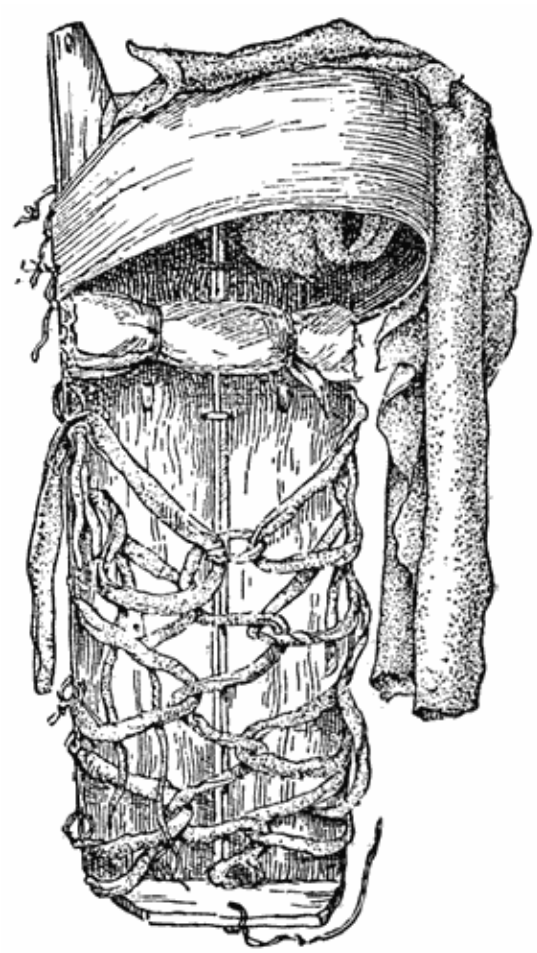


Рис. 9. Навахо-люлька или колыбель (по Мейсону).

ЯЗЫК.

19. Язык навахо, несомненно, в основном принадлежит к семье атапасков. Хьюберт Хоу Бэнкрофт в своей книге «Коренные народы тихоокеанских штатов» (т. III, стр. 583),[292] сообщает нам, что атапаски или «тинне» — это «народ, по распространенности сравнимый только с арийскими или семитскими народами Старого Света ( ). Диалекты языка тинне ни в коем случае не ограничиваются пределами гиперборейского подразделения. Простираясь от северной части Аляски до Соноры и Чиуауа, мы имеем здесь лингвистическую линию длиной более четырех тысяч миль, проходящую по диагонали через сорок две градуса широты, как огромное дерево, ствол которого — горный хребет Скалистых гор, корни которого охватывают пустыни Аризоны и Нью-Мексико, а ветви касаются границ Гудзонова залива, Северного Ледовитого и Тихого океанов». Но легенда о происхождении гласит, что это смешанный язык (параграф 395), и вполне разумно предположить, что такая смешанная раса не может обладать очень чистым языком. Различные присоединения к племени из других племен, вероятно, добавили много слов иностранного происхождения. Что это за добавления, сейчас неизвестно и не будет известно до тех пор, пока все языки юго-запада не будут тщательно изучены.

Рис. 10. Коническая хижина с дверью для защиты от непогоды (по фотографии Джеймса Муни).

ЖИЛИЩА.

20. Жилища навахо обычно очень простые. Наиболее распространенная форма состоит из конического каркаса, сделанного из нескольких палок, установленных под углом около сорока пяти градусов. С одной стороны конуса оставляется отверстие, которое служит дверным проемом ( ). Каркас покрыт сорняками, корой или травой и землей, за исключением вершины, где дым от костра в центре пола может выходить наружу. В дверном проеме вместо двери висит старое одеяло, как занавеска. Но дверной проем не является простым отверстием, как можно было бы предположить по многим описаниям. Поперечина, образующая перемычку, соединяет косяки на удобной высоте, а треугольное пространство между перемычкой и дымоходом заполнено, как показано на рис. 10. Иллюстрация в обширном труде Скулкрафта327 (том III, табл. 17) предназначена для изображения жилища навахо, но, по-видимому, была нарисована капитаном Истманом на основе неполного описания. На этой картинке дверной проем показан как удлиненный и соединенный с дымоходом.

21. Некоторые хижины строятся из бревен в форме многоугольника, как показано на рис. 11. Иногда они частично строятся из камня, как показано на рис. 12. В холодную погоду перед дверью часто устанавливают небольшую штормовую дверь или портик (рис. 10), а для более эффективной защиты от ветра могут вешаться внешняя и внутренняя занавески.

Рис. 11. Хижина из бревен.

22. *Убежища.* Рядом с хижиной навахо обычно строят примитивное убежище из веток. Здесь, в хорошую погоду, семья часто готовит еду и проводит большую часть дня. Здесь же женщины устанавливают свои ткацкие станки и ткут или выставляют свои мельницы и перемалывают кукурузу, а некоторые даже предпочитают спать здесь. Такой «загон» показан на рис. 12.

Рис. 12. Хижина, частично построенная из камня.

23. *Летние дома.* Летом они часто занимают постройки, более простые, чем даже хижина, описанная выше. На рис. 13 изображены два летних дома в горах Зуни. Постройка такого рода возводится за несколько часов. Пара раздвоенных палок втыкается в землю вертикально; наклонные шесты укладываются к ним в направлении преобладающих ветров, образуя ветрозащиту, наполовину стену, наполовину крышу, которая покрывается травой, сорняками и землей. Концы могут быть аналогичным образом enclosed , или могут быть просто покрыты вечнозелеными ветвями. Одна сторона дома полностью открыта. На рис. 13 показан ткацкий станок, установленный для работы в одном из этих примитивных сооружений, первобытный вид которого несколько испорчен куском старого полотна, лежащим сверху.

24. *Лечебные хижины*. Лечебные хижины, когда они возводятся в регионах, где можно рубить длинные шесты, обычно строятся в форме обычных хоганов (хижин), хотя и гораздо большего размера (рис. 14). Когда эти большие хижины строятся на низких высотах, где растут только низкорослые деревья, они возводятся на грубом каркасе с отдельными стенами и крышей, в некоторой степени по тому же плану, что и хижины, ранее использовавшиеся арикари, манданами и другими племенами на Миссури, и кажущиеся связующим звеном между хижинами навахо и земляными хижинами манданов.[184]

Рис. 13. Летние дома.

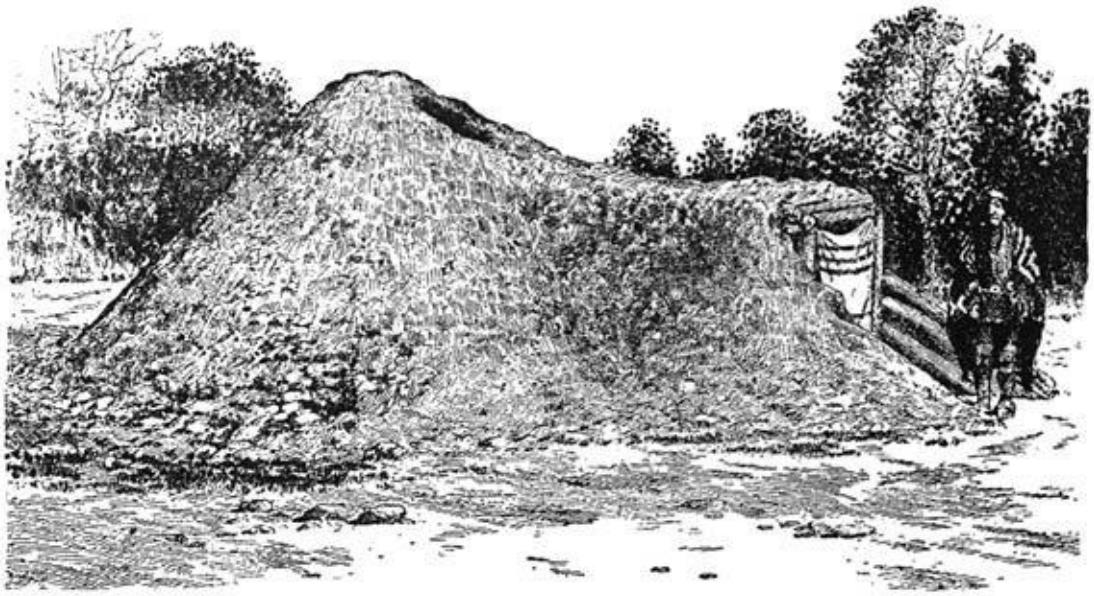


Рис. 14. Лечебная хижина.

25. *Потовые хижины*. Потовая хижина или саудаторий — это уменьшенная форма обычной хижины или хижины, описанной в п. 20, за исключением того, что в ней нет дымохода (поскольку в ней никогда не разжигают огонь) и нет защитной двери. Иногда она частично зарыта в землю и

всегда плотно покрыта землей . Камни нагреваются в огне снаружи и переносятся в потную хижину с помощью импровизированных щипцов из палок. Рис. 15 плохо представляет одно из этих сооружений. При церемониальном использовании каркас строится из разных материалов для разных церемоний, и хижина иногда украшается сухими росписями.[82]

Рис. 15. Потовая баня.

26. *Современные дома.* За последние десять лет некоторые из более прогрессивных навахо построили себе прямоугольные каменные дома с плоскими крышами, застекленными окнами, деревянными дверями и обычными дымоходами, подобные тем, что строят их соседи, мексиканцы и индейцы пуэбло. На протяжении веков они видели примеры таких домов, а они — народ подражательный и покорный. Причина, по которой они не скопировали их раньше, вероятно, заключается в суевериях. Они верят, что дом, в котором умирает человек, становится проклятым или в нем обитают призраки.[91] Они покидают его, никогда больше не входят в него и обычно разрушают. Из-за такого суеверия они не решаются строить постоянные жилища. Возможно, в последние годы суеверие ослабевает, или они нашли какой-то мистический способ отвратить предполагаемое зло.

ИСКУССТВО.

27. Искусства навахо не многочисленны. Они изготавливают очень грубую и нехудожественную керамику, значительно уступающую керамике соседних племен пуэбло, и производят ее в небольших количествах. Их луки и стрелы не сравнятся с луками и стрелами северных индейцев, и, поскольку у них есть деньги и возможность приобрести современное огнестрельное оружие, луки и стрелы выходят из употребления. Они не считают себя опытными мастерами по обработке оленьей кожи и покупают лучшую оленью кожу у других племен. Женщины очень мало занимаются вышивкой, как бисером, так и иголками дикобраза, и то немногое, что они делают, выполнено неискусно. Легенды свидетельствуют, что в прежние времена они крали или покупали вышивки у племени ютов.

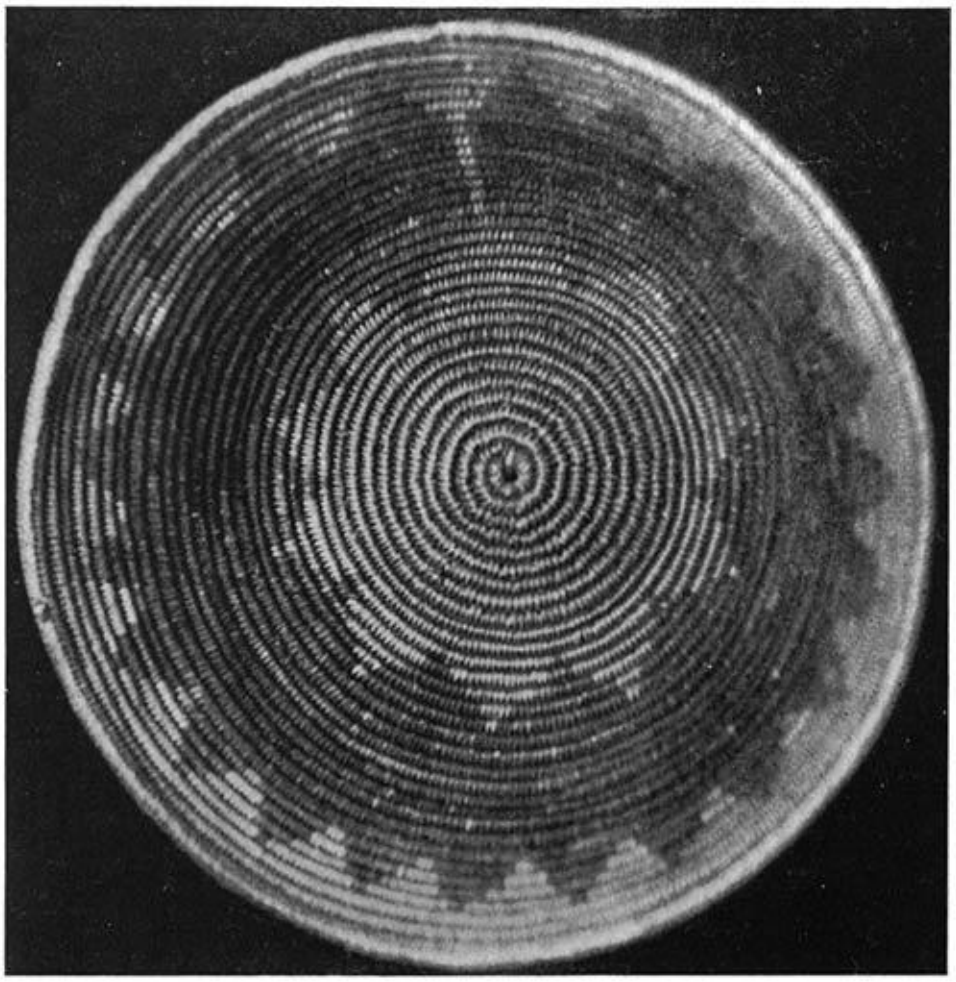


Рис. 16. Священная корзина.

28. *Плетение* корзин. — Они делают отличные корзины, но их очень мало, и ассортимент форм и узоров очень ограничен. Развивая изготовление одеял до высшей степени индейского искусства, женщины этого племени пренебрегли другими видами труда. Гораздо более грубые, но родственные апачи, которые ничего не знают о ткачестве шерстяных тканей, делают больше

корзин, чем навахо, и делают их в гораздо большем разнообразии форм, цветов и качества. Навахо покупают большую часть своих корзин и плетеных кувшинов для воды у других племен. Они, возможно, полностью утратили бы искусство плетения корзин, если бы не нуждались в определенных видах корзин для использования в ритуалах, а только женщины племени понимают особые требования ритуалов. На рис. 16 и 17 показаны узоры корзин, которые изготавливаются почти исключительно для использования в церемониях и называются автором священными корзинами. Более подробное описание этих корзин приводится в примечании.[5]

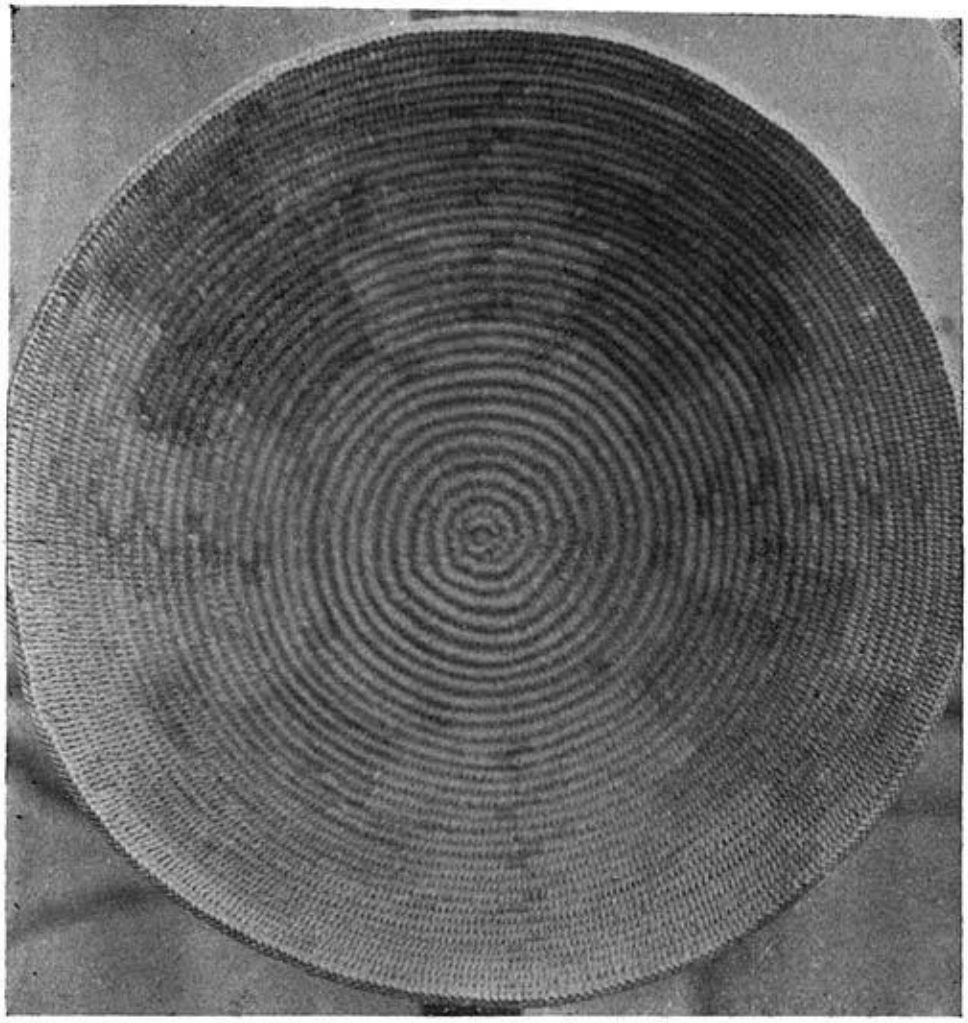


Рис. 17. Священная корзина.

29. *Серебряное дело*. В племени есть несколько серебряных дел мастеров, чьи работы, учитывая примитивность их инструментов и технологий, очень художественны. Они очень популярны среди белых людей, которые восхищаются их грубой красотой. Вероятно, искусство кузнечного дела существует среди навахо не так давно. В трактате под названием «Ювелиры навахо»[307] автор описал это искусство в том виде, в каком оно существовало в 1881 году, но с тех пор работа улучшилась благодаря внедрению более совершенных инструментов. Раньше кузнец строил свою кузницу на земле и работал сидя на корточках, а теперь он строит ее на возвышенной раме (рис. 10) и сидит на табурете или стуле. На рис. 18 представлены серебряные украшения, изготовленные Джейком в 1881 году.

30. *Ткачество.* Именно в искусстве ткачества навахо превосходят всех других индейцев в пределах Соединенных Штатов. По прочности, тонкости отделки, красоте дизайна и разнообразию узоров навахоские одеяла не имеют себе равных среди изделий наших аборигенов. Автор написал трактат «Ткачи навахо»[309], в котором он описывает их искусство, как оно существовало около тринадцати лет назад. Но с тех пор, как был написан этот трактат, искусство изменилось. Оно улучшилось в одном отношении: было сделано или внедрено важное новое изобретение — способ ткачества одеял с разными узорами на противоположных сторонах. В другом отношении оно ухудшилось: исчезающие анилиновые красители, купленные у торговцев, заменили постоянные местные красители, которые использовались ранее. В более тонких одеялах пряжа, полученная от белых торговцев, вытеснила пряжу, кропотливо сплетенную на старом прядильном веретене. Одеяла навахо представлены на рис. 1, 2, 5, 6, 7 и 12.

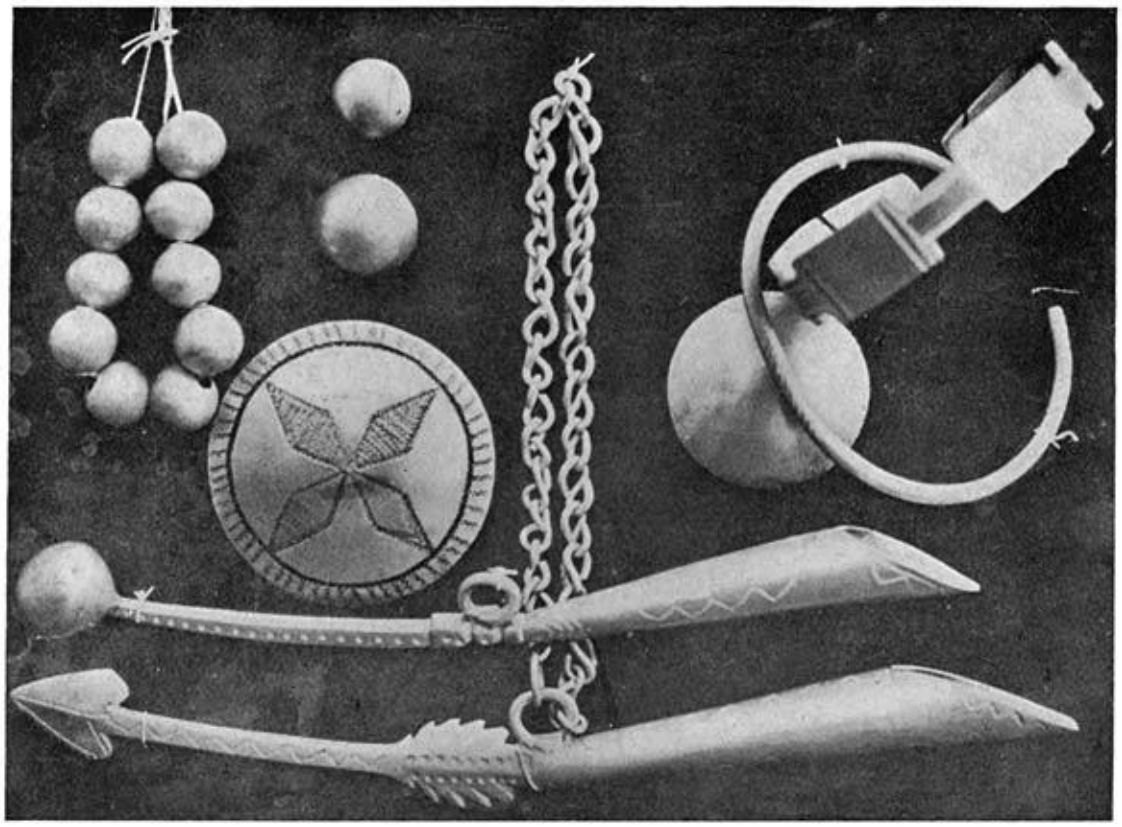


Рис. 18. Серебряные украшения. Пороховницы, полые бусины, пуговицы, браслеты.

31. Навахо ткут диагональную ткань и ромбовидные диагонали, и для этого в механизме их простых ткацких станков вносятся изменения. Они ткут пояса или шарфы, подвязки и седельные ремни, и эти изделия также требуют изменений в устройстве ткацких станков и в методах ткачества. На рис. 20 изображен обычный ткацкий станок с одним набором галев. На рис. 21 изображен ткацкий станок, приспособленный для ткачества диагональной ткани с двумя наборами галев. На рис. 4 изображена женщина, носящая пояс местного производства. Женщины, изображенные на рис. 5 и 21, носят платья из ткани навахо.

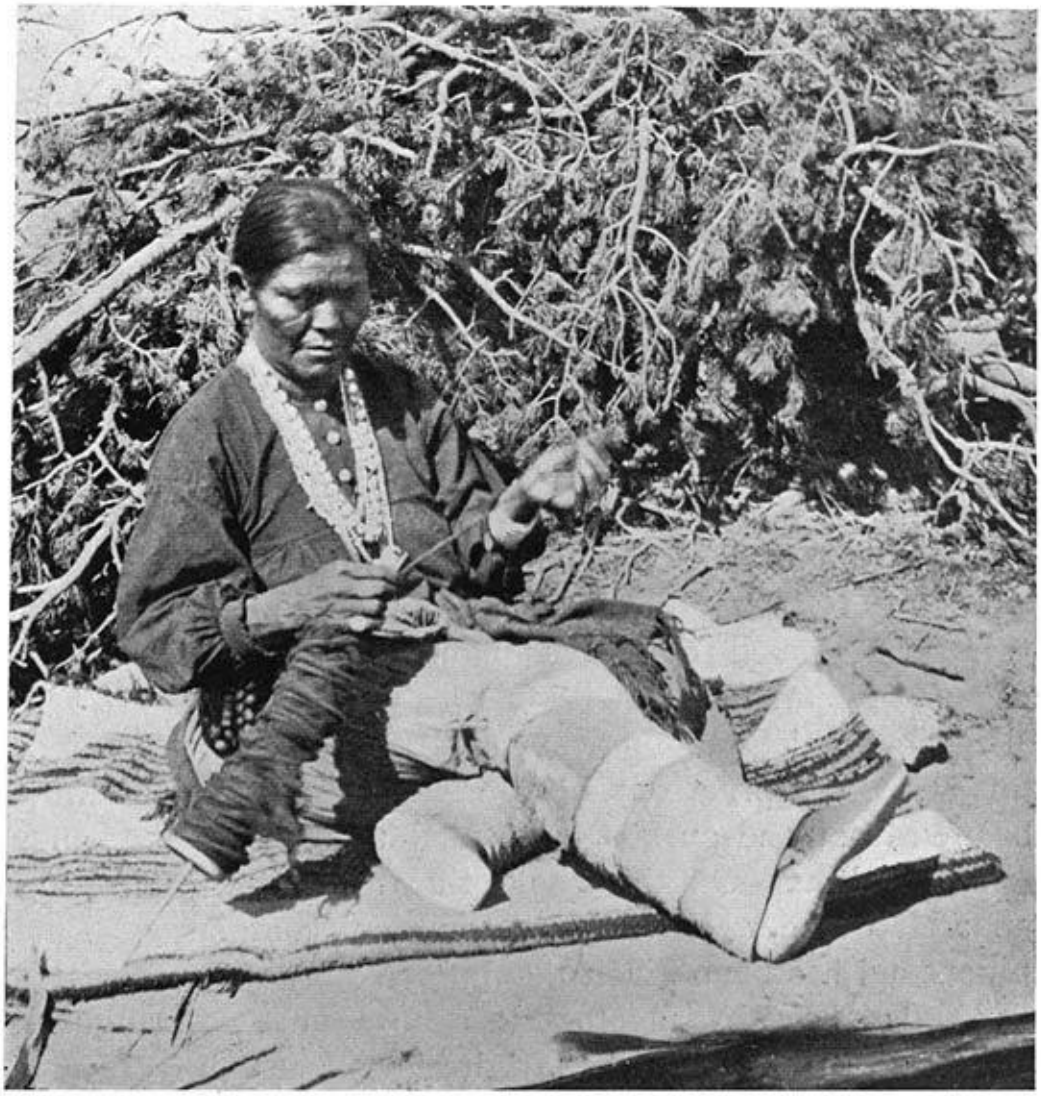


Рис. 19. Женщина прядет.

32. Женщины навахо ткут одеяла не только для заработка. Понося их некоторое время, пока они не потеряют свою новизну, они могут продать их по цене, которая едва покрывает стоимость пряжи. Та, кто владеет большими стадами и является богатой для индейца, будет ткать так же усердно, как и ее беднейшая соседка. В лучшем случае этот труд приносит низкую заработную плату. Эта работа в значительной степени выполняется для художественного самовыражения, так же как женщины нашей расы вышивают и занимаются «рукоделием» просто для удовольствия.

33. *Вязание.* — Они вяжут чулки на четырех спицах, но эти чулки не имеют пятки и носка. Поскольку спицы, которые используются сейчас, сделаны из проволоки и получены от белых, можно было бы подумать, что искусство вязания было перенято у нашего народа; однако в земле навахо, в скальных жилищах, которые, как есть основания полагать, были заброшены до прибытия испанцев, были найдены вязаные гетры, сделанные из человеческих волос, и деревянные спицы.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

34. О мужчинах навахо нельзя сказать, как часто говорят о мужчинах других индейских племен, что они слишком горды или слишком ленивы, чтобы выполнять ручной труд. Они готовы, и, по-видимому, всегда были готовы, выполнять любую оплачиваемую работу. Когда в 1881 году рядом с их резервацией строилась Атлантическая и Тихоокеанская железная дорога, большая часть земляных работ была выполнена рабочими-навахо. Белые, которые работали с ними и испытывали сильную антипатию к китайским рабочим, говорили, что им нравятся индейцы, потому что они хорошие товарищи по работе и поддерживают цены. Крепкий мужчина не стесняется стирать и гладить одежду за плату, которую он, возможно, потратит только на азартные игры. Их нанимали в Форт-Уингейт для рытья погребов и изготовления кирпичей, и в последней работе они проявили себя более опытными, чем более опытные мужчины из племени зуни.

35. Попрошайничество, которое среди других племен так часто раздражает белых людей, среди навахо практически не встречается. Те немногие, кто когда-либо просил милостыню у автора, убеждали себя, что имеют на это какое-то право. В целом, они являются самодостаточным народом и вносят вклад в богатство всего сообщества. Но с тех пор, как они были освобождены из плена и получили скот в замену тому, который был убит нашими войсками при вторжении на их земли, правительство оказывает им лишь незначительную помощь.

ПОЭЗИЯ И МУЗЫКА.

36. На протяжении многих лет самым достоверным источником информации о индейцах навахо в Нью-Мексико и Аризоне было письмо, написанное доктором Джонатаном Летерманом303 из армии и опубликованное в отчете Смитсоновского института за 1855 год. Доктор Летерман прожил три года в форте Дефайанс, в самом сердце страны навахо, когда написал это письмо, и он признает свою благодарность за помощь в его подготовке майору Кендрику, который долгое время командовал фортом Дефайанс. И доктор, и майор были людьми необычайных способностей. Первый (изменивший написание своего имени на Леттерман) впоследствии прославился как медицинский директор Армии Потомака, а второй в течение многих лет был профессором химии в Национальной военной академии.

37. Из этого письма взято следующее заявление о навахо: «Об их религии мало что известно, поскольку все исследования показывают, что у них ее нет». «Отсутствие традиций вызывает удивление. Они не знают ни своего происхождения, ни истории своего племени». «Они часто собираются на танцы ( )». «Их пение — это просто череда хрюканья, и оно отнюдь не приятно».

38. Можно было бы подумать, что свидетельства этих господ можно считать окончательными. Однако пятнадцать лет назад, когда автор впервые оказался среди навахо, он нисколько не поддался влиянию авторитета этого письма. Предыдущий опыт общения с индейцами научил его, насколько малоценны могут быть такие отрицательные свидетельства, и он сразу же приступил к изучению религии, традиций и поэтической литературы, которых, как его уверяли, у навахо не было.

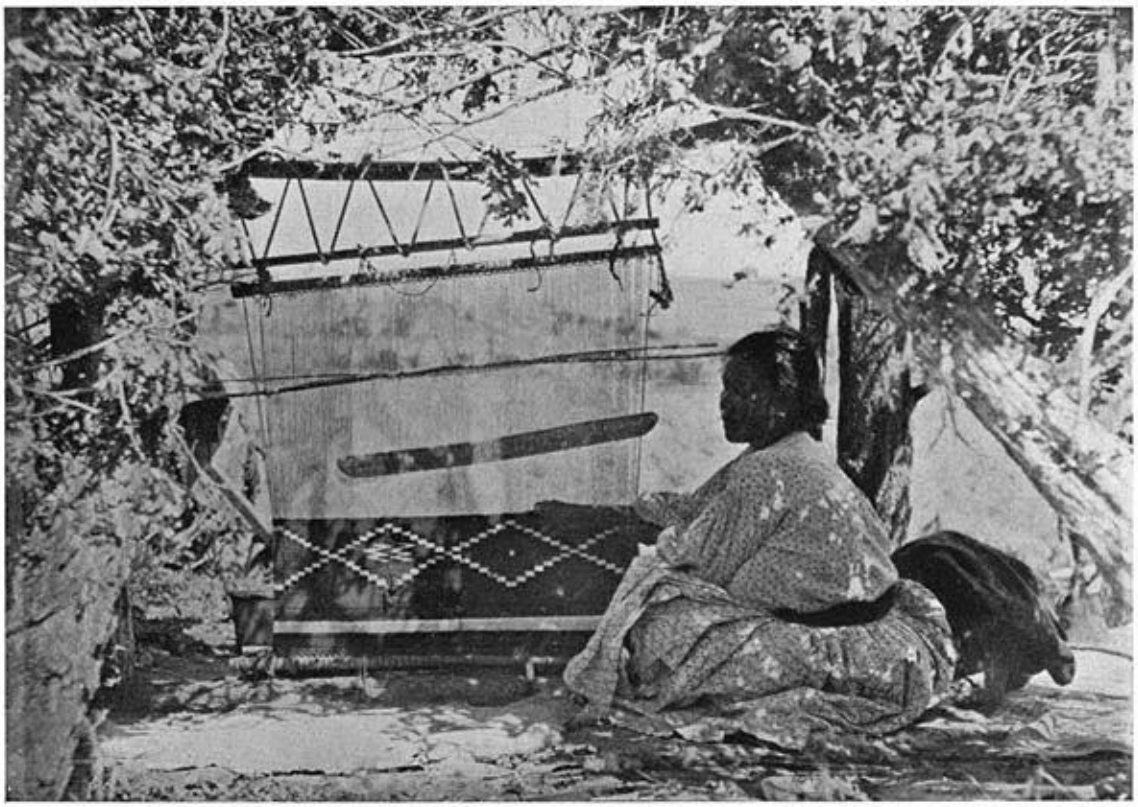


Рис. 20. Обычный ткацкий станок.

39. Пробыв в Нью-Мексико всего несколько недель, он обнаружил, что танцы, о которых упоминает доктор Летерман, были религиозными обрядами, а позже он обнаружил, что эти обряды могли соперничать по аллегоричности, символизму и сложности ритуалов с обрядами любого народа, древнего или современного. Вскоре он обнаружил, что эти язычники, объявленные безбожными и лишенными легенд, обладали обширными мифами и традициями — настолько многочисленными, что их невозможно собрать все, пантеоном, столь же богатым богами и героями, как у древних греков, и молитвами, которые по своей длине и тщетному повторению могли бы заставить покраснеть фарисея.

40. Но что показало изучение ужасающей «последовательности ворчания»? Оно показало, что помимо импровизированных песен, в которых навахо являются мастерами, они знают тысячи значимых песен- , или стихов, как их можно назвать, которые были тщательно сочинены и передавались, возможно, на протяжении веков, от учителя к ученику, от отца к сыну, как драгоценное наследие, по всей обширной нации навахо. У них есть песни о путешествиях, соответствующие каждому этапу пути, от момента, когда странник покидает свой дом, до его возвращения. У них есть песни о земледелии, которые относятся к каждому этапу их простого сельского хозяйства, от первого взгляда на посевную площадь весной до «сбора урожая». У них есть песни о строительстве,[6] которые воспевают каждый этап возведения хижины, от «размышлений о ней» до переезда в нее и зажжения первого огня. У них есть песни об охоте, о войне, об азартных играх, короче говоря, о каждом важном событии в жизни, от рождения до смерти, не говоря уже о песнях, посвященных периоду до рождения и *после смерти*. И эти песни сочиняются в соответствии с установленными (часто жесткими) правилами и изобилуют поэтическими образами.

41. *Священные песни.* — Пожалуй, наиболее интересными из их метрических сочинений являются те, которые связаны с их священными обрядами, — их религиозные песни. Эти обряды очень многочисленны, многие из них длятся девять дней, и с каждым из них связано несколько соответствующих песен. Иногда к одному обряду относится двести или более песен, которые не могут исполняться при других обрядах.

42. Песни должны быть точно известны священнику, проводящему обряд, и его помощникам, поскольку ошибка при исполнении песни может оказаться фатальной для эффективности церемонии. Ни в коем случае не допускаются серьезные ошибки, а в некоторых случаях ошибка в одном-единственном слоге наносит непоправимый ущерб. Примечательным примером этого правила является песня, исполняемая в начале работы в последнюю ночь великой церемонии ночного песнопения. Этот обряд может стоить заказчику от двухсот до трехсот долларов. Он длится восемь дней и ночей, когда четыре певца, после долгого и тщательного обучения священником, выходят, раскрашенные, украшенные и в масках богов, чтобы спеть эту песню ацалей. Несколько сотен человек — многие из самых отдаленных уголков земли навахо — пришли, чтобы сидеть всю ночь и наблюдать за публичными церемониями. Песня длинная и в основном состоит из бессмысленных или устаревших выражений, которые не передают никакой идеи певцу, но ни одно слово не может быть опущено, неправильно произнесено или поставлено не на место. Более двадцати критиков, знающих песню наизусть, слушают с напряженным вниманием. Если делается малейшая ошибка, она сразу же объявляется, бесплодная церемония внезапно заканчивается, и разочарованная толпа расходится.

43. Все песни содержат значимые слова, но из-за поэтических требований они часто сильно искажаются, и эти искажения необходимо иметь в виду. Говоря так, мы не отдаем должного уважения поэтам навахо, использующим систему « ». Подобные искажения, встречающиеся в арийском языке с письменной литературой, называются фигурами орфографии и этимологии, и, хотя пока еще нет стандарта правописания для языка навахо « », нам, возможно, было бы хорошо применять те же термины, говоря о сочинениях навахо. Искажения не всегда зависят от прихоти автора. Как правило, они производятся систематически. Если бы язык был сведен к стандартному правописанию, мы бы обнаружили, что поэты навахо имеют столько же фигур этих классов, сколько и английские поэты, а может быть, и больше.

44. Некоторые слова также являются архаичными — они не имеют значения в современном языке навахо, но священники присваивают им традиционные значения, что усложняет задачу запоминания. Однако, помимо значимых слов, во всех песнях есть (как показано выше) многочисленные бессмысленные слова, и их необходимо произносить с осторожностью, по крайней мере равной той, которая уделяется остальной части композиции. Эти бессмысленные звуки обычно вводятся в прелюдиях и припевах строф и в конце стихов, но они могут встречаться в любой части песни.

Рис. 21. Ткацкий станок для ткачества диагональной ткани.

45. Прелюдии и припевы, о которых здесь идет речь, встречаются, за редким исключением, в каждой строфе и в каждой песне. Хотя все они либо полностью бессмысленны, либо имеют лишь частичное значение, они являются наиболее характерными частями стихотворений, и певец повторяет прелюдии, когда хочет вспомнить какое-либо конкретное произведение, так же как мы часто вспоминаем стихотворение или песню по первой строке. Они редко или никогда не бывают одинаковыми в двух песнях , и часто проявляется большая изобретательность в придании им разнообразия.

46. На память певца священных песен ложится еще одно бремя, а именно порядок их расположения. Песни каждой церемонии делятся на группы, которые должны следовать друг за другом в установленном порядке, и каждая песня имеет в группе, к которой она принадлежит, место, которое нельзя менять под страхом божественного недовольства. Споеть во время проведения обряда шестую Песню Вращающихся Палки до того, как будет спета пятая песня, было бы таким же кощунством, как петь слоги «охохохо» вместо «эхехехе». Запомнить этот точный порядок последовательности в наборе из двухсот или трехсот песен — нелегкая задача.[322]

47. Но можно сказать: «Возможно, в дни доктора Летермана у навахо все было по-другому. Может быть, они переняли все эти обряды и песни от других племен или сами их придумали после того, как он их узнал?» Ответ на это заключается в том, что абсурдно предполагать, что такая сложная система обрядов и песен могла сформироваться среди неграмотного народа за двадцать пять лет, прошедших между отъездом доктора Летермана из страны навахо и прибытием туда автора. Кроме того, последний получил свою информацию от пожилых людей — от шестидесяти до восьмидесяти лет — которые практиковали эти обряды и пели эти песни в молодости, а сами научились им от людей ушедшего поколения. Шаманы, которые проводят эти церемонии, рассказывают эти истории и поют эти песни, широко рассеяны по всей стране навахо. Мужчины, которые едва знакомы друг с другом и учились у разных наставников, поют одни и те же священные песни и точно по одной и той же мелодии. Все знания священников навахо, несомненно, существовали во времена доктора Летермана и задолго до него.

48. *Женщины, не поющие песни*. Примечательно, что в то время как мужчины навахо являются такими плодовитыми композиторами песен и такими страстными певцами, женщины, как правило, не поют. Среди диких охотничьих племен Севера, как автор знал их тридцать лет назад, женщины не только имели свои собственные песни, но и участвовали в церемониальных песнях мужчин. Женщины индейцев пуэбло из Нью-Мексико, соседи навахо, имеют много прекрасных песен, причем песня мельников кукурузы, часто слышимая в Зуни, особенно дикая и музыкальная. Но обычно женщины навахо не поют. Автор долго пытался найти женщину, которая умела бы петь, и предложил хорошее денежное вознаграждение, прежде чем нашел такую. Она приехала из тридцати миль. Она не знала песен, характерных для ее пола, но ее отец был знахарем, который часто повторял свои песни дома, чтобы освоить их, и она постепенно выучила несколько из них. Она пела мелодичным сопрано с большим энтузиазмом и была одной из самых приятных певиц в племени.

49. *Фигуры речи.* — Вероятно, что все риторические фигуры речи, известные нашим поэтам, можно найти в этих простых сочинениях навахо. Но во многих случаях аллюзии относятся к таким малоизвестным вопросам символизма или событиям из их мифов, что их можно было бы объяснить, если вообще можно, только с помощью утомительного пересказа. Таким образом, было бы нелегко объяснить в нескольких словах, почему, когда в одной из песен в честь богини Эстсанатлехи говорится о том, что она поднимается по жезлу из бирюзы, мы понимаем, что поэт имеет в виду, что она поднимается на гору Сан-Матео в Нью-Мексико, или почему, когда он говорит о ней как о восходящей по жезлу из раковины халиотис, он пытается сказать нам, что она поднимается на вершину Сан-Франциско в Аризоне. Тем не менее, мы можем получить некоторое представление о значении, обратившись к мифу (параграф 193).

50. Но некоторые метафоры и сравнения не так уж и сложны для понимания. Вот перевод «Песни голубя», одной из азартных песен, которые поют во время игры kĕsĭtsé:

Вос Вос подбирает их (семена),

Вос Вос подбирает их,

Глянцевые Локи подбирает их,

Красный Мокасин подбирает их,

Вос Вос подбирает их.[273 316]

Здесь *Вос Вос* (Wōsh Wōsh) — это ономатопея для голубя, эквивалентная нашему «ку-ку», но используемая в качестве существительного. Глянцевые Локоны и Красный Мокасин — это образные выражения для голубя, значение которых очевидно. Здесь сочетаются метафора и синекдоха.

51. Антитеза — нередкий образ в поэзии навахо. Вот пример из песни, принадлежащей к горному песнопению, одной из великих девятидневных церемоний шаманов:

Голос, который украшает землю!

Голос наверху,

Голос грома,

Среди темных облаков

Снова и снова он звучит,

Голос, который украшает землю.

Голос, который украшает землю!

Голос внизу,

Голос кузнечика,

Среди цветов и трав

Снова и снова он звучит,

Голос, который украшает землю.

Здесь великий голос грома наверху контрастирует со слабым голосом кузнечика внизу, но оба эти голоса делают мир прекрасным.

52. Было отмечено много примеров кульминации. Один из них, представленный здесь, взят из горной песни. У него всего два ступеньки:

Дева, которая становится медведем

Искала богов и нашла их

На вершинах гор

Искала богов и нашла их,

Истинно, благодаря моей жертве

Искала богов и нашла их.

Кто-то в этом сомневается, так я слышал.

Святая молодая женщина

Искала богов и нашла их,

На вершинах облаков

Искала богов и нашла их,

Поистине, благодаря моей жертве

Искала богов и нашла их.

Кто-то в этом сомневается, так я слышал.

Девушка, которая превращается в медведя (Tsĭké *Sas* Nátlehi)[90], является важным персонажем в мифологии народа навахо. Последняя строка в каждой строфе является примером иронии.

53. Из приведенных примеров видно, что они понимают значение повторения в поэзии. Припев является излюбленной формой выражения, но они знают и другие способы придать своим песням словесную мелодичность, как можно видеть в следующем оригинальном тексте песни «Синяя птица» (*Sialia arctica*):

Tsihayilkáe dóla aní,

Áyas dotlĭ′zi bĭza holó,

Bĭza hozónigo, bĭza holó,

Bĭza holónigo hwíhe ĭnlí

Dóla aní. Dóla aní.

Чтобы оценить это, перевод не нужен, но он приводится, так как читатель, возможно, захочет его узнать:

Как только светает, *Сиалия* поет.

У синей птицы есть голос,

У него есть голос, его голос мелодичный,

Его голос мелодичный, он течет в радости.

Сиалия поет. *Сиалия* поет.

Обычное название синей птицы на языке навахо «dóli» (здесь измененное на «dóla» по поэтическим соображениям) переводится *как Sialia*, чтобы отличить его от описательного термина *«áyas* dotlĭ′zi», который буквально означает «синяя птица».

54. *Ритм.* — Они не игнорируют значение ритма в поэзии, но чаще всего создают его путем повторения значимых или бессмысленных слогов, чем путем подбора разных слов с похожими окончаниями. Тем не менее, мы часто встречаемся с более сложным способом, как в вышеприведенной песне о синей птице.

55. *Музыка.* — Поверхностному слушателю может показаться, что музыка их песен очень однообразна, но более внимательное изучение показывает, что она очень разнообразна. Удивительно, как с такими примитивными инструментами (перевернутая корзина вместо барабана и тыквенная погремушка) им удается в серии из двухсот и более песен создать столько музыкальных вариаций. В их священных песнях, где четыре или более песен с похожим смыслом следуют одна за другой, как это часто бывает, музыка может быть почти одинаковой (но никогда не совсем одинаковой) во всех песнях; но когда тема поэзии меняется, музыка также претерпевает решительные изменения.

56. Для получения дополнительной информации по теме музыки читатель может обратиться к примечанию 272, которое содержит замечания профессора Джона Комфорта Филлмора, ранее проживавшего в Милуоки, штат Висконсин, а ныне проживающего в Клермонте, штат Калифорния. Более двух лет назад автор направил профессору Филлмору ряд фонографических записей песен народа навахо, которые тот тщательно изучил и записал в нотной записи. Некоторые из нотных записей приложены к примечанию.

ПЛЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

57. *Роды.* — В приведенной здесь версии легенды о происхождении, рассказанной Таллом Чантером, упоминается только тридцать восемь родов народа навахо, но этот информатор смог назвать в общей сложности сорок три рода, два из которых, по его словам, вымерли. Списки родов навахо были получены из различных источников, и ни один из авторитетных источников не дает большего числа, чем это. Однако ни один из списков не является полностью идентичным другому; они различаются в отношении небольших или вымерших родов, и один список может содержать имя, которое было опущено в другом. Если каждое из полученных до сих пор имен представляет отдельную организацию, то в племени существует не менее пятидесяти одного существующего и вымершего рода. Однако в легенде мы находим примеры, когда один род имеет два имени (параграфы 386, 405, 428, 445).

58. С другой стороны, возможно, что ни один из списков не является полным. Роды, происходящие от женщин чужеродных рас, присоединившиеся к племени после того, как оно стало многочисленным и широко рассеянным, могут существовать в одной части страны навахо, неизвестной даже самым осведомленным людям в другой части. Вымершие роды могут быть забыты одним информатором и запомнены другим.

59. Ниже приводится список сорока трех родов, названных Таллом Чантером:

1. Tse‘d *z*ĭnkĭ′ni,	Дом Черных утесов (парс. 378–381).
2. Це‘тлани,	Изгиб в каньоне (пар. 382).
3. Dsĭ′ *l*nao *t*ĭ′ *l*ni,	Окруженная гора (пар. 385).
4. Haskánhatso(*H*a *s*kan *h*atsó *d*ĭne‘),	Много юкки (пар. 386).
5. Нахопани,)	Коричневая полоса; горизонтальная на земле (пар. 387).
6. Цзинад *з*и′ни,	Черный горизонтальный лес (пар. 390).
7. *Th*a‘nězá‘ (*Th*a‘nězá‘ni),	Среди разбросанных (холмов) (пар. 392).
8. Dsĭ *l*tlá‘ni,	Подножие горы (пар. 393).
9. *Th*á‘paha (*Th*á‘paha *d*ĭne‘) ,	Среди вод (п. 394 и далее).

10. Tsa‘yĭskĭ′ *d*ni,	Холм полыни (п. 399).
11. Tse‘ *z*ĭn *d*iaí,	Трап Дайк (пар. 401).
12. Клоги (Клоги *d*ĭne‘),	(Название старого пуэбло) (пар. 403).
13. *T*ó‘ *h*ani,	У воды (пар. 404).
14. *Th*á‘t *s*ini,	Среди красных (вод или берегов) (пар. 405).
15. Кай (Kái *d*ĭne‘) ,	Ивы (пар. 405).
16. Kĭn *l*ĭt *s*í (Kĭn *l*ĭt *s*í *d*ĭne‘),	Красный дом (из камня) (пар. 406).
17. Дестсини’	Красная полоса (пар. 408).
18. Тласт *c*ини,	Красная плоскость (пар. 408).
19. Нет *t*á (Нет *t*á *d*ĭne‘),	Уте (пар. 409).
20. Накаи (Nakaí *d*ĭne‘),	Белый незнакомец (мексиканец) (пар. 410).
21. *T*o‘yĕtlíni,	Слияние рек (пар. 411).
22. *H*áltso (*H*áltso *d*ĭne‘),	Желтые тела (п. 412).
23. *T*o‘dĭt *s*íni,	Горькая вода (п. 427).
24. Май *t*ó‘ (Май *t*ó‘ *d*ĭne‘),	Койот-Спринг (пар. 428).
25. *H*a *sl*ĭ′ *z*ni (*H*a *sl*ĭ′ *zd*ĭne‘),	Грязь (пар. 429).
26. *T*o‘ *d*okó *nz*ì,	Соленая вода (пар. 430, примечание 171).
27. Bĭ *t*á‘ni,	Скрещенные руки (п. 431).

28. Цинсака d^{ni},	Одинокое дерево (пар. 441).
29. Пи $н^{би}$ $m^{o'}$ (Пи $н^{би}$ $m^{o'}$ $д^{ине'}$),	Олень Весна (пар. 442).
30. Ценахапи′ $л^{ни}$,	Навесные скалы (пар. 445).
31. $H^{onagá'ni}$,	Место прогулок (пар. 447, 448).
32. ($^{Ки)наани}$,)	Высокий дом (пар. 458).
33. $T^{o'ba}$ $z^{naá}$ $z^{(}$ $T^{o'ba}$ $z^{naá}$ z^{i}),	Двое приходят за водой (п. 449).
34. Нана $cm^{ě'}$ $з^{и}$ $н'$	Черные инопланетяне с горизонтальными полосами (Зуни) (пар. 452).
35. D^{ild} $z^{éhi}$,	(Не переведено) (пар. 453).
36. Á s^{ihi} (Á s^{ihi} $d^{ĭne'}$),	Соль (пар. 454).
37. Май $d^{ě}$ $s^{kĭ'}$ $z^{(}$Май $d^{ě}$ $s^{kĭ'}$ z^{ni}),	Койот-Пасс (Джемез) (пар. 455).
38. Цеяна $m^{они}$ (вымерший),	Горизонтальная вода под утесами (пар. 457).
39. $T^{ó'tsoni}$,	Великая вода (пар. 459).
40. Bĭ $t^{áni}$ или Dsĭ $lt^{áni}$,	Бровь горы.
41. Tse'yikéhe (Tse'yikéhe $d^{ĭne'}$),	Скалы, стоящие рядом друг с другом.
42. Tlĭzi $l^{áni}$,	Много коз (пар. 407).
43. To'т c^{a} $л^{си}$ $m^{ая}$ (вымерший),	Вода под сидящей лягушкой.

60. Ниже приведены восемь имен, полученных из других источников и не упомянутых Таллом Чантером:

44. Aatsósni,	Узкое ущелье.
45. Naa‘í (Naa‘í *d*ĭne‘),	Моноклиналь.
46. Йоо,	Бусины.
47. Канани,	Живые стрелы.
48. Це‘ *тхани*‘)	Среди скал.
49. *L*óka (*L*óka *d*ĭne‘)	Камыши (*Phragmites*).
50. Tse‘ *d*ĕ *s*kĭ′ *z*ni,	Скалистый перевал.
51. *H*o *g*an *l*áni,	Много хижин.

61. Часто отмечалось более одного перевода имени племени, но в приведенных выше списках дается только один перевод — тот, который автор считает наиболее подходящим. Часто разные рассказчики по-разному объясняют происхождение имен племен. Некоторые переводы очень свободные, а другие, наоборот, очень краткие, но в параграфах и примечаниях, на которые читатель может обратиться, он найдет более полные объяснения. Навахо иногда, но не всегда, добавляют (как показано в приведенных выше списках) суффикс (dĭné‘, ni *или* i), означающий «народ», но в приведенных выше переводах, чтобы упростить изучение, слово «народ» опущено.

62. Есть причины, которые автор изложил в предыдущем эссе318 и не будет повторять сейчас, полагать, что большинство родов навахо изначально были местными экзогамными группами, а не настоящими родами по определению Моргана.325 Нет сомнений, что в большинстве случаев, если не во всех, названия родов навахо, которые не являются названиями племен, являются просто обозначениями местностей, даже если в Легенде утверждается обратное; например, когда в ней говорится, что некоторые роды западных иммигрантов были названы по словам, которые произнесли женщины, когда впервые попробовали воду из волшебных источников (параграфы 427, 429, 430).

63. С другой стороны, в легенде есть отрывки, которые указывают на то, что некоторые генты навахо когда-то были тотемическими, хотя в настоящее время среди навахо не известно никаких свидетельств существования клановых тотемов, и не исключено, что некоторые названия гентов могут иметь тотемическое происхождение, хотя в настоящее время в легенде о происхождении они объясняются иным образом. Отрывок (пар. 419), в котором говорится, что Эстанатлехи дал некоторых домашних животных странникам с Запада и что эти животные сопровождали людей в их путешествии, по всей вероятности, относится к прежнему использованию тотемических символов кланов и, возможно, к обычаю содержать живых тотемических животных в неволе — обычаю, распространенному среди древних мексиканцев и современных пуэбло, но не среди

современных навахо. Другие указания на прежнее тотемическое верование можно найти в истории о Людях Оленя-Источника (параграф 442, примечание 195; см. также примечание 173).

64. При чтении четвертой главы легенды о происхождении — «Рост народа навахо» — впечатляют разные степени готовности обеих сторон принять новые роды в свой народ. В некоторых случаях две стороны, встретившись впервые, сразу же обнимаются и становятся друзьями (параграф 382). Кланы с тихоокеанского побережья — западные иммигранты, как их здесь называют — узнают о существовании родственных племен навахо далеко на востоке, отправляются в долгое и опасное путешествие, чтобы присоединиться к ним, и, когда их поход заканчивается, навахо сразу же принимают их как братьев. С другой стороны, легенда рассказывает нам о группах, которые долгое время жили в окрестностях навахо, прежде чем присоединились к ним (параграф 394); о других кланах, происходящих от пленников (параграфы 406, 454, 455); и о других, которые ищут убежища у навахо только для того, чтобы спастись от голода или преследований на родине (параграфы 403, 452). В зависимости от способа усыновления кланы можно разделить на готовые и нежелающие. Причина этого, вероятно, заключается в языке. Группы, которые, как мы знаем, были родственны по языку навахо, — такие как группы, происходящие от апачей, — относятся к «готовым», в то время как группы, которые, как мы знаем, говорили на языках, очень отличающихся от языка навахо, — такие как группы, происходящие от ютов, зуни и хемез, — относятся к «нежелающим». Небезосновательно заключить, что то же правило применимо к кланам, о первоначальном языке которых мы ничего не знаем.

65. *Фратрии.* — Роды навахо делятся на несколько групп, каждую из которых можно назвать фратрией. Авторитеты в племени расходятся во мнениях относительно числа фратрий и родов, которые их составляют. Некоторые выделяют только восемь фратрий. Капитан Бёрк[294] получил список из одиннадцати, с тремя независимыми родами. Некоторые из навахо говорят, что есть двенадцать фратрий, и предполагают, что они имеют какое-то отношение к двенадцати племенам, которые жили в первом мире. Но фратрия навахо, похоже, не является однородной организацией. В легенде упоминается случай, когда род изменил свои фратриальные связи (параграф 451). Исследование также показало, что существуют подгруппы. Между некоторыми родами в одной группе могут быть более тесные союзнические связи, чем между другими родами в той же группе. Таким образом, мнения авторитетов могут различаться, не опровергая при этом свидетельства друг друга.

66. Эти группы указаны в легенде, когда говорится, что один род стал близко связанным или аффилированным с другим (параграфы 385, 399, 403 *и др.*), или когда говорится, что два рода не могут вступать в браки между собой (параграфы 393, 401, 406). Если у навахо есть термин, эквивалентный «фратрии», он не был обнаружен. У них нет специальных названий для разных фратрий; они часто, но не всегда, называют фратрии по имени самого важного рода в ней.

67. Если принимать легенду за доказательство, то фратрии у навахо развивались как путем сегментации родов, так и путем присоединения новых родов извне; ни один из этих методов не был исключительным. Но легендарные свидетельства не нужны, чтобы показать, что роды, которые сегодня носят имена чужеродных племен, были добавлены к фратрии.

68. *Запрещенные степени родства.* Навахо принадлежит к роду своей матери и принимает имя этого рода. Известны случаи, когда навахо был известен под своим родовым именем и ни под каким другим. Ни один мужчина не может жениться на представительнице своего рода; он также не может жениться на представительнице своей фратрии, хотя в последнем случае, когда границы фратрии не четко определены, допускаются некоторые исключения. Когда такое происхождение по женской линии существует среди других племен, некоторые этнографы считают, что мужчина

не считает своего отца или родственников своего отца своими родственниками и может вступить в брак с женщиной из рода своего отца. Такого, конечно, не происходит среди навахо. Род и фратрия отца являются столь же запрещенными родственниками, как и род и фратрия матери.

РЕЛИГИЯ.

69. *Источники информации.* — Уже было сказано, что у навахо есть религия — сложный языческий культ. Не имеет смысла задавать навахо прямые вопросы об этом. Среди них не появилось ученых-полемистов и теологов, способных анализировать и обсуждать свою веру, а если и появились, то они не могут легко донести до нас свою философию. Но у цивилизованного ученого есть богатый материал для изучения их религии, и он должен сам проводить анализ. На больших сухих росписях, изображенных на полах лечебных хижин во время их долгих церемоний, можно увидеть изображения многих богов с их иератическими атрибутами. Во время церемоний, или так называемых танцев, мужчины надевают маски, чтобы изображать богов. В мифах описываются поступки и деяния божественных существ, и мы узнаем об их мыслях и чувствах — добрых, как у индейцев, по отношению к своим родственникам; обычно жестоких, но часто милосердных и великодушных по отношению к своим врагам. В бесчисленных песнях обрядов можно найти поэтическую сторону божественных персонажей, а в длинных молитвах мы можем узнать об их силе и обнаружить, как человек надеется общаться с ними и завоевать их благосклонность.

70. *Отсутствие верховного бога.* Религия этого народа отражает его социальное положение. Их правительство демократическое. У них нет верховного вождя племени, и все их вожди — люди с временной и нечетко определенной властью, чья сила во многом зависит от их личного влияния, ораторского искусства и репутации мудрецов. Такому народу трудно представить себе верховного бога. Их боги, как и люди, в значительной степени равны между собой.

71. *Бог Солнца.* — В приведенной здесь версии легенды о происхождении Бог Солнца, по-видимому, имеет некоторое преимущество перед другими, но вначале он был лишь одним из людей; он никогда не выступает в роли Создателя и далек от всемогущества. Другие боги, менее могущественные или менее уважаемые, жили до появления человека и были могущественны до сотворения солнца.

72. *Сотворение* мира. Легенда начинается с уже сотворенного мира; в ней нет первоначального сотворения мира и нет Творца всего сущего. Если у народа навахо есть легенда о начале всего сущего, то автор ее не знает. Богу по имени Бекоциди[78] приписывается сотворение всех животных, о которых в мифах не говорится, особенно домашних животных. Некоторые индейцы, которые слышали о нашем Создателе, считают, что Бекоциди — это бог американцев.

73. *Эстсанатлехи.* — Но навахо в целом признают, что их самым почитаемым божеством является Эстсанатлехи[95], Женщина, которая меняется (или омолаживается). О ней много говорится в легендах, но больше информации можно получить из бесед с шаманами. Имя Эстсанатлехи происходит от сокращения слов estsán, «женщина», и natéhi, «меняться» или «преобразовываться». Ее так называют, потому что, как предполагается, она никогда не остается в одном состоянии, а стареет, становится старой женщиной, а со временем снова превращается в молодую девушку и так проходит через бесконечный цикл жизней, меняясь, но никогда не умирая. Вероятно, она является апофеозом Природы или меняющегося года.

74. Божество плодородной Природы — это, по сути, женское и благодетельное божество. Согласно легендам, она также является женой Солнца, которому Природа обязана своим плодородием. Говорят, что ее дом находится на западе, вероятно, по той причине, что в стране

навахо, которая в основном расположена на тихоокеанском склоне, дождь обычно идет с запада, и с того же направления приходят теплые весенние ветры.

75. *Йолкаи Эстсан* — божество по имени Йолкаи Эстсан[96], или Белая Женщина-Раковина, созданная (или найденная, как гласят некоторые версии) одновременно с Эстсанатлехи, называется младшей сестрой последней. Эти две богини связаны в мифах, но Белая Женщина из Раковины всегда играет подчиненную роль и сегодня почитается в меньшей степени, чем ее сестра. Эстсанатлехи, созданная из земного драгоценного камня, бирюзы, связана с землей. Йолкаи Эстсан, созданная из белой раковины из океана, связана с водой.

76. *Боги войны.* — Следующими по значимости после Эстанэтлехи, по-видимому, стоят священные братья Найэнэзгани (или Нагенезгани) и Тобадзистсини[127]. Автор называет их богами войны, но навахо не называют их так. Согласно приведенной здесь версии легенды о происхождении, один из них был ребенком Эстсанатлехи и Солнца, а другой — ребенком Йолкаи Эстсана и Воды, и эта версия является наиболее последовательной во всех отношениях. В других версиях оба брата являются детьми Эстсанатлехи. Некоторые говорят, что они родились близнецами. Принимая любую из этих версий, их правильно было бы называть братьями, согласно индейской системе родства, и так они и называются в легендах. Их главная миссия заключалась в уничтожении чужеродных богов, но они по-прежнему помогают воинам в битвах и помогают больным, страдающим от колдовства. Самая длинная глава в легенде о происхождении посвящена рассказу об их происхождении и истории. При чтении этой главы сравнительному мифологисту станет очевидно, что эти персонажи имеют своих аналогов, о которых сейчас не стоит упоминать, в мифах многих народов обоих полушарий. Из их мифических ассоциаций следует, что Найенэзгани является богом света, связанным с теплом, а Тобадзистсини — богом тьмы, связанным с влагой; однако, по-видимому, в противоречии с этим, представитель первого окрашен в черный цвет и носит черную маску во время церемоний (табл. IV), в то время как представитель второго окрашен в красный цвет и носит красную маску (табл. VII).

77. Найенэзгани, чье имя означает «Убийца чужих богов»[127], в легендах упоминается как старший брат и всегда играет более важную роль. Тобадзистсини, или «Ребенок воды»[127], называется младшим братом и всегда появляется в качестве подчиненного персонажа. Во время церемоний маскарадчик, изображающий Найенэзгани, всегда идет впереди, а тот, кто изображает Тобадзицсини, идет сзади. Эти два бога всегда ассоциируются с молитвами и жертвоприношениями, но и здесь Найенэзгани имеет преимущество. Во всех священных песнях, где они упоминаются, указывается на превосходство Найенэзгани. Как уже было сказано, антитеза — любимый образ поэтов навахо, и они часто используют его, когда говорят об этих богах. «Песня приближения» воинственных богов в церемонии кледзи *хаталь*, а также многие другие сочинения показывают, как они относятся к этой теме. Ее можно свободно перевести так:

Он наступает! Он наступает!

Теперь Истребитель Чужих Богов наступает,

Вверху, среди горных вершин, он наступает,

В опасности он приближается.

Он наступает! Он наступает!

Теперь продвигается Дитя Воды

Внизу, среди предгорий, он продвигается,

В опасности он продвигается вперед.

Таким образом, оба бога приходят на помощь просящему; но в то время как старший гордо шагает по вершинам гор, младший смиренно идет по предгорьям.

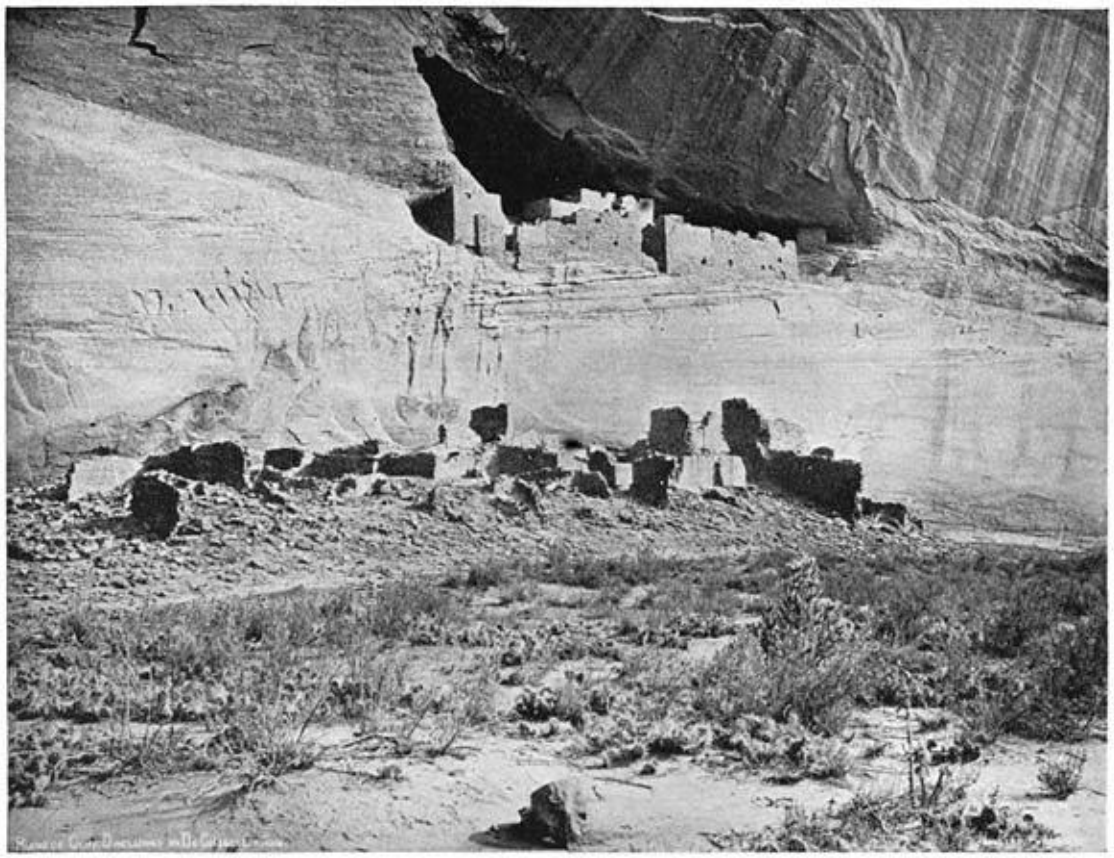


Рис. 22. Белый дом. Один из домов йеи (по фотографии Хиллерса).

78. *Йеи.* — В пантеоне навахо есть ряд божеств, известных как йеи (в сложных словах часто произносится как «йе» или «ге»), что переводится как «бог» или «гений». Какое различие существует между йеи и другими богами, определить однозначно нелегко. У зунианцев есть класс богов, называемых тем же именем, или, более правильно, «йеи», как произносит его г-н Кушинг. Некоторые вожди или важные личности среди этих богов называются именами, которые начинаются с слогов hastsé — как Hastséyalti73 (Говорящий Бог), Hastséhogan74 (Бог Дома). Считается, что этимологически это слово должно было бы писаться как hastyé, но произносится оно не так. Hast — это приставка, обозначающая возраст, особенно почтенный возраст. Она встречается в слове *hastín*, которое означает достойный или уважаемый старик. Hastyé означало бы почтенный йеи или бог. Йеи, по-видимому, являются божествами, менее важными по сравнению с ранее упомянутыми, и более многочисленными. Таким образом, в то время как есть только один Estsánatlehi, только один Nayénězgąni и только один To‘badzĭstsíni, есть несколько Hastséhogan и несколько Hastséyalti, которые являются вождями yéi. Предполагается, что yéi обитают в определенных местностях, и в молитвах в их честь упоминается дом yéi, к которому обращаются с особой мольбой. Место под названием Tsé‘natsi, или Красная Горизонтальная Скала, где-то к северу от реки Сан-Хуан, Tse‘gíhi, другое место к северу от Сан-Хуана, и Белый Дом (рис. 22) в каньоне Челли являются важными домами йеи.265 Каждая из священных гор имеет свою группу

йеи. В « » мифах о кледзи *хатал*, названо более двадцати мест, где обитают йеи. Есть некоторые основания полагать, что культ йеи происходит от жителей скал или от пуэбло, но есть и аргументы против этой теории. Эта тема здесь далее не рассматривается. Считается, что йеи женаты и имеют семьи. Мужчины называются йебака, женщины — йебаад.[200] Хастсезини,[212] бог огня, и Хастсеолтои,[206] божественная охотница или богиня охоты, как указывают их имена, принадлежат к йеи, а Ганаскиди,[207] бог урожая, и Тоненили[98], разбрызгиватель воды, связаны с ними в легендах.

79. Дигини. — Дигин означает священный, божественный, таинственный или святой. Это слово не является синонимом дакотского вакан или хидатского хопа. Оно не применяется к лечению болезней; оно не применяется в общем смысле к религиозным обрядам; оно не было услышано в применении к анайе или другим вещам зла: по этой причине оно часто переводится как «святой». Dĭgíni, производная от dĭgĭ′n, означает святые люди, боги, божества. Это название применяется к высшим и низшим божествам, включая yéi (см. примечания 92 и 93).

80. *Чужие боги.* — Таковы боги, которые дружественны человечеству; но у человека есть и враги среди таинственных сил. Главными среди последних являются анайе[7], чужие боги или враждебные духи. Поскольку они аналогичны великанам и людоедам из европейского фольклора, в этой работе их иногда называют великанами. Обычно они изображаются как существа огромных размеров. Многие из них описаны в легенде о происхождении. Самые злые были убиты, как рассказывает история, но другие, не будучи полностью злыми, все еще мучают человека. Легенда, объясняя их продолжающееся существование, показывает философские попытки нашего рода примириться с нежелательным неизбежным.

81. *Бог воды*. Положение Тихолтсоди,[8] водного чудовища, является примером перехода на другую сторону. Когда-то он был врагом нашего рода, но теперь в некотором смысле стал его другом, хотя, вероятно, его по-прежнему считают виновным в случаях утопления. Другие боги, которые когда-то были врагами человека, но теперь являются его друзьями, упоминаются в легендах (параграф 354). Но у нас есть доказательства того, что навахо боятся обидеть своих самых благодетельных богов, чтобы те не наказали их напрямую или, по крайней мере, не отказали им в помощи в час нужды.

82. *Дьяволы*. Помимо чужеродных богов, на земле обитают злые духи, которых люди боятся; это tsĭ′ndi, чье имя лучше всего перевести как «дьяволы». Навахо часто говорят о tsĭ′ndi (в английском варианте chindee) и часто используют этот термин в качестве гневного восклицания, так же как неверующие среди нас говорят «О, дьявол!» или «Ты дьявол!» (см. параграфы257 , 260), но они не любят обсуждать его характер или внешний вид. Они верят, что с каждым трупом связан дьявол, который имеет внешний вид частично разложившегося трупа. Дух умершего человека отправляется в нижний мир, который был прежним домом расы, но демон остается с мертвым телом. Другие индейцы верят в подобного духа трупа, однако автор никогда не встречал никого, кто бы так боялся человеческих останков, как навахо. (См. п. 188 и примечание 91.)

83. *Зоолатрия.* Легенда гласит, что существуют Первый Человек и Первая Женщина (см. параграфы 160–165), которые появились в четвертом мире в результате особого акта творения, но они не умерли, как Адам и Ева; они все еще живут в какой-то форме; они обладают силой; они бессмертны; они божественны. Но не только человек имеет своего божественного предка-прототипа: каждое животное на земле имеет своего, и многие, если не все, из них являются объектами поклонения. В некоторых случаях, как, например, в случае с медведем, часть почитания возлагается на их смертных потомков. В ритуале горного песнопения[314] многие жертвоприношения посвящены животным гор. Одним словом, зоолатрия является важным элементом поклонения навахо.

84. *Местные боги.* Некоторые из упомянутых богов являются также местными божествами; так, боги войны являются местными божествами в Тоеетли (параграф 374), а йеи — местными божествами в Ценаци. Но, помимо них, существуют и другие боги мест, которые настолько многочисленны, что полный список их, вероятно, никогда не будет составлен. В легенде о происхождении показано, что каждая из священных гор земли навахо (семь по счету Талла Чантера) имеет свою божественную пару обитающих в ней хранителей, и они, по-видимому, получают больше почета, чем другие, которые являются только богами мест; но духи других гор, скал и каньонов также имеют свои молитвы и жертвоприношения в некоторых обрядах.

Рис. 23. Говорящий кетон.

85. Причудливые легенды о местах распространены во всех странах и среди всех народов, но никто не превосходит в изобретательности при сочинении таких рассказов американских

индейцев. Навахо имеют необычные источники вдохновения в этом направлении и не упускают возможности извлечь из них выгоду. Их земля богата удивительными геологическими образованиями, скалами, странно высеченными дождем и песчаными потоками природы, огромными вулканическими вершинами и полями лавы; и, как и следовало ожидать, она также богата мифами, объясняющими эти особенности, и духами, которые принадлежат этим мифам. Некоторые из этих мифов включены в рассказы, приведенные в этой работе, но их очень мало по сравнению с общим количеством таких легендарных преданий.

86 . Силу их веры в этих местных божеств можно проиллюстрировать следующим случаем: однажды автор, в сопровождении двух навахо, отправился в путешествие к Цускай9 (холму Чуска), который, как полагают, является домом Цике *Сас* Натлехи, или Девушек, которые становятся медведями. Когда группа добралась до вершины хребта, с которого возвышается холм, и находилась примерно в трехстах ярдах от его подножия, индейцы отказались идти дальше, сказав, что боятся божеств, обитающих на холме. Автор продолжил путь в одиночку и с большим трудом поднялся по бездорожной горе, среди рыхлых камней и поваленных деревьев. На вершине он обнаружил небольшую впадину среди камней, заполненную песком, и, покопавшись в ней, обнаружил множество ручных каменных и ракушечных бус, которые были положены туда в качестве жертвоприношений. Когда он спустился с холма, он обнаружил, что индейцы ждут его там, где он их оставил, и все вместе они отправились по неровной горной тропе обратно к Красному озеру. Через некоторое время лошадь писателя сильно хромала, и ему пришлось спешиться. «Что сделало твою лошадь хромой?» — спросили индейцы. «Она, наверное, ударилась ногой о какое-то поваленное дерево, когда поднималась на холм», — был ответ. «Не думай так, глупый американец», — сказали они. «Не упавшие деревья ранили твою лошадь. Джигини горы поразили ее, потому что ты пошел туда, куда не имел права идти. Тебе повезло, что с тобой не случилось ничего хуже». Конечно, индейцы были на вершине холма, иначе бусы не могли бы оказаться там, но они пошли туда только после подготовительной молитвы и только для того, чтобы оставить жертвы.

87. *Демонолатрия.* Есть писатели, которые говорят, что индейцы «поклоняются дьяволу» и другим злым силам, но так говорят не только ученые авторы. Хесус Альвисо, мексиканский пленник, выросший среди навахо, сказал автору в 1880 году: «Los Indios hacen figuras de todos sus diablos, señor » («Индейцы делают фигурки всех своих дьяволов, сэр »), и именно эта подсказка привела к открытию их сухих рисунков. Он называл их дьяволами; в этой работе они называются богами. Возможно, другие племена поклоняются олицетворениям зла, но, безусловно, навахо этого не делают. Боги, которые, как считается, больше всего любят и помогают людям, получают наибольшую честь. Злые духи не почитаются, за исключением, по слухам, ведьм. Более того, из легенды о происхождении следует, что самые злые силы — чужие боги — были давно уничтожены, и остались только демоны с незначительным влиянием. Вождь ведьм, Эстан *Натан*, или Женщина-Вождь, живет под землей, в одном из нижних миров.

ЦЕРЕМОНИИ.

88. Священники навахо проводят большое количество церемоний. Многие из них длятся девять дней, другие — всего один день или несколько часов. Чтобы освоить один из великих обрядов и стать его хатали (певцом, вокалистом)[16] или священником, требуется много лет, и никто не знает более одного такого обряда в совершенстве. Пожилые жрецы знают что-то о других обрядах, могут помогать в их проведении и петь песни, но не имеют права их проводить. Жрец великого обряда может знать некоторые из меньших обрядов.

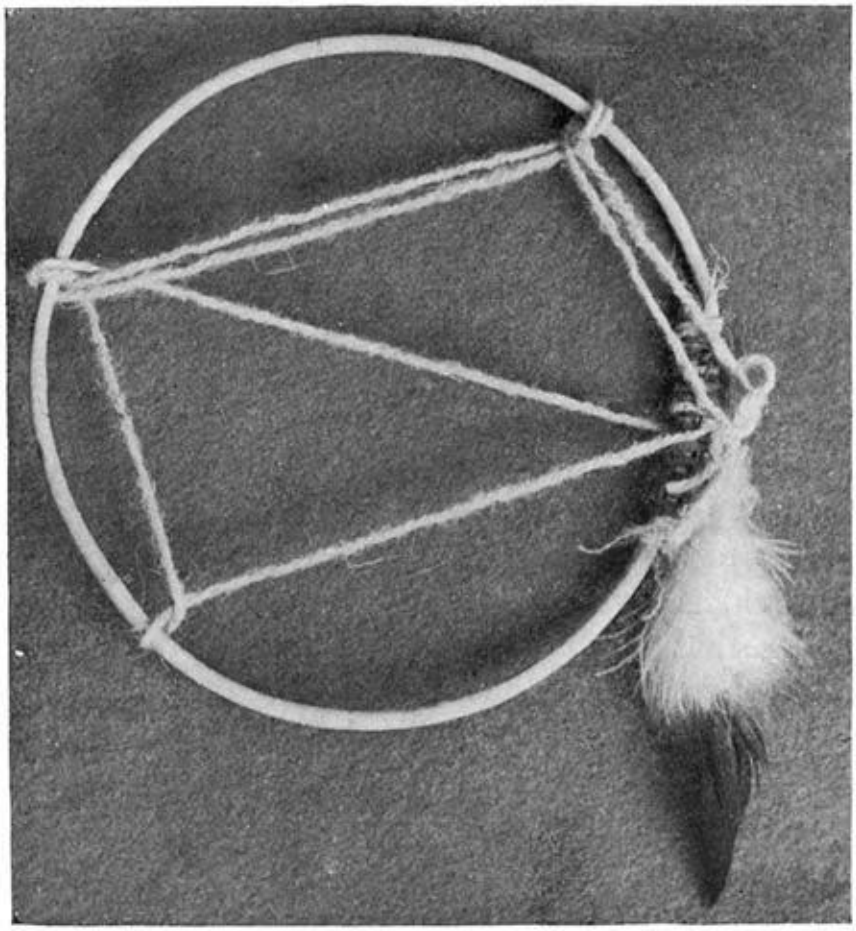


Рис. 24. Круг кетоун.

89. Все великие церемонии, которые автор видел среди навахо, в первую очередь предназначены для исцеления больных, но этот случай всегда используется, чтобы просить богов о различных временных благословениях не только для больного, но и для всех — шамана, родственников больного и для людей в целом. Больной, в интересах которого проводится обряд, оплачивает все расходы на церемонию, которые часто достигают двухсот или трехсот долларов. Навахо — рассеянный и в некоторой степени кочевой народ, который не строит городов, поэтому у него нет организации для проведения обрядов более общественного характера, как у индейцев, живущих в деревнях.[184] Поэтому эти церемонии исцеления, в которых больной и его родственники становятся

хозяевами, используются как повод для молитвы о общем благополучии и как повод для собрания большого количества людей, чтобы посмотреть интересные представления и получить социальное удовольствие, которое сопутствует собранию толпы.

90. *Незначительные церемонии.* — Среди незначительных церемоний, помимо тех, которые проводятся для исцеления больных, есть церемонии, связанные с посадкой, сбором урожая, строительством, войной, вступлением в брак, путешествиями и многими другими событиями в жизни. В дополнение к ним есть церемонии для особых случаев, например, для привлечения дождя. Во время необычно засушливого сезона несколько навахо могут собраться вместе и собрать хорошую плату для священника, чтобы он пел, молился, приносил жертвы и проводил церемонию для привлечения дождя.

91. *Происхождение церемоний*. Покойный г-н А. М. Стивен из Аризоны, который много лет изучал обряды и мифы как моки, так и навахо, часто обращал внимание автора на многочисленные сходства между культами этих двух племен, которые в других отношениях так сильно отличаются друг от друга, и он предположил, что навахо, возможно, позаимствовали их у моки. Это вполне возможно, поскольку среди навахо, вероятно, есть люди мокски происхождения, и они долгое время поддерживали с моки как мирные, так и военные отношения. Однако во всех собранных на сегодняшний день легендах навахо явно указывается, что культ навахо, если он и был заимствован, пришел от жителей скал, от обитателей ныне заброшенных пуэбло и от диких племен. Моки занимают лишь небольшое место в ритуальных мифах навахо. Автор склонен полагать, что навахо не заимствовали многое непосредственно у моки, но что оба племени черпали вдохновение из общих источников. В радикальных аспектах символизма, таких как священные цвета и церемониальный круг, ритуалы навахо и моки сильно различаются.

92. *Элементы церемоний.* — В церемониях есть множество второстепенных действий, которые настолько разнообразны, что их невозможно классифицировать и описать в данной работе. Их лучше обсуждать в связи с обрядами, к которым они относятся. Есть и другие действия второстепенного значения, такие как церемониальное омовение10 82 и прием пыльцы11, которые рассматриваются в примечаниях к « ». Но есть шесть элементов поклонения, которые составляют настолько важную часть всех великих обрядов, что их краткое описание приводится в этом введении. Эти шесть элементов: жертвоприношение, роспись, маскарад, танец, молитва и песня. Последний уже был обсужден (п. 41 *и далее*).

93. *Жертвоприношения.* Жертвоприношения навахо невинны и бескровны. Их добрые боги легко умилостивить. Как и их поклонники, они все любят табак и ценят несколько перьев и бус. Даже главный бог войны не требует курящих сердец или крови пленников; все, что он просит в обмен на свои милости, — это маленькая раскрашенная сигарета. О жертвенных сигаретах и палочках, которые навахо называют ketán (в английском варианте — kethawn), можно написать обширную главу, но здесь достаточно будет краткого их описания. (См. примечание 12.)

94. *Сигареты.* Сигареты обычно изготавливаются из полых сучков обыкновенного тростника (*Phragmites communis*), но иногда используются и другие растения. Чтобы сформировать сигарету, кусок тростника отрезают каменным ножом, исключая узел; его натирают песчаником, чтобы краска прилипала; его расписывают каким-либо символическим узором; в него вставляют пучок перьев, чтобы табак не высыпался; ее наполняют каким-либо местным табаком,[223] обычно *Nicotiana attenuata*, или dsĭ′lnạto навахо; запечатывают увлажненным пыльцой и символически зажигают горным хрусталем, который поднимают к небу и прикасают к кончику сигареты. После молитвы ее вынимают и оставляют — *то* есть приносят в жертву — богу, которому она предназначена. Бог, как они говорят, узнает ее по символической росписи и по месту, где она

принесена в жертву. Он берет ее, нюхает и осматривает. Если он удовлетворен тем, что она сделана правильно и предназначена для него, он берет ее и дарует просящему просьбы.

95. *Жертвенные палочки.* Помимо сигарет, в качестве жертв богам используются небольшие палочки. Они изготавливаются из различных пород дерева — разные боги и разные случаи требуют разных пород дерева — и по тем же причинам раскрашиваются по-разному. Обычно они изготавливаются парами, одна для мужчины, другая для женщины. Боги навахо не практикуют целибат; у каждого божества есть своя супруга, и ее нужно умилостивить так же, как и его. Женское божество чем-то отличается от мужского, и обычно это делается путем вырезания небольшого фасета на конце женской палочки (см. рис. 23), чтобы изобразить квадратную маску, которую носит тот, кто маскируется под богиню во время церемоний. Тот, кто выступает в роли бога, носит круглую маску в виде шапки (рис. 27), и круглый срез на конце палки вполне символизирует это.

96. Часто вместе с кетонами приносят в жертву перья разных видов птиц , прикрепленные к последним или отдельно; а также бусины из камня или ракушек и различные виды порошкообразных растительных и минеральных веществ, в том числе пыльца11, которая является самым священным веществом, используемым священниками навахо.

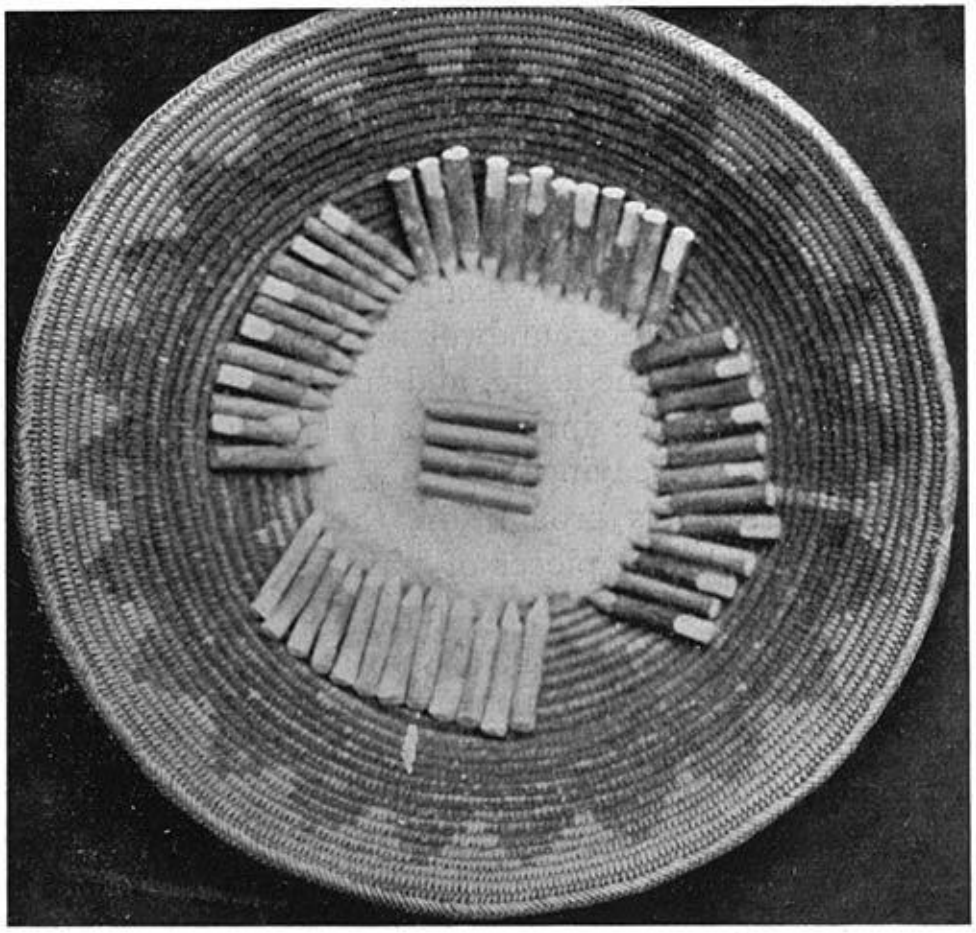


Рис. 25. Кетоны (жертвенные палочки и сигареты) в священной корзине, готовые к жертвоприношению.

97. *Утилизация кетонов.* — Существует столько же способов хранения или жертвоприношения кетонов, сколько их форм, материалов и украшений, и каждый способ имеет свой особый символизм. Некоторые кладут на ветви дерева, другие — среди камней, третьи — у подножия утеса, четвертые — у корней дерева, а пятые — на ровной земле; некоторые бросают почти наугад, но большинство из них кладут с осторожностью и в строгой церемониальной форме. Все, что кладут с осторожностью, располагают так, чтобы их кончики были обращены в сторону от хижины, и каждый из них предназначен для какой-то определенной стороны света. Когда носитель жертвы покидает хижину, он направляется в сторону места, выбранного для жертвоприношения; когда он оставляет там жертву, он поворачивает направо и возвращается по часовой стрелке. Он не пересекает свой след; он не должен проходить через муравейник; он должен бежать и туда, и обратно.[12]

98. *Церемониальные рисунки.* Рисунки, сопровождающие обряды навахо, являются одними из самых преходящих в истории искусства. В предыдущих эссе автор называл их «сухими рисунками». Подобные работы ( ) были замечены среди других племен, как кочевых, так и оседлых, и наблюдатели назвали их «песчаными рисунками», «песчаными алтарями» и т. д. Они рисуются во всех великих обрядах и даже в некоторых менее значительных обрядах — тех, которые длятся всего один день — иногда создаются небольшие, но красивые сухие рисунки. Их размер варьируется от четырех до двенадцати футов в диаметре. Иногда для их размещения приходится убирать огонь в центре шатра-лечебницы. Основанием служит песок, который доставляется в шатер-лечебницу в одеялах и рассыпается по полу слоем толщиной около трех дюймов. Его разравнивают широкими дубовыми рейками, используемыми в ткачестве.

99. Перед тем как принести песок, пигменты измельчают в порошок и кладут на широкие куски сосновой коры, которые служат подносами — или, скажем, палитрами. Пигментов пять: белый, красный, желтый, черный и серый. Белый, красный и желтый получают из песчаника. Черный получают из порошкообразного угля, к которому добавляют немного песчаника, чтобы облегчить измельчение и придать порошку вес. Серый, получаемый из черного и белого, смешанных в соответствующих пропорциях, предназначен для изображения синего цвета, называется синим у навахо и в сочетании с другими цветами дает синий эффект в картинах. В последующих описаниях он будет упоминаться как синий. Навахо используют индиго и местный голубоватый минеральный пигмент для раскрашивания масок, кетхаунов и других небольших предметов, но для сухих росписей требуется такое большое количество, что это было бы слишком дорого. Чтобы нанести цветной порошок, его щепотку берут между большим и двумя первыми пальцами и медленно осыпают на песок, перемещая большой палец по пальцам.

100. Для рисования одной из этих больших картин может потребоваться труд нескольких человек — иногда до дюжины — работающих с раннего утра до позднего вечера. Картина должна быть закончена до наступления темноты, так как работать над ней при искусственном освещении, которым располагают индейцы, невозможно. Пока идет работа, священник, проводящий церемонии, в основном лишь руководит и критикует. Исполнители прошли определенное посвящение. Они видели, как рисовали картину раньше, и знакомы с ее деталями. Если допускается ошибка, неисправленная часть не стирается; на нее насыпают песок, чтобы замазать ее, и исправленный рисунок наносится на новый слой песка. Картины рисуются в соответствии с точными и установленными правилами. Некоторые части измеряются ладонями и дюймами, и ни одна линия священных узоров не может быть изменена. При рисовании прямых линий цветной порошок высыпается на натянутую веревку. Но в некоторых случаях художнику разрешается потакать своей фантазии, так, при рисовании вышитых сумок, которые боги носят на поясе (таблица I), художник может, в определенных пределах, нарисовать своему богу такую красивую сумку, какую он пожелает, и вышить ее по своему усмотрению. Сначала рисуются обнаженные фигуры мифических персонажей, а затем добавляются одежда и украшения.

101. Когда картина готова, над ней проводят ряд церемоний (несколько различающихся в разных обрядах). На определенные части священных фигур могут наносить пыльцу или кукурузную муку, а также посыпать их одним из этих веществ. На нее могут наносить воду или лекарственные настои. Наконец, приводят пациента и усаживают его на картину. Увлажнив ладони, шаман или его помощник берет цветную пыль с различных частей божественных фигур и наносит ее на соответствующие части тела пациента. Затем обычно дают четыре глотка лекарства. Когда пациент уходит, другие больные или считающие себя больными люди в хижине берут пыль с картины на ладони и наносят ее на себя. Тот, у кого болит голова, берет пыль с головы на картине и наносит ее на свою голову. Тот, у кого болят ноги, берет пыль с изображенных ног. Когда все закончат, картина будет сильно испорчена; затем ее полностью уничтожают — метод и церемония уничтожения различаются в разных обрядах — а песок, на котором она была нарисована, выносят из хижины и выбрасывают. Пол в хижине подметают, и непосвященные, входящие через мгновение, не видят никаких следов того, что произошло.

102. На таблице I показаны изображения пяти разных богов, как они появляются по отдельности в сухих рисунках. Рисунок 29 представляет собой черную полную картину (оригинал которой был выполнен в пяти разных цветах) из обряда кледзи *хатал*, или ночного песнопения. Можно заметить, что некоторые из богов или йеи с таблицы I можно увидеть на рис. 29.

103. Знахари заявляют, что эти изображения передавались от учителя к ученику, не изменяясь на протяжении всех лет с момента их откровения пророкам обрядов. Есть веские основания полагать, что это не совсем так: большинство великих церемоний могут проводиться только в самое холодное время года — в месяцы, когда змеи находятся в состоянии спячки. До того, как автор нарисовал их, постоянных копий изображений не сохранилось; они передавались из сезона в сезон в памяти людей, и в племени не было окончательной инстанции, которая могла бы решать вопросы правильности. Но вполне вероятно, что изменения, если они и происходили, были непреднамеренными и происходили медленно. После того как автор сделал копии этих рисунков и знахари узнали, что они у него есть, шаманы, готовясь к проведению церемонии, нередко приводили молодых людей, которые должны были помогать в шатре, просили показать им рисунки « » и читали своим ученикам лекции, указывая на различные важные моменты, что, без сомнения, позволяло избежать ошибок и исправлений в шатре знахарей. Копии акварелей всегда (как знали шаманы) хранились в тайне в запретный сезон и никогда не показывались непосвященным членам племени.

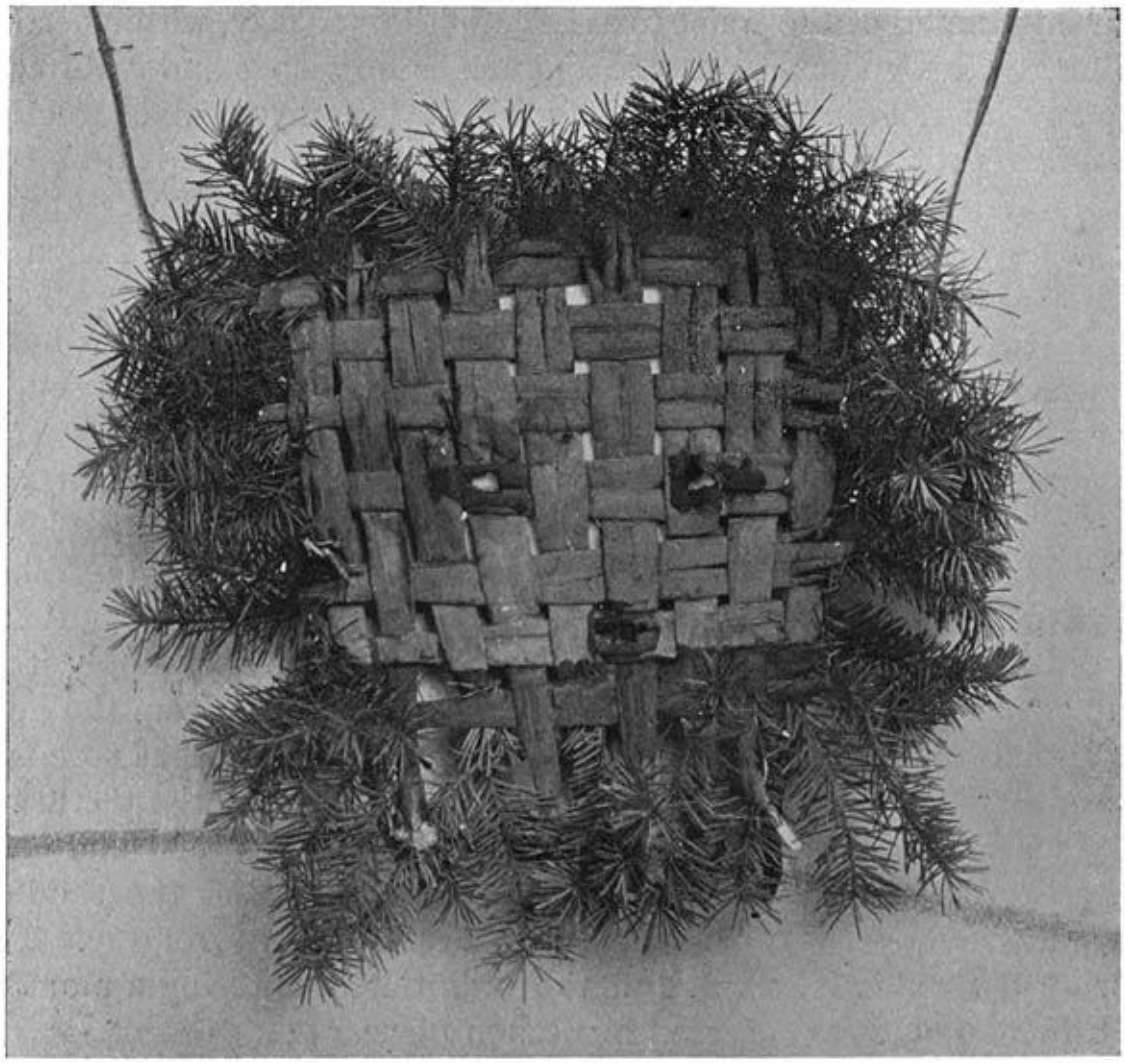


Рис. 26. Маска из юкки.

104. *Маскарад.* — В обрядах мужчины появляются в образе богов или других мифических персонажей. Иногда такие изображения создаются только с помощью краски и оборудования, как в случае с аканинили ( ) , или посланником горного песнопения[314], который одет так, чтобы изображать пророка Дсї′ли Неяни, как он появился после того, как Богиня-Бабочка преобразила его; но в других случаях к одежде добавляются маски, как в ритуалах ночного песнопения. В этом случае используется двадцать одна маска[267], сделанная из священной оленьей кожи[13], которую надевают представители богов, помимо маски из листьев юкки[14], украшенной еловыми веточками (рис. 26), которую пациент надевает в одном случае. Маски из оленьей кожи, без перьев и воротников, хранятся в мешке у шамана, и он везет их на лошади к месту, где будут проводиться обряды; там их заново раскрашивают, а воротники и перья добавляют непосредственно перед тем, как они будут использованы в церемонии.

105. На таблицах IV и VII показаны маски в том виде, в каком они фактически носятся, а также мужчины, одетые и раскрашенные так, чтобы изображать богов войны. На таблице I мы видим изображения этих масок, как они представлены на сухих росписях. На рис. 27 показана маска Хастсейалти, Говорящего Бога, в том виде, в каком она выглядит, когда все готово к танцу, с перьями и воротником из свежих еловых веток. На рис. 28 изображена маска йебаад, или женского

йеи. Женские маски покрывают только лицо, оставляя волосы открытыми. Мужские маски (рис. 27) покрывают всю голову, скрывая волосы.

106. Когда мужчина одет в свой божественный костюм, он не говорит; он только делает движения и издает особый крик — у каждого бога есть свой особый крик — и может совершать действия над пациентом с помощью своего особого оружия или талисмана. Говорят, что маскарадчик на время перестает быть навахо, а становится богом, и молитва ему — это молитва богу. Когда он входит в хижину и садится перед больным, тот передает ему свою жертву и молится ему с благочестием, хорошо зная, что жертву принимает его собственный дядя или двоюродный брат, переодетый в одеяния божества.

Рис. 27. Маска Хастсеяльти.

107. *Танец.* Путешественники обычно называют индейские церемонии танцами. Это происходит главным образом потому, что танец больше всего привлекает внимание белых людей, а другие части церемонии, как правило, остаются без внимания. Танец редко является самым важным элементом индейской церемонии, а у навахо он всегда играет второстепенную роль. В некоторых менее значимых обрядах он вообще не встречается. В девятидневной церемонии горного песнопения он происходит только в последнюю ночь и составляет лишь часть представления — грубые драматические спектакли и фокусы (см. рис. 30) занимают примерно одинаковое время до

окончания представления, вскоре после рассвета. В девятидневной церемонии ночного песнопения танцы как часть церемонии ограничиваются последней ночью, хотя репетиции танцев без костюмов проходят после захода солнца в течение нескольких дней до этого.

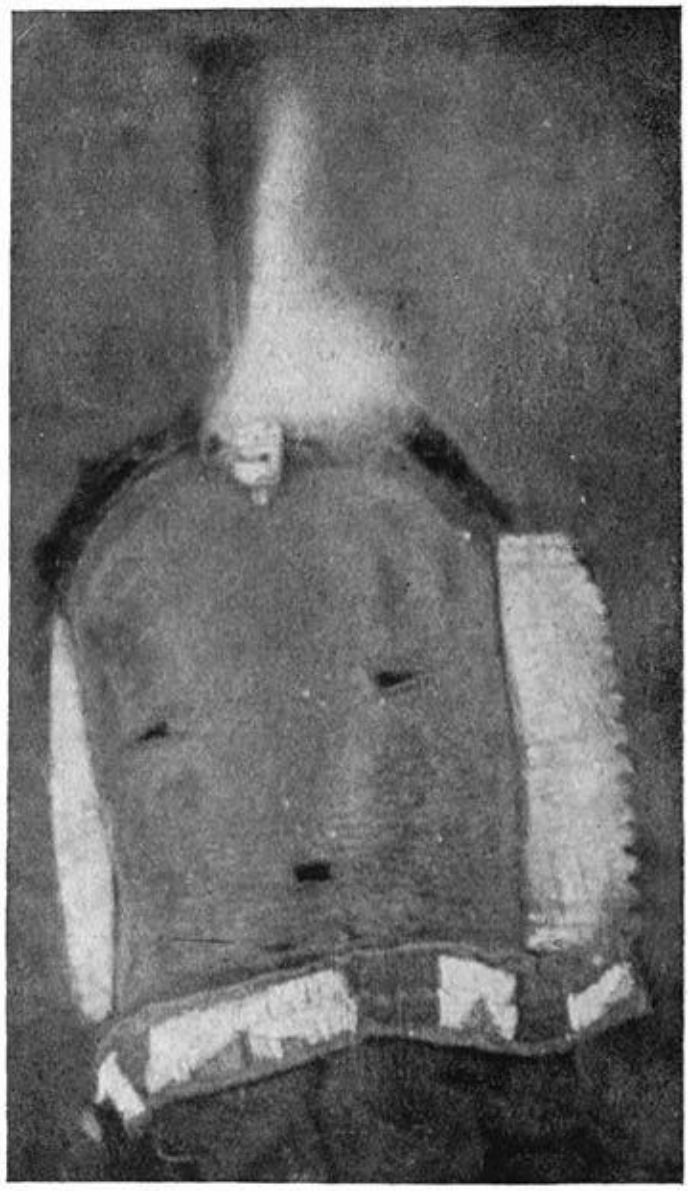


Рис. 28. Маска йебаад или богини.

108. Эти танцы навахо, хотя и сопровождаются религиозной символикой и часто исполняются мужчинами в священных костюмах, несомненно, в основном предназначены для развлечения зрителей. Хотя в первые восемь или девять дней великой церемонии присутствуют лишь несколько человек, в последнюю ночь всегда собирается большая толпа, чтобы посмотреть представления, и многие люди не спят всю ночь, чтобы это сделать. В последнюю ночь горного

песнопения танцы живописны и разнообразны. Многие из них заимствованы из других обрядов. Они были описаны автором в предыдущей работе. В последнюю ночь ночного песнопения танцы и песни меняются незначительно, и обычному наблюдателю может показаться, что они не меняются вовсе. Однако зрители, приходящие на горное песнопение, не более бодры и внимательны, чем те, кто приходит на ночное песнопение. Танцы « » всегда ритмичны и хорошо синхронизированы. Часто используются фигуры, похожие на наши кадрили, но не наблюдалось круговых танцев, таких как вальс или полька — неровная поверхность не подходит для таких танцев. Танцоры и барабанщики долго репетируют в частном порядке, прежде чем выйти на публичное выступление.

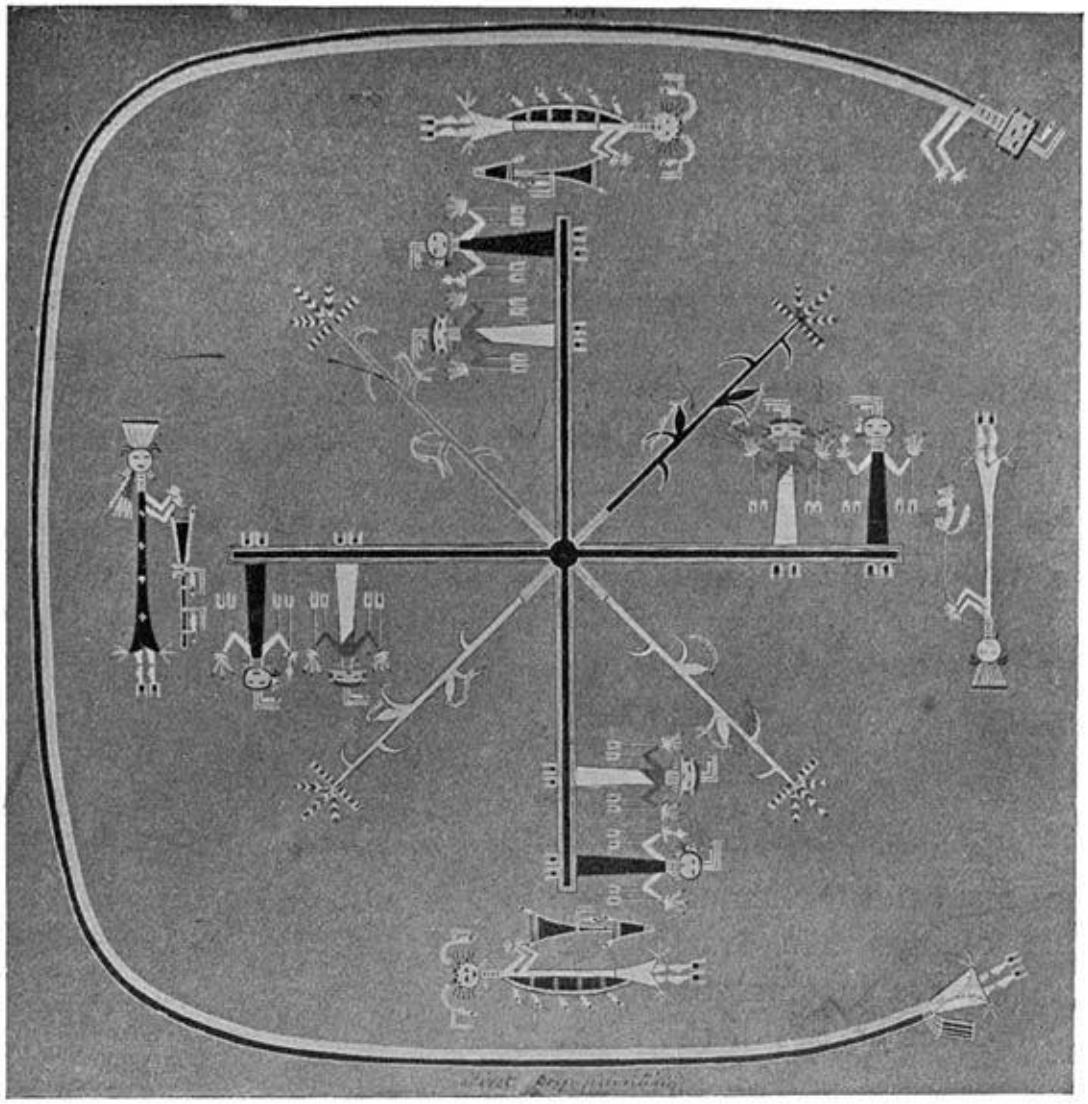


Рис. 29. Изображение silnéole, сухая роспись ночного песнопения.

109. *Молитва.* В статье под названием «Молитва шамана навахо»[315] автор опубликовал длинное сочинение, названное молитвой человеком, от которого он его получил, которое представляет собой простое повествование и не содержит ни слова мольбы. Это единственная молитва такого рода, полученная от навахо. Было записано много других длинных молитв, все из которых построены по общему плану. Упоминается имя бога, и ему придаются некоторые лестные

атрибуты. Если это бог, такой как Хастсеяльти, которых более одного с таким же именем, упоминается его место жительства. Ему сообщают, что для него приготовлены жертвы. Его просят снять чары болезни. Сразу же ему дают заверение, что они сняты. Затем его просят даровать различные благословения просящему и всем его родственникам и народу. Шаман произносит молитву « » по одному предложению за раз, а пациент повторяет за ним, предложение за предложением.

110. Эти молитвы, повторяемые двумя голосами, звучат очень похоже на литании и все заканчиваются выражением (hozóna hastlé), аналогичным аминь в христианских молитвах, повторяемым четыре раза; однако молитвы навахо не показывают в своем духе никаких признаков влияния христианского учения. Они являются чисто языческими сочинениями. Единственным свидетельством какого-либо современного влияния является периодическое включение просьбы об увеличении богатства в виде лошадей и овец. Типичная молитва навахо из обрядов кледзи *хатал* приведена в примечании 288.

111. Помимо этих длинных молитв, повторяемых двумя людьми, у шаманов есть много монологических молитв; есть молитвы беззвучные и голосные, сформулированные и импровизированные, используемые как священниками, так и мирянами; есть короткие благочестивые изречения, которые можно отнести к благословениям и восклицаниям.

ЛЕГЕНДЫ.

112. Из множества длинных мифов и легенд, полученных автором от навахо, три были выбраны для публикации в этом томе. Первая — это легенда о происхождении племени; две другие — неполные ритуальные мифы, то есть ритуальные мифы, рассказанные людьми, которые не были священниками соответствующих обрядов.

113. *Версии.* Как и следовало ожидать от неграмотного народа, редко рассеянного по обширной территории, легенды навахо имеют много вариантов. Два человека не расскажут одну и ту же историю одинаково, и каждый рассказчик, вероятно, будет утверждать, что его версия — единственно достоверная. Варианты легенды о происхождении, которая является достоянием всего племени и, в отличие от ритуальных мифов, не хранится никаким особым орденом или священством, особенно многочисленны; но даже в ритуальных мифах, рассказываемых священниками обрядов, можно найти различные версии. Несмотря на эти различия, рассказчики в основном сходятся в более важных вопросах. Из двух ритуальных мифов, приведенных в этой работе, была получена только одна версия каждого, но было записано несколько версий легенды о происхождении, полных или частичных. Опубликованная здесь версия была выбрана как наиболее полная, обширная и последовательная из всех. Другие версии часто дополняют ее. Рассказчики иногда признавали, что забыли эпизоды, которые другие помнили и подробно описывали. Ученый старый шаман Хатали Нез забыл рассказать, как были созданы звезды, в то время как более молодой и менее эрудированный человек, серебряник Джейк, рассказал хорошую версию этого эпизода, которая также поступила автору из других источников. Версия легенды Джейка, которая уже была опубликована, обозначена в примечаниях как версия B;[306] версия старого Торлино, священника хозони *хатала*, обозначена как версия A. Другие версии упоминаются, но не обозначены буквой или цифрой. Некоторые фрагментарные версии других авторов[291 300] были опубликованы, но они не цитируются в примечаниях.

114. *Легенда о происхождении*. Легенда о происхождении делится на четыре четко разграниченные части или главы, которые называются: I. История появления; II. Ранние события в Пятом мире; III. Боги войны; IV. Рост народа навахо. Название первой части дано ей рассказчиками навахо. Названия остальных частей даны автором. Первая часть, «История появления», заканчивается рассказом о том, как люди вышли из четвертого мира на поверхность этого, пятого мира.[15]

115. *Мифы-ритуалы.* Под мифом-ритуалом понимается миф, который объясняет смысл церемонии, ее происхождение, ее появление среди навахо или все эти вещи вместе взятые. Навахо проводят длительные и дорогостоящие церемонии, многие из которых длятся девять дней. Каждая церемония связана с одним или несколькими мифами или легендами, которые могут быть не совсем мифическими.

116. Когда ритуальный миф рассказывает жрец того ритуала, к которому относится миф, в рассказ вводятся мельчайшие и часто утомительные подробности, касающиеся ритуала, его действия, символизма и жертвоприношений. Когда такой миф рассказывает тот, кто не является жрецом этого ритуала (хотя он может быть жрецом какого-то другого ритуала), эти эзотерические части полностью опускаются или упоминаются лишь вскользь. К последнему классу относятся два ритуальных мифа, приведенных в этой книге. Они публикуются здесь, потому что являются одними из самых интересных и оригинальных из тех, что были собраны среди навахо. В примечаниях внимание читателя обращается на несколько мест, где, как полагают, упоминаются

эзотерические или церемониальные вопросы. Сказки, содержащие полные церемониальные аллюзии, сохранены для будущей публикации вместе с описанием обрядов, к которым они относятся, поскольку это считается более подходящим местом для их публикации.

117. В одной из версий легенды о происхождении (версия А) часть этой истории используется как ритуальный миф. Она украшена молитвами и песнями и перемежается аллюзиями на церемониальные обряды, которых нет в версии Хатали Неза, но в остальном она уступает последней. Таким образом, украшенная, она вносит свой вклад в миф о церемонии хозони *хатал*, или песнопении земной красоты. Даже в версии Хатали Нез песни, похоже, взяты из какого-то ритуального мифа и вряд ли относятся к первоначальной истории.

118. Всякий раз, когда появлялась возможность изучить обряд с связанным с ним мифом, выяснялось, что миф никогда не объясняет всю символику обряда, хотя и может объяснить все наиболее важные действия. Первобытная и лежащая в основе символика, которая, вероятно, существовала до установления обряда, остается необъясненной мифом, как будто ее существование считается само собой разумеющимся и не требует объяснения. Некоторое объяснение этой основополагающей символики можно найти в легенде о происхождении или в других ранних легендах племени, но остается нечто, чего даже они не объясняют.

Рис. 30. Алили или шоу («танец») нахикаи в ритуале горного песнопения.

119. *Мифы о вращающихся бревнах.* — В церемонии кледзи *хаталь* на полу лечебного шатра рисуется большая сухая роспись, которая очень неточно изображена на рис. 29. Оригинал был выполнен в пяти цветах и имел диаметр около 12 футов. Он изображает видение пророка Белахатини, который установил обряды кледзи *хаталь*. Согласно легенде, однажды в долине Сан-Хуан он был приведен к озеру, на берегу которого росли четыре стебля священной кукурузы, каждый своего цвета. В центре озера лежали два бревна, пересекающиеся под прямым углом. У обоих концов каждого бревна сидела пара йеи, или гениев, мужчина и женщина, всего восемь. На

берегу озера стояли еще четыре йеи, трое из которых имели посохи, с помощью которых они ( ) удерживали перекрещенные бревна вдали от берега и вращали их в воде. Богиня радуги, антропоморфная радуга навахо, окружала озеро. Все обстоятельства этой странной сцены должным образом символизированы в картине.

120. Именно в своих попытках получить более подробное объяснение этой необычной картины автор наткнулся на историю о Натинестани. Эта история не объясняет картину, хотя некоторые ее фрагменты (параграфы 481, 488) могут показаться объяснением. История, к которой относится картина, — это история Белахатини, которая, возможно, когда-нибудь будет опубликована в связи с описанием церемонии кледзи *хаталь*, или ночного песнопения. Согласно рассказу, пророк Белахатини плыл по реке Сан-Хуан в полым бревне, пока не достиг вихревого озера, где он увидел видение, изображенное на сухой картине. Но когда шаман закончил рассказ о Белахатини, он сказал: «Есть еще одна история о человеке, который плыл по реке Сан-Хуан в полым бревне. Это история, относящаяся к другому обряду, ацосидзе *хаталь*. Хотите ее услышать?» Так и была рассказана история о Натинестани. Рассказчик обеих историй был жрецом кледзи *хаталь*, но не ацосидзе *хаталь*; поэтому одна история полна аллюзий на действия в церемонии, а другая, опубликованная здесь, содержит лишь несколько таких аллюзий.

121. *Великая раковина Кинтьеля.* История о Великой раковине Кинтьеля, приведенная здесь, является фрагментом ритуального мифа — мифа о йоидзе *хатале*, или йои хатале250 (песнопении бус), девятидневной церемонии исцеления. Она передает мораль, часто встречающуюся в рассказах навахо, а именно: мы не должны презирать бедных и скромных. Они могут быть благословлены богами и завтра оказаться более могущественными, чем те, кто вчера презирал и высмеивал их. Она также символизирует триумф бедного навахо над богатыми пуэбло.

122. *Перевод легенд.* При переводе сказок навахо на английский язык автор не ограничился буквальным переводом. Такой перевод часто был бы труднопонятным и, что еще чаще, неинтересным для чтения. Он считал своим долгом сделать перевод читабельным, передавая дух оригинала, а не точные слова. Сказки были рассказаны на беглом языке навахо, легко понятном и настолько литературно совершенном, что привлекало внимание слушателей. Они должны быть переведены на английский язык с сохранением аналогичного характера, даже если для ясности смысла приходится добавлять слова. Такие привилегии используют переводчики Библии и классических авторов. Тем не менее, автор постарался ни в коем случае не превысить метафорическую или описательную силу оригинала и ни в коем случае не добавить ни одной собственной мысли. Если он и ошибся в передаче духа диких авторов, то скорее в сторону уменьшения, чем преувеличения. Он ошибся в сторону безопасности. Он старался «настроить ситар» скорее низко, чем высоко.[15a] Кроме того, оригинал часто украшался пантомимой и модуляцией голоса, которые выражали больше, чем просто слова, и которые автор не в состоянии передать, а также содержал импровизированные ономатопеи, которые невозможно выразить буквами.

123. *Тексты.* — Люди, которые рассказывали автору истории, содержащиеся в этой книге, не были людьми с неограниченным досугом, как многие полагают об индейцах; они были популярными шаманами или знахарями, у которых было много обязательств по проведению церемоний в течение летних месяцев, и только в зимние месяцы они позволяли себе рассказывать истории. Обычно было трудно договориться с одним из этих шаманов, чтобы он посвятил две или три недели работе с автором. Кроме того, у них были фермы и скот, которые требовали их заботы. Автор тоже не был человеком с неограниченным количеством свободного времени. Редко он мог посвятить более двух-трех часов из двадцати четырех работе над этнографией. Не раз ему приходилось нарушать договоренность с шаманом, что обходилось ему значительными хлопотами и деньгами, чтобы отправиться в командировку вдали от своего места службы. По этим причинам

было невозможно записать оригинальные индейские тексты всех рассказов. Автор должен был выбирать между обширными текстами и обширными рассказами. Он выбрал последнее. Но некоторые тексты были записаны. Чтобы читатель мог судить, насколько точно предлагаемый здесь свободный перевод следует оригиналу, в примечаниях приведен текст навахо из первых десяти абзацев легенды о происхождении с межстрочным переводом. В примечаниях также можно найти тексты песен, молитв и интересных отрывков.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ АЛФАВИТ.

124. С момента создания нынешнего алфавита Бюро этнологии (в 1880 году) автор привык использовать его для написания индейских слов. Но до сих пор он писал в основном для научного сообщества, для этнологов и филологов, которые либо были знакомы с этим алфавитом, либо были готовы постоянно обращаться к нему при чтении. Поскольку настоящая работа предназначена для более широкого круга читателей, целесообразность использования алфавита Бюро становится сомнительной. Многие друзья автора просили его не использовать его в этом сборнике рассказов, полагая, что его необычные символы сбивают с толку среднего читателя и снижают интерес к работе. Поэтому была разработана другая система, согласно которой согласные, напечатанные латинскими буквами, имеют обычные английские звуки, а те, что напечатаны курсивом, имеют звуки, аналогичные английским, но не идентичные им. Гласные, если они не помечены, имеют континентальные звуки. Когда эти звуки изменяются, добавляются диакритические знаки в соответствии с последним изданием словаря Вебстера. Звук английского a в слове « » обозначается как ạ. Единственный дифтонг — ai, который имеет звук английского i в слове «pine». В этой книге используется один знак, не применяемый в орфоэпии Вебстера, а именно: обратные кавычки после гласной, чтобы показать, что она является придыхательной.

125. Благодаря такому расположению слов, случайный читатель легко разберет индейские слова. Если он потрудится ознакомиться с этим и предыдущим абзацами, то сможет произносить слова почти так же, как навахо; если нет, то, по крайней мере, он сможет произносить их так, что немногие навахо не поймут его. В любом случае, для большинства читателей идеальное произношение индейских слов не имеет значения. Многие белые люди, живущие в пределах территории навахо, общаются с этими индейцами на жаргоне или упрощенном языке, который можно записать английскими буквами с их обычным английским значением. Например, возьмем слово, обозначающее хижину или дом. Правильно оно произносится как hogán, но белые в Нью-Мексико обычно называют его hogán, и навахо всегда понимают это слово, произнесенное таким образом. В этой форме оно является заимствованным английским словом на юго-западе. Ниже приведены значения согласных, напечатанных курсивом:

d имеет звук английского th в this.

g имеет звук, неизвестный в английском языке, gh неточно его передает. Это g из дакота или арабское *ghain*.

h имеет звук немецкого ch в machen.

l — это придыхательное l, неизвестное в английском языке, hl неточно его передает. Оно образуется скорее боковой частью языка, чем его кончиком.

s имеет звук английского sh в слове shot.

t имеет звук английского th в слове thing.

z имеет звук английского z в слове azure.

c, j, q, r и x не используются. Звук английского ch в слове church обозначается *ts*; звук английского j в слове jug обозначается *dz*.

ПРАВОПИСАНИЕ НАВАХО.

126. Во многих статьях о навахо, которые автор написал ранее, он писал название племени в соответствии с испанской системой «Navajo», а множественное число также в испанской форме «Navajos». В настоящей работе он пишет его в соответствии с английской орфографией «Navaho», с английским множественным числом «Navahoes», и намерен писать так и в будущем. Он делает это потому, что испанское написание вводит в заблуждение большинство английских читателей. Можно справедливо спросить, почему он должен применять английскую орфографию к Navaho, имени испанского происхождения, в то время как он сохраняет вводящую в заблуждение испанскую орфографию San Juan. В ответ на это недостаточно сказать, что территория Навахо принадлежит Соединенным Штатам с 1848 года и что мы, таким образом, приобрели право писать это название по-своему; ведь тысячи других названий испанского происхождения уже давно отмечены на нашей карте, и мы никогда не рисковали изменять их ни в написании, ни в произношении. Возможно, лучшая защита нашего курса заключается в том, что название Навахо существует только в пределах наших границ. Если мы изменим написание здесь, мы не будем противоречить написанию в других местах. Но в испаноязычной Америке есть десятки Сан-Хуанов. Мы не могли бы изменить написание нашего Сан-Хуана без путаницы. Было бы лучше последовать примеру лорда Байрона и произносить его как Jew′an, но жители юго-запада, вероятно, никогда этого не сделают. Они всегда будут называть эту реку «Сан-Вон» или «Сан-Вон». Кроме того, английское написание Навахо не является чем-то новым для автора. Многие уже приняли его.

ПРИМЕЧАНИЯ.

126. При подготовке примечаний автор обычно ограничивался теми вопросами, которые, по его мнению, он может объяснить, или, по крайней мере, объяснить лучше, чем кто-либо другой. В нескольких случаях он дал информацию по темам, которые не являются общеизвестными и которые нелегко исследовать. Чтобы удержаться в рамках одного тома, пришлось устоять перед соблазном уйти в соблазнительные дебри сравнительной мифологии и спекулировать на более сокровенном значении мифов. Сходства между сказаниями навахо и других народов, цивилизованных и диких, древних и современных, многочисленны и заметны, но место, отведенное для них, было бы утрачено для более важных тем. Кроме того, многие читатели этой книги, возможно, лучше автора готовы заметить эти сходства.

ШАМАНЫ.[16]

127. Различные авторы так много говорили против индейских знахарей, обвиняя их в том, что они реакционеры, злоумышленники и откровенные обманщики, что автор чувствует себя вынужденным дать некоторые свидетельства в их пользу, по крайней мере в пользу тех, кого он встречал среди навахо; он не будет сейчас говорить о других племенах.

128. Среди навахо есть шарлатаны и мошенники, которые лечат болезни; люди, которые притворяются, что высасывают болезнь из пациента, а затем извлекают из своего рта камушки, кусочки угля или тела насекомых, утверждая, что это и есть болезнь, которую они извлекли. Но священники великих обрядов не относятся к их числу. Все те, кого знает автор, выше таких уловок. Они совершают свои обряды, твердо убежденные, что призывают божественную помощь, и их призвание придает их характеру достоинство . Они мало вмешиваются в политические дела племени.

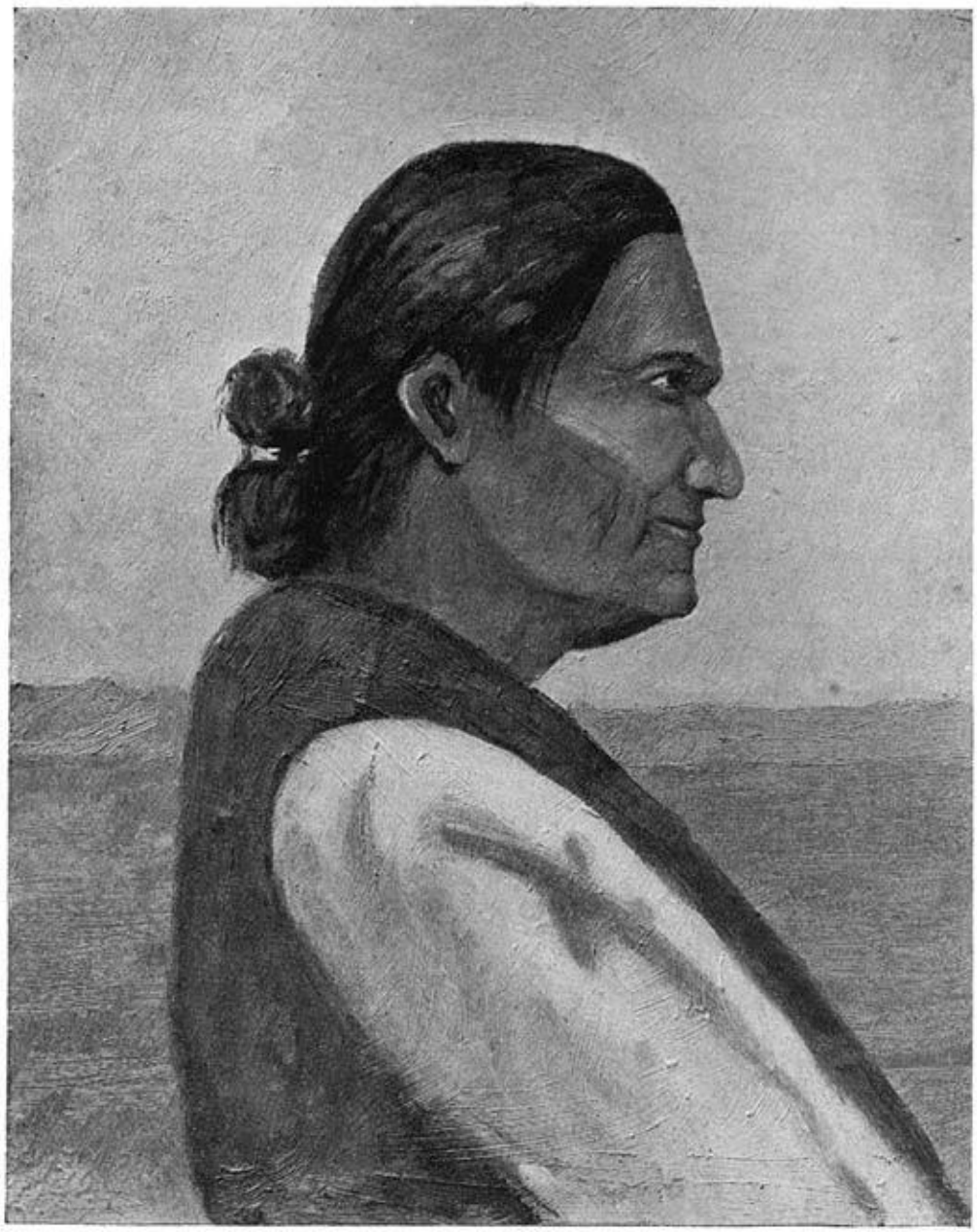


Рис. 31. Хатали Натлои.

129. *Улыбающийся певец.* — К большому сожалению, мы не можем представить более точного изображения Хатали Натлои, чем то, что показано на рис. 31. Оно воспроизведено с картины, скопированной с нечеткой фотографии Kodak. Его имя можно перевести как «Улыбающийся певец» или «Улыбающийся доктор»; на его лице никогда не видно гнева или неприятного выражения. Его также называют Хатали Пахозони, что можно перевести как «Счастливый или Добродушный Певчий». Он является священником клэда *« » (* zi *hatál*, или ночной песнопения). В любом сообществе его считали бы человеком высокого характера. Он достоин, вежлив, добр, честен, правдив и уважает себя. Но его достоинство не является помпезным. Он обладает острым чувством юмора, отлично шутит и хорошо подражает; но, несмотря на всю свою веселость, он не является ни вульгарным, ни грубым ( ). Он никогда не просил у автора милостыню и никогда не договаривался с ним заранее о своих услугах, не называл цену за них, когда заканчивал работу. Он всегда прилагал все усилия, чтобы все объяснить, и, после того как писатель был должным

образом посвящен в тайны его ордена, он ничего не скрывал. Ему мы обязаны рассказом о Натинестани.

130. *Высокий певец.* — На рисунке 32 изображен пожилой священник по имени Хатали Нез, или Высокий певец. Он был первым, кого удалось убедить объяснить автору церемонии и рассказать о ритуальных мифах, но когда он показал пример, другие последовали его примеру. Он также является священником ночного пения. В последние годы он стал непопулярным шаманом из-за растущей раздражительности, но он не проявляет зависти к своим более популярным соперникам. Возможно, он знает легенды лучше, чем кто-либо другой в племени. Прежде чем довериться автору, он сказал: «Песнопевцы среди навахо — все братья. Если ты хочешь узнать наши секреты, ты должен стать одним из нас. Вы должны навсегда остаться моим братом. Вы обещаете это?» С тех пор он обращается к автору как к Сицли, «моему младшему брату», а его самого называют Синаи, «моим старшим братом».

131. *Этика.* Среди себя эти люди имеют кодекс этики, который, в целом, соблюдается более честно, чем кодекс нашей медицинской профессии. Они не проявляют ревности друг к другу. Они не хвастаются превосходством того или иного обряда, который они практикуют. Они помогают и советуют друг другу. Если шаман, выполняя обряд, обнаруживает, что его запас какого-либо священного предмета иссяк, он посылает за ним ближайшего шамана. Если у того есть такой предмет, он обязан его отдать и не имеет права принимать за это плату.

132. *Торлино.* — Они так же охотно, как и другие индейцы, изучают философию белых людей. Старый Торлино, жрец хозони *хатал*, отправил сына учиться в Карлайл, и когда молодой человек вернулся, он, несомненно, поделился с отцом многим из того, что там узнал. Автор отправил за стариком, чтобы узнать от него миф о хозони *хатал*. Торлино начал: «Я знаю, что белые люди говорят, что мир круглый и что он парит в воздухе. В моем рассказе говорится, что мир плоский и что существует пять миров, расположенных один над другим. Вы не поверите моему рассказу, и, возможно, не захотите его слушать». Убедившись, что рассказ действительно желателен, несмотря на все теории белых людей, он продолжил. «Тогда я расскажу вам правду. Я расскажу вам все, что слышал от стариков, которые учили меня, насколько я сейчас помню. Зачем мне вам лгать?» А затем он сделал интересное заверение, которое здесь переведено дословно: «Я стыжусь перед землей; я стыжусь перед небесами; я стыжусь перед рассветом; я стыжусь перед вечерними сумерками ( ); я стыжусь перед голубым небом; я стыжусь перед тьмой; я стыжусь перед солнцем; я стыжусь перед тем, что живет во мне и говорит со мной (моя совесть!).[274] Некоторые из этих вещей всегда смотрят на меня. Я никогда не выхожу из поля зрения. Поэтому я должен говорить правду. Вот почему я всегда говорю правду. Я держу свое слово крепко прижатым к груди».

133. *Медицинская практика.* Часто шаманы приходили к автору за лечением для себя и своих друзей, и они никогда не скрывали этого, а просили лекарства в присутствии мирян своего племени. Они не притворяются, что занимаются панацеями. С другой стороны, в тех случаях, когда автор не мог быстро помочь больному индейцу, они приходили со всей искренностью и вежливостью и говорили: «Я знаю средство от этой болезни. Позволите мне попробовать?» Они не ограничиваются практикой своих шаманских обрядов. Они используют различные растения для лечения болезней, и в простых, острых случаях они применяют их без молитв, жертвоприношений или заклинаний.

Рис. 32. Шаман Хатали Нез (Высокий Певец).

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО (ПОЭТАМ И ДРУГИМ).

134. Возможно, поэты, романисты, путешественники и составители будут искать в этом скромном томе факты и фантазии, которые, облеченные в более красивую форму, могут добавить интереса их страницам. Автор не просит, чтобы такие писатели указывали источник своего вдохновения. Это больше, чем он имеет право ожидать. Наши величайшие поэты заимствовали из столь же неизвестных источников и никогда не называли своих кредиторов. Автор уже не раз испытывал удовольствие, видя свои мысли и открытия, напечатанные под чужими именами. Но он осмеливается высказать несколько просьб к литературному заимствователю. Он просит последнего не искажать и не извращать то, что здесь написано, — не вкладывать чужие мысли в умы этих языческих героев; не вооружать их оружием и не одевать в одежды чужого народа; не заставлять их играть несоответствующие роли.

135. Стивен Пауэрс в своей книге «Племена Калифорнии»326 (стр. 38) простым и прямым языком рассказывает историю о том, как огонь пришел к народу карок. Через несколько лет после того, как он написал эту историю, кто-то превратил ее в «стихотворение», которое появилось с очень художественными иллюстрациями в одном из наших ведущих журналов. В этом стихотворении Койот, находясь в затруднительном положении, изображен «гладящим свою козлиную бородку». У койотов нет козлиных бород, у индейцев нет козлиных бород. Гладить козлиную бородку, когда задумываешься или находишься в затруднительном положении, — это особенная манера нервного американца. Никакая аллюзия не могла бы быть более неуместной в индейской легенде. Если упомянутый поэт когда-нибудь выберет какую-либо из историй в этой книге, чтобы превратить ее в стихотворение, я прошу его не надевать бороду на подбородок бога койотов навахо, даже ради создания неверного рифма.

ВАШИНГТОН МЭТТЬЮС.

1262 Нью-Гэмпшир-авеню, Вашингтон, округ Колумбия.
1 мая 1896 г.

ЛЕГЕНДЫ.

ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАВАХО.

I. ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ.

136. В Тобиласкиди (в центре первого мира) на востоке появился белый цвет, и они[17] считали, что там наступил день, говорят они; на юге появился синий цвет, и для них все еще был день, и они передвигались; на западе появился желтый цвет, и это означало, что наступил вечер; затем на севере появилась темнота, и они легли и заснули.[18]

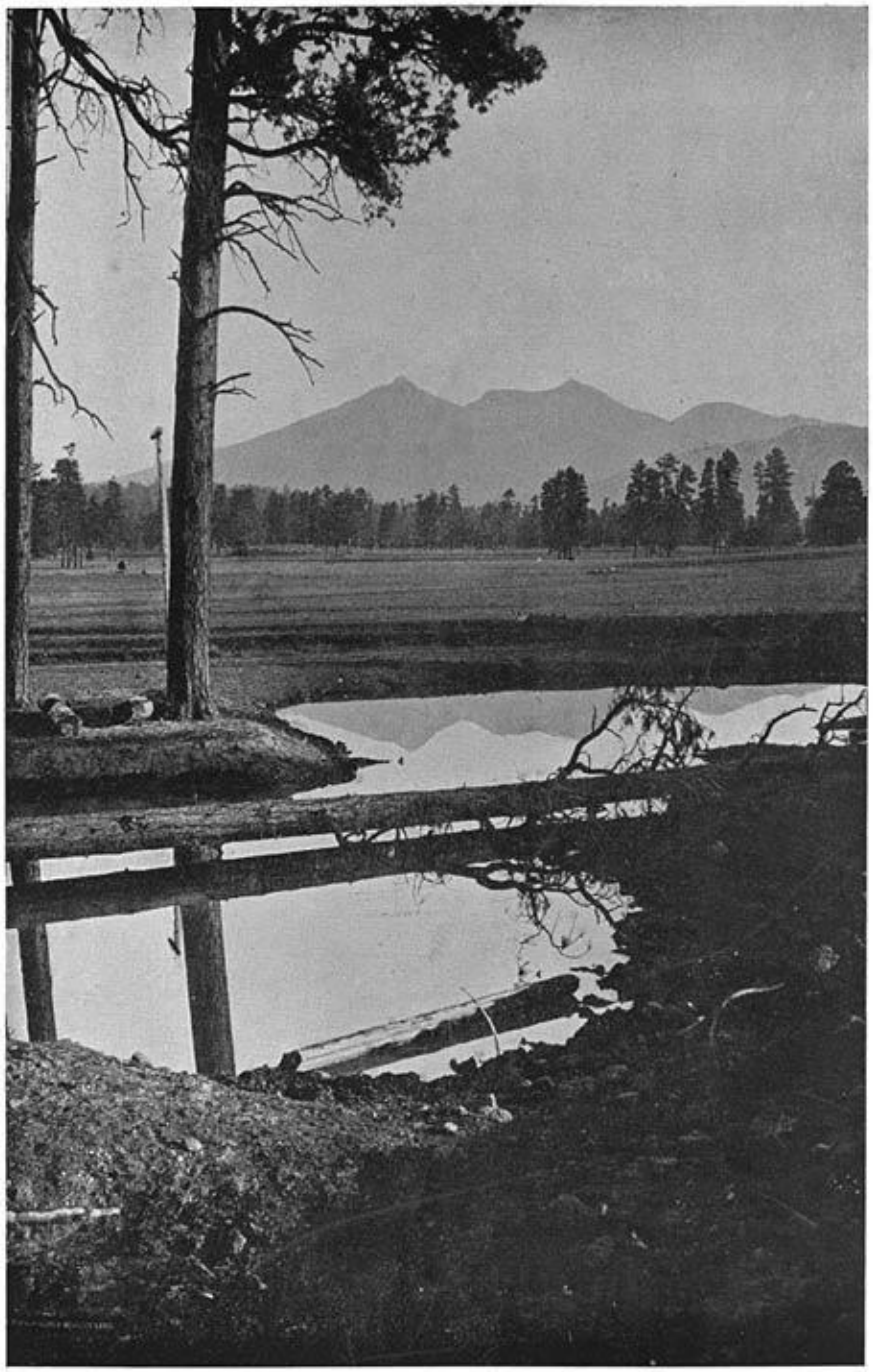


Таблица II. ГОРЫ САН-ФРАНЦИСКО (*ДОКОСЛИД*), АРИЗОНА.[56]

(Священная гора Запада.)

137. В Тобиласкиди вода текла (из центрального источника) в разных направлениях; один поток текла на восток, другой на юг, а третий на запад. На берегах потоков, текших на восток, на юг и на запад, были поселения.

138. На востоке было место под *названием « »* (Кукуруза), на юге — «Nahodoóla», а на западе — *«Lókatsosakád»* (Стоячий камыш). Опять же, на востоке было место под названием Эссалаи (Один горшок), на юге — место под названием *Тохадзитил* (Они часто приходят за водой), а на западе — место под названием Дсиллитсибегоган (Дом из Красной горы). Затем, снова, на востоке было место под названием Léyahogán (Подземный дом), на юге — место под названием Tsĭltsĭ′ntha (Среди ароматного сумаха), а на западе — место под названием Tse‘ lĭsíbehogán (Дом из красного камня).

139. Там жили Holatsí Dĭlyĭ′le (темные муравьи). Там жили Holatsí Lĭtsí (красные муравьи). Там жили Tanĭlaí (стрекозы). Там жили Tsaltsá (желтые жуки). Там жили Woĭntlĭ′zi (твердые жуки). Там жили Tse‘yoáli (жуки-каменоносцы). Там жили Kĭnlĭ′zĭn (черные жуки). Там жили майцан (жуки-койоты). Там жили цапани (летучие мыши). Там жили тоцо (жуки с белым лицом). Там жили вонстсиди (саранча). Там жили вонстисидайкай (белая саранча). Эти двенадцать народов начали свою жизнь там.[19]

140. На востоке простирался океан, на юге — океан, на западе — океан, а на севере — океан. В океане на востоке жил Тиэхолцоди; он был вождем людей, живших там. В океане на юге жил Талтлахале (Синяя цапля), который был вождем людей, живших там ( ). В океане на западе жил Цал (Лягушка), который был вождем людей, живших там. В океане на севере находился Иднидсилкаи (Белая Горная Гроза), и он был вождем местного народа.[20]

141. Люди ссорились между собой, и вот как это произошло. Они совершали прелюбодеяние, один народ с другим. Многие женщины были виновны. Они пытались остановить это, но не могли. Тиэхолтсоди, вождь на востоке, сказал: «Что нам с ними делать? Им не нравится земля, на которой они живут». На юге к ним обратился Синий Цапля, а на западе Лягушка сказала: «Я говорю вам: вы больше не будете жить здесь. Я здесь вождь». На севере Белая Горная Молния сказала: «Уходите отсюда немедленно. Уходите отсюда!»

142. Когда они снова согрешили и снова поссорились, Тиэхолцоди на востоке не стал с ними разговаривать; Синяя Цапля на юге не стала с ними разговаривать; Лягушка на западе ничего не сказала; а Белая Горная Молния на севере не стала с ними разговаривать.

143. Снова, по прошествии четырех ночей, произошло то же самое. Те, кто жил на юге, снова совершили преступление и снова поссорились. Одна женщина и один мужчина попытались войти на востоке (чтобы пожаловаться вождю), но их выгнали. На юге они попытались войти туда, где лежала Голубая Цапля, но их снова выгнали. На западе, где вождем был Лягушка, они снова попытались войти, но снова были изгнаны. На севере их снова изгнали. (Вождь) сказал: «Никто из вас (не войдет сюда). Идите в другое место и продолжайте идти». Той ночью в Находоола они провели совет, но не пришли к какому-либо решению. На рассвете Тиэхолцоди начал говорить: «Вы не обращаете внимания на мои слова. Везде вы не слушаетесь меня; вы должны уйти в другое место. Вы не останетесь на этой земле». Так он сказал им.

144. Женщины обсуждали это в течение четырех ночей. На утро четвертой ночи, когда они вставали, на востоке появилось что-то белое. Оно появилось также на юге, западе и севере. Оно выглядело как цепь гор, без разрыва, протянувшаяся вокруг них. Это была вода, которая окружала их. Непроходимая вода, непреодолимая вода текла вокруг. Все сразу же двинулись в путь.

145. Они летели по кругу вверх, пока не достигли неба. Оно было гладким. Они посмотрели вниз, но там вода поднялась, и кроме воды там ничего не было. Пока они летали вокруг, один с голубой головой высунул голову из неба и позвал их, говоря: «Здесь, на востоке, есть дыра». Они вошли в дыру и прошли через нее на поверхность (второго мира).

146. Синий принадлежал Hastsósidĭne‘, или Людям-Ласточкам.[21] Люди-Ласточки жили там. Огромное количество их домов, грубых и неровных, было разбросано по всей округе. Каждый сужался к верху, и в этой части была дыра для входа. Огромное количество людей подошло и собралось вокруг[275] незнакомцев, но они ничего не говорили.

147. Первый мир был красного цвета; второй мир, в который теперь вошли люди, был синего цвета.[22] Они послали двух гонцов, Саранку и Белую Саранку, на восток, чтобы исследовать землю и посмотреть, есть ли в ней люди, похожие на них. Через два дня курьеры вернулись и сказали, что за один день пути они достигли края света — вершины огромного утеса, возвышающегося над бездной, дна которой они не могли разглядеть; но за все время путешествия они не встретили ни людей, ни животных, ни деревьев, ни травы, ни полыни, ни гор, ничего, кроме голой, ровной земли. Те же самые гонцы были затем отправлены на юг, на запад и на север. Каждое путешествие длилось два дня, и когда они возвращались, они рассказывали, как и раньше, что достигли края света и не обнаружили ничего, кроме необитаемой пустоши. Таким образом, чужаки оказались в центре обширной бесплодной равнины, где не было ни пищи, ни родственных им людей. Когда курьеры вернулись с севера, Ласточки посетили лагерь вновь прибывших людей и спросили их, почему они отправили курьеров на восток. «Мы отправили их, — был ответ, — чтобы узнать, что находится в этой земле, и есть ли здесь люди, похожие на нас». «И что вам сказали ваши курьеры?» — спросили Ласточки. «Они сказали нам, что дошли до края света, но не нашли ни растений, ни живых существ на всей этой земле». (Те же вопросы были заданы и те же ответы были даны в отношении других сторон света). «Они сказали правду», — сказали Ласточки. «Если бы вы с самого начала спросили нас, что находится в этой стране, мы бы вам рассказали и избавили вас от всех этих хлопот. До вашего прилета на всей этой земле, кроме нас, никто не жил». Тогда люди сказали Ласточкам: «Вы понимаете наш язык и очень похожи на нас. У вас есть ноги, ступни, тела, головы и крылья, как и у нас: почему ваш народ и наш народ не могут стать друзьями?» «Пусть будет так, как вы хотите», — сказали Ласточки, и обе стороны сразу же начали относиться друг к другу как к членам одного племени; они смешались друг с другом и обращались друг к другу с помощью терминов родства, таких как «мой брат», «моя сестра», «мой отец», «мой сын» и т. д.[23]

148. Все они жили вместе приятно и счастливо в течение двадцати трех дней; но на двадцать четвертую ночь один из незнакомцев слишком свободно обошелся с женой вождя Ласточек, и на следующее утро, когда тот узнал о случившемся, он сказал незнакомцам: «Мы относились к вам как к друзьям, а вы так отплатили нам за нашу доброту. Мы не сомневаемся, что за такие преступления вы были изгнаны из нижнего мира, и теперь вы должны покинуть этот. Это наша земля, и мы не будем больше держать вас здесь. Кроме того, это плохая земля. Здесь каждый день умирают люди, и даже если мы пощадим вас, вы не сможете жить здесь долго». Услышав это, саранча взяла на себя инициативу; она взлетела вверх; остальные последовали за ней, и все взлетели и кружили, пока не достигли неба.

149. Когда они достигли неба, они обнаружили, что оно, как и небо первого мира, гладкое и твердое, без отверстий; но пока они кружили под ним, они увидели белое лицо, вглядывающееся в них, — это было лицо Нилци, Ветра. Он позвал их и сказал, что если они полетят на юг ( ), то найдут отверстие, через которое смогут пройти; они полетели, как велел, и вскоре обнаружили щель в небе, которая наклонялась вверх к югу; они пролетели через эту щель и вскоре вошли в третий мир на юге.

150. Цвет третьего мира был желтым.[22] Здесь они не нашли ничего, кроме народа кузнечиков. Последние собрались вокруг странников в большом количестве, но ничего не сказали. Они жили в норах в земле вдоль берегов большой реки, которая текла через их землю на восток. Странники послали тех же самых посланников-саранчу, которых они посылали во втором мире, чтобы исследовать земли на востоке, юге, западе и севере, чтобы узнать, что там находится, и есть ли там родственные народы; но посланцы возвращались из каждого путешествия через два дня, говоря, что они достигли края света и нашли бесплодную землю, на которой не было людей, кроме кузнечиков.[24]

151. Когда курьеры вернулись из своего четвертого путешествия, два великих вождя Кузнечиков посетили незнакомцев и спросили их, зачем они послали исследователей, и незнакомцы ответили, что послали их, чтобы узнать, что растет в этой земле, и найти там людей, похожих на них. «И что нашли ваши курьеры?» — спросили вожди Кузнечиков. «Они не нашли ничего, кроме голой земли и реки, и никаких людей, кроме вас». «В этой земле больше ничего нет», — сказали вожди. «Мы долго жили здесь, но до вашего прихода не видели никаких других людей, кроме нас самих».

152. Тогда чужаки обратились к Кузнечикам, как они обращались к Ласточкам во втором мире , и попросили, чтобы те позволили им присоединиться к ним и стать одним народом с ними. Кузнечики согласились, и два народа сразу смешались друг с другом, обнялись и стали называть друг друга ласковыми словами родства, как будто все они были из одного племени.

153. Как и раньше, все шло хорошо в течение двадцати трех дней, но на двадцать четвертый день один из незнакомцев поступил с вождем Саранчи так же, как вождь Ласточек поступил с ним в нижнем мире. Утром, когда это злодеяние было обнаружено, вождь обругал незнакомцев и велел им уйти. «За такие преступления, — сказал он, — я полагаю, вас изгнали из нижнего мира: вы больше не будете пить нашу воду, не будете дышать нашим воздухом. Уходите!»

154. Они все снова взлетели и кружили, пока не достигли неба над ними, и обнаружили, что оно гладкое и твердое, как и раньше. Когда они кружили некоторое время, тщетно ища вход, они увидели красную голову, торчащую из неба, и услышали голос, который велел им лететь на запад. Это была голова Красного Ветра, которую они увидели, и это был его голос, который говорил с ними. Проход, который они нашли на западе, был извитым, как лоза виноградной лозы; он был создан ветром. Они пролетели через него кругами и вышли в четвертый мир. Четверо из Кузнечиков полетели с ними; один был белым, один синим, один желтым, а один черным. У нас до сих пор есть кузнечики этих четырех цветов.[25]

155. Поверхность четвертого мира была смешанной, черно-белой. Цвета в небе были такими же, как и в нижних мирах, но они различались по продолжительности. В первом мире белый, синий, желтый и черный цвета длились примерно одинаковое количество времени каждый день. Во втором мире синий и черный цвета длились немного дольше, чем два других цвета. В третьем мире они длились еще дольше. В четвертом мире было мало белого и желтого цветов; синий и черный цвета длились большую часть времени. Пока еще не было ни солнца, ни луны, ни звезд.

156. Когда они прибыли на поверхность четвертого мира, они не увидели ни одного живого существа, но заметили четыре большие заснеженные вершины, возвышающиеся на горизонте: одну на востоке, одну на юге, одну на западе и одну на севере.

157. Они послали двух гонцов на восток. Те вернулись через два дня. Они рассказали, что не смогли добраться до восточной горы и что, хотя они прошли далеко, не увидели ни следов, ни троп, ни признаков жизни. Затем на юг были отправлены два гонца. Когда они вернулись через два дня, они рассказали, что достигли невысокого горного хребта на этой стороне большой

вершины; что они не видели ни одного живого существа, но видели два разных вида следов, которых они никогда раньше не видели, и описали их как следы, которые сейчас оставляют олени и индюки. Затем двух курьеров отправили на запад. Через два дня они вернулись, не достигнув большой вершины на западе и не увидев ни одного живого существа и ни одного признака жизни. Наконец, двух гонцов отправили на север. Когда они вернулись к своим родственникам, они сказали, что нашли расу странных людей, которые стригли волосы прямо спереди, жили в домах под землей и возделывали поля. Эти люди, которые были заняты сбором урожая, по словам гонцов, очень любезно с ними обошлись и дали им еды. Теперь странникам стало очевидно, что четвертый мир был больше, чем любой из миров внизу.

158. На следующий день после возвращения послов, отправившихся на север, двое представителей вновь открытой расы, которых называли кисани (пуэбло), пришли в лагерь изгнанников и привели их к ручью. Вода в ручье была красной, и кисани сказали странникам, что они не должны переходить ручей, потому что вода повредит их ноги. Кисани показали им квадратный плот, сделанный из четырех бревен — белой сосны, голубой ели, желтой сосны и черной ели, — на котором они могли переправиться; так они перешли ручей и посетили дома кисани.

159. Кисани дали странникам кукурузу и тыквы, и те некоторое время жили на еде, которую ежедневно давали им их новые друзья. Они провели совет, на котором решили исправить свои манеры в будущем и не делать ничего, что могло бы разгневать кисани. На земле кисани не было ни дождя, ни снега; урожай выращивали с помощью орошения.

160. Поздней осенью они услышали на востоке отдаленный звук громкого голоса. Они прислушались и подождали, и вскоре услышали голос ближе и громче. Они продолжали слушать и услышали голос в третий раз, ближе и громче, чем раньше. Они снова прислушались и вскоре услышали голос еще громче и яснее, как голос человека, находящегося рядом. Через мгновение перед ними появились четыре таинственных существа.[26] Это были: Битсис Лакаи, или Белое Тело, существо, похожее на бога этого мира, которого навахо называют Хастсейалти; Битсис *Дотлиз,* или Синее Тело, похожее на современного бога навахо Тоненили, или Водяной Разбрызгиватель; Битсис Литсои, или Желтое Тело; и Битсис Лизин, или Черное Тело, который был таким же, как нынешний бог огня навахо, Хастсезини.

161. Эти существа, не произнося ни слова, делали людям много знаков, как будто давая им указания, но те не понимали их. Когда боги ушли, люди долго обсуждали это таинственное посещение и пытались понять, что боги имели в виду, делая эти знаки ( ). Так боги посещали их четыре дня подряд. На четвертый день, когда три других ушли, Черное Тело осталось и заговорило с людьми на их языке. Он сказал: «Вы, похоже, не понимаете знаков, которые делают вам эти боги, поэтому я должен объяснить вам, что они означают. Они хотят создать больше людей, но в форме, похожей на них самих. У вас тела, как у них, но у вас зубы, ноги и когти зверей и насекомых. Новые существа должны иметь руки и ноги, как у нас. Но вы нечисты, от вас плохо пахнет. Хорошо очиститесь, когда мы вернемся; мы вернемся через двенадцать дней».

162. Утром двенадцатого дня люди хорошо вымылись. Женщины вытирались желтой кукурузной мукой, мужчины — белой кукурузной мукой.[27] Вскоре после окончания омовения они услышали отдаленный зов приближающихся богов. Как и раньше, он раздался четыре раза, с каждым разом все ближе и громче, и после четвертого зова появились боги. Синее Тело и Черное Тело несли священную оленью шкуру. Белое Тело несло два початка кукурузы, один желтый, один белый, каждый полностью покрытый зернами на конце.[28]

163. Боги положили одну оленью шкуру на землю головой на запад; на нее они положили два початка кукурузы, кончиками на восток, а над кукурузой разложили другую оленью шкуру

головой на восток; под белым початком они положили перо белого орла, под желтым початком — перо желтого орла. Затем они велели людям отойти на расстояние и дать ветру войти. Белый ветер дул с востока, а желтый ветер дул с запада, между шкурами. Пока дул ветер, восемь человек из народа Мираж пришли и четыре раза обошли предметы на земле, и когда они шли, было видно, как двигаются орлиные перья, кончики которых торчали из-под оленьих шкур. Когда Люди Миража закончили свой обход, верхняя оленья шкура была поднята — початки кукурузы исчезли; на их месте лежали мужчина и женщина.

164. Белый колос превратился в мужчину, а желтый — в женщину. Именно ветер дал им жизнь. Именно ветер, выходящий из наших уст, дает нам жизнь. Когда он перестает дуть, мы умираем. В коже на кончиках наших пальцев мы видим след ветра; он показывает нам, где дул ветер, когда были созданы наши предки.

165. Так были созданы Первый Человек и Первая Женщина (Атсе *Хастин* и Атсе Эстсан). Боги велели людям построить для них ограду из хвороста ( ) . Когда ограда из хвороста ( ) была готова, Первый Человек и Первая Женщина вошли в нее, и боги сказали им: «Теперь живите вместе как муж и жена». Через четыре дня родились гермафродитные[29] близнецы, а еще через четыре дня родились мальчик и девочка, которые за четыре дня выросли до зрелого возраста и жили друг с другом как муж и жена. У первоначальной пары было в общей сложности пять пар близнецов, из которых только первая была бесплодной, поскольку была гермафродитной.

166. Через четыре дня после рождения последней пары близнецов боги снова пришли и унесли Первого Человека и Первую Женщину на восточную гору, где обитали боги, и продержали их там четыре дня. Когда они вернулись, всех их детей унесли на восточную гору и продержали там четыре дня. Вскоре после их возвращения было замечено, что они иногда носят маски, такие как *те*, что носят сейчас Хастсейалти и Хастсегоган, и что, когда они носят эти маски, они молятся о всех благах — о обильном дожде и обильном урожае. Считается также, что во время своего пребывания на восточной горе они узнали ужасные секреты колдовства, потому что антихи (ведьмы, колдуны) всегда носят с собой такие маски и женятся на тех, кто слишком близко с ними связан.

167. Когда они вернулись с восточной горы, братья и сестры расстались; и, сохраняя в тайне факт своих прежних незаконных браков, братья женились на женщинах из народа Мираж, а сестры вышли замуж за мужчин из народа Мираж. Они также хранили в тайне все тайны, которые узнали на восточной горе. Женщины, вышедшие замуж, рожали детей каждые четыре дня, и дети достигали зрелости за четыре дня, женились и, в свою очередь, рожали детей каждые четыре дня. Это многочисленное потомство женилось среди кисани и среди тех, кто пришел из нижнего мира, и вскоре на земле появилось множество людей.

168. Эти потомки Первого Мужчины и Первой Женщины создали большую ферму. Они построили плотину и выкопали широкий оросительный ров. Но они боялись, что кисани могут повредить их плотину или их урожай, поэтому они поставили одного из гермафродитов сторожить плотину, а другого — нижний конец поля. Гермафродит, который охранял плотину, изобрел гончарное дело. Сначала он сделал тарелку, миску и черпак, которые очень понравились людям. Гермафродит, живший в нижней части фермы, изобрел плетеную бутылку для воды.[30] Другие изготовили из тонких расколотых досок тополя орудия, которые они толкали перед собой, чтобы очистить землю от сорняков. Они также изготовили мотыги из лопаток оленей и топоры из камня. Семена они получали от кисани.

169. Однажды они убили маленького оленя, и кто-то из них подумал, что, возможно, из кожи головы можно сделать маску, с помощью которой они смогут подкрасться к другим оленям и

убить их. Они попытались сделать такую маску, но не смогли; она не подходила по размеру. Они обсуждали это изобретение и размышляли над ним в течение четырех дней, но не добились успеха. На утро пятого дня они услышали крики богов вдали. Как и в предыдущий раз, они крикнули четыре раза, и после четвертого крика появились. Они принесли с собой головы оленей и антилоп. Они показали людям, как делаются и подгоняются маски, как вырезаются отверстия для глаз, как нужно имитировать движения оленей, и объяснили им все другие тайны охоты на оленей.[31] На следующий день охотники вышли на охоту и убили несколько оленей; из них были сделаны еще маски, и с этими масками на охоту вышло еще больше людей; после этого в лагере было много мяса. Люди выделали оленьи шкуры и сшили из них одежду.

170. Люди из третьего мира прожили в четвертом мире восемь лет, когда произошел следующий случай: однажды они увидели, как небо наклонилось, а земля поднялась, чтобы встретить его. На мгновение они соприкоснулись, и тогда из земли, в месте соприкосновения, выскочили Койот и Барсук. Сейчас мы думаем, что Койот и Барсук — дети неба. Койот поднялся первым, и по этой причине мы считаем его старшим братом Барсука. Койот сразу же подошел к лагерю и стал красться среди людей, а Барсук спустился в нору, ведущую в нижний мир.

171. Первый Человек рассказал людям названия четырех гор, возвышавшихся вдали. Они были названы так же, как четыре горы, которые сейчас окружают землю навахо. На востоке была гора Циснадзни, на юге — *Цоциль*, на западе — *Докослид*, а на севере — Депенца, и он рассказал им, что на каждой горе жила своя раса людей.

172. Первый Человек был вождем всех этих народов в четвертом мире, за исключением кисани. Он был великим охотником, а его жена, Первая Женщина, была очень тучной. Однажды он принес домой с охоты прекрасного тучного оленя. Женщина сварила часть оленя, и они сытно пообедали. Когда они закончили, женщина вытерла жирные руки о платье и сделала замечание, которое сильно разгневало ее мужа; они поссорились из-за этого, и Первый Человек закончил ссору, перепрыгнув через огонь и оставаясь в одиночестве в тишине до конца ночи.[32]

173. На следующее утро Первый Человек вышел рано и громко позвал людей: «Соберитесь все, мужчины, — сказал он, — я хочу поговорить с вами, но пусть все женщины останутся дома, я не хочу их видеть». Вскоре собрались все мужчины, и он рассказал им, что сказала его жена накануне вечером. «Они верят, — сказал он, — что могут жить без нас. Давайте посмотрим, смогут ли они охотиться и возделывать поля без нашей помощи. Давайте посмотрим, как они смогут прожить сами по себе. Давайте оставим их и уговорим кисани пойти с нами. Мы перейдем реку, а когда перейдем, оставим плот на другой стороне». Он послал за гермафродитами. Они пришли, покрытые мукой, потому что мололи зерно. «Что вы сделали сами?» — спросил он. «У нас у каждого по два жернова, у нас есть чашки, миски, корзины и многое другое», — ответили они. «Тогда возьмите все это с собой, — приказал он, — и присоединяйтесь к нам, чтобы переправиться через ручей». Тогда все мужчины и гермафродиты собрались у реки и переправились на плоту на северную сторону, взяв с собой каменные топоры, сельскохозяйственные орудия и все, что они изготовили. Когда все переправились, они отправили плот к кисани, чтобы те тоже переправились. Последние переправились — шесть родов, — но они взяли с собой своих женщин. Некоторые молодые мужчины, переправляясь через ручей, плакали, расставаясь со своими женами, но все же пошли по приказу своего вождя. Мужчины оставили женщинам все, что те помогли изготовить или вырастить.

174. Как только они переправились через реку, некоторые мужчины пошли на охоту, потому что мальчикам нужна была еда, а другие принялись рубить ивы и строить хижины. За четыре дня они устроили себе жилье.

175. Той зимой у женщин было много еды, и они пировали, пели и веселились. Они часто спускались к берегу реки, звали мужчин и дразнили и ругали их. На следующий год мужчины подготовили несколько небольших полей и вырастили немного кукурузы, но у них не было много кукурузы для еды, и они в основном жили за счет охоты. Женщины засеяли всю старую ферму, но работали не очень хорошо, поэтому зимой у них был небольшой урожай, и они не пели и не веселились, как зимой предыдущего года. На вторую весну женщины засеяли меньше, а мужчины засеяли больше, расчистили больше земли и увеличили размер своей фермы. С каждым годом поля и урожаи мужчин увеличивались, а у женщин уменьшались, и они начали страдать от нехватки еды. Некоторые выходили и собирали семена диких растений, чтобы поесть. Осенью третьего года разделения многие женщины прыгнули в реку и пытались переплыть ее, но их унесло под воду, и их больше никто не видел. На четвертый год у мужчин было больше еды, чем они могли съесть; кукуруза и тыквы лежали нетронутыми на полях, а женщины голодали.

176. Первый Человек наконец начал задумываться о том, к чему может привести его поведение. Он понял, что если он будет и дальше держать мужчин и женщин отдельно, то род может вымереть, поэтому он созвал мужчин и высказал им свои мысли. Некоторые сказали: «Наш род наверняка погибнет», а другие сказали: «Какая нам польза от нашего изобилия? Мы так переживаем за наших бедных женщин, которые голодают на наших глазах, что не можем есть». Затем он послал мужчину на берег, чтобы тот позвал через реку и узнал, есть ли там еще Первая Женщина, и если да, то попросил ее спуститься к берегу. Она пришла к берегу, и Первый Человек позвал ее и спросил, все ли еще она думает, что может жить одна. «Нет, — ответила она, — мы не можем жить без наших мужей». Затем мужчинам и женщинам велели собраться на берегу реки; прислали плот и переправили женщин на другой берег. Их заставили искупаться и вытереться мукой. Их поместили в загон и держали там до ночи, когда их выпустили, чтобы они присоединились к мужчинам на их пиру.[33]

177. Когда их выпустили из загона, оказалось, что трое пропали. После наступления темноты с другого берега реки послышались голоса; это были голоса пропавших — матери и двух ее дочерей. Они просили переправить их через реку, но мужчины сказали им, что уже слишком темно и что они должны подождать до утра. Услышав это, они прыгнули в реку и попытались переплыть. Мать удалось добраться до противоположного берега и найти своего мужа. Дочерей схватил Тиэхолтсоди, водяной монстр, и утащил под воду.

178. Три ночи и три дня люди ничего не слышали о молодых женщинах и полагали, что они пропали навсегда. Утром четвертого дня раздался призыв богов — четыре раза, как обычно, — и после четвертого призыва появился Белое Тело, подняв два пальца и указав на реку. Люди предположили, что эти знаки имели отношение к пропавшим девушкам. Некоторые мужчины переправились через реку на плоту и стали искать следы пропавших; они проследили следы до края воды, но дальше не смогли. Белое Тело ушло, но вскоре вернулось в сопровождении Синего Тела. Белое Тело несло большую чашу из белой раковины, а Синее Тело — большую чашу из синей раковины. Они попросили мужчину и женщину сопровождать их и спустились к реке. Они поставили обе чаши на поверхность воды и заставили их вращаться. Под вращающимися чашами вода расступилась, так как она была полой, и открыла вход в большой дом с четырьмя комнатами. Комната на востоке была сделана из темной воды, комната на юге — из голубой воды, комната на западе — из желтой воды, а комната на севере — из воды всех цветов.[36]

179. Мужчина и женщина спустились, а Койот последовал за ними. Сначала они вошли в восточную комнату, но там ничего не нашли; затем они вошли в южную комнату, но там тоже ничего не нашли; затем они вошли в западную комнату, где снова ничего не нашли; наконец, они вошли в северную комнату, и там они увидели водяного монстра Тиэхолтсоди с двумя похищенными им девочками и двумя своими детьми. Мужчина и женщина потребовали вернуть детей, и, поскольку он ничего не ответил, они взяли их и ушли. Но когда они вышли, Койот, незаметно для всех, взял двух детей Тиэхолтсоди и унес их под своей мантией. Койот всегда носил свою мантию, плотно обернутую вокруг себя, и всегда спал с ней, поэтому никто не удивился, увидев, что он все еще носит свою мантию таким образом, когда он вышел из воды, и никто не заподозрил, что он похитил детей Тиэхолтсоди.

180. На следующий день люди были удивлены, увидев оленей, индюков и антилоп, бегущих с востока на запад, и шесть разных видов животных (два вида ястребов, два вида белок, колибри и летучая мышь), пришедших в их лагерь, как будто в поисках убежища. В течение следующих трех дней дикие животные бегали мимо в все большем количестве. Утром четвертого дня, когда взошло белое солнце, люди заметили на востоке странный белый блеск вдоль горизонта и послали курьеров-саранчу, чтобы выяснить, что вызвало это необычное явление. Саранча вернулась до захода солнца и сообщила людям, что с востока быстро приближается огромное наводнение. Услышав это, все люди собрались вместе, кисани с остальными, в огромном множестве , и они рыдали и плакали над приближающейся катастрофой. Они плакали и стонали всю ночь и не могли заснуть.

181. Когда на следующее утро на востоке появился белый свет, воды были видны высокими, как горы, окружающие весь горизонт, за исключением запада, и быстро накатывающиеся. Люди как можно быстрее собрали все свои вещи и побежали на высокий холм поблизости, чтобы временно укрыться. Здесь они провели совет. Кто-то предположил, что, возможно, две белки (Хазаитсо и Хазаистози) могут им помочь. «Мы попробуем, что сможем сделать», — сказали белки. Одна посадила семя пиньона, другая — семя можжевельника, и они росли так быстро, что люди надеялись, что скоро они станут такими высокими, что наводнение не сможет достичь их верхушек, и все смогут найти там убежище. Но после того, как деревья немного подросли, они начали ветвиться и не росли дальше. Тогда испуганные люди обратились к ласкам (Glo‘dsĭlkái и Glo‘dsĭlzĭ′ni). Одна из них посадила семя ели, а другая — семя сосны. Деревья сразу же проросли и быстро росли, и люди снова начали надеяться; но вскоре деревья начали ветвиться, их верхушки стали тонкими и они перестали расти в высоту. Теперь они были в глубоком отчаянии, потому что вода с каждой минутой приближалась, когда они увидели двух мужчин, приближающихся к холму, на котором они собрались.

182. Один из приближающихся мужчин был старым и седым; другой, молодой, шел впереди. Они поднялись на холм и прошли через толпу, ни с кем не разговаривая. Молодой человек сел на вершине, старик сел позади него, а Локуст сел позади старика — все лицом к востоку. Старший достал из-под своей одежды семь мешков и открыл их. В каждом из них было небольшое количество земли. Он сказал людям, что в этих мешках у него земля с семи священных гор. В четвертом мире было семь священных гор, названных и расположенных так же, как священные горы нынешней земли навахо. «Ах! Возможно, наш отец может что-то для нас сделать», — сказали люди. «Я не могу, но мой сын, возможно, сможет вам помочь», — сказал старик. Тогда они попросили сына помочь им, и он сказал, что поможет, если все они отойдут от того места, где он стоит, повернутся лицом на запад и не будут оглядываться, пока он их не позовет, потому что никто не должен видеть его за работой. Они сделали, как он просил, и через несколько минут он позвал их к себе. Когда они подошли, они увидели, что он разложил священную землю на земле и посадил в ней тридцать два тростника, каждый из которых имел тридцать два сустава. Когда они смотрели, они увидели, как корни тростников проникают в почву и быстро растут вниз. Через

мгновение все тростники соединились и стали одним тростником огромных размеров с отверстием на восточной стороне. Он велел им войти в полость тростника через это отверстие. Когда все они оказались в безопасности внутри, отверстие закрылось, и не слишком рано, потому что едва оно закрылось, как они услышали громкий шум бурлящих снаружи вод, говорящих: *«Инь, инь,* инь»[37].

183. Вода быстро поднималась, но тростник рос еще быстрее и вскоре стал настолько высоким, что начал качаться, и люди внутри очень испугались, что под их весом он может сломаться и упасть в воду. Белое Тело, Синее Тело и Черное Тело были рядом. Черное Тело выдохнул сильный поток воздуха через отверстие в верхушке тростника; вокруг тростника образовалось тяжелое темное облако, которое удерживало его в устойчивом положении. Но тростник рос все выше и выше; он снова начал качаться, и люди внутри снова испугались, тогда он выдохнул и создал еще одно облако, чтобы удержать тростник в устойчивом положении. К закату он вырос почти до самого неба, но качался и колебался так сильно, что они не могли закрепить его в небе, пока Черное Тело, которое было наверху, не взяло перо из своей повязки на голове и не воткнуло его в верхнюю часть тростника, направленного в небо, и именно поэтому тростник (*Phragmites communis*) теперь всегда носит перо на голове.[38]

184. Не видя дыры в небе, они послали Великого Ястреба, Ginĭ′tso, чтобы посмотреть, что он сможет сделать. Он взлетел и начал царапать небо своими когтями, и он царапал и царапал, пока не исчез из виду. Через некоторое время он вернулся и сказал, что он царапал до тех пор, пока не увидел свет, но не смог пройти через небо. Затем они послали саранчу.[39] Он улетел надолго, и когда вернулся, рассказал следующую историю: он пробрался в верхний мир и вышел на маленький остров посреди озера. Когда он вышел, он увидел, как к нему приближается с востока черная поганка, а с запада — желтая поганка.[40] Одна из них спросила его: «Кто ты и откуда ты?» Но он не ответил. Тогда другой сказал: «Мы владеем половиной этого мира — я на востоке, мой брат на западе. Мы бросаем тебе вызов. Если ты сможешь сделать то же, что и мы, мы отдадим тебе половину мира; если не сможешь, ты должен умереть». У каждого из них была стрела, сделанная из черного ветра. Он пронзил стрелой свое сердце и бросил ее вниз, к Вонистсиди, Саранче.[41] Тот поднял одну из стрел, пронзил ею свое сердце, как видел, что делали поганки, и бросил ее вниз.[42] Поганки уплыли, одна на восток, другая на запад, и больше не беспокоили его. Когда они уплыли, появились еще две камышницы: синяя с юга и блестящая с севера. Они говорили с ним так же, как и другие камышницы, и бросили ему тот же вызов. Он снова пронзил свое сердце стрелой, и камышницы уплыли, оставив землю саранче. До сих пор на боках каждой саранчи видны отверстия от стрел. Но отверстие, которое сделала саранча, поднимаясь, было слишком маленьким для многих людей, поэтому они послали Барсука, чтобы он сделал его больше. Когда Барсук вернулся, его лапы были испачканы грязью, и с тех пор лапы всех барсуков черные. Затем Первый Человек и Первая Женщина пошли впереди, а все остальные последовали за ними, и они поднялись через отверстие на поверхность этого — пятого — мира.

Таблица III. ДАЛЬНИЙ ВИД НА ГОРУ САН-МАТЕО (*TSÓTSĬL*), НЬЮ-МЕКСИКО.[54]

(Священная гора Юга.)

II. РАННИЕ СОБЫТИЯ В ПЯТОМ МИРЕ.

185. Озеро[43] было окружено высокими скалами, с вершин которых простиралась большая равнина. Сейчас вокруг него находятся горы, но они появились уже после возникновения озера. Не найдя выхода из озера, они призвали на помощь Голубое Тело. Он принес с собой из нижнего мира четыре камня; он бросил по одному из них в каждую из четырех сторон света, разбив скалы и проделав отверстия, через которые вода утекла в четырех разных направлениях.[44] Озеро не осушилось полностью, но дно обнажилось в одном месте, соединив остров с материком. Но грязь в этом месте была настолько глубокой, что они все еще не решались перейти, и они молили Нилци Дилкохи, Гладкий Ветер, прийти им на помощь.[45] Нилци Дилкохи подул сильным ветром и за один день высушил грязь, так что люди могли легко перейти. Пока они ждали, пока земля высохнет, Кисани разбили лагерь на восточной стороне острова и построили каменную стену (которая стоит до сих пор), чтобы прислониться к ней и укрыться от ветра.[46] Другие люди соорудили укрытие из хвороста. Женщины установили четыре столба, на которые натянули оленью шкуру, и под этим укрытием играли в игру с тремя палками,[47] tsĭndĭ′, одну из четырех игр, которые они принесли с собой из нижнего мира.

186. Когда они достигли материка, они попытались предсказать свою судьбу. Для этого кто-то бросил в воду скребок для кожи, сказав: «Если он утонет, мы погибнем, если всплывет, мы будем жить». Он всплыл, и все обрадовались. Но Койот сказал: «Позвольте мне предсказать вашу судьбу». Он поднял камень и, сказав: «Если он утонет, мы погибнем; если он всплывет, мы будем жить», бросил его в воду. Конечно, он утонул, и все разозлились на него и стали ругать его; но он ответил им: «Если мы все будем жить и продолжать размножаться, как раньше, земля скоро станет слишком маленькой, чтобы нас всех вместить, и не останется места для кукурузных полей. Лучше, чтобы каждый из нас прожил на этой земле только определенное время, а затем ушел и освободил место для наших детей». Они поняли мудрость его слов и замолчали. В день, когда они прибыли на берег, к ним пришли два посетителя — Пума и Волк. «Мы слышали, — сказали они, — что из-под земли появились новые люди, и мы пришли посмотреть на них». Пума взял себе невесту из числа новых людей.

187. На четвертый день после появления кто-то пошел посмотреть на дыру, через которую они вышли, и заметил, что там поднимается вода; она уже почти достигла верха дыры и с каждой минутой поднималась все выше. Он поспешил обратно к своим людям и рассказал им о том, что видел. Сразу же был созван совет, чтобы обсудить новую опасность, угрожавшую им. Первый Человек, который встал, чтобы выступить, сказал, указывая на Койота: «Вон там негодяй, и с ним что-то не так. Он никогда не снимает свою мантию, даже когда ложится спать. Я долго наблюдал за ним и подозреваю, что он носит под мантией что-то украденное. Давайте его обыщем». [48] Они сорвали плащ с плеч Койота, и из него выпали два странных маленьких предмета, похожих на телят буйволов, но покрытых пятнами разных цветов; это были детёныши Тиэхолтсоди. Люди сразу же бросили их в дыру, через которую лилась вода; в мгновение ока вода спала и с оглушительным шумом устремилась в нижний мир.[49]

188. На пятую ночь одна из близняшек-гермафродитов перестала дышать. Они оставили ее одну на всю ночь, а когда наступило утро , Койот предложил похоронить ее среди скал. Так они и сделали, но все гадали, куда делось ее дыхание. Они разбежались в разные стороны, чтобы найти его след, но нигде не смогли его найти. Во время охоты два мужчины подошли к отверстию, через которое они пришли из нижнего мира. Одному из них пришло в голову заглянуть в отверстие. Он так и сделал и увидел мертвую, сидящую у реки в четвертом мире и расчесывающую волосы. Он позвал своего товарища, и тот тоже подошел и заглянул вниз. Они вернулись к своему народу и

рассказали о том, что видели, но через четыре дня оба эти человека умерли, и с тех пор навахо боятся смотреть на мертвых или видеть призраков, чтобы самим не умереть.[60]

189. После этого пошел слух, что кисани, которые жили в лагере недалеко от других, принесли с собой из нижнего мира початок кукурузы для посева. Некоторые из буйных предложили пойти в лагерь кисани и отобрать у них кукурузу, но другие, более благоразумные, сказали, что это было бы неправильно, что кисани пережили столько же трудностей, как и остальные, и если они проявили больше предусмотрительности, то имеют право извлечь из этого выгоду. Несмотря на эти слова, некоторые молодые люди пошли и потребовали у кисани кукурузу. После нескольких гневных реплик с обеих сторон последние сказали: «Мы разделим колосье пополам и отдадим вам ту половину, которую вы выберете». Молодые люди согласились на эту сделку, и женщина, которой принадлежало колосье, разломала его пополам и положила куски на землю, чтобы другие могли выбрать. Молодые люди посмотрели на куски и стали думать, какой из них взять, когда Койот, потеряв терпение, поднял кончик колосья и убежал с ним. Кисани оставили себе конец, и именно поэтому индейцы пуэбло сегодня имеют лучшие урожаи кукурузы, чем навахо. Но пуэбло были встревожены угрозами и гневными словами своих соседей и переселились подальше от них, и именно поэтому навахо и пуэбло теперь живут отдельно друг от друга.

190. После того как кисани ушли, Первый Человек и Первая Женщина, Черное Тело и Голубое Тело, отправились строить семь священных гор нынешней земли навахо. Они сделали их из земли, которую принесли с похожих гор в четвертом мире. Они создали горы Циснадзни на востоке, *Цоциль* (Тейлор, Сан-Матео) на юге, *Докослид* (Сан-Франциско) на западе, Депенца (Сан-Хуан) на севере, а также *Дсилнаотиль*, Цолихи и Акиданастани (Хоста-Бютт) в центре земли.[61]

191. Через Циснадзини[62] на востоке они провели молнию, чтобы прикрепить ее к земле. Они украсили ее белыми ракушками, белой молнией, белым кукурузой, темными облаками и дождем. На вершине они поставили большую тарелку или миску из ракушек, в которую положили два яйца голубя- , чтобы сделать перья для горы. Яйца они накрыли священной оленьей кожей, чтобы они вылупились (сейчас на этой горе много диких голубей). Все это они накрыли листом дневного света и поместили в гору Мальчика из горного хрусталя и Девочку из горного хрусталя53, чтобы они там жили.

192. *Цо*циль[54], гору на юге, они прикрепили к земле большим каменным ножом, проткнув ее сверху донизу. Они украсили ее бирюзой, темным туманом, женским дождем и всевозможными дикими животными. На ее вершине они поставили блюдо из бирюзы; в него они положили два яйца Синей птицы, которые покрыли священной оленьей кожей (сейчас в *Цоциле* много синих птиц), а сверху накрыли покрывалом из голубого неба. Мальчик, несущий одну бирюзу, и Девочка, несущая одно зерно кукурузы[55], были помещены в гору, чтобы жить там.

193. Докослид[56], гору на западе, они прикрепили к земле солнечным лучом. Они украсили ее раковиной халиотис, черными облаками, дождем, желтым кукурузой и всевозможными дикими животными. На вершине они поставили блюдо из раковины халиотис и положили в него два яйца желтой пеночки, накрыв их священной оленьей кожей. Сейчас в *Докослиде* много желтых певунов. Над всем этим они распростерли желтое облако и отправили туда жить Белого мальчика-кукурузу и Желтую девочку-кукурузу[57].

194. Депенца, гора на севере, они прикрепили радугой. Они украсили ее черными бусинами (пасзини), темным туманом, различными видами растений и множеством диких животных. На вершине они поставили блюдо с пасзини, в которое положили два яйца черного дрозда, над которыми ( ) они накрыли священной оленьей кожей. Над всем этим они расстелили покрывало тьмы. Наконец, они поместили в гору Мальчика-Пыль и Девочку-Кузнечика[59], чтобы они жили там.

195. Дсилнаотиль60 был прикреплен солнечным лучом. Они украсили его всевозможными благами, темным облаком и мужским дождем. Они не клали ничего на его вершину; они оставили ее свободной, чтобы воины могли сражаться там; но они поместили туда Мальчика, производящего блага, и Девочку, производящую блага61, чтобы они жили там.

196. Гору Цолихи62 они прикрепили к земле с помощью *нї'лцатлол* (полосы или веревки дождя). Они украсили ее пыльцой, темным туманом и женским дождем. На вершину они поместили живую птицу по имени Цоцгали68 — таких птиц там сейчас много — и поселили в горах Мальчика, производящего драгоценности, и Девочку, производящую драгоценности64.

197. Гору Акиданастани66 они прикрепили к земле священным камнем, называемым цехадахониге, или камнем-миражом. Они украсили ее черными облаками, мужским дождем и всевозможными растениями. На ее вершине они поместили живого Кузнечика, а жить туда поселили Мальчика-Камень-Мираж и Девочку-Сердолик.66

198. У них все еще были три света и тьма, как в нижних мирах. Но Первый Человек и Первая Женщина подумали, что они могли бы создать несколько светил, которые сделали бы мир ярче. После долгих исследований и обсуждений они решили создать солнце и луну. Для солнца они сделали круглый плоский объект, похожий на блюдо, из прозрачного камня, называемого tsé‘tsagi. По краю они разместили бирюзу, а снаружи — лучи красного дождя, молнии и змей разных видов. Сначала они думали поставить на нем четыре точки, как они потом сделали на звездах, но потом передумали и сделали его круглым. Луну они сделали из tsé‘tson (звездного камня, разновидности кристалла); они обрамили ее белыми ракушками и поместили на ее поверхности *hadĭlkĭ's* (листовую молнию) и tó‘lanastsi (все виды воды).67

199. Затем они посоветовались, что им делать с солнцем, где им сначала его поднять. Восточный ветер просил, чтобы его принесли в его землю, и они оттащили его к краю мира, где он жил; там они отдали его человеку, который посадил большую трость в нижнем мире, и поручили ему нести его. Луну поручили нести старому седовласому человеку, который присоединился к ним в нижнем мире. Раньше у этих людей не было имен, но теперь первый получил имя Цоханоай или Цинханоай, а второй — имя Клеханоай. Когда они собирались уйти, чтобы приступить к своим трудам, люди были опечалены, потому что все их любили. Но Первый Человек сказал скорбящим людям: «Не скорбите о них, ибо вы увидите их на небесах, и все, кто умрет, будут их в награду за их труд. »68 (Дополнения к легенде см. в примечаниях 69 и 70.)

200. Тогда люди (Dĭné‘, Навахо) начали путешествие. Они отправились на восток и через день пути достигли Нихахокаи (Белое пятно на Земле) и разбили лагерь на ночь. Здесь одна женщина родила, но ее отпрыск не был похож на ребенка; он был круглым, уродливым и не имел головы. Люди посовещались и решили, что его следует бросить в овраг. Так они и сделали, но он выжил, вырос и стал чудовищем Теэлгет131, которое впоследствии уничтожило так много людей.

201. На следующий день они пошли дальше на восток и разбили лагерь на ночь в Тсетаиска (Скала, изгибающаяся назад). Здесь родилось еще одно уродливое существо, у которого на обоих плечах было что-то похожее на перья. Оно не походило ни на что из того, что люди видели раньше, поэтому они решили выбросить и его. Они отнесли его к близлежащему солончаку и выбросили там. Но оно выжило, выросло и стало ужасным Цэньхале135, о котором я расскажу позже.

202. На следующую ночь, продолжая путь на восток, они разбили лагерь у Tse‘bináhotyel, широкой высокой скалы, похожей на стену, и здесь женщина родила еще одно странное существо. У него не было головы, но на месте головы был длинный заостренный конец. Это существо было

помещено в ущелье, в отверстие, которое впоследствии было запечатано камнем. Они оставили его там умирать, но оно выросло и стало разрушителем Tseʻtahotsīltáʻli,[142] о котором мы расскажем позже. Поскольку он был заперт в скале, его волосы вросшие в нее, и он не мог упасть.

203. На следующую ночь, когда они остановились в Tseʻahalzī′ni (Скала с черной дырой), родились близнецы. Оба были округлыми, с одним концом, заостренным до острия. Не было никаких признаков конечностей или головы, но были углубления, которые чем-то напоминали глаза. Люди положили их на землю, а на следующий день, когда они перенесли лагерь, бросили их. Цеахалзини имеет форму хижины навахо с дверью на востоке. Предполагается, что, когда их бросили умирать, близнецы-монстры ушли в эту естественную хижину, чтобы жить там. Однако они выросли и стали Биная Ахани, которые убивали своими глазами, о которых мы еще расскажем.

204. Все эти чудовища были плодом грехов женщин в четвертом мире, когда они были отделены от мужчин. Другие чудовища родились во время похода, а третьи появились из крови, пролитой во время рождения первых чудовищ[71], и все они выросли, чтобы стать врагами и разрушителями людей.

205. Покинув Цеахалзини, они повернули на запад и шли, пока не пришли к месту под названием Тоинцосоко (Вода в узком ущелье), где и остались на тринадцать лет, создавая фермы и сажая каждую весну кукурузу, бобы и тыквы.

206. В те дни четвероногие звери, птицы и змеи были такими же людьми, как и мы, строили дома и жили рядом с нашим народом, недалеко от Депенцы. Они размножились и стали обитателями скал. Должно быть, именно летающие существа построили жилища высоко на скалах, потому что, если бы у них не было крыльев, как бы они могли добраться до своих домов?

207. Из Тоинцосоко они переселились в Целакаия (Стоящая белая скала) и прожили здесь еще тринадцать лет. Оттуда они переселились в Цепахалки (Белая на лице скалы) и прожили здесь еще тринадцать лет. В это время чудовища начали пожирать людей.

208. Из Цепахалки они переселились в окрестности Кинтьеля[72] (Широкий дом) в каньоне Чако, где до сих пор стоят руины великого пуэбло. Когда странники прибыли, пуэбло было в процессе строительства, но еще не было закончено. О том, как оно было построено, вы сейчас услышите:

209. Некоторое время назад среди пуэбло с небес спустился божественный азартный игрок, или бог азартных игр, по имени Нохоилпи, или Тот, Кто Побеждает Людей (в игре); его талисманом был большой кусок бирюзы. Когда он пришел, он бросил людям вызов на всевозможные игры и состязания, и во всех них он был успешен. Сначала он выиграл у них их имущество, затем их женщин и детей, и, наконец, некоторых из самих мужчин. Затем он сказал им, что вернет им часть их имущества в качестве оплаты, если они построят большой дом; поэтому, когда пришли навахо, пуэбло были заняты строительством, чтобы освободить своих порабощенных родственников и вернуть свое имущество. Они также были заняты строительством ипподрома и подготовкой к всевозможным азартным играм и соревнованиям.

210. Когда все было готово и было дано четырехдневное предупреждение, двенадцать мужчин пришли из соседнего пуэбло *Киндотлиз*, Голубой Дом, чтобы соревноваться с великим азартным игроком. Они поставили на кон свои собственные жизни ( ) и после короткого соревнования проиграли их Нохоилпи. Снова было дано четырехдневное предупреждение, и снова двенадцать мужчин из *Киндотлиз* — родственники предыдущих двенадцати — пришли играть, и они тоже проиграли. В третий раз было дано предупреждение за четыре дня до игры; на этот раз среди

двенадцати участников были и женщины, и они тоже проиграли. Все они были задействованы в строительстве Кинтьеля, как только лишились свободы. По прошествии еще четырех дней дети этих мужчин и женщин пришли, чтобы попытаться выиграть обратно своих родителей, но им удалось только пополнить число рабов азартного игрока. В пятый раз, после четырехдневного предупреждения, проиграли двенадцать ведущих мужчин из Голубого дома, среди которых был вождь пуэбло. В шестой, должным образом объявленный день азартных игр, еще двенадцать мужчин, все важные лица, поставили на кон свою свободу и потеряли ее. До этого момента навахо ведели счет выигрышам Нохоилпи, но впоследствии люди из других пуэбло приезжали в таком количестве, чтобы играть и проигрывать, что они больше не могли вести счет. В дополнение к своим собственным лицам, поздние жертвы приносили бусы, ракушки, бирюзу и всевозможные ценности и проигрывали их. Благодаря труду всех этих рабов, вскоре великий Кинтиэль был построен.

211. Но все это время навахо были лишь зрителями и не принимали участия в играх. Однажды вдали слабо раздался голос благодетельного бога Хастсеяльти[73], произносящий свой обычный призыв: «Вухухуху». Его голос, как всегда, раздался четыре раза, с каждым разом все ближе и ближе, и сразу после последнего призыва, который был громким и ясным, Хастсейалти появился у двери хижины, где жила молодая бездетная пара, и общался с ними с помощью жестов. Он сказал им, что жители Kĭ′n *dotlĭz* проиграли в игре с Nohoílpi две большие раковины, самые большие сокровища пуэбло; что Солнце позавидовало этим раковинам и попросило их у игрока; что тот отказал Солнцу, и Солнце рассердилось. В результате всего этого, как рассказал Хастсеяльти, через двенадцать дней после его визита некоторые божественные личности соберутся в горах, в месте, которое он указал, чтобы провести великую церемонию. Он пригласил молодого человека присутствовать на церемонии и исчез.

212. Навахо вел счет прошедшим дням; на двенадцатый день он отправился в назначенное место и там обнаружил большое собрание богов. Там были Хастсеяльти (*Hastséyalti*), Хастсегоган (Hastséhogan)[74] и его сын Нилци (Nĭ′ltsi)[75] (Ветер), *Цальель* (Tsalyél) (Тьма), Цапани (Tsápani) (Летучая мышь), Лицо (Lĭstsó) (Великая Змея), Цилкали (Tsĭlkáli) (Маленькая птица), Насизи (Nasĭ′zi) (Суслик) и многие другие. Кроме них, там было множество домашних животных, принадлежащих азартному игроку, которые были недовольны своей судьбой, жаждали свободы и с радостью получили бы свою долю добычи, если бы их хозяин разорился. Нильци (Ветер) поговорил с ними, и они присоединились к заговору против Нохоилпи. Всю ночь боги танцевали, пели и совершали свои мистические обряды, чтобы дать сыну Хастехогана силы, равные силам Нохоилпи, как игрока. Когда наступило утро, они вымыли молодого неофита, высушили его мукой, одели в одежду, точно такую же, как у азартного игрока, и всячески постарались сделать его как можно более похожим на азартного игрока, а затем посоветовались, какие еще меры следует принять, чтобы перехитрить Нохоилпи.

213. В первую очередь, они хотели узнать, как он относится к тому, что отказал своему отцу, Солнцу, в двух великих раковинах. «Я сделаю это», — сказал Нилци (Ветер), — «потому что я могу проникнуть везде, и никто не может меня увидеть»; но другие сказали: «Нет, ты можешь ходить везде, но ты не можешь путешествовать, не создавая шума и не беспокоя людей. Пусть *Цалиэль* (Тьма) пойдет на это задание, потому что он тоже ходит, куда хочет, но не шумит». И *Цалиэль* пошел в дом игрока, вошел в его комнату, прошел через все его тело, пока тот спал, и хорошо обыскал его разум, а потом вернулся и сказал: «Нохоилпи сожалеет о том, что он сделал». Однако Нилци не поверил этому; поэтому, хотя его услуги были ранее отклонены, он отправился в комнату, где спал игрок- , прошел по всему его телу и тщательно обыскал его разум; но и он вернулся, сказав, что Нохоилпи сожалеет о том, что отказался отдать большие раковины своему отцу.

214. Одна из игр, которую они предложили сыграть, называется taká-thad-sáta, или тринадцать фишек. (В нее играют тринадцатью тонкими плоскими кусочками дерева, которые с одной стороны окрашены в красный цвет, а с другой стороны оставлены белыми или неокрашенными . Успех зависит от количества фишек, которые, будучи брошенными вверх, падают белой стороной вверх). «Оставь игру мне, — сказал Летучая мышь, — я сделал тринадцать фишек, которые белые с обеих сторон. Я спрячусь в потолке, и когда наш чемпион бросит свои фишки, я схвачу их и брошу вместо них свои».

215. Еще одна игра, в которую они должны были играть, называется *нанзоз*.[76] (В нее играют двумя длинными палками или шестами особой формы и конструкции, одна из которых помечена красным, а другая — черным, и одним обручем. К концу каждого шеста прикреплена длинная веревка с множеством концов, называемая «индюшиный коготь»). *«Нанзоз* оставьте мне, — сказал Великий Змей, — я спрячусь в обруче и заставлю его упасть туда, куда захочу».

216. Еще одна игра называлась *tsĭ'nbetsil*, или «толкай дерево». (В этой игре участники толкают дерево, пока оно не вырвется с корнями и не упадет.) «Я позабочусь о том, чтобы выиграть эту игру», — сказал Nasĭ'zi, суслик; «Я прогрызу корни дерева, чтобы тот, кто толкает его, мог легко свалить его».

217. В игре tsol, или «мяч», цель состояла в том, чтобы ударить мяч так, чтобы он упал за определенную линию. «Я выиграю эту игру для тебя», — сказал маленький птичка Цилкали, — «потому что я спрячусь в мяче и полечу с ним, куда захочу. Не бей мяч сильно, только слегка коснись его, а я его понесу».

218. Домашние животные азартного игрока умоляли Ветер дуть сильнее, чтобы у них был повод оправдать своего хозяина за то, что он не следил за ним, когда тот был в опасности, и утром Ветер подул для них сильным штормом. На рассвете вся группа заговорщиков покинула гору и спустилась к краю каньона, чтобы наблюдать за восходом солнца.

219. У Нохоилпи было две жены, которые были самыми красивыми женщинами во всей стране. Куда бы она ни шла, каждая из них несла в руке палку с чем-то, привязанным к концу, в знак того, что она была женой великого азартного игрока.

220. По их обычаю, каждую утро на рассвете одна из них отправлялась к соседнему источнику за водой. Поэтому на рассвете наблюдатели на краю ущелья увидели, как одна из жен вышла из дома азартного игрока с кувшином на голове, после чего сын Хастехогана спустился в ущелье и последовал за ней к источнику. Она не заметила его присутствия, пока не наполнила кувшин водой; тогда она предположила, что это ее собственный муж, которого молодой человек изображал, одетый и украшенный, и позволила ему подойти к себе. Однако вскоре она обнаружила свою ошибку, но, считая разумным ничего не говорить, позволила ему последовать за собой в дом. Войдя, он заметил, что многие рабы уже собрались; возможно, они подозревали, что их хозяину грозит беда. Последний поднял глаза с сердитым выражением лица; он почувствовал ревность, увидев незнакомца, входящего сразу за его женой. Однако он ничего не сказал об этом, а сразу задал важный вопрос: «Ты пришел, чтобы сыграть со мной?» Он повторил это четыре раза, и каждый раз молодой Хастехоган отвечал «Нет». Подумав, что незнакомец боится играть с ним, Нохоилпи продолжал безрассудно бросать ему вызов. «Я поставлю себя против тебя», «Я поставлю свои ноги против твоих ног», «Я поставлю свои ноги против твоих ног» и так далее, он предлагал поставить любую часть своего тела против той же части тела своего противника, заканчивая упоминанием своих волос.

221. Тем временем группа божеств, наблюдавшая за происходящим свыше, спустилась вниз, и пришли люди из соседних пуэбло, среди которых были два мальчика, одетые в костюмы, похожие на те, что носили жены азартного игрока. Молодой Хастехоган указал на них и сказал: «Я поставлю на кон своих жен против твоих жен». Великий азартный игрок принял пари, и четыре человека, две женщины и две поддельные женщины, были посажены в ряд у стены. Сначала они сыграли в игру с тринадцатью фишками. Летучая мышь помогала, как и обещала сыну Хастсегогана, и тот вскоре выиграл игру, а вместе с ней и жен Нохоилпи.

222. Это была единственная игра, в которую играли в доме; затем все вышли на улицу и играли в различные игры. Сначала они попробовали *нанзоз*. Уже подготовленная трасса пролегала с востока на запад, но, подсказанный Богом Ветра, незнакомец настоял на том, чтобы трассу проложили с севера на юг, и снова, по велению Ветра, он выбрал красную палку. Сын Хастехогана бросил колесо; сначала казалось, что оно упадет на палку игрока, в «игле» которой оно запуталось; но, к большому удивлению игрока, оно выбралось, покатилось дальше и упало на палку его противника. Последний побежал поднять кольцо, чтобы Нохоилпи не повредил змею внутри, но азартный игрок был так зол, что бросил свою палку и отказался от игры, надеясь на лучший результат в следующем соревновании, которое заключалось в сваливании деревьев.

223. Для этого великий азартный игрок указал на два небольших дерева, но его противник настаивал, что нужно найти более крупные деревья. После некоторого поиска они согласились на два дерева хорошего размера, которые росли рядом, и из них Ветер сказал юноше, какое из них он должен выбрать. Азартный игрок изо всех сил напрягся, чтобы сдвинуть свое дерево, но не смог его сдвинуть, в то время как его противник, когда настала его очередь, с небольшим усилием сбил другое дерево, потому что его корни были полностью перерезаны Гофером.

224. Затем последовала серия различных игр, в которых Нохоилпи поставил на кон свое богатство в виде ракушек и драгоценных камней, свои дома и многих своих рабов, и проиграл все.

225. Последней игрой была игра в мяч. Все люди собрались на линии, по которой должен был пролететь мяч; с одной стороны были те, кто все еще оставался рабами, с другой — освобожденные рабы и те, кто пришел, чтобы поставить на кон себя, надеясь спасти своих родственников. Нохоилпи поставил на эту игру последнего из своих рабов и самого себя. Игрок сильно ударил по мячу, но тот не достиг линии; незнакомец слегка коснулся своего мяча, и птица внутри него улетела далеко за линию, после чего освобожденные пленники перепрыгнули через линию и присоединились к своему народу.

226. Победитель приказал принести все раковины, бусы, драгоценные камни и большие раковины. Он отдал бусы и раковины Хастсеяльти, чтобы те раздали их богам; две большие раковины были отданы Солнцу.[77]

227. Тем временем Нохоилпи сидел в стороне, произнося горькие слова, сетуя на свою судьбу, проклиная и угрожая своим врагам. «Я убью вас всех молнией. Я пошлю на вас войну и болезни. Пусть холод заморозит вас! Пусть огонь сожжет вас! Пусть воды утопят вас!» — кричал он. «Он достаточно проклял», — прошептал Нилци сыну Хастсегогана. «Положи конец его гневным словам». Итак, молодой победитель подозвал Нохоилпи к себе и сказал: «Ты сделал ставку и проиграл; теперь ты мой раб и должен выполнять мои приказы. Ты не бог, ибо моя сила превзошла твою». Победитель имел лук с магической силой, называемый Этинь *Дилиил*, или Лук Тьмы; он натянул его вверх, положил тетиву на землю и велел своему рабу встать на тетиву; затем он выстрелил Нохоилпи в небо, как будто тот был стрелой. Он поднимался все выше и выше, становясь все меньше и меньше, пока не превратился в крошечную точку и, наконец, исчез совсем. Пока он летел вверх, слышалось, как он бормотал гневные ругательства и проклятия , пока не стал

слишком далеко, чтобы его можно было услышать; но никто не мог разобрать, что он говорил, пока поднимался.

228. Он летел в небо, пока не добрался до дома Бекоциди[78], бога, который несет луну и который, по мнению навахо, тождественен Богу американцев. Он очень стар и живет в длинном ряду каменных домов. Когда Нохоилпи прибыл в дом Бекоциди, он рассказал ему обо всех своих злоключениях в нижнем мире и сказал: «Теперь я беден, и поэтому я пришел к тебе». «Тебе больше не нужно быть бедным, — сказал Бекоциди, — я обеспечу тебя». И он создал для игрока домашних животных новых видов, отличных от тех, что были у него в долине Чако; он создал для него овец, ослов, лошадей, свиней, коз и птиц. Он также дал ему байету[79] и другие ткани ярких цветов, более красивые, чем те, что ткали его рабы в Кинтьеле. Он также создал новый народ, мексиканцев, чтобы азартный игрок мог ими править, а затем снова отправил его в этот мир, но он спустился далеко на юг от своего прежнего обиталища и достиг земли в старом Мексике.

229. Народ Нохоилпи значительно разросся в Мексике, и через некоторое время они начали двигаться на север и строить города вдоль Рио-Гранде. Нохоилпи сопровождал их, пока они не прибыли в место к северу от Санта-Фе. Там они прекратили строительство, и он вернулся в старую Мексику, где живет до сих пор и где теперь является Накаи Дигини, или Богом мексиканцев.

230. Навахо, который по велению Солнца отправился на встречу с богами, оставался с ними, пока азартный игрок не был выстрелен в небо. Затем он вернулся к своему народу и рассказал все, что видел. Молодой незнакомец вернулся в Цегихи, дом йеи.

231. Странники не задержались в Кинтиеле, но пока они были там, они встретили некоторых из Людей Дневного Света. Из Кинтиела они перебрались в Тоиндтосос, и здесь Май,[80] Койот, женился на женщине из племени навахо. Он оставался в лагере навахо девять дней, а затем пошел навестить Дасани, Дикобраза. Тот взял кусок коры, почесал им нос, пока из него не потекла кровь, положил его на огонь и медленно жарил, пока он не превратился в кусок прекрасного мяса. Затем Дикобраз разложил на земле чистые травы, положил на них зажаренное мясо и пригласил своего гостя отведать его. Койот был в восторге; он никогда не ел ничего вкуснее, и, уходя, пригласил своего хозяина на ответный визит через два дня. В назначенное время Дикобраз явился в хижину Койота. Последний поприветствовал своего гостя, предложил ему сесть и выбежал из дома. Через несколько минут он вернулся с куском коры. С помощью него он почесал нос, как видел, что делал Дикобраз, и дал крови потечь. Он положил окровавленную кору на огонь, где она через мгновение загорелась и вскоре превратилась в пепел. Койот опустил голову от стыда, а Дикобраз ушел домой голодным.

232. Вскоре после этого Койот навестил Майтсо,[80] Волка. Тот снял с балок своей хижины две старинные тростниковые стрелы с деревянными наконечниками, такие, как использовали навахо в древние времена; он вытащил деревянные наконечники, покачал их на бедре, смочил во рту и закопал в горячий пепел рядом с огнем. Подождав немного и поговорив с гостем, он вытащил из пепла, где зарыл наконечники стрел, два прекрасных приготовленных пудинга из рубленого мяса; он положил их на циновку из свежих трав и сказал Койоту, чтобы тот угощался. Койот снова с большим удовольствием съел свою еду, и вскоре после этого, когда он встал, чтобы уйти, он пригласил Волка навестить его через два дня. Волк в назначенное время пришел в дом Койота, и когда он сел, хозяин взял два наконечника стрел, как сделал Волк, покатил их по бедру, положил в рот и закопал в горячий пепел. Подождав некоторое время, он разгреб пепел и обнаружил только два куска обугленного дерева на том месте, где он положил наконечники стрел. На этот раз он не показал своего разочарования, а сидел и разговаривал со своим гостем, как ни в чём не бывало, ,

пока Волк, не увидев никаких признаков ужина и очень проголодавшись, не встал и не ушёл домой.

233. В те дни куропатки и колибри были известны как великие охотники. Они были дружны друг с другом и жили вместе в одном лагере.

234. Койот пошел навестить их, и когда он прибыл в лагерь, он вошел в одну из хижин колибри. Там он нашел двух красивых девушек-колибри, весело одетых, с рядами подвесок из оленьих копыт на юбках и плечах. Он лег в хижине и сказал девушкам: «Где все сегодня? Я слышал, что здесь разбился лагерь из многих людей, но лагерь кажется пустым». Девушки ответили: «Здесь разбился лагерь из многих людей, но сегодня все мужчины ушли на охоту».

235. Койот был щеголем; он всегда был красиво одет; у него был красивый колчан из выдрячьей кожи, а лицо было раскрашено пятнами. Девушки, внимательно посмотрев на него, склонили головы и шепнули друг другу: «Он красивый молодой человек. Он красиво одет. Должно быть, он кто-то важный». Он провел день, болтая с девушками и рассказывая им удивительные истории о себе. «Хотите знать, кто я? — сказал он. — Я бог горы Циснадзини. Мне не нужно охотиться. Мне достаточно пожелать смерти животного, и оно умирает. Вашему народу не нужно изнурять себя охотой на дичь. Я могу убить все, что они хотят, без труда».

236. С наступлением ночи, когда охотники вернулись, девушки вышли из хижины, пошли к своим друзьям и рассказали им все о посетителе. Когда девушки закончили свой рассказ, вождь велел одному из молодых людей пойти к хижине, заглянуть за занавеску в дверном проеме и посмотреть, как выглядит незнакомец. Молодой человек сделал, как ему велели, не произведя ни звука, и заглянул в хижину, оставаясь незамеченным Койотом. Вернувшись к вождю, он сказал: «Незнакомец — красивый мужчина и прекрасно одет. Возможно, он действительно бог». Тогда вождь сказал: «Возможно, все, что он рассказал девушкам, — правда. Нам приходится путешествовать далеко в любую погоду и тяжело работать, чтобы добыть пищу. Возможно, он знает способ избавить нас от труда, поэтому давайте будем добры к нему. Иди, одна из вас, девушки, обратно в хижину, чтобы обслужить его». Услышав эти слова, младшая из двух молодых женщин вернулась в хижину. Ее одежда была украшена множеством подвесок из кости и копыт, которые звенели при каждом ее движении, и по этой причине Койот назвал ее Цике Назили, или «Молодая женщина, которая звенит».

237. Утром она пошла в хижину, где находились ее люди и где уже был приготовлен хороший завтрак, и принесла Койоту большую тарелку с едой. Когда она собиралась уходить с едой, ее люди поручили ей ничего не рассказывать Койоту об их плохих соседях, чтобы он не навестил их и не сотворил чудеса в их пользу. Но их запреты пришли слишком поздно. Цике Назили уже рассказала ему все об этих плохих соседях, и он решил навестить их.

238. Когда завтрак закончился, она сказала: «Теперь охотники выходят». Он ответил: «Я пойду с ними». Так он присоединился к группе, и они путешествовали вместе, пока не добрались до вершины высокого холма, с которого открывался вид на обширную местность. Здесь Койот сказал своим товарищам оставаться в укрытии, а сам пошел на равнину и загнал дичь к ним. Когда он скрылся из виду, он привязал к своему хвосту длинную вязанку из измельченной коры кедра, которую поджег, а затем побежал по местности широким кругом так быстро, как только мог. Везде, где костер касался земли, он поджигал траву и поднимал длинную полосу пламени и дыма, которая гнала антилоп к месту, где скрывались охотники. Было убито большое количество дичи; охотники вернулись, груженные мясом, и их вера в Койота была безгранична.

239. На следующее утро все они снова вышли на охоту. Охотники снова спрятались на вершине холма, и Койот снова привязал к хвосту горящий жгут и побежал. Люди на вершине холма наблюдали, как полоса огня продвигается по равнине, но когда она повернула, как будто собираясь вернуться к месту, откуда началась, она внезапно прекратилась. Много дичи было загонено к засаде, но Койот не вернулся, и охотники принялись разделывать мясо и готовить себе еду.

240. Койот тем временем отправился на поиски злых соседей. Он отвязал свой факел в том месте, где охотники видели, как прекратилась линия огня, и ушел в другом направлении. Через некоторое время он подошел к двум большим деревьям, ели и сосне, растущим рядом друг с другом и заполненным щебечущими птицами двух видов. Ель была заполнена птицами под названием Tsĭ′di Béze, а сосна — птицами под названием Tsĭ′di Sási. Все они были заняты игрой, которую Койот никогда раньше не видел. Они вырывали себе глаза, подбрасывали их на верхушку дерева, кричали: «Падайте обратно, мои глаза! Падайте обратно!» и ловили глаза, когда те опускались в свои глазницы. Койот долго наблюдал за их игрой и, в конце концов, увлеченный ею, крикнул Tsĭ′di Sási на сосне: «Вырвите мне глаза. Я тоже хочу играть». «Нет, — ответили они, — мы не хотим иметь с тобой ничего общего». Он снова и снова просил разрешить ему присоединиться к игре, и снова и снова они отказывали ему. Но когда он попросил в четвертый раз, они слетели к месту, где сидел Койот, и, взяв острые палки, выкололи ему глаза. Глаза были брошены на верхушку сосны, и когда они упали, Койот поймал их в свои глазницы и снова смог видеть так же хорошо, как и раньше. Койот был в восторге от результата своего первого предприятия и просил их выколоть ему глаза снова, но они сердито сказали: «Мы не хотим играть с тобой. Мы уже достаточно для тебя сделали. Уходи и оставь нас в покое». Но он продолжал скулить и умолять, пока они снова не вырвали ему глаза и не бросили их вверх с тем же счастливым результатом, что и раньше. Так четыре раза ему вырывали глаза, бросали их вверх и ловили обратно в глазницах. Но когда он умолял их вырвать ему глаза в пятый раз, они отошли на некоторое расстояние и провели между собой совет. Когда они вернулись, они снова вырвали ему глаза, но на этот раз постарались одновременно вырвать и связки глаз (зрительные нервы); они связали их вместе, и когда глаза снова были брошены вверх на дерево, они зацепились за одну из веток и остались там. Теперь Койот был в смертельной тоске. «Вернитесь, мои глаза! Вернитесь!» — кричал он. Но они не возвращались, и он сидел там, устремив нос к верхушке дерева, и выл, молился и плакал. Наконец птицы сжалились над ним и сказали: «Давайте сделаем ему другие глаза». Итак, они взяли пару частично высохших кусочков сосновой смолы и скатали из них два шарика; их вставили в пустые глазницы, и, хотя это были не очень хорошие глаза, они давали ему достаточно зрения, чтобы найти дорогу домой. Смола была желтой, и по этой причине с тех пор у койотов желтые глаза.

241. Он пополз, как мог, обратно к месту, где оставил охотников, и где нашел их, режущих и готовящих мясо. Он сел лицом к огню, но вскоре обнаружил, что его смоляные глаза размягчаются от жара, поэтому он повернулся боком к огню. Охотники дали ему кусок сырой печени, полагая, что он сам ее приготовит. Не смея повернуться к костру, чтобы его глаза не расплавились совсем, он бросил печень на угли, не глядя, а когда потом попытался ее достать, он сунул руку в огонь наугад и поймал только горячие угли, которые обожгли его. Боясь, что его странные действия были замечены, он попытался выдать это за шутку , и каждый раз, когда он поднимал горячий уголь, он кричал: «Не обжигай меня, печень! Не обжигай меня, печень!» Через некоторое время охотники, сидевшие вокруг костра, начали замечать его странные движения и слова, и один сказал другому: «Он ведет себя не как обычно. Пойди посмотри, что с ним». Охотник, которому было дано такое поручение, подошел к Койоту, внимательно посмотрел на него и увидел, что из-под его век вытекает расплавленная смола.

242. Случилось так, что днем, пока Койот был в отсутствии, в лагерь охотников пришел гонец из другого лагеря, чтобы сообщить им, что некто по имени Май, или Койот, покинул свой дом и был замечен направляющимся к лагерю Колибри, и предупредить их о нем. «Он ленивец и обманщик, остерегайтесь его», — сказал посланник. Поэтому, когда они узнали о состоянии своего гостя, они сказали: «Это, должно быть, Койот, о котором мы слышали. Он играл с Циди Саси и лишился глаз».

243. Придя к такому выводу, они отправились в лагерь, ведя за собой слепого Койота. Тем временем они придумали план, как избавиться от него. Когда они вернулись домой, они взяли шуршащее платье Цике Назили и дали ей обычное платье. Затем куропатка взяла платье в клюв и, пролетев на небольшом расстоянии над землей, потрясла платьем перед Койотом. Койот, думая, что там находится девушка, подошел к источнику звука, а ястреб-куропатка улетел дальше, продолжая трясти платье. Койот последовал за звуком и таким образом был заведен на край глубокого каньона. Здесь ястреб тряс платье за краем обрыва. Койот прыгнул в сторону, откуда доносился звук, упал на дно каньона и разбился на куски.

244. Но, несмотря на все это, он не умер. Он не хранил, как другие существа, свою жизненную силу в груди, где она могла быть легко уничтожена; он хранил ее в кончике носа и в конце хвоста, где никто не мог ее найти; поэтому через некоторое время он снова ожил, вернулся в лагерь птиц и спросил о Цике Назили. Ему сказали, что она ушла, и сердито приказали уйти, сказав, что знают, кто он такой, и что он никчемный тип.

245. Койот покинул лагерь птиц и бродил, пока не пришел к дому одного из анайе, или чужеземных богов, по имени Йелапахи[71], или Коричневый Великан. Он был высотой в половину самой высокой сосны, и он был злым и жестоким. Койот сказал Коричневому Великану: «Йелапахи, я хочу быть твоим слугой; я могу быть тебе очень полезен. Причина, по которой ты часто не можешь поймать своих врагов, в том, что ты не можешь бегать достаточно быстро. Я могу быстро бегать и далеко прыгать; я могу перепрыгнуть через четыре куста за один раз. Я могу бежать за твоими врагами и помогать тебе их ловить». «Мой кузен, — ответил Коричневый Великан, — ты можешь мне помочь, если захочешь». Койот тогда велел великану построить для себя потную хижину, и пока тот строил ее, Койот отправился по другому делу.

246. В те дни в стране жила девушка, славившаяся своей красотой. Она была единственной сестрой одиннадцати божественных братьев.[81] Ее просили в жены Солнце и многие могущественные боги, но она отвергала всех, потому что они не могли выполнить определенные условия, которые она предъявляла всем женихам. Именно к ней отправился Койот, оставив Йелапахи работать над постройкой потной хижины.

247. «Почему ты отказала стольким прекрасным богам, которые хотят взять тебя в жены?» — спросил Койот девушку после того, как поздоровался с ней. «Тебе нечего знать об этом, — ответила она, — потому что ты не сможешь выполнить ни одно из моих требований». Он задал ей этот вопрос четыре раза и три раза получил один и тот же ответ. Когда он спросил ее в четвертый раз, она ответила: «Во-первых, я не выйду замуж за того, кто не убил ни одного из анайе». Услышав это, Койот встал и вернулся туда, где оставил Йелапахи.

248. На обратном пути он внимательно искал кость какого-нибудь крупного животного, которое убил и съел Великий Волк. Наконец он нашел длинную бедренную кость, которая подходила для его цели. Он взял ее с собой домой, спрятав под рубашкой. Когда Койот вернулся, Йелапахи уже закончил строительство потной хижины.[82] Вместе они развели огонь, нагрели камни и расстелили ковер из листьев. Койот повесил над дверью четыре одеяла цвета неба — одно белое, одно

голубое, одно желтое и одно черное ( ), а затем положил горячие камни в хижину. Затем они повесили оружие и одежду на соседнее дерево, вошли в потную хижину и сели.[83]

249. «Теперь, — сказал Койот, — если ты хочешь стать быстрым бегуном, я покажу тебе, что нужно делать. Ты должен разрезать плоть своего бедра до кости, а затем сломать кость. Она заживет в мгновение ока, и когда заживет, ты станешь сильнее и быстрее, чем когда-либо. Я сам часто так делаю, и каждый раз, когда я это делаю, я становлюсь быстрее, чем был раньше. Я сделаю это сейчас, чтобы ты мог посмотреть, как это делается». Затем Койот достал большой каменный нож и сделал вид, что режет себе бедро, при этом стонал и плакал, делая вид, что испытывает сильную боль. Продолжая притворяться, он через некоторое время положил старую бедренную кость на свое бедро, держа ее за оба конца, и сказал великану: «Теперь я дошел до кости. Пощупай». Когда великан протянул руку в абсолютной темноте потной хижины и почувствовал голую кость, Койот оттолкнул руку и несколько раз сильно ударил кость острием ножа , пока не сломал ее, и дал великану потрогать сломанные концы. Затем он выбросил старую кость, натер бедро слюной, помолился и спел, а через некоторое время показал великану свое здоровое бедро для осмотра, сказав: «Смотри! Моя конечность снова исцелена. Она в порядке, как и раньше». Сказав это, Койот передал свой нож Йелапахи, и тот, со слезами на глазах и громким воем, медленно ампутировал себе бедро. Когда работа была закончена, он соединил два отрезанных конца, плюнул на них, спел и помолился, как сделал Койот. «Тохе! Тохе! Тохе!»[84] — кричал он, — «Срастутся! Срастутся!» — приказывал он, но отрезанные концы не срастались. «Кузен, — позвал он Койота, — помоги мне исцелить эту ногу». Койот подумал, что теперь самое время закончить свою работу. Он выбежал из потной хижины, схватил лук и выпустил стрелы в беспомощного Йелапахи, который вскоре скончался от многочисленных ран.

250. Койот снял скальп с жертвы и привязал его к верхушке ветки, которую он сломал с кедра; в качестве дополнительного доказательства своей победы он взял колчан и оружие убитого и отправился к хижине девушки. Он знал, что она не сможет ошибиться со скальпом, потому что в те дни йеи имели желтые волосы,[85] которых не было ни у кого другого. Когда он достиг хижины, он сказал девушке: «Вот скальп и вот оружие одного из анайе. Теперь ты должна выйти за меня замуж». «Нет, — сказала девушка, — еще нет; я не рассказала тебе всего, что нужно сделать, чтобы завоевать меня. Он должен быть убит четыре раза и четыре раза воскреснуть». «Ты говоришь правду? Ты рассказала мне все?» — спросил Койот. «Да, я говорю только правду», — ответила она. Четыре раза он задавал этот вопрос и четыре раза получал один и тот же ответ. Когда она ответила в четвертый раз, Койот сказал: «Я здесь. Делай со мной, что хочешь». Дева отвела его на некоторое расстояние от хижины, положила на землю, избила большой дубиной, пока не решила, что разбила ему все кости в теле, и оставила его умирать. Но кончик его носа и конец хвоста она не разбила. Она поспешила обратно в свою хижину, потому что у нее было много работы. Она была единственной женщиной в семье из двенадцати человек. Она готовила еду, дубила шкуры, а кроме того, плела корзины. В этот раз она была занята изготовлением четырех корзин. Вернувшись в хижину, она села и продолжила плести корзины, но не успела она поработать и минуты, как почувствовала, что кто-то стоит в дверях, и, подняв глаза, увидела Койота. «Я здесь, — сказал он, — я выиграл одну игру, осталось выиграть еще три».

251. Она не ответила, а отнесла его дальше, чем раньше, и разбила его на куски дубиной. Она разбросала куски в разные стороны и вернулась к своей работе, но не успела сделать и нескольких стежков в корзине, как воскресший Койот снова появился в дверном проеме и сказал: «Я выиграл две игры, осталось выиграть еще две».

252. Она снова вывела его, но унесла еще дальше от хижины, чем раньше, и тяжелым дубиной разбила его на бесформенную массу, пока не решила, что он, наверное, мертв. Она долго стояла, глядя на разбитое мясо и обдумывая, что ей с ним сделать, чтобы ее работа была надежной. Она

отнесла массу к большому камню и там разбила ее на еще более мелкие куски. Эти куски она разбросала дальше, чем предыдущие, и вернулась в дом. Но ей все еще не удавалось повредить два жизненно важных места. На этот раз Койоту потребовалось больше времени, чем в предыдущие разы, чтобы прийти в себя; тем не менее, она еще не успела много поработать над своей корзиной, когда он снова появился и сказал: «Я выиграл три игры; осталась только одна».

253. В четвертый раз она унесла его дальше, чем когда-либо. Она не только раздавила его на куски, но и смешала куски с землей, растерла смесь, как кукурузу, между двумя камнями, пока она не превратилась в мелкий порошок, и развеяла этот порошок по всей округе. Но она снова забыла раздавить кончик носа и кончик хвоста. Она вернулась в хижину и долго работала, не отрываясь. Она только начала надеяться, что больше не увидит своего нежелательного поклонника, как он снова вошел в дверь. Теперь, наконец, она не могла ему отказать. Он выполнил все ее условия, и она согласилась стать его женой. Он остался на весь день. На закате они услышали звук приближающихся шагов, и она сказала: «Мои братья идут. Некоторые из них злобны и могут причинить тебе вред. Ты должен спрятаться». Она спрятала его за кучей шкур и велела ему молчать.

254. Когда братья вошли в хижину, они сказали сестре: «Вот молодой олень, которого мы принесли тебе. Поставь его вариться и добавь немного жира в котел, потому что наши лица обожжены ветром, и мы хотим смазать их». Женщина спала в северной части хижины, где хранила свою домашнюю утварь. Ей принадлежала примерно половина хижины. Мужчины спали в южной части, старший — рядом с дверью.

255. Кастрюля была поставлена на огонь, и когда он разгорелся, хижину наполнил запах, указывающий на присутствие какого-то животного. Один из братьев сказал: «Пахнет так, как будто какое-то животное было в дровяном штабеле. Давайте выбросим эти дрова и возьмем свежие с нижней части штабеля». Они сделали, как он просил, но неприятный запах продолжал беспокоить их, и снова дрова были вынуты из огня и выброшены. Подумав, что весь штабель дров пропитался запахом, они вышли, сломали свежие ветки с деревьев и снова развели огонь, но это нисколько не уменьшило зловоние. Тогда один из них сказал: «Возможно, запах исходит от воды. Скажи нам, сестренка, где ты набрала воду в котел?» «Я набрала ее в роднике, где всегда набираю», — ответила она. Но они заставили ее вылить воду, наполнить котел снегом и снова поставить мясо вариться. Несмотря на все их усилия, зловоние оставалось таким же сильным, как и раньше. Наконец один из братьев повернулся к сестре и сказал: «В чем причина этого запаха? Он не в дровах. Он не в воде. Откуда он?» Она молчала. Он повторил вопрос три раза, но она не ответила. Но когда вопрос был задан в четвертый раз, Койот выскочил из своего укрытия в середину хижины и воскликнул: «Это я, мои зятья!» «Беги туда!» — приказали братья и, обращаясь к сестре, сказали: «Беги с ним!»

256. Они оба вышли из хижины. Когда Койот вышел, он взял уголек из костра и зажег им новый огонь. Затем он сломал ветки с соседних деревьев и построил укрытие для себя и своей жены. Когда это было сделано, она вернулась в хижину своих братьев, взяла свои горшки, шкуры, четыре шила, корзины и все свое имущество и отнесла их в свой новый дом.

257. Один из старших братьев сказал младшему: «Выйди сегодня ночью и понаблюдай за этой парой, посмотри, что это за человек, который стал нашим зятем. Не входи в укрытие, а лежи спрятанным снаружи и наблюдай за ними». Младший брат вышел и спрятался возле укрытия, откуда он мог подглядывать и видеть при свете костра, что происходит, и слышать, что говорится . Пара сидела бок о бок у костра. Вскоре женщина дружески положила руку на колено Койота, но Койот оттолкнул ее. Эти движения повторились четыре раза, и когда он оттолкнул ее руку в четвертый раз, он сказал: «Я поклялся никогда не брать женщину в жены, пока не убью ее четыре

раза». Женщина некоторое время молчала и смотрела на огонь. Наконец она сказала: «Я здесь. Делай со мной, что хочешь». (Далее миф рассказывает о четырех смертях и воскресениях женщины, подобных тем, что произошли с Койотом, но не уточняет, как и где она сохранила свою жизненную силу). Когда она вернулась в четвертый раз, она легла, и Койот вскоре последовал за ней на ее ложе. В течение ночи они время от времени вели долгие тихие разговоры, из которых слушатель мог услышать лишь немногое. На рассвете наблюдатель пошел домой. В ответ на вопросы своих братьев он сказал: «Я не могу рассказать вам все, что я видел и слышал, и они говорили многое, чего я не мог услышать; но все, что я слышал и видел, было tsĭndás» (дьявольским, злым).

258. На следующее утро братья предложили пойти на охоту. Пока они собирались, пришел Койот и попросил разрешения присоединиться к ним, но они насмешливо сказали ему: «Нет, оставайся дома со своей женой, она может чувствовать себя одинокой и нуждаться в ком-то, с кем можно поговорить», и выгнали его из хижины. Как раз когда они собирались уходить, он вернулся и умолял их взять его с собой. «Нет, — ответили они, — женщина захочет, чтобы ты носил дрова; ты должен остаться дома с ней». Они велели ему уйти и отправились в путь. Они не успели далеко уйти, как он догнал их и в третий раз попросил разрешения присоединиться к компании, но они снова прогнали его с презрительными словами. Они шли, пока не дошли до края глубокого каньона, окаймленного очень крутыми скалами, и здесь Койот снова появился, скрываясь позади них. В четвертый раз он умолял их, но теперь младший брат встал на его сторону и предложил, чтобы Койот помогал загонять дичь к ним. Итак, после некоторого раздумья, они согласились взять Койота с собой. На краю каньона они соорудили мост из радуги[86], по которому и перешли через пропасть. Прежде чем братья достигли противоположного утеса, Койот прыгнул на него с моста большим прыжком и начал резвиться, говоря: «Здесь хорошо играть».

259. Они пошли дальше и через некоторое время пришли к мезе, или плоскогорью, которое выступало в более низкую равнину и было соединено с плато, на котором они стояли, узким перешейком ровной земли. Это была меза, очень похожая на ту, на которой стоят три восточных города моки, с высокими, отвесными склонами и узким входом. На перешейке они заметили следы четырех овец Скалистых гор, которые вошли на мезу, но не вернулись. Поэтому у них были основания полагать, что овцы все еще находятся на мезе. На перешейке они развели костер, сели рядом с ним и послали Койота на мезу, чтобы выгнать баранов. Их план удался; вскоре четыре барана выбежали на перешеек, оказавшись в пределах досягаемости оружия охотников, и все были убиты. Вскоре Койот вернулся и лег на песок.

260. В те дни рога овец Скалистых гор были плоскими и мясистыми и их можно было есть. Старший брат сказал: «Я возьму рога в качестве своей доли». «Нет, — сказал Койот, — рога будут моими: отдайте их мне». Каждый из них трижды повторил одно и то же заявление. Когда оба сказали это в четвертый раз, старший брат, чтобы положить конец спору, достал нож и начал резать один из рогов; когда он это сделал, Койот закричал: «Tsĭnántlehi! Tsĭnántlehi! Tsĭnántlehi! Tsĭnántlehi!» (Превратись в кость! Превратись в кость! Превратись в кость! Превратись в кость!) Каждый раз, когда он кричал, рог становился все тверже и тверже, и нож скользил по нему, рубя, но не отрезая рог. Вот почему рога овец Скалистых гор теперь твердые, а не мясистые, и до сих пор на них остались следы от ножа охотника. «Tsĭ′ndi! *Tsĭndás* bilnáalti!» (Ты, дьявол! Ты, злой спутник в путешествии!) — сказал охотник Койоту.

261. Охотники собрали все мясо в одну кучу и с помощью мистической силы, которой они обладали, уменьшили его до очень маленьких размеров. Они связали его в небольшой узелок, который один человек мог легко нести, и дали его Койоту, чтобы тот отнес его домой, сказав ему: «Иди вокруг ущелья, через которое мы перешли, и не проходи через него, потому что там живут злые люди, и не открывай свой узелок, пока не дойдешь до дома».

262. Он поднял узелок на спину и отправился домой, пообещав выполнить все, что ему сказали. Но как только он скрылся из виду своих товарищей, он опустил узелок на землю и открыл его. Мясо сразу же увеличилось в размерах и снова стало огромной кучей, которую он не мог снова связать и унести; поэтому он повесил часть мяса на деревья и кусты, часть засунул в щели в скалах, часть оставил разбросанной на земле, а столько, сколько мог унести, связал в новый узел и с ним продолжил путь.

263. Когда он подошел к краю запретного каньона, он посмотрел вниз и увидел птиц, играющих в игру, которую он никогда раньше не видел. Они скатывали большие камни по склону, который простирался от подножия утеса до дна долины, и стояли на камнях, пока те катились; однако птицы не расстраивались, не разбивались и не травмировались от этой забавы. Это зрелище так понравилось Койоту, что он спустился в каньон и попросил разрешения присоединиться к игре. Птицы осторожно скатили для него камень; он встал на него и проявил такую ловкость, что добрался до подножия склона без травм. Он снова и снова просил их дать ему еще одну попытку, пока не спустился три раза, не повредив себя. Когда он в четвертый раз попросил птиц покатить для него камень, они рассердились и бросили его с такой силой, что Койот потерял равновесие, и он и камень скатились вместе до самого дна склона, а он кричал и визжал всю дорогу вниз.

264. После этого он оставил птиц и продолжил путь, пока не увидел выдр, играющих у ручья на дне каньона. Они играли в игру навахо под названием *«нанзоз»*. Они делали ставки, ставя на кон свои шкуры. Но когда кто-то из них проигрывал свою шкуру, он прыгал в воду и выходил с новой шкурой. Койот подошел к выдрам и попросил разрешения принять участие в игре, но выдры слышали о нем и знали, какой он негодяй. Они отказали ему и велели убираться, но он остался и стал умолять. Через некоторое время они отошли в сторону и посовещались, а когда вернулись, пригласили Койота присоединиться к их игре. Койот поставил на кон свою шкуру и проиграл ее. Как только он проиграл, выдры набросились на него и, несмотря на его жалобные крики ( ), содрали с него шкуру, начиная с корня хвоста и продвигаясь вперед. Когда они дошли до жизненно важного места на конце его носа, его вопли были ужасны. Оказавшись без шкуры, он прыгнул в воду, как видел, что делали выдры, но, увы, его шкура не вернулась к нему. Он снова и снова прыгал в воду, но каждый раз выходил из нее таким же голым, как и входил. Наконец он полностью выдохся и лежал в воде, пока выдры не сжалились над ним и не вытащили его. Они оттащили его к барсучьей норе, бросили туда и засыпали землей. До этого приключения у Койота была красивая, гладкая шерсть, как у выдры. Когда он выбрался из барсучьей норы, он снова был покрыт шерстью, но это уже не была та блестящая шерсть, которую он носил раньше; она была грубой и жесткой, очень похожей на шерсть барсука, и с тех пор койоты носят такую шерсть.

265. Но этот печальный опыт не заставил его исправиться. Он снова пошел вызывать выдр на новую игру, поставив на кон свою новую шкуру. «Твоя шкура ничего не стоит, никто не станет играть на нее. Убирайся!» — сказали они. Часто получая отказы и грубое обращение, он наконец рассердился, удалился на безопасное расстояние и начал постыдно ругать выдр. «Вы хвастуны, — кричал он, — вы притворяетесь храбрыми, но на самом деле вы трусы. Ваши женщины такие же, как и вы: у них плоские головы, маленькие глаза, торчащие зубы, они уродливы, а у меня есть невеста, прекрасная, как солнце». Он потряс перед ними ногой, как бы говоря: «Я быстрее вас». Он подходил к ним, и когда они делали движение, как будто собираясь преследовать его, он делал большой прыжок и вскоре оказывался вне их досягаемости. Когда они успокаивались, он снова подходил к ним и продолжал издеваться и ругать их. Через некоторое время он ушел к утесу, в безопасное место, и оттуда кричал свои насмешки. Выдры посовещались и решили, что больше не могут терпеть его оскорбления, что нужно что-то делать, и они послали весть вождям пауков, которые жили ниже по течению, рассказав им о том, что произошло, и попросив о помощи.

266. Пауки поднялись на утес, обошли сзади место, где сидел Койот, ругая и злословя, и сплели прочные паутины на деревьях и кустах. Когда их работа была закончена, они рассказали Выдрам о том, что они сделали, и те начали подниматься на утес, чтобы напасть на Койота. Осознавая свою превосходную быстроту, он вел себя так, как будто они его не интересовали, и позволил им подойти довольно близко, прежде чем повернулся, чтобы бежать; но он не успел далеко убежать, как попался в паутину Пауков. Тогда выдры схватили его и, вывая, потащили к подножию холма. Он так крепко цеплялся за траву и кусты, что они были вырваны с корнями. Когда выдры дотащили его до подножия холма, они убили его, или, по крайней мере, казалось, что убили. Скальные ласточки (Hastsósi)[21] слетели со стен каньона и разорвали его на куски; они унесли обрывки в свои гнезда, оставив на земле лишь несколько капель крови; они разорвали его кожу на полоски и сделали из них ленты, которые обвязали вокруг головы, и это объясняет ленту, которую скальная ласточка носит сегодня на лбу.

267. Наступила ночь, когда братья вернулись домой. Они увидели, что Койот еще не вернулся, и удивились, что с ним стало. Когда они вошли в хижину и сели, сестра подошла, заглянула через портьеру, осмотрела внутреннюю часть хижины и вопросительно посмотрела на них. Они не говорили с ней, пока она не сделала это четыре раза, затем старший брат сказал: «Возвращайся спать и не беспокойся о своем никчемном муже. Его нет с нами, и мы не знаем, что с ним стало. Мы полагаем, что он пошел в каньон, куда мы ему запрещали ходить, и погиб». Она только сказала: «Что вы с ним сделали?» — и ушла в гневе.

268. Прежде чем лечь спать, они послали младшего брата спрятаться там, где он прятался накануне ночью, чтобы наблюдать за сестрой, и вот что он увидел: сначала она притворилась, что засыпает. Через некоторое время она встала и села лицом к востоку. Затем она повернулась по очереди на юг, запад и север, двигаясь по часовой стрелке. Когда она это сделала, она вырвала свой правый клык, отломала большой кусок от одного из своих четырех костяных шил и вставила его на место зуба, сделав большой клык там, где раньше был маленький зуб. Делая это, она громко сказала: «Тот, кто впредь будет мечтать о потере правого клыка, потеряет брата». После этого она открыла рот в четырех направлениях по часовой стрелке в том же порядке, в котором она обращалась к ним ранее, вырвала левый клык и вставила на его место заостренный конец другого шила. Создавая этот клык, она сказала: «Тот, кто увидит сон о потере левого клыка, потеряет сестру».

269. Наблюдатель вернулся к своим братьям и рассказал им о том, что он видел и слышал. «Вернись, — сказали они, — и понаблюдай за ней еще раз, потому что ты не видел всех ее поступков». Когда он вернулся , он увидел, как она, как и раньше, сделала два клыка на нижней челюсти. Когда она сделала правый, она сказала: «Тот, кто мечтает потерять этот зуб (правый нижний клык), потеряет ребенка»; а когда она сделала левый, она сказала: «Тот, кто мечтает потерять этот зуб (левый нижний клык), потеряет родителя».

270. Когда она впервые начала вырывать зубы, на ее руках начали расти волосы; по мере того как она продолжала свою мистическую работу, волосы распространились на ее руки и ноги, оставив обнаженными только груди. Молодой человек теперь вернулся в хижину, где ждали его братья, и рассказал им о том, что он видел. «Вернись, — сказали они, — и снова спрячься. Тебе еще многое предстоит увидеть».

271. Когда он вернулся в свое укрытие, волосы покрыли ее грудь, и она была покрыта шерстью, как у медведя. Она продолжала двигаться в направлении видимого движения солнца, останавливаясь и открывая рот на востоке, юге, западе и севере, пока шла. Через некоторое время ее уши начали шевелиться, морда удлинилась, слышно было, как она скрежещет зубами, а ногти превратились в когти. Он наблюдал за ней до рассвета, а затем, опасаясь, что его могут

обнаружить, вернулся в свою хижину и рассказал братьям обо всем, что произошло. Они сказали: «Должно быть, это те тайны, которые Койот объяснил ей в первую ночь».

272. Сразу после того, как молодой человек рассказал свою историю, они услышали свист медведя, и вскоре мимо двери хижины промчалась медведица, ломая ветки на своем пути. Она пошла по следам, которые Койот оставил накануне, и исчезла в лесу.

273. Ночью она вернулась, стоная. Она провела весь день в роковом каньоне, сражаясь с убийцами Койота, и была ранена во многих местах. Ее братья увидели свет в ее хижине, и время от времени кто-то из них подходил и заглядывал в отверстие, чтобы посмотреть, что происходит внутри. Всю ночь она ходила вокруг костра. Время от времени она с помощью своей магии извлекала из своего тела наконечники стрел и залечивала раны.

274. На следующее утро женщина-медведь снова пробежала мимо хижины своих братьев и снова отправилась в роковой каньон. Ночью она вернулась, как и раньше, стоная и истекая кровью, и снова провела долгую ночь, извлекая снаряды и залечивая свои раны с помощью магических обрядов.

275. Так она продолжала делать в течение четырех дней и четырех ночей; но в конце четвертого дня она победила всех своих врагов; она убила многих, а тех, кого не убила, рассеяла. Ласточки улетели на высокие утесы, чтобы спастись от ее мести; выдры спрятались в воде; пауки укрылись в норах в земле,[87] и с тех пор эти существа вынуждены жить в таких местах.

276. В течение этих четырех дней братья оставались в своем лагере, но по истечении этого времени, почувствовав, что их ждут неприятности, они решили уйти. Они оставили младшего брата дома, а остальные десять разделились на четыре группы: одна отправилась на восток, другая — на юг, третья — на запад, а четвертая — на север.

277. Когда они ушли, Вихрь Нийол и Мальчик с Ножом Песасике пришли в хижину, чтобы помочь младшему брату, который остался. Они выкопали для него яму под центром хогана и от нее прокопали четыре ответвления, идущие на восток, юг, запад и север, а над концом каждого туннеля поставили окно из гипса, чтобы пропускать свет сверху. Они дали ему четыре оружия: ациниклиска, стрелу-цепную молнию; хатсоильхалка (старинный каменный нож размером с ладонь); нацилитка, стрелу-радугу; и хатсилкиска, стрелу-листную молнию. Они накрыли его укрытие четырьмя плоскими камнями: одним белым, одним синим, одним желтым и одним черным. Они насыпали землю поверх всего этого, разгладили ее и утрамбовали, чтобы она выглядела как естественный пол хижины. Они дали ему двух стражей: Нилци, Ветер, у его правого уха, чтобы предупреждать его днем о приближении опасности, и *Цалиэль*, Тьма, у его левого уха, чтобы предупреждать его ночью.

278. Когда наступило утро и медведица вышла, она обнаружила, что ее братья ушли. Она вылила воду на землю (*halĭ'z*), чтобы увидеть, в какую сторону они ушли. Вода потекла на восток; она бросилась в том направлении и вскоре догнала трех беглецов, которых ей удалось убить. Затем она вернулась в свою хижину, чтобы посмотреть, что стало с ее другими братьями. Снова она вылила воду на ровную землю, и вода потекла на юг; она последовала в этом направлении и вскоре догнала еще троих, которых также убила. Вернувшись в хижину, она снова провела гадание с помощью воды. На этот раз она направилась на запад и, идя в этом направлении, догнала и убила еще троих мужчин. Снова она отправилась в старый лагерь и вылила воду на землю, которая потекла на север; идя в этом направлении, она встретила только одного мужчину и убила его. Еще раз она вернулась, чтобы узнать, что стало с ее последним братом. В пятый раз она вылила воду на ровную землю; она сразу впиталась в землю.

279. Братья всегда были очень успешными охотниками, и их дом всегда был хорошо снабжен мясом. В результате у них было много гостей, которые строили в их окрестностях временные жилища, такие, как строят сейчас навахо, когда приезжают на короткое время, и остатки этих жилищ окружали заброшенную хижину. Она поцарапала все эти места , чтобы найти следы беглеца, но без успеха, и, делая это, постепенно приблизилась к заброшенной хижине. Она поцарапала всю поверхность снаружи хижины, а затем вошла внутрь. Она поцарапала края хижины, а затем продвигалась к центру, пока наконец не дошла до очага. Здесь она обнаружила, что земля была мягкой, как будто ее недавно перерыли, и она быстро копала лапами вниз. Вскоре она дошла до камней и, убрав их, увидела своего последнего оставшегося брата, спрятанного под ними. «Приветствую тебя, мой младший брат! Вылезай, я хочу тебя увидеть», — сказала она ласковым голосом. Затем она протянула ему палец и сказала: «Возьмись за мой палец, и я помогу тебе выбраться». Но Ветер сказал ему не браться за ее палец, что если он это сделает, она подбросит его вверх, и он упадет полумертвый к ее ногам и будет в ее власти. «Встань без ее помощи», — прошептал Нилци.

280. Он вылез из норы с восточной стороны и пошел на восток. Она бросилась к нему с угрожающим видом, но он спокойно посмотрел на нее и сказал: «Это я, твой младший брат». Тогда она подошла к нему ласково, как собака подходит к тому, с кем хочет подружиться, и повела его обратно к заброшенному хогану. Но когда он подошел к нему, Ветер прошептал: «Мы пережили там горе, давай не будем входить», и он не вошел, и это является происхождением обычая, существующего сейчас среди навахо, никогда не входить в дом, в котором произошла смерть.[91]

281. «Подойди, — сказала она, — сядь лицом к западу, и позволь мне расчесать тебе волосы». (Было уже позднее после полудня.) «Не слушай ее, — прошептал Ветер, — сядь лицом к северу, чтобы ты мог наблюдать за ее тенью и видеть, что она делает. Именно так она убила твоих братьев». Они оба сели, она позади него, и она развязала его косу и приступила к укладке его волос, а он наблюдал за ней из уголка глаза. Вскоре он заметил, что ее морда становится длиннее и приближается к его голове, и он заметил, что ее уши шевелятся. «Что значит, что твой нос становится длиннее, а уши шевелятся?» — спросил он. Она не ответила, но втянула нос и успокоила уши. Когда это произошло в четвертый раз, Ветер прошептал ему на ухо: «Не допускай, чтобы это повторилось. Если она высунет нос в пятый раз, она откусит тебе голову. Вон там, где ты видишь эту болтливую белку, находятся ее жизненно важные органы. Он охраняет их для нее. Теперь беги и уничтожь их». Он поднялся и побежал к жизненно важным органам, а она побежала за ним. Внезапно между ними выросла большая юкка[88], чтобы задержать ее, а затем тростниковый кактус[89], а затем еще одна юкка, а затем еще один кактус другого вида. Она бежала быстрее него, но так задержалась, обходя растения, что он достиг жизненно важных органов раньше нее и услышал, как легкие дышат под покрывавшими их сорняками. Он вытащил свою стрелу с цепной молнией, выстрелил ею в сорняки и увидел яркий струящийся поток крови. В тот же момент медведица упала, и кровь хлынула из ее бока.

282. «Смотри!» — прошептал Нилци, Ветер, — «струя крови из ее тела и струя из ее внутренних органов текут быстро и приближаются друг к другу. Если они сойдутся, она оживёт, и тогда твоя опасность будет больше, чем когда-либо. Начерти своим каменным ножом знак на земле между приближающимися струями». Молодой человек сделал, как ему велели, и в тот же миг кровь свернулась и перестала течь.

283. Тогда молодой человек сказал: «Ты будешь жить снова, но уже не как злобный Цике *Cac* Nátlehi .[90] Ты будешь жить в других обличьях, где сможешь служить своему роду, а не творить зло». Он отрезал голову и сказал ей: «Посмотрим, сможешь ли ты вести себя лучше в другой жизни. Когда ты снова оживёшь, веди себя хорошо, иначе я снова убью тебя». Он бросил голову к

подножию соснового дерева, и она превратилась в медведя, который сразу же начал уходить. Но вскоре он остановился, прикрыл глаза лапой и оглянулся на человека, сказав: «Ты велел мне вести себя хорошо, но что мне делать, если другие нападут на меня?» «Тогда ты можешь защищаться, — сказал молодой человек, — но не начинай ссор и всегда будь другом своему народу, дине. Иди туда, на Черную гору (Ds*ǐ* llǐzǐ′n), и живи там». Сейчас на Черной горе живет много медведей, которые являются потомками этого медведя.

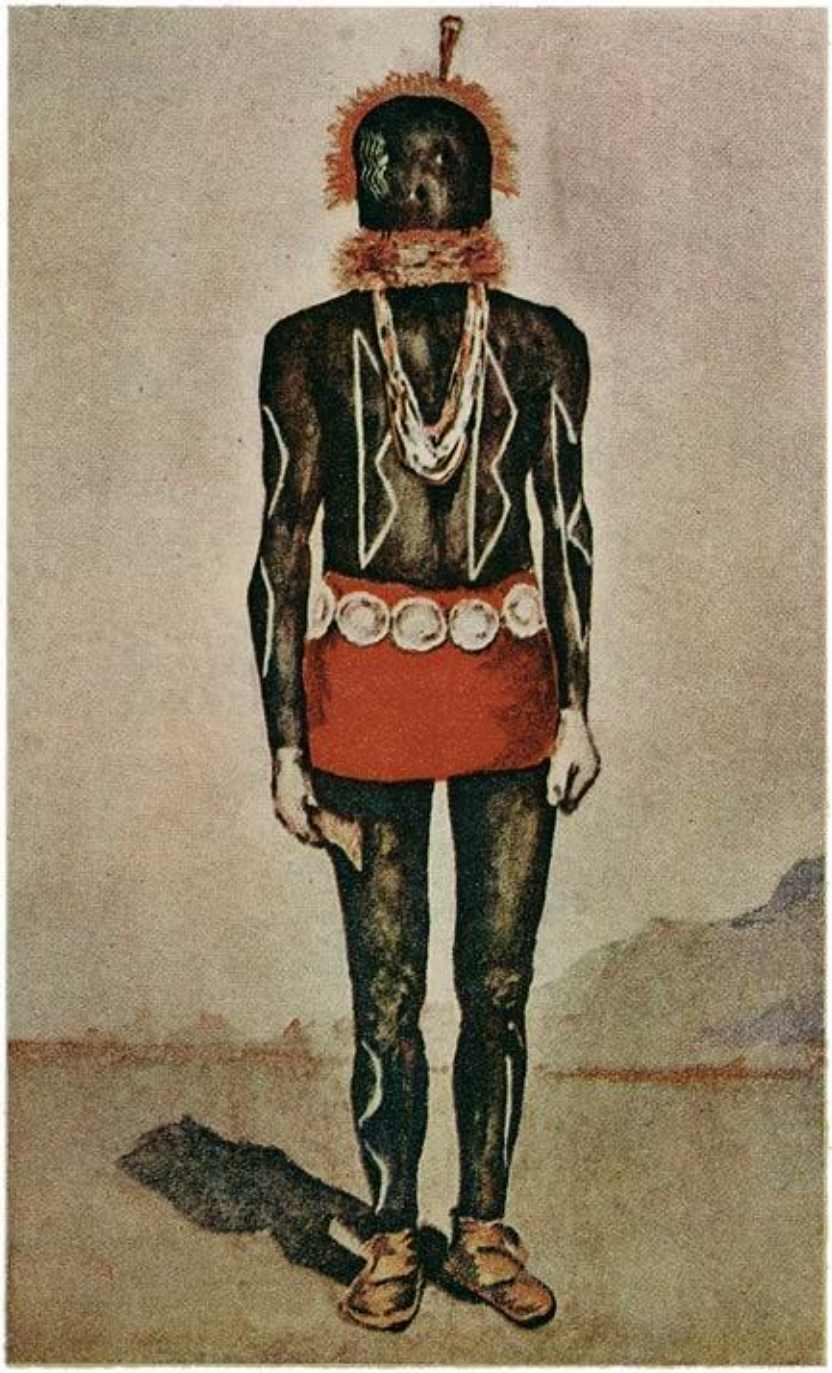
284. Герой отрезал соски и сказал им: «Если бы вы принадлежали хорошей женщине, а не глупой ведьме, вам, возможно, посчастливилось бы кормить грудью мужчин. Вы были бесполезны для своего рода, но теперь я сделаю вас полезными в другой форме». Он бросил соски на пиньонное дерево, которое до этого не плодоносило, и они превратились в съедобные кедровые орехи.

285. Затем он отправился на поиски домов своих друзей, святых Нийола и Песасике. Они привели его на восток, на юг, на запад и на север, где лежали тела его братьев, и они вернули их к жизни для него. Они вернулись в место, где раньше жили братья, и построили новый дом, но не вернулись в старый дом, потому что теперь он был проклят и превратился в tsǐ′ndi hogán.[91]

286. Затем святые дали молодому герою имя Леянеяни, или «Воспитанный под землей», потому что они спрятали его в земле, когда его братья бежали от гнева его сестры. Они велели ему уйти и поселиться в месте под названием Атахытсой (Большой мыс на краю), которое имеет форму хогана, или хижины навахо, и мы думаем, что он до сих пор живет там.

III. БОГИ ВОЙНЫ.

287. Дине теперь переселились в Целакаия (Белая Стоячая Скала), где через несколько дней после прибытия они нашли на земле небольшую бирюзовую статуэтку женщины; они сохранили ее. В последнее время чудовища (анайе, чужие боги) активно преследовали и пожирали людей, и на момент нахождения этого изображения в живых остались только четыре человека;[92] это были старик и старуха с двумя детьми, молодой мужчина и молодая женщина. Через два дня после находки изображения, ранним утром, еще не вставая с постели, они услышали голос Хастсеяльти, Говорящего Бога, который кричал «Вухухуху», так тихо и далеко, что они едва могли его услышать. Через некоторое время крик повторился во второй раз, ближе и громче, чем в первый раз. Снова, после короткой паузы, крик раздался в третий раз, еще ближе и еще громче. Четвертый крик был громким и ясным, как будто раздался совсем рядом;[26] как только он прекратился, послышалось шарканье мокасин, и через мгновение бог Хастсейалти стоял перед ними.



288. Он велел четверым людям прийти на вершину Цолихи через двенадцать ночей, принеся с собой найденное ими бирюзовое изображение, и сразу же ушел. Они глубоко задумались над его словами и каждый день обсуждали между собой, гадая, почему Хастсеяльти призвал их на гору.

289. Утром назначенного дня они поднялись на гору по священной тропе[93] и на ровном месте, недалеко от вершины, встретили группу, которая ждала их там. Там они нашли Хастсеяльти, Хастсегогана (Домашнего Бога), Белое Тело (который поднялся из нижнего мира с Дине), одиннадцать братьев (Девы, Ставшей Медведем), Миражный Каменный Народ, Народ Дневного Света, стоящий на востоке, Народ Голубого Неба, стоящий на юге, Народ Желтого Света, стоящий на западе, и Народ Тьмы, стоящий на севере. Белое Тело стоял на востоке среди Людей Дневного Света, держа в руке маленькую фигурку женщины, вырезанную из белой раковины, примерно такого же размера и формы, как и голубая фигурка, которую несли навахо.

290. Хастсеяльти положил священную оленью шкуру головой на запад. Люди Миражного Камня положили на оленью шкуру, головой на запад, две маленькие фигурки — из бирюзы и белой ракушки, — белый и желтый початок кукурузы, Мальчика-Пыльцу и Девочку-Кузнечика. Сверху на все это Хастсеяльти положил еще одну священную оленью шкуру, головой на восток, и под нее они теперь положили Нилци (Ветер).

291. Затем собравшаяся толпа встала так, чтобы образовать круг, оставив на востоке проход, через который Хастсеяльти и Хастсегоган могли входить и выходить, и они спели священную песню Хозонгисин. Четыре раза боги входили и поднимали крышку. Когда они подняли его в четвертый раз, изображения и початки кукурузы оказались превращенными в живые существа в человеческом обличье: бирюзовое изображение стало Эстсанатлехи, Женщиной, которая меняется (или омолаживается); белое изображение раковины превратилось в Йолкаи Эстсан, Женщину в Белой Раковине; белый колос превратился в Наталькай Асике, Мальчика в Белом Колосе, а желтый колос — в Натальцой *Атет*, Девочку в Желтом Колосе.[94] После церемонии Белое Тело взял с собой в Цолихи Мальчика в Пыльце, Девочку в Кузнечике, Мальчика в Белом Колосе и Девочку в Желтом Колосе; остальные участники собрания ушли, и две божественные сестры, Эстсанатлехи[95] и Йолкаи Эстсан,[96] остались на горе одни.

292. Женщины пробыли здесь четыре ночи; на четвертое утро Эстсанатлехи сказала: «Сицези (младшая сестра), зачем нам оставаться здесь? Пойдем на ту высокую точку и посмотрим вокруг». Они пошли на самую высокую точку горы, и когда пробыли там несколько дней, Эстсанатлехи сказала: «Здесь одиноко; нам не с кем поговорить, кроме нас самих; мы не видим ничего, кроме того, что катится над нашими головами (солнце), и того, что падает под нами (небольшой капающий водопад). Интересно, могут ли это быть люди. Я останусь здесь и буду ждать одного утром, а ты спустись среди скал и поищи другого».

293. Утром Эстсанатлехи нашла голую плоскую скалу и легла на нее ногами на восток, и восходящее солнце освещало ее. Йолкаи Эстсан спустилась туда, где падали капли воды, и позволила им падать на себя. В полдень женщины снова встретились на вершине горы, и Эстсанатлехи сказала своей сестре: «Печально быть такой одинокой. Как мы можем создать людей, чтобы у нас были сородичи, с которыми можно поговорить?» Йолкаи Эстсан ответила: «Подумай, старшая сестра; может быть, через несколько дней ты сможешь придумать, как это сделать».

294. Через четыре дня после этого разговора Йолкаи Эстсан сказала: «Старшая сестра, я чувствую, что во мне происходит что-то странное; что это может быть?» И Эстсанатлехи ответила: «Это ребенок. Именно для этого ты лежала под водопадом. Я тоже чувствую движения ребенка внутри себя. Именно для этого я позволила солнцу освещать меня». Вскоре после этого, как обычно, четыре раза раздался голос Эстсаньяльти *(*), и после последнего призыва он и Тонэнили (Tó‘nenīli)98 появились. Они пришли, чтобы подготовить женщин к приближающимся родам.[99]

295. Через четыре дня они почувствовали начало схваток, и одна сказала другой: «Я думаю, что мой ребенок рождается». Едва она произнесла эти слова, как раздался голос приближающегося бога, и вскоре появились Хастсеяльти и Тоненили (Водяной Разбрызгиватель) . Первый был акушером Эстсанатлехи, а второй — Эстсанатлехи (Yo lkaí Estsán).[100] Одной женщине дали веревку из радуги, другой — веревку из солнечных лучей, и они тянули за них, когда испытывали боль, так же как сейчас тянет за веревку женщина из племени навахо. Ребенок Эстсанатлехи родился первым.[101] Хастсеяльти отнес его в сторону и омыл. Он был рад, смеялся и делал ироничные жесты, как будто резал ребенка на куски и выбрасывал их. Они сделали для детей две одинаковые корзинки для младенцев; подножки и спинки были сделаны из солнечных лучей, капюшоны — из радуги, боковые ремешки — из полос молнии, а шнурки — из зигзагообразных молний. Одного ребенка они накрыли черной тучей, а другого — женским дождем.[102] Они назвали детей Синали (внуки) и ушли, пообещав вернуться через четыре дня.

296. Когда боги (йеи) вернулись через четыре дня, мальчики выросли до размеров обычных двенадцатилетних мальчиков. Боги сказали им: «Мальчики, мы пришли, чтобы устроить с вами соревнование». Так было организовано соревнование, которое должно было пройти вокруг соседней горы, и четверо начали бег — два мальчика и два йеи. Еще не пробежав и половины длинной дистанции, мальчики, которые бежали быстро, начали сдавать, а боги, которые были еще свежи, догнали их и стали хлестать мальчиков веточками горного красного дерева.[103] Хастсеяльти выиграл гонку, а мальчики вернулись домой, потирая свои болящие спины. Когда боги ушли, они пообещали вернуться через четыре дня.

297. Как только боги ушли, Нилци, Ветер, шепнул мальчикам и сказал им, что старики, в конце концов, не такие быстрые бегуны, и что, если мальчики будут тренироваться в течение следующих четырех дней, они смогут выиграть предстоящую гонку. Так что в течение четырех дней они много раз в день бегали по соседней горе, и когда боги вернулись, юноши выросли до полного мужского роста. Во второй гонке боги начали сдавать и отставать на полпути вокруг горы, где другие отстали в первой гонке, и здесь мальчики обогнали своих старших и подстегнули их, чтобы те увеличили скорость. Старший из мальчиков выиграл эту гонку, и когда она закончилась, боги смеялись и хлопали в ладоши, потому что были довольны духом и доблестью, которые они увидели.

298. В ночь после гонки мальчики, как обычно, легли спать, но, услышав шепот женщин, они не заснули и стали прислушиваться. Они напрягли слух, но не смогли разобрать ни слова из того, что говорилось. Наконец они встали, подошли к женщинам и сказали: «Матери, о чем вы говорите?» Женщины ответили: «Мы ни о чем не говорим». Тогда мальчики сказали: «Бабушки, о чем вы говорите?» Но женщины снова ответили: «Мы ни о чем не говорим». Тогда мальчики спросили: «Кто наши отцы?» «У вас нет отцов, — ответили женщины, — вы yutáski (незаконнорожденные)». «Кто наши отцы?» — снова спросили мальчики, и женщины ответили: «Ваши отцы — круглый кактус и сидячий кактус104».

299. На следующий день женщины сделали грубые луки из можжевелового дерева и стрелы, такими, как те, которыми играют дети, и сказали мальчикам: «Идите и играйте с ними, но не уходите из поля зрения нашей хижины и не ходите на восток». Несмотря на эти предупреждения,

мальчики в первый день пошли на восток, и когда они прошли значительное расстояние, они увидели животное с коричневатой шерстью и острым носом. Они натянули свои луки и направили стрелы на остроносого незнакомца, но прежде чем они успели выстрелить, он прыгнул в каньон и исчез. Когда они вернулись домой, они рассказали женщинам, обращаясь к ним как к «матери» и «бабушке», о том, что они видели. Женщины сказали: «Это Койот, которого вы видели. Он шпион Анайе *Теэлгет*».

300. На следующий день, несмотря на строгое предупреждение не удаляться далеко от хижины, мальчики ушли далеко на юг и там увидели большую черную птицу, сидящую на дереве. Они нацелили на нее свои стрелы, но как только они собрались стрелять, птица взлетела и улетела. Мальчики вернулись в хоган и сказали женщинам: «Матери, сегодня мы были на юге и видели там большую черную птицу, в которую пытались стрелять, но она улетела, прежде чем мы успели выпустить стрелы. » «Увы!» — сказали женщины. «Это был Ворон, которого вы видели. Он — шпион Tseʻnăʼhale, великих крылатых существ, пожирающих людей».

301. На третий день мальчики ускользнули от беспокоящихся женщин, которые хотели удержать их дома, и прошли долгий путь на запад. Единственное живое существо, которое они увидели, была большая темная птица с красной худой головой, на которой не было перьев. Они также попытались застрелить эту птицу, но прежде чем они успели это сделать, она расправила крылья и улетела далеко. Они пошли домой и сказали женщинам: «Матери, мы были на западе и видели большую темную птицу с красной головой без перьев. Мы пытались ее подстрелить, но она улетела, прежде чем мы успели выпустить стрелы». «Вы видели Дзесо, канюка», — сказали женщины. «Он шпион Цетахотсилтали, того, кто сбрасывает людей со скал».

302. На четвертый день мальчики, как обычно, ускользнули из дома и направились на север. Пройдя значительное расстояние в этом направлении, они увидели птицу с черным оперением, сидящую на дереве на краю каньона. Она говорила сама с собой, произнося «aʻaʻиʻ». Мальчики нацелились на нее, но, прежде чем они успели выпустить стрелы, птица расправила свои крылья и хвост ( ) и исчезла в каньоне. Когда она улетела, мальчики заметили, что ее перья были окаймлены белым. Когда они вернулись домой, они рассказали своим матерям, как и раньше, о том, что видели. «Эта птица, которую вы видели, — сказали женщины, — это сорока. Она шпионка Биная Ахани, которые убивают людей своими глазами. Увы, наши дети! Что нам делать, чтобы вы нас услышали? Что нам делать, чтобы спасти вас? Вы не слушаете нас. Теперь шпионы anáye (чужих богов) во всех частях света увидели вас. Они расскажут своим вождям, и скоро чудовища придут сюда, чтобы пожрать вас, как они пожрали всех ваших предков до вас».

303. На следующее утро женщины испекли кукурузный пирог и положили его на угли, чтобы он пропекся. Тогда Эстсана (Yo lkaí Estsán) вышла из хогана и, когда она это сделала, увидела приближающегося Йеитсо (Yéitso)[105], самого высокого и свирепого из чужих богов. Она быстро побежала обратно и предупредила всех, и женщины спрятали мальчиков под связками и палками. Йеитсо подошел и сел у двери, как раз когда женщины доставали пирог из пепла. «Этот пирог для меня», — сказал Йеитсо. «Как он вкусно пахнет!» «Нет», — ответила Эстсанатлехи, — «он не предназначен для твоей огромной пасти». «Мне все равно», — сказал Йеитсо. «Я лучше съем мальчиков. Где ваши мальчики? Мне сказали, что у вас здесь есть мальчики, и я пришел за ними». «У нас их нет», — сказала Эстсанатлехи. «Все мальчики давно ушли в желудки вашего народа». «Нет мальчиков?» — спросил великан. «Тогда что же оставило все эти следы вокруг?» «О! Эти следы я оставила для забавы», — ответила женщина. «Мне здесь одиноко, и я оставляю следы, чтобы мне казалось, что вокруг меня много людей». Она показала Йеитсо, как она может оставлять похожие следы кулаком. Он сравнил две пары следов, казался удовлетворенным и ушел.

304. Когда он ушел, Йолкаи Эстсан, Белая Женщина-Раковина, поднялась на вершину соседнего холма, чтобы осмотреться, и увидела, как многие анайе спешат в направлении ее хижины. Она быстро вернулась и рассказала сестре о том, что видела. Эстсанатлехи взяла четыре цветных обруча и бросила по одному в каждую из сторон света: белый на восток, синий на юг, желтый на запад и черный на север. Сразу же поднялся сильный ветер, который дул со всей силой во всех направлениях от хогана, так что ни один из врагов не мог продвинуться вперед.

305. На следующее утро мальчики встали до рассвета и украдись. Вскоре женщины заметили их отсутствие, но не смогли найти их в темноте. Когда стало достаточно светло, чтобы осмотреть землю, женщины вышли на поиски свежих следов. Они нашли по четыре следа каждого из мальчиков, указывающие в сторону горы *Дсилнаотиль*, но больше четырех следов они не смогли найти. Они пришли к выводу, что мальчики пошли по священной тропе, поэтому отказались от дальнейших поисков и вернулись в хижину.

306. Мальчики быстро шли по священной тропе[93] и вскоре после восхода солнца, недалеко *от Дсилнаотила*, увидели дым, поднимающийся из земли. Они подошли к месту, откуда поднимался дым, и обнаружили, что он исходил из дымового отверстия подземной камеры. Через отверстие торчала лестница, почерневшая от дыма. Заглянув в камеру, они увидели старую женщину, Женщину-Паука,[106] которая взглянула на них и сказала: «Добро пожаловать, дети. Войдите. Кто вы и откуда вы двое вместе идете?» Они не ответили, а спустились по лестнице. Когда они достигли пола, она снова заговорила с ними, спросив: «Куда вы двое вместе идете?» «Никуда конкретно», — ответили они, — «мы пришли сюда, потому что нам больше некуда было идти». Она задала этот вопрос четыре раза, и каждый раз получала одинаковый ответ. Тогда она сказала: «Может быть, вы ищете своего отца?» «Да», — ответили они, — «если бы мы только знали, как добраться до его жилища». «Ах!» — сказала женщина, — «путь к дому вашего отца, Солнца, длинный и опасный. Между этим местом и тем есть много анайе, и, возможно, когда вы туда доберетесь, ваш отец не будет рад вас видеть и накажет вас за то, что вы пришли. Вам предстоит пройти четыре опасных места: скалы, которые раздавливают путешественника, камыши, которые разрезают его на куски, каннельные кактусы, которые разрывают его на части, и кипящие пески, которые поглощают его. Но я дам вам кое-что, чтобы вы могли победить своих врагов и сохранить свои жизни». Она дала им амулет под названием nayéatsos, или перо чужих богов, который состоял из обруча с двумя живыми перьями (перьями, снятыми с живого орла) и еще одним живым пером, hyĭná bĭltsós,[107], чтобы сохранить их существование. Она также научила их магической формуле, которая, если ее повторить их врагам, укротит их гнев: «Поставь ноги на пыльцу.[108] Положи руки на пыльцу. Опусти голову на пыльцу. Тогда твои ноги будут пыльцой; твои руки будут пыльцой; твое тело будет пыльцой; твой разум будет пыльцой; твой голос будет пыльцой. Тропа прекрасна (bĭké hozóni). Будь спокоен».[109]

307. Вскоре после того, как они покинули дом Женщины-Паука, мальчики пришли к Tseʻyeintĭ'li (скалам, которые раздавливают). Здесь была узкая расщелина между двумя высокими утесами. Когда путешественник приближался, скалы широко раскрывались, по-видимому, чтобы облегчить ему проход и пригласить его войти; но как только он оказывался внутри расщелины, они закрывались, как хлопающие ладони, и раздавливали его насмерть. Эти скалы были на самом деле людьми; они думали как люди; они были анайе. Когда мальчики подошли к скалам, они подняли ноги, как будто собирались войти в расщелину, и скалы открылись, чтобы пропустить их. Затем мальчики опустили ноги, но быстро их убрали. Скалы захлопнулись, чтобы раздавить их, но мальчики остались в безопасности снаружи . Так они четыре раза обманывали скалы. Когда скалы закрылись в четвертый раз, они сказали: «Кто вы, откуда вы двое вместе и куда вы идете?» «Мы дети Солнца», — ответили мальчики. «Мы пришли из *Дсилнаотиля* и идем искать дом нашего отца». Затем они повторили слова, которым научила их Паучиха, и скалы сказали: «Проходите в

дом вашего отца». Когда они в следующий раз рискнули шагнуть в расщелину, скалы не закрылись, и они прошли в безопасности.

308. Мальчики продолжили свой путь и вскоре пришли к большой равнине, покрытой камышом с большими листьями, острыми как ножи. Когда мальчики подошли к краю камышового поля (Локаадикси), оно распахнулось, открыв проход на другую сторону. Мальчики сделали вид, что входят, но отступили, и в этот момент стены тростника сдвинулись, чтобы убить их. Так они четыре раза обманывали тростник. Затем тростник заговорил с ними, как и скалы, и они ответили, повторив священные слова. «Пройдите в дом вашего отца», — сказал тростник, и мальчики прошли в безопасности.

309. Следующая опасность, с которой они столкнулись, была в стране, покрытой каннелевыми кактусами.[89] Эти кактусы бросались на всех, кто пытался пройти через них, и разрывали их на куски. Когда мальчики подошли к кактусам, те расступились, чтобы пропустить путешественников, как и тростники ранее. Но мальчики обманули их, как обманули тростники, и покорили их, как покорили тростники, и прошли в безопасности.

310. Пройдя страну кактусов, они со временем пришли в Сайтад, страну поднимающихся песков. Здесь была большая пустыня из песков, которые поднимались, кружились и кипели, как вода в кастрюле, и захлестывали путешественника, который осмеливался войти в них. Когда мальчики приблизились, пески стали еще более возбужденными, и мальчики не осмелились войти в них. «Кто вы?» — спросили пески, «и откуда вы?» «Мы — дети Солнца, мы пришли из *Дсилнаотиля* и идем искать дом нашего отца». Эти слова были сказаны четыре раза. Затем старший из мальчиков повторил свою священную формулу; пески успокоились, сказав: «Проходите в дом вашего отца», и мальчики продолжили свое путешествие через песчаную пустыню.[110]

311. Вскоре после этого приключения они подошли к дому Солнца. Когда они приблизились к двери, они обнаружили, что путь охраняют два медведя, притаившиеся, один справа, а другой слева, с носами, направленными друг к другу. Когда мальчики подошли ближе, медведи поднялись, злобно зарычали и сделали вид, что собираются напасть на вторгшихся, но старший мальчик повторил священные слова, которым научила его Паук- -Женщина, и когда он дошел до последних слов «Будьте спокойны», медведи снова присели на корточки и лежали неподвижно. Мальчики пошли дальше. Пройдя мимо медведей, они встретили пару стражующих змей, затем пару стражующих ветров и, наконец, пару стражующих молний. Когда мальчики продвигались вперед, все эти стражи вели себя так, как будто собирались их уничтожить, но все они успокоились после слов молитвы.[111]

312. Дом Бога Солнца был построен из бирюзы; он был квадратный, как дом пуэбло, и стоял на берегу большой воды. Когда мальчики вошли, они увидели, сидящую на западе, женщину; на юге — двух красивых молодых мужчин;[112] и на севере — двух красивых молодых женщин. Женщины бросили взгляд на незнакомцев, а затем опустили глаза. Молодые мужчины пристально посмотрели на них, а затем, не говоря ни слова, поднялись, укутали незнакомцев четырьмя покрывалами из неба и уложили их на полку.[113]

313. Мальчики некоторое время лежали там тихо, когда над дверью зазвенел бубен, и одна из молодых женщин сказала: «Наш отец идет». Погремушка зазвенела четыре раза, и вскоре после четвертого звона Цоханоай, носитель солнца, вошел в свой дом. Он снял солнце со спины и повесил его на крючок на западной стене комнаты, где оно какое-то время звенело и дребезжало, издавая звуки «тла, тла, тла, тла», пока наконец не замерло.

314. Затем Цоханоай повернулся к женщине и сердитым тоном спросил: «Кто эти двое, которые пришли сюда сегодня?» Женщина не ответила, а молодые люди посмотрели друг на друга, но каждый боялся заговорить. Он четыре раза задавал этот вопрос, и наконец женщина сказала: «Тебе лучше не говорить слишком много. Сегодня сюда пришли два молодых человека, ища своего отца. Когда ты уезжаешь, ты всегда говоришь мне, что никуда не ходишь и не встречаешься ни с кем, кроме меня. Чьи же это сыновья?» Она указала на узелок на полке, и дети многозначительно улыбнулись друг другу.

315. Он снял узелок с полки. Сначала он развернул одеяло рассвета, которым они были укрыты, затем одеяло голубого неба, потом одеяло желтого вечернего света и, наконец, одеяло тьмы. Когда он развернул его, мальчики выпали на пол. Он схватил их и бросил сначала на большие острые шипы из белой раковины, которые стояли на востоке; но они отскочили от этих шипов, не пострадав, потому что все это время крепко держались за свои перья жизни. Затем он бросил их по очереди на шипы из бирюзы на юге, на шипы из халиотиса на западе и на шипы из черной скалы на севере; но они вышли невредимыми из всех этих испытаний, и Цоханоай сказал: «Хотелось бы, чтобы они действительно были моими детьми».

316. Затем он сказал старшим детям, которые жили с ним ( ): «Идите и подготовьте потную хижину и нагрейте для нее четыре самых твердых валуна, которые сможете найти. Нагрейте белый, синий, желтый и черный валун». Услышав это, Ветры сказали: «Он все еще хочет убить своих детей. Как нам предотвратить опасность?» Потовая хижина была построена у берега. Ветер вырыл в берегу яму за потной хижиной и закрыл отверстие плоским камнем. Затем Ветер шепнул мальчикам на ухо секрет ямы и сказал: «Не прячьтесь в яме, пока не ответите на вопросы своего отца». Мальчики вошли в потную хижину, туда были внесены большие раскаленные валуны, а отверстие хижины было закрыто четырьмя небесными одеялами. Затем Цоханоай позвал мальчиков: «Вам жарко?» И они ответили: «Да, очень жарко». Затем они заползли в укрытие и легли там. Через некоторое время Цоханоай пришел и вылил воду через верх потной хижины на камни, заставив их лопаться с громким шумом, и поднялся сильный жар и пар. Но со временем камни остыли, и мальчики выползли из своего укрытия в потную хижину. Цоханоай подошел и снова спросил: «Вам жарко?», надеясь не получить ответа, но мальчики все равно ответили: «Да, очень жарко». Тогда он снял покрывала с потной хижины и позволил мальчикам выйти. Он приветливо поздоровался с ними и сказал: «Да, это мои дети», но при этом думал о других способах, которыми он мог бы уничтожить их, если бы они не были его детьми.

317. Четыре небесных одеяла были разложены на земле одно на другое, и четырех молодых людей заставили сесть на них, одного за другим, лицом к востоку. «Дочери мои, сделайте так, чтобы эти мальчики выглядели как мои другие сыновья», — сказал Цоханоай. Молодые женщины подошли к незнакомцам, вытянули их волосы и изменили их лица и фигуры так, чтобы они выглядели точно как их братья. Затем Солнце велел им всем встать и войти в дом. Они встали и пошли все вместе, в процессии, а два незнакомца шли последними.

318. Когда они собирались войти в дверь, они услышали голос, шепчущий им на ухо: «Стой! Посмотри на землю». Они посмотрели вниз и увидели колючую гусеницу по имени Васекеде, которая, пока они смотрели, выплюнула на землю две синие слюни. «Возьмите по одной из них, — сказал Ветер, — и положите в рот, но не глотайте. Вас ждет еще одно испытание — испытание курением». Когда они вошли в дом, Цоханоай снял с восточной стены трубку из бирюзы и наполнил ее табаком. «Это табак, которым он убивает», — прошептал Нилци мальчикам. Цоханоай поднял трубку к солнцу, висевшему на стене, зажег ее и дал мальчикам покурить. Они курили ее и передавали друг другу, пока она не закончилась. Они сказали, что она сладкая на вкус, но не причинила им вреда.

319. Когда трубка была выкурена и Цоханоай увидел, что мальчики не погибли, он был доволен и сказал: «Теперь, дети мои, что вы хотите от меня? Почему вы ищете меня?» «О, отец!» — ответили они, — «земля, на которой мы живем, полна анайе, которые пожирают людей. Там есть Йеитсо и *Теэлгет*, Ценахале, Бинаяе Ахани и многие другие. Они съели почти всех из нашего рода; осталось лишь несколько человек; они уже искали нас, чтобы убить, и мы бежали, чтобы спастись от них. Дай нам, мы просим, оружие, с помощью которого мы сможем убить наших врагов. Помоги нам уничтожить их».

320. «Знайте, — сказал Цоханоай, — что Йеитсо, который живет в *Цоциле*, тоже мой сын, но я помогу вам убить его. Я брошу в него первый болт и дам вам то, что поможет вам в войне». Он снял с колышков, на которых они висели по комнате, и дал каждому шляпу, рубашку, гетры, мокасины, все сделанные из *пес* (железа или ножей)[114], стрелу-цепную молнию, стрелу-листовую молнию, стрелу-солнечный луч, стрелу-радугу и большой каменный нож или нож-дубинку (пешал)[115]. «Это то, что нам нужно», — сказали мальчики. Они надели одежду из *песа*, и из каждого сустава выстрелили полосы молнии.

321. На следующее утро Цоханоай вывел мальчиков на край света, где небо и земля сближались, и за которым не было мира. Здесь шестнадцать жезлов или шестов склонялись от земли к небу; четыре из них были из белой раковины, четыре из бирюзы, четыре из раковины халиотис и четыре из красного камня.[117] Между ними и жезлами протекал глубокий поток. Когда они подошли к ручью, Нилци, Ветер, прошептал: «Это еще одно испытание», но он дунул сильным дуновением и образовал радужный мост,[86] по которому братья благополучно перешли. Нилци снова прошептал: «Красные жезлы предназначены для войны, остальные — для мира»; поэтому, когда Цоханоай спросил своих сыновей: «На каких жезлах вы подниметесь?», они ответили: «На жезлах из красного камня», потому что они искали войны со своими врагами. Они поднялись на небо на жезлах из красного камня, и их отец пошел с ними.[118]

322. Они путешествовали, пока не пришли к Ягахоке, небесному отверстию, которое находится в центре неба.[119] Отверстие окаймлено четырьмя гладкими, блестящими утесами, которые круто спускаются вниз, — утесами из того же материала, что и жезлы, с помощью которых они поднялись с земли на небо. Они сели на гладких склонах — Цоханоай на западной стороне отверстия, братья — на восточной. Последние соскользнули бы вниз, если бы не поднялся ветер и не помог им удержаться. Цоханоай указал вниз и сказал: «Где ваше место в мире внизу? Покажите мне свой дом». Братья посмотрели вниз и осмотрели землю, но ничего не смогли различить ; вся земля казалась ровной; лесистые горы выглядели как темные пятна на поверхности; озера сверкали как звезды, а реки — как полосы молний. Старший брат сказал: «Я не узнаю эту землю, я не знаю, где наш дом». Тогда Нилци подсказал младшему брату и показал ему, какие горы являются священными, а какие реки — великими, и младший воскликнул, указывая вниз: «Вот Мужская Вода (река Сан-Хуан), а вот Женская Вода (река Рио-Гранде); вон там гора Докослид ( ), Циснад *(*Tsĭsnad*)* зини (zĭ′ni); под нами — *Цоциль (Tsótsĭl)*; там, на западе, находится *Докослид*; то белое пятно за Мужской водой — это Депенца; а между этими горами находится *Дсилнаотиль*, рядом с которым находится наш дом». «Ты прав, дитя мое, так и расположена эта земля», — сказал Цоханоай. Затем, возобновив свои обещания, он распростер полосу молнии; он поставил своих детей на нее — по одному на каждом конце — и спустил их на вершину *Цоцила* (гора Сан-Матео, гора Тейлор).

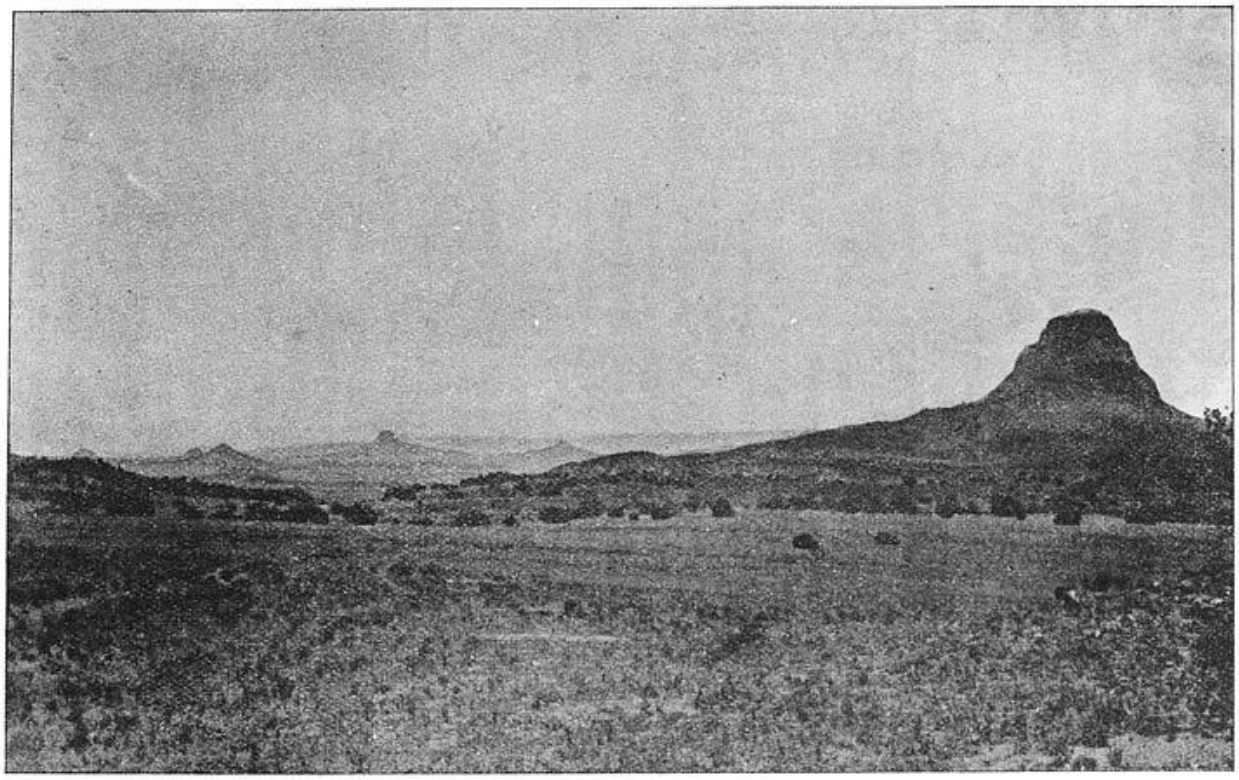


Таблица V. ЭЛЬ-КАБЕЗОН, РЯДОМ С ГОРОЙ САН-МАТЕО.[128]

(Головы Йеитсо и других великанов, убитых богами войны навахо.)

323. Они спустились с горы с южной стороны и пошли к теплому источнику в Тосато.[120] Когда они шли под высоким утесом, где сейчас находится белый круг, они услышали голоса, приветствующие их. «Куда вы идете? Подойдите на минутку». Они пошли в направлении, откуда доносились голоса, и нашли четырех святых людей: Святого Человека, Святого Молодого Человека, Святого Мальчика и Святую Девочку. Братья провели всю ночь в пещере с этими людьми, и те рассказали им все о Йеитсо.[121] Они сказали, что он каждый день три раза появлялся на горах, прежде чем спускался, а когда появлялся в четвертый раз, спускался с *Цоцила* в Тосато, чтобы попить; что, когда он наклонялся, чтобы попить, одна его рука опиралась на *Цоциль*, а другая — на высокие холмы на противоположной стороне долины, а его ноги простирались так далеко, как человек может пройти от восхода до полудня.

324. Они покинули пещеру на рассвете и пошли в Тосато, где в древние времена было озеро, гораздо большее, чем сейчас. В узкой части долины была высокая каменная стена, а озеро простиралось до того места, где сегодня находится Голубая вода. Когда они подошли к краю озера, один брат сказал другому: «Давай попробуем одно из оружий нашего отца и посмотрим, на что оно способно». Они выпустили одну из молниеносных стрел в *Цоциль*; она проделала большую расщелину в горе, которая сохранилась до наших дней, и один сказал другому: «Мы не можем страдать в бою, пока у нас есть такое оружие».

325. Вскоре они услышали звук громовых шагов и увидели голову Йеитсо, выглядывающую из-за высокого холма на востоке; она исчезла в мгновение ока. Вскоре после этого чудовище подняло голову и грудь над холмом на юге и оставалось в поле зрения немного дольше, чем когда было на востоке. Позже он показал свое тело до пояса над холмом на западе; и, наконец, он показался по

колено над *Цоцилем* на севере.[122] Затем он спустился с горы, подошел к краю озера и положил корзину, которую он обычно носил с собой.

326. Йеитсо четыре раза наклонялся к озеру, чтобы попить, и каждый раз, когда он пил, вода заметно уменьшалась; когда он закончил пить, озеро было почти осушено.[123] Братья потеряли самообладание при виде пьющего великана и ничего не делали, пока он наклонялся. Когда он сделал последний глоток, они подошли к берегу озера, и Йеитсо увидел их отражение в воде. Он поднял голову, посмотрел на них и зарычал: «Какая красивая пара появилась на горизонте! Где я охотился?» (*т. е.* я никогда раньше их не видел). « Yiniketóko! Yiniketóko!»[124] «Брось (его слова) обратно ему в рот», — сказал младший старшему брату. «Какая великая вещь появилась на горизонте! Где мы охотились?» — крикнул старший брат великану. Четыре раза эти насмешки повторялись каждой из сторон. Затем братья услышали, как Нилци быстро прошептал: «Ако! Ако! Осторожно! Осторожно!» В этот момент они стояли на изогнутой радуге; они выпрямили радугу, спустившись на землю, и в тот же миг молния, брошенная Йеитсо, пронеслась с грохотом над их головами. Он быстро бросил четыре молнии; когда он бросил вторую, они изогнули радугу и поднялись, а молния прошла под их ногами; когда он бросил третью, они спустились и пропустили молнию над собой. Когда он бросил четвертую молнию, они изогнули радугу очень высоко, потому что на этот раз он целился выше, чем раньше; но его оружие все равно прошло под их ногами и не причинило им вреда. Он натянул пятую молнию, чтобы бросить в них, но в этот момент молния спустилась с неба на голову великана, и он пошатнулся под ее ударом, но не упал.[125] Тогда старший брат выпустил стрелу-молнию; его враг пошатнулся в сторону востока, но снова выпрямился. Вторая стрела заставила его споткнуться в сторону юга (он падал все ниже и ниже с каждым разом), но он снова встал и приготовился возобновить сражение. Третья молниеносная стрела заставила его опрокинуться в сторону запада, а четвертая — в сторону севера. Затем он упал на колени, частично поднялся, упал лицом вниз, вытянул конечности и больше не двигался.

327. Когда стрелы поразили его, его доспехи разлетелись на куски, и чешуйки разлетелись во все стороны. Старший брат сказал: «Они могут пригодиться людям в будущем».[126] Затем братья подошли к своему поверженному врагу, и младший брат снял с него скальп. До этого младший брат носил только имя Тобадзистсини, или Ребенок Воды, но теперь его брат дал ему также воинское имя Наидикси (Тот, кто режет вокруг). Каким было имя старшего брата до этого, мы не знаем, но с тех пор его называли Найенэзгани (Убийца чужих богов).[127]

328. Они отрезали ему голову и бросили ее на другую сторону *Цоциля*, где ее можно увидеть и сегодня на восточной стороне горы.[128] Кровь из тела теперь текла большим потоком вниз по долине, настолько большим, что он разрушил скалистую стену, ограничивавшую старое озеро, и продолжал течь. Нильци шепнул братьям: «Кровь течет к жилищу Бинаяе Ахани; если она дойдет до них, Йеитсо снова оживет». Тогда Найензгани взял свой пешал, или нож-дубинку, и провел им по долине линию. Здесь кровь перестала течь и накопилась в высокую стену. Но когда она накопилась здесь очень высоко, она начала течь в другом направлении, и Нилци снова прошептал: «Теперь она течет к жилищу Сасналкахи, Медведя, который преследует; если она дойдет до него, Йеитсо снова оживет». Услышав это, Найенэзгани снова провел ножом по земле, и кровь снова накопилась и перестала течь. Кровь Йеитсо сегодня заполняет всю долину, а высокие утесы в черной скале, которые мы видим там сейчас, — это места, где Найенэзгани остановил поток своим пешалом.[129]

329. Затем они положили сломанные стрелы Йеитсо и его скальп в его корзину и отправились в свой дом недалеко *от Дсилнаотиля*. Когда они подошли к дому, они сняли свои доспехи и спрятали их вместе с корзиной и ее содержимым в кустах. Матери обрадовались, увидев их, потому что боялись, что их сыновья погибли, и сказали: «Где вы были с тех пор, как ушли отсюда

вчера, и что вы делали?» Найенэзгани ответил: «Мы были в доме нашего отца, Солнца. Мы были в *Цоциле* и убили Йеитсо». «Ах, дитя мое, — сказала Эстсанатлехи, — не говори так. Нехорошо смеяться над таким страшным предметом». «Ты не веришь нам?» — сказал Найенэзгани. «Тогда выйди и посмотри, что мы принесли с собой». Он вывел женщин к месту, где спрятал корзину, и показал им трофеи Йеитсо. Тогда они убедились, обрадовались и устроили танец, чтобы отпраздновать победу.[130]

330. Когда их ликование закончилось, Найенэзгани сказал своей матери: «Где живет Теэлгет[131]?» «Не пытайся узнать, — ответила она, — ты уже достаточно сделал. Будь доволен. Земля анайе — опасное место. Анайе трудно убить». «Да, и тебе было трудно выносить своего ребенка», — ответил сын (имея в виду, что, несмотря на это, она все же победила ( )). «Он живет в Бикехалзине», — сказала она. Затем братья провели долгий совет, чтобы решить, что им делать. Они сделали две сигареты кэтауны из растения под названием азеладилтехе[132], одну черную и одну синюю, каждая длиной в три пальца; к ним они прикрепили солнечный луч и положили их в бирюзовую посуду. «Я пойду один сражаться *с Теэлгэтом*, — сказал Найэнэзгани, — а ты, младший брат, останься дома и следи за этими кетаунами. Если они загорятся от солнечного луча, ты поймешь, что я в большой опасности; пока они не загорятся, ты можешь быть уверен, что я в безопасности». Эта работа была закончена к закату солнца.[133]

331. На следующее утро Наеензгани встал рано и отправился один на поиски *Теэлгэта*. Вскоре он подошел к краю большой равнины и с одного из холмов, окаймлявших ее, увидел чудовище, лежащее вдали. Он остановился, чтобы подумать, как подойти к нему поближе, не привлекая его внимания, и тем временем взял в руку одну из своих молниеносных стрел, обдумывая, как ее бросить. Пока он так стоял в раздумьях, к нему подошел Насизи, Гофер, и сказал: «Приветствую тебя, мой друг! Почему ты пришел сюда?» «О, я просто блуждаю», — ответил Найензгани. Четыре раза был задан этот вопрос и дан этот ответ. Тогда Насизи сказал: «Удивительно, что ты пришел сюда; никто, кроме меня, не рискует заходить в эти места, потому что все боятся *Теэлгэта*. Он лежит там, на равнине». «Именно его я и ищу», — сказал Наенизгани, — «но я не знаю, как к нему подойти». «Ах, если это все, что тебе нужно, я могу тебе помочь», — сказал Гофер, — «и если ты убьешь его, все, что я прошу, — это его шкура. Я часто подхожу к нему, и сейчас пойду, чтобы показать тебе». Сказав это, Назизи исчез в дыре в земле.

332. Пока его не было, Найенэзгани наблюдал *за Теэлгэтом*. Через некоторое время он увидел, как огромное существо поднялось, прошло от центра в четырех разных направлениях, как будто наблюдая, и снова легло на том месте, где его впервые увидели. Это было огромное четвероногое животное с рогами, похожими на оленьи. Вскоре Насизи вернулся и сказал: «Я прокопал туннель до *Теэлгэта*, и в конце пробурил четыре туннеля, чтобы вы могли спрятаться: один на востоке, один на юге, один на западе и один на севере. Я проделал отверстие вверх от туннеля до его сердца и обгрыз шерсть возле его сердца. Когда я грыз волосы, он заговорил со мной и сказал: «Почему ты берешь мои волосы?» Я ответил: «Я хочу сделать из них постель для своих детей». Тогда он поднялся и пошел, но потом вернулся и лег на прежнее место, над отверстием, ведущим к его сердцу».

333. Найенэзгани вошел в туннель и прополз до его конца. Когда он посмотрел вверх через восходящий шахт , о котором ему рассказал Насизи, он увидел, как там бьется огромное сердце *Теэлгэта*. Он выпустил стрелу из цепной молнии и убежал в восточный туннель. Чудовище поднялось, воткнуло один из своих рогов в землю и разорвало туннель. Найенэзгани убежал в южный туннель; *Теэлгет* разорвал южный туннель своими рогами, и герой убежал в западный туннель. Когда западный туннель был разорван, он убежал в северный туннель. Анайе воткнул свой рог в северный туннель, чтобы разорвать его, но, не успев раскрыть его даже наполовину, он упал и замер. Найенэзгани, не зная, что его враг мертв, и все еще боясь его, прополз обратно через

длинный туннель к месту, где он впервые встретил Насизи, и там он стоял, глядя на далекую фигуру *Теэлгэта*.

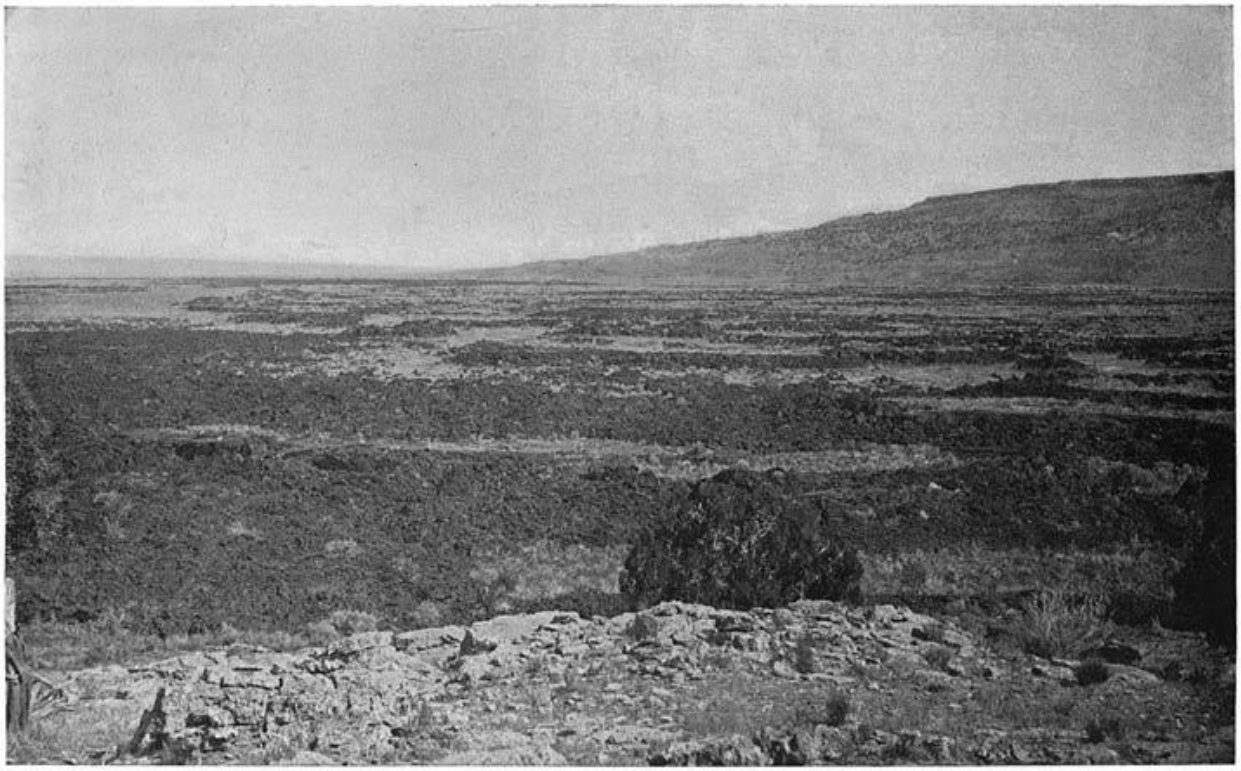


Таблица VI. ЛАВОВЫЙ ПОТОК В ДОЛИНЕ САН-ХОСЕ, НЬЮ-МЕКСИКО.[129]

(Кровь Йеитсо.)

334. Пока он стоял там в раздумьях, он заметил, что к нему приближается маленький старик, одетый в обтягивающие гетры и обтягивающую рубашку, с шапкой и пером на голове; это был Хазаи, Суслик. «Что ты здесь делаешь, мой внук?» — спросил Хазаи. «Ничего, я просто гуляю», — ответил воин. Четыре раза был задан этот вопрос и четыре раза был дан похожий ответ, когда Суслик снова заговорил и спросил: «Ты не боишься анайе, который живет на той равнине?» «Я не знаю», — ответил Найенэзгани, — «я думаю, что убил его, но не уверен». «Тогда я могу узнать для тебя», — сказал Хазаи. «Он никогда не обращает на меня внимания. Я могу подойти к нему в любое время без опасности. Если он мертв, я взойду на его рога, буду танцевать и петь». Наеенэзгани не долго наблюдал, как Хазаи взобрался на один из рогов и танцевал на нем. Когда он подошел к своему мертвому врагу, он обнаружил, что Хазаи измазал свое лицо кровью убитого (эти полосы остаются на лице земляного сурка и по сей день), а Насизи уже начал снимать шкуру, грызя внутреннюю часть передних ног. Когда Гофер снял шкуру, он надел ее на свою спину и сказал: «Я буду носить это, чтобы в будущем, когда люди станут многочисленнее, они знали, какую шкуру носил *Теэлгет*». У него была кожа, похожая на ту, что покрывает Гофера сегодня. Хазаи вырезал кусок кишки, наполнил его кровью и завязал концы; он также вырезал кусок одного из легких и отдал их Наеензгани в качестве трофеев.[134]

335. Когда Найенэзгани вернулся домой, его встретили с большой радостью, потому что его мать снова начала бояться, что он никогда не вернется. «Где ты был, мой сын, и что ты делал, пока тебя не было?» — спросила она. «Я был в Бикехалзине и убил Теэлгэта», — ответил он. «Ах, не говори так, сынок, — сказала она, — он слишком могущественен, чтобы ты мог так легкомысленно о нем говорить. Если он узнает, что ты сказал, он может разыскать тебя и убить». «Я не боюсь его, — сказал ее сын. — Вот его кровь, а вот кусок его печени. Теперь ты веришь, что я убил его?» Затем

он сказал: «Мать, бабушка, скажите мне, где живут Tse‘nă′hale135 ( )?» «Они живут в Tsé‘bĭ taï (Winged Rock)», — ответила она, — «но не рискуй приближаться к ним, они свирепы и сильны».

336. На следующее утро он рано ушел, взяв с собой кусок кишки, наполненный кровью. Он поднялся на горный хребет, где возвышается холм Цускай, и шел, пока не пришел к месту, где лежали две большие змеи. С того дня эти змеи превратились в камень. Он прошел по спине одной из змей, затем перешел с одной змеи на другую и вышел на равнину, простирающуюся к востоку от гор, пока не подошел к Цэбитай, большой черной скале, похожей на птицу. Пока он шел, он услышал над головой огромный шум, похожий на звук вихря, и, подняв глаза, увидел огромное существо, похожее на орла, летящее к нему с востока. Это был самец Ценахале. Воин едва успел броситься на землю, как Цэньахале набросился на него. Так четыре раза чудовище набрасывалось на него, каждый раз прилетая с другой стороны. Три раза Найенэзгани спасался бегством, но в четвертый раз, прилетев с севера, чудовище схватило его когтями и унесло в Цэбитай.

337. На одной стороне Цэбитай есть широкий ровный выступ, где чудовище выращивало своих детенышей; он бросил героя на этот выступ, как обычно поступал со своими жертвами, и устроился на вершине выше. Это падение убило всех, кто когда-либо падал туда, но Найенэзгани был спасен перьем жизни, подаренным ему Женщиной-Пауком, которое он все еще хранил. Когда воин упал, он разрезал мешок с кишками, который нес с собой, и позволил крови *Теэлгэта* вытечь на скалу, чтобы анайе подумали, что он убит. Двое молодых птиц подошли, чтобы пожрать тело воина, но он сказал им «Шшш!». Они остановились и закричали своему отцу: «Это существо не мертво, оно говорит нам «Шшш!». «Это только воздух, выходящий из тела, — сказал отец, — не обращайте внимания, ешьте». Затем он улетел в поисках другой добычи. Когда старая птица улетела, Найенэзгани спрятался за молодыми и спросил их: «Когда вернется ваш отец и где он будет сидеть, когда вернется?» Они ответили: «Он вернется, когда у нас будет мужской дождь137, и он сядет на той скале» (указав на скалу поблизости справа). Тогда он спросил: «Когда вернется ваша мать и где она будет сидеть?» «Она придет, когда у нас будет женский дождь137, и сядет на той скале» (указав на утес слева). Он не долго ждал, когда начали падать капли дождя, загремел гром, сверкнула молния, самец Tse‘nă′hale вернулся и сел на скалу, которую указали птенцы. Тогда Найенэзгани ( ) метнул молниеносную стрелу, и чудовище упало мертвым к подножию Крылатой скалы. Через некоторое время снова пошел дождь, но без грома и молний. Пока дождь все еще лил, на уступ упало тело женщины из племени пуэбло, одетое в дорогие одежды и украшенное серьгами и ожерельями из красивых ракушек и бирюзы. Найенэзгани поднял глаза и увидел над головой парящую женщину-цэнахале (она охотилась только на женщин, а мужчина — только на мужчин). Через мгновение она спустилась вниз и уже собиралась приземлиться на свою любимую скалу, когда Найенэзгани метнул еще одну молниеносную стрелу и отправил ее тело на равнину, чтобы оно присоединилось к телу ее партнера.

338. Молодые птицы начали кричать и сказали воину: «Ты нас тоже убьешь?» «Прекратите свои вопли», — крикнул он. «Если бы вы выросли здесь, вы стали бы злыми существами; вы жили бы только для того, чтобы уничтожать мой народ; но теперь я сделаю из вас то, что пригодится в будущем, когда на земле станет больше людей». Он схватил старшего и сказал ему: «Ты будешь давать людям перья для их обрядов и кости для свистков». Он четыре раза раскачал птенца взад и вперед, и тот начал превращаться в прекрасную птицу с сильными крыльями и сказал: «Сук, сук, сук, сук». Затем он бросил его высоко в воздух. Оно расправило крылья и взлетело, исчезнув из виду, как орел. Младшему он сказал: «В будущем люди будут слушать твой голос, чтобы узнать, каким будет их будущее: иногда ты будешь говорить правду, а иногда — лгать». Он раскачивал его взад и вперед, и при этом его голова стала большой и круглой; его глаза стали большими; он начал говорить: «Уву, уву, уву, уву», и превратился в сову. Затем он бросил его в дыру в боковой части утеса и сказал: «Это будет твоим домом».138

339. Поскольку ему больше нечего было делать в Цэбитае, он решил вернуться домой, но вскоре обнаружил, что ему не спуститься с утеса; только крылатое существо могло достичь или покинуть уступ, на котором он стоял. Солнце было уже почти на полпути к горизонту, когда он заметил Летучую мышь, идущую у подножия утеса. «Бабушка, — громко позвал он, — подойди и спусти меня вниз». «Цэдани», — ответила она и спряталась за выступом скалы. Она снова появилась, и он снова позвал ее, но она дала ему тот же ответ и снова спряталась. Три раза повторились эти действия и эти слова. Когда она появилась в четвертый раз и он умолял ее спустить его вниз, он добавил: «Я дам тебе перья Tseʻnăʼhale, если ты спустишь меня с этой скалы». Услышав это, она подошла к подножию скалы и вскоре исчезла под выступом, на котором он стоял. Вскоре он услышал странный хлопающий звук[140] и голос , призывающий его: «Закрой глаза и отвернись, потому что ты не должен видеть, как я поднимаюсь». Он сделал, как ему велели, и вскоре Летучая мышь стояла рядом с ним. «Залезай в эту корзину, и я отнесу тебя вниз», — потребовала она. Он посмотрел на большую корзину, которую она несла на спине, и заметил, что она висела на веревках, тонких как паутина. «Бабушка, — сказал он, — я боюсь залезть в твою корзину, веревки слишком тонкие». «Не бойся, — ответила она, «Я часто ношу в этой корзине целого оленя: веревки достаточно прочные, чтобы выдержать тебя». Он все еще колебался, а она продолжала его уверять. Когда он в четвертый раз выразил свой страх, она сказала: «Наполни корзину камнями, и ты увидишь, что я говорю правду». Он сделал, как ему велели, и она закружилась с нагруженной корзиной на спине; но веревки не порвались, хотя и звенели, как тетива лука. Когда он вошел в корзину, она велела ему держать глаза закрытыми, пока они не доберутся до подножия утеса, так как он не должен был видеть, как она справляется с спуском. Он закрыл глаза и вскоре почувствовал, как они постепенно спускаются, но снова услышал странное хлопанье о скалу, которое так возбудило его любопытство, что он открыл глаза. Мгновенно он начал падать с опасной скоростью, и хлопанье прекратилось; она ударила его палкой и велела ему закрыть глаза. Он снова почувствовал, как медленно опускается, и хлопанье о скалу возобновилось. Еще три раза он не послушался ее, но в последний раз они были уже близко к подножию утеса и оба упали на землю невредимыми.

340. Вместе они ощипали двух Tseʻnăʼhale, сложили перья в ее корзину и повесили корзину ей на спину. Он оставил себе только самое большое перо с одного крыла каждой птицы в качестве трофея. Когда она собиралась уходить, он предупредил ее, чтобы она не проходила через две соседние местности, которые были высохшими руслами временных озер; одна была заросла сорняками, другая — подсолнухами. Несмотря на его предупреждение, она пошла к подсолнухам. Когда она собиралась войти в них, он снова позвал ее и умолял не идти в ту сторону, но она не послушала его и пошла дальше. Она не сделала и нескольких шагов среди подсолнухов, как услышала за спиной шуршание, и маленькая птичка странного вида пролетела мимо нее, почти задев ухо. Когда она прошла дальше, она услышала еще больше трепетания крыльев и увидела еще больше птиц с разнообразным оперением, которых она никогда раньше не видела, летающих над ее плечами и улетающих во всех направлениях. Она оглянулась и с удивлением увидела, что птицы вылезают из ее собственной корзины. Она пыталась удержать их, ловить их, когда они вылетали, но все было тщетно. Она положила корзину и беспомощно наблюдала, как ее перья превращались в маленьких птиц всех видов — крапивников, певунов, синиц и тому подобных — и улетали, пока ее корзина не опустела. Так были созданы маленькие птицы.[141]

341. Когда он вернулся домой, Тобадзицсини сказал ему: «Старший брат, я наблюдал за кетаунами все время, пока тебя не было. Около полудня черная сигарета загорелась, и я забеспокоился, потому что знал, что ты в опасности; но когда она прогорела до половины, огонь погас, и я обрадовался, потому что подумал, что ты снова в безопасности». «Ах, это, должно быть, было в тот момент, когда Ценахале поднял меня и бросил на скалы», — сказал Найенэзгани. Он повесил свои трофеи на восточной стороне хижины, а затем спросил мать, где живет Цэтахотсилтали[142]. Она

сказала ему, что он живет в Цэтеза , но, как и в предыдущих случаях, предупредила его о силе врага и попыталась отговорить его от поиска новых опасностей. На следующее утро он отправился на поиски Tse‘tahotsīltá‘li, Того, Кто Сбрасывает (Людей) С Утеса. Этот анайе жил на склоне высокого утеса, у его ног пролегала тропа, и когда путешественники шли по ней, он сбрасывал их вниз, на дно обрыва. Наеэнэзгани не прошел и половины пути, как обнаружил хорошо протоптанную тропу; следуя по ней, он обнаружил, что она ведет его вдоль высокого обрыва, и вскоре он увидел своего врага, который по внешнему виду очень напоминал человека. Чудовище спокойно прислонилось к скале, как будто не собиралось причинять вреда, и Наеэнэзгани подошел, как будто не опасаясь опасности, но пристально наблюдая за своим противником. Когда он прошел мимо, тот ударил его ногой, но он уклонился от удара и спросил: «Почему ты ударил меня?» «О, мой внук, — сказал анайе, — я устал лежать так, и я только вытянул ногу, чтобы отдохнуть». Найенезгани прошел мимо него четыре раза, и четыре раза чудовище тщетно пинал его. Тогда герой ударил своего врага своим большим каменным ножом по глазам и бил его снова и снова, пока не убедился, что убил его; но он был удивлен, обнаружив, что тело не упало с утеса. Он порезал ножом тело в разных местах, но не нашел ничего, что удерживало его на скале, пока не дошел до головы, и тогда обнаружил, что длинные волосы, как корни кедра, впились в расщелину в скале. Когда он отрезал волосы, тело упало вниз и скрылось из виду. В тот момент, как только оно упало, снизу раздался громкий крик. «Я хочу глаза», — закричал один; «Дай мне руку», — кричал другой; «Я хочу печень», — сказал третий; «Нет, печень будет моей», — орал четвертый; и так продолжалась ссора. «Ах!» — подумал Найенэзгани, — «это дети ссорятся из-за трупа отца. Так, возможно, они бы ссорились из-за моего, если бы я не уклонился от его ударов».

342. Он попытался спуститься по тропе, по которой шел, но обнаружил, что она заканчивается. Тогда он вернулся по своим следам, пока не увидел другую тропу, которая, казалось, вела к подножию утеса. Он пошел по ней и вскоре наткнулся на двенадцать детенышей анайе, которые только что пожрали труп своего отца ( ); кровь все еще текла из их пастей. Он бросился между ними и стал рубить их во всех направлениях своим большим каменным ножом. Они убежали, но он преследовал их и вскоре убил всех, кроме одного. Этот бежал быстрее остальных и залез на высокие скалы, но Найенэзгани последовал за ним и поймал его. Он остановился, чтобы перевести дух, и, сделав это, посмотрел на ребенка и увидел, что тот был отвратительно уродлив и грязен. «Ты, уродливая тварь, — сказал Найенэзгани, — когда ты так быстро убегал от меня, я подумал, что ты, может быть, красив и достоин смерти, но теперь, увидев твое лицо, я пощажу тебя. Иди на ту гору Натсисаан[144] и живи там. Это бесплодная земля, где тебе придется тяжело трудиться, чтобы прокормиться, и ты будешь бродить голым и голодным». Мальчик пошел в Натсисаан, как ему было велено, и там стал прародителем пахутов, уродливого, голодного и оборванного народа, который никогда не моется и питается паразитами пустыни.[145]

343. Он пошел туда, где впервые нашел детей Цетахоцилтали. От тела отца не осталось ничего, кроме костей и скальпа. (Этот анайе носил волосы по манере индейцев Пуэбло). Герой отрезал кусок волос с одной стороны головы и отнес его домой в качестве трофея. Когда он вернулся домой, последовали обычные вопросы, ответы и ликование, и когда он спросил свою мать: «Где находится дом Биная Ахани, народа, который убивает своими глазами», она, как и раньше, умоляла его остаться довольным и больше не рисковать, но добавила: «Они живут в Цеахалзини, Скале с Черной дырой».[146] Это место существует и по сей день, но изменилось с тех пор, как там жили анайе. На одной стороне все еще есть дыра, похожая на дверь, а на вершине — еще одна, похожая на дымоход.

344. На этот раз, в дополнение к своему оружию, он взял с собой в путь мешок соли.[147] Когда он пришел в Цеахалзини, он вошел в каменный дом и сел на северной стороне. В других частях хижины сидели старая пара Биная Ахани и многие из их детей. Все они смотрели на вторгшегося большими глазами, и из их глаз летели в него вспышки молний, но они безвредно отскакивали от

его доспехов. Видя, что они не убивают его, они смотрели на него все сильнее и сильнее, пока их глаза не вылезли далеко из орбит. Затем он бросил соль в огонь в центре хижины, и она зашипела и разлетелась во все стороны, попав в глаза анайе и ослепив их. Пока они сгибали головы от боли, он ударил своим большим каменным ножом и убил всех, кроме двух самых младших.

345. Так он сказал двум, которых пощадил: «Если бы вы выросли здесь, вы бы жили только для того, чтобы творить зло и уничтожать людей ; но теперь я сделаю вас полезными для моего рода в грядущие дни, когда люди размножатся на земле». Старшему он сказал: «Ты всегда будешь говорить с людьми и рассказывать им о том, что происходит за пределами их поля зрения; ты будешь предупреждать их о приближении врагов», — и он превратил его в птицу под названием Цидилтой148 (стреляющая или разведывательная птица). Он обратился к младшему, сказав: «Твоя задача будет заключаться в том, чтобы делать вещи красивыми, чтобы сделать землю счастливой». И он превратил его в птицу под названием Хостоди[149], которая днем спит, а ночью выходит на охоту.

346. Когда он вернулся домой со своими трофеями, которыми были глаза150 первого Биная Ахани, которого он убил, и рассказал о том, что он сделал, Эстанатлехи взяла кусок легкого *Теэлгэта* (который он ранее принес домой), положила его ей в рот и, танцуя, спела эту песню:

Найенэзгани приносит мне

Он приносит мне *Теэлгет*,

Действительно, он приносит мне легкое,

Народ восстановлен.

Тобадзистсини приносит мне,

Из Ценахале он приносит мне,

Он приносит мне крыло,

Люди восстановлены.

Лейанеяни приносит мне,

Из Цетахоцилтали он приносит мне,

Он приносит мне настоящую косу,

Люди восстановлены.

Цовенатли151 приносит мне,

Из Бинаяе Ахани он приносит мне,

Он приносит мне настоящий глаз,

Народ восстановлен.[276]

347. Когда она закончила свои ликование, он спросил: «Где я найду Сасналкахи (Медведя, который преследует)?» «Он живет в Цебахасти (Скале, которая пугает)», — ответила она; но снова

она умоляла его , изобразила ему силу врага, которого он искал, и просила его больше не рисковать.

348. На следующее утро он отправился к Скале, которая пугает, и обошел ее вокруг, но не встретил медведя и не нашел его следов. Наконец, глядя на вершину скалы, он увидел голову медведя, торчащую из отверстия, и поднялся наверх. Медвежья берлога имела форму креста и четыре входа. Найенэзгани заглянул в восточный, южный и западный входы, но не увидел своего врага. Когда он подошел к северному входу, он снова увидел голову наблюдающего медведя, но она мгновенно скрылась ( ), и медведь направился к южному входу. Герой быстро обошел вокруг и стал ждать. Через некоторое время медведь высунул голову, чтобы посмотреть, и Найенэзгани отрезал ее своим большим каменным ножом.

349. Он обратился к голове со словами: «В своей прошлой жизни ты был плохим и пытался только творить зло, но в новых обличьях я сделаю тебя полезным для людей; в будущем, когда их станет больше на земле, ты будешь снабжать их сладкой пищей, пеной для очищения тел и нитями для одежды». Он разрезал голову на три части: одну он бросил на восток, где она превратилась в цаси, или хаскан (*Yucca baccata*); другую он бросил на запад, где она превратилась в цаситсоз (*Yucca angustifolia*); а третью он бросил на юг, где она превратилась в нота (мескаль). Он отрезал левую переднюю лапу, чтобы взять ее домой в качестве трофея.

350. «Где я найду Цэнагахи (Путешествующий камень)?» — спросил он после того, как вернулся со встречи с Преследующим Медведем и показал свой трофей своему народу. «Ты найдешь его в озере рядом с тем местом, где указывает Цээспай», — ответила Эстсанатлехи, но она умоляла его не приближаться к озеру. Он не послушал ее и на следующее утро отправился на поиски Путешествующего камня.

351. Он подошел к озеру с северной стороны, пока ветер дул с юга, но не увидел камня. Тогда он обошел озеро с южной стороны. Когда он подошел, камень почувствовал его запах, поднялся на поверхность, замер на мгновение и полетел к Найенэзгани, как будто его бросила гигантская рука. Поднимая свою молниеносную стрелу, он удержал ее на пути камня и отбил от него кусок. Когда камень упал, он отбил еще один кусок своим ножом. Теперь Ценагахи понял, что ему противостоит сильный враг, поэтому, вместо того чтобы снова броситься на него, он убежал, а Найенэзгани погнался за ним. Он преследовал его по всей территории нынешней земли навахо, отбивая куски во многих местах[152], пока наконец не догнал его в реке Сан-Хуан в Цинтахоката, где лес спускается к реке.

352. Путешествующий камень мчался по течению, а Найенэзгани бежал по берегу за ним. Четыре раза он опережал камень, но три раза тот ускользал от него, погружаясь глубоко в реку. Когда он в четвертый раз перехватил его, он увидел, как камень сверкает под водой, как огонь, и остановился, чтобы посмотреть на него. Тогда камень заговорил и сказал: «Саве (мой ребенок, моя любовь), сжалься надо мной, и я больше не буду причинять вреда твоему народу, а буду делать ему добро. Я буду держать источники в горах открытыми и заставлять твои реки течь; убей меня, и твои земли станут бесплодными». Найенэзгани ответил: «Если ты сдержишь это обещание, я пощажу тебя; но если ты будешь и дальше творить зло, как раньше, я снова найду тебя, и тогда я не пощажу тебя». С тех пор Ценагахи сдержал свое обещание и стал Тиэхолтсоди верхнего мира.

353. Он не принес домой трофеев с битвы с Цэнагахи. Прошло уже восемь дней с тех пор, как он покинул дом Солнца.[153] Он был утомлен сражениями с анайе и решил отдохнуть четыре дня. За это время он подробно рассказал своим родственникам о своих путешествиях и приключениях от начала до конца, и, начав рассказ, спел песню:

Найенэзгани Аце Эстсану начал рассказывать,

О Битеэлгети он начал рассказывать,

О том, как он пришел из домов великанов, он начал рассказывать.

Тобадзистсини начал рассказывать Эстсанатлехи,

О Тсенахале он начал рассказывать,

Придя из домов великанов, он начал рассказывать.

Лейанеяни начал рассказывать Аце Эстсану,

О Цетахоцилтали он начал рассказывать,

Придя из домов великанов, он начал рассказывать.

Цовенатли начал рассказывать Эстсанатли,

О Бинаяе Ахани он начал рассказывать,

О том, как он пришел из домов великанов, он начал рассказывать.[277]

354. Еще оставалось убить много анайе; под Скалой был Белый, под Скалой был Синий, под Скалой был Желтый, под Скалой был Черный и много йелапахи, или коричневых великанов. Кроме них, было несколько каменных пуэбло, теперь лежащих в руинах, которые были заселены различными животными (воронами, орлами и т. д.),[154] которые заполняли землю и не оставляли места для людей. В течение четырех дней отдыха братья советовались, как им убить всех этих врагов, и решили снова посетить дом Солнца. Утром четвертой ночи они отправились на восток. По дороге они не встретили врагов и путешествие прошло приятно. Когда они вошли в дом Солнца, никто их не поприветствовал, никто не предложил им сесть. Они сели вместе на пол, и как только они сели, в хижину начали лететь молнии. Они четыре раза ударили в землю рядом с ними. Сразу после последней вспышки вошли Цапани, Бат и Тоненили, Водяной Разбрызгиватель. «Не сердитесь на нас, — сказали вторгшиеся, — мы бросали молнии только потому, что мы счастливы и хотим поиграть с вами». Но братья по-прежнему смотрели гневно, пока Нилци не прошептал им на ухо: «Не сердитесь на незнакомцев. Когда-то они были друзьями анайе и не хотели их смерти, но теперь они ваши друзья, поскольку вы победили величайшего из анайе». Наконец Цоханоай обратился к своим детям со словами: « » «Эти люди грубы, они никого не уважают. Не обращайте на них внимания. Вот ваши места. Садитесь». Сказав это, он предложил братьям сиденье из ракушки и сиденье из бирюзы, но Нилци сказал братьям, чтобы они не брали их. «Это сиденья мира, — сказал он, — а вам нужна помощь в войне. Найенезгани, займи сиденье из красного камня, которое принадлежит воину, а ты, Тобадзистсини, стой». Они сделали так, как велел им Ветер.

355. «Дети мои, зачем вы снова пришли ко мне?» — спросил Цоханоай, носитель солнца. «Мы пришли без особой цели, просто чтобы скоротать время», — ответил Найенэзгани. Он трижды задавал этот вопрос и получал один и тот же ответ. Когда он спросил в четвертый раз, он добавил: «Скажите правду. Когда вы приходили ко мне раньше, я давал вам все, о чем вы просили». Теперь ответил Тобадзистсини: «О, отец! Еще осталось много анайе, и их становится все больше. Мы хотим уничтожить их». «Дети мои, — сказал Цоханоай, — когда я помогал вам раньше, я не просил ничего взамен. Я готов помочь вам снова, но сначала хочу знать, готовы ли вы сделать что-

то для меня. Мне приходится каждый день проделывать долгий путь, и часто, в долгие летние дни, я не успеваю вовремя, и тогда мне негде отдохнуть или поесть, пока я не вернусь в свой дом на востоке. Я хочу, чтобы вы отправили свою мать на запад, чтобы она построила для меня новый дом». «Я сделаю это, — сказал Найенэзгани, — я пошлю ее туда». Но Тобадзистсини ответил: «Нет, Эстанатлехи никому не подчиняется; мы не можем давать обещания за нее, она должна говорить сама за себя, она — хозяйка своей судьбы; но я передам ей твои пожелания и буду за тебя ходатайствовать». В комнате, в которой они находились, было четыре занавеса, закрывавшие проходы в другие комнаты. Цоханоай поднял восточный занавес, который был черного цвета, и вынул из восточной комнаты пять обручей: один из них был черного цвета, другой — синего, третий — желтого, четвертый — белого, а пятый — разноцветного и блестящего. К каждому обручу был прикреплен нож того же цвета. Он также вынул четыре больших градинки, окрашенные в цвета первых четырех обручей. Он отдал все это своим сыновьям и сказал: «Ваша мать знает, что делать с этими вещами».

356. Получив подарки, они отправились в путь домой. По дороге они увидели чудесное зрелище. Боги показали им страну навахо, какой она будет в будущем, когда люди размножатся на этой земле и станут богатыми и счастливыми. Они говорили друг с другом о своем отце, о том, что он им сказал, о том, что они видели в его доме, и обо всех странных вещах, которые произошли. Когда они приблизились к концу своего путешествия, они спели эту песню:

Найенэзгани, он святой,

Так говорит Солнце,

Он стоит святой.

Тобадзистсини, он святой,

Так говорит Луна,

Святой он движется.

Лейанеяни, он святой,

Так говорит Солнце,

Святой он стоит.

Цовенатели, он святой,

Так говорит Луна,

Святой он движется.[278]

357. Когда они подошли к своему дому, они спели эту песню:

Убийца гигантов,

Я слышу его через небо.

Его голос звучит повсюду,

Его божественный голос.

Дитя Воды,

Сквозь потоки я слышу его.

Его голос звучит повсюду,

Его божественный голос.

Воспитанный под землей,

Сквозь землю я слышу его.

Его голос звучит повсюду,

Его божественный голос.

Меняющийся внук,

Сквозь облака я слышу его.

Его голос звучит повсюду,

Его божественный голос.[279]

358. Когда братья вернулись домой, они сказали Эстсанатлехи: «Вот обручи, которые дал нам наш отец, и он сказал нам, что ты знаешь о них все. Покажи нам, как их использовать». Она ответила: «Я ничего о них не знаю». Три раза она так отвечала на их вопросы. Когда они обратились к ней в четвертый раз, и Найенэзгани начал злиться и терять терпение, она сказала: «Я никогда не видела Бога Солнца, кроме как издалека. Он никогда не спускался на землю, чтобы навестить меня. Я ничего не знаю о его талисманах, но попробую сделать все, что в моих силах». Она взяла черный обруч, направила его на восток, установила так, чтобы он мог катиться, и плюнула через него черный град, который был четырехугольным; обруч сразу же покатился на восток и скрылся из виду. Она взяла синий обруч, направила его на юг, установила и плюнула через него синий град, который был шестиугольным. Затем обруч покатился на юг и исчез. Она понесла желтый обруч на запад, установила его и плюнула через него восьмиугольный желтый град; обруч покатился на запад и исчез из виду. Она понесла белый обруч на север; плюнула через него белый град, который имел одиннадцать углов, и обруч помчался на север, пока не исчез из виду. Она бросила сияющий обруч вверх, к зениту, бросила четыре цветных ножа в том же направлении и дунула на них сильным дуновением. Все они поднялись вверх, пока не исчезли из виду в небе. Когда каждый обруч улетал, слышался гром.[155]

359. В течение четырех дней после этого ничего важного не происходило, и погода не менялась. По прошествии четырех дней они услышали гром высоко в небе, и после этого еще четыре дня стояла хорошая погода. Затем небо потемнело, и свыше спустилось нечто похожее на огромное белое облако. Эстанатлехи вышла на улицу и увидела во всех направлениях сильные вихри, которые вырывали с корнями высокие деревья, как будто это были сорняки, и бросали огромные камни, как будто это были гальки. «Сынок, я боюсь за наш дом, — сказала она, когда вернулась. — Он находится высоко в горах, и сильные ветры могут его разрушить». Услышав это, Найенэзгани вышел. Сначала он покрыл дом черным облаком, которое прикрепил к земле радугами; во-вторых, черным туманом, который прикрепил лучами солнца; в-третьих, черным облаком, которое закрепил линейными молниями; и в-четвертых, черным туманом, который закрепил цепными молниями. На закате того вечера они мельком увидели солнце, но после этого

четыре дня и четыре ночи подряд было темно; бушевала буря с ветром и градом, какой еще никогда не видели, и воздух был наполнен острыми камнями, уносимыми ветром. Люди оставались в безопасности в хижине, но слышали шум сильной бури снаружи. Утром пятого дня буря утихла, и Найенэзгани, выйдя наружу, обнаружил, что все успокоилось, хотя было еще темно. Теперь он приступил к снятию покрытий с хижины и бросил их вверх, к небу. Когда поднялось первое покрытие, слой тумана, из него выстрелила цепная молния (она была прикреплена цепной молнией). Когда поднялось второе покрытие, облако, из него вырвалась полоса молнии. Когда поднялось третье покрытие, туман, из него вырвались лучи солнца; и когда поднялось четвертое покрытие, облако, оно украсилось радугой. Воздух был еще темным и полным пыли, поднятой сильным ветром, но позже пошел легкий дождь, уложивший пыль, и все снова стало чистым. Все обитатели хижины вышли наружу и с удивлением смотрели на изменения, которые принесла буря: рядом с их домом образовался большой каньон; изменилась форма окружающих утесов, а ветры высекли одинокие скальные столбы156.

360. «Наверняка все анайе теперь погибли», — сказал Эстанатлехи. «Эта буря, должно быть, уничтожила их». Но Нилци шепнул Найенезгани на ухо: *«Сан* (Старость) все еще жив». Тогда герой спросил свою мать: «Где жила Старость?» Мать не ответила ему, хотя он повторил свой вопрос четыре раза. Наконец Нилци снова шепнул ему на ухо: «Она живет в горах Депенца».

361. На следующее утро он отправился на север, и когда после долгого путешествия достиг Депенцы, он увидел старую женщину, которая медленно шла к нему, опираясь на посох. Ее спина была согнута, волосы были белыми, а лицо было покрыто глубокими морщинами. Он понял, что это должна быть *Старость*. Когда они встретились, он сказал: «Бабушка, я пришел с жестоким поручением. Я пришел, чтобы убить тебя». «Зачем ты хочешь убить меня?» — сказала она слабым голосом. «Я никому не причинила вреда. Я слышала, что ты совершил великие деяния, чтобы люди могли размножаться на земле, но если ты убьешь меня, то людей не станет больше; мальчики не вырастут, чтобы стать отцами; бесполезные старики не умрут; люди останутся на месте. Хорошо, когда люди стареют, умирают и уступают место молодым. Позволь мне жить, и я помогу тебе увеличить количество людей». «Бабушка, если ты сдержишь это обещание, я пощажу твою жизнь», — сказал Найенэзгани и вернулся к матери без трофея.

362. Когда он вернулся домой, Нилци шепнула ему: «Хаказ Эстсан (Холодная Женщина) все еще жива». Найенэзгани сказал Эстсанатлехи: «Мать, бабушка, где живет Холодная Женщина?» Его мать не ответила ему, но Нилци снова прошептал: «Холодная Женщина живет высоко на вершинах Депенца, где снег никогда не тает».

363. На следующий день он снова отправился на север и поднялся высоко в горы Депенца, где не растут деревья и где снег лежит белым покрывалом все лето. Здесь он нашел худую старуху, сидящую на голом снегу, без одежды, еды, огня и крова. Она дрожала от головы до ног, стучала зубами, а из глаз текли слезы. Среди кружащегося вокруг нее снега играла стая снегирей; это были гонцы, которых она послала, чтобы объявить о приближении бури. «Бабушка, — сказал он, — я буду жестоким человеком. Я убью тебя, чтобы люди больше не страдали и не умирали от твоей руки», — и он поднял свой нож-дубинку, чтобы ударить ее. «Ты можешь убить меня или оставить в живых, как хочешь. Мне все равно», — сказала она герою, — «но если ты убьешь меня, всегда будет жарко, земля высохнет, источники перестанут течь, люди погибнут. Ты поступишь правильно, если оставишь меня в живых. Так будет лучше для твоего народа». Он замолчал и

задумался над ее словами. Он опустил руку, которую поднял, чтобы ударить ее, и сказал: «Ты говоришь мудро, бабушка- ; я оставлю тебя в живых». Он развернулся и пошел домой.

364. Когда Найензгани вернулся домой из этого путешествия, не принеся трофеев, Ветер снова прошептал ему на ухо: *«Тиин* (Бедность) все еще жива». Он спросил свою мать, где жила Бедность, но она не ответила ему. И снова Ветер сообщил ему: «Их двое, и они живут в Дсилдасдзини».

365. На следующий день он пошел в Дсĭлдасдзи′ни и нашел там старика и старуху, которые были грязными, одетыми в лохмотья и не имели в доме никаких вещей. «Бабушка, дедушка, — сказал он, — я буду жестоким человеком. Я пришел, чтобы убить вас». «Не убивай нас, внук, — сказал старик: «Если мы умрем, то в будущем людям будет плохо: они будут носить одну и ту же одежду и никогда не получат ничего нового. Если мы будем жить, одежда износится, и люди будут шить новую красивую одежду; они будут собирать вещи и выглядеть красиво. Позволь нам жить, и мы будем рвать для них их старую одежду на куски». Итак, он пощадил их и вернулся домой без трофея.

366. Следующее путешествие было посвящено поиску Диццина, Голода, который, как рассказал ему Нилци, жил в Тлохадаскаи, Белом Пятне Травы. В этом месте он нашел двенадцать человек из народа Голода. Их вождем был большой, толстый мужчина, хотя у него не было ничего, кроме маленького коричневого кактуса. «Я буду жестоким, — сказал Найенэзгани, — чтобы люди больше не страдали от голода и не умирали от голода». «Не убивай нас, — сказал вождь, — если хочешь, чтобы твой народ размножался и был счастлив в будущем. Мы твои друзья. Если мы умрем, люди не будут заботиться о еде; они никогда не узнают удовольствия от приготовления и поедания вкусных блюд и никогда не будут заботиться об удовольствиях охоты». Так он пощадил и дицци, и вернулся домой без трофеев.

367. Когда Найензгани вернулся из дома Голода, Нилци больше не говорил ему о живых врагах. Убийца чужих богов сказал своей матери: «Я думаю, что все анайе должны быть мертвы, потому что все, кого я сейчас встречаю, обращаются ко мне как к родственнику; они говорят мне: «мой внук», «мой сын», «мой брат». »[157] Затем он снял свою броню — нож, мокасины, гетры, рубашку и шапку — и сложил их в кучу; он положил к ним различные оружия, которые дал ему Солнце, и спел эту песню:

Теперь Прибывает Убийца Чужих Богов

Сюда из дома, построенного из темных каменных ножей.

Откуда темные каменные ножи свисают высоко,

У тебя сокровища, святой, а не у меня.

Потомство Воды теперь прибывает

Сюда, из дома, построенного из зубчатых ножей.

Откуда зубчатые ножи свисают высоко,

Сокровища у тебя, святой, а не у меня.

Тот, кто был воспитан под землей, прибывает,

Сюда, из дома, построенного из ножей всех видов.

Откуда всевозможные ножи свисают на высоте,

Сокровища у тебя, святой, а не у меня.

Герой, Меняющийся Внук, теперь прибывает

Сюда из дома, построенного из желтых ножей.

Откуда желтые ножи свисают с высоты,

Сокровища у тебя, святой, а не у меня.[280]

368. Его песня едва затихла, как они услышали на дальнем востоке громкий голос, поющий эту песню:

С Убийцей Чужих Богов я пришел,

Я иду из дома, построенного из темных каменных ножей,

Оттуда, где темные ножи висят высоко, я иду,

Я иду со священным орудием,

Ужасным для вас.

С Потомком Вод я прихожу,

Из дома, построенного из зазубренных ножей, я прихожу,

Оттуда, где зубчатые ножи висят высоко, я прихожу,

С инструментом священных обрядов я прихожу,

Божественным для вас.

Я прихожу, воспитанный под землей,

Я прихожу из дома, где висят ножи всех видов,

Где высоко висят ножи всех видов, я прихожу,

С инструментом священных обрядов я прихожу,

Ужасный для тебя.

Теперь я прихожу с Меняющимся Внуком,

Из дома, построенного из желтых ножей, я пришел,

Оттуда, где высоко висят желтые ножи, я прихожу,

С инструментом священных обрядов я прихожу,

Ужасно для вас.[281]

369. Когда голос приблизился и песня продолжалась, Эстансатлехи сказала молодым людям: «Быстро наденьте одежду, которую вы обычно носите, Цоханоай идет к нам; будьте готовы принять его», и она вышла из хижины, чтобы не слышать, как они говорят об анайе.

370. Когда бог поприветствовал своих детей и сел, он сказал старшему брату: «Сын мой, ты думаешь, что убил всех анайе?» «Да, отец», — ответил сын, — «я думаю, что убил всех, кто должен был умереть». «Ты принес домой трофеи с убитых?» — снова спросил отец. «Да, отец», — был ответ; «я принес крыльев, перья, волосы, глаза и другие трофеи моих врагов». «Нехорошо, — сказал Цоханоай, — чтобы тела этих великих существ лежали там, где они пали; я похороню их рядом с телом Йеитсо. (Он попросил святых отнести тела в Сан-Матео и спрятать их под кровью Йеитсо, и именно поэтому мы не видим их теперь разбросанными по всей земле, но иногда видим, как они торчат из скал.)[159] Он взял трофеи и доспехи и сказал: «Я отнесу их в свой дом на востоке и буду хранить в безопасности. Если они вам когда-нибудь понадобятся, приходите и забирайте их». Пообещав вернуться через четыре дня и встретиться с Эстсанатлехи на вершине Цолихи, он ушел.

371. По прошествии четырех дней Эстсанатлехи пошла на вершину Цолихи и села на скалу. Цоханоай подошел, сел рядом с ней и попытался обнять ее, но она уклонилась от него, сказав: «Что ты имеешь в виду? Я не хочу твоих объятий». «Это значит, что я хочу, чтобы ты была моей», — сказал носитель Солнца. «Я хочу, чтобы ты пошла на запад и построила там для меня дом». «Но я не хочу этого», — сказала она. «Какое право ты имеешь просить меня об этом?» «Разве я не дал твоим сыновьям оружие, чтобы убить чужих богов?» — спросил он и добавил: «Я многое сделал для тебя: теперь ты должна вознаградить меня». Она ответила: «Я никогда не просила тебя об этом. Ты сделал это не ради меня, а по своей собственной воле и потому, что твои сыновья попросили тебя об этом». Он привел еще одну причину: «Когда Найенэзгани навестил меня на востоке, он пообещал отдать тебя мне». «Какое мне дело до его обещания? — воскликнула она. — Я не связана им. Он не имеет права говорить от моего имени». Так она четыре раза отвергала его. Когда он в пятый раз умолял ее, говоря: «Приезжай на запад и построй мне дом», она ответила: «Сначала позволь мне услышать все, что ты можешь мне пообещать. У тебя есть красивый дом на востоке. Я его никогда не видела, но слышала, как он красив. Я хочу, чтобы для меня построили такой же дом на западе; я хочу, чтобы он был построен на воде, вдали от берега, чтобы в будущем, когда людей станет больше, они не беспокоили меня слишком частыми визитами. Я хочу, чтобы вокруг моего дома были посажены всевозможные драгоценные камни — белая раковина, бирюза, халиотис, гагат, мыльный камень, агат и красный камень, — чтобы они росли и размножались. Тогда я буду там одинок и захочу чем-нибудь заняться, потому что мои сыновья и сестра не пойдут со мной. Дайте мне животных, чтобы я мог взять их с собой. Сделайте все это для меня, и я пойду с вами на запад». Он пообещал ей все это и создал лосей, буйволов, оленей, длиннохвостых оленей, горных баранов, зайцев и прерийных собачек, чтобы они сопровождали ее.

372. Когда она отправилась в свой новый дом, Хадахонестиддине и Хадахонигедине, два племени божественных людей,[160] пошли с ней и помогали ей погонять животных, которых уже было много. Они пересекли горный хребет Туинтаса в Песлици (Красный Нож или Красный Металл) и там протоптали гору, образовав перевал. Они остановились в долине Цинли, чтобы провести церемонию[161] и соревнования по бегу, и здесь животных стало гораздо больше. Когда они пересекли Дзиллизин (Черную гору)[162], стадо было настолько большим, что вытоптало глубокий перевал, дно которого почти на одном уровне с окружающей равниной; на Черной горе все буйволы отделились от стада и побежали на восток; они так и не вернулись в Эстанатлехи и до сих пор находятся на востоке. В Хостодито‘ лоси ушли на восток и больше не возвращались. Время от времени некоторые, но не все, антилопы, олени и другие животные покидали стадо и уходили на

восток. Через четыре дня после того, как они покинули долину Цинли, они прибыли в *Докослид* (гора Сан-Франциско) *(*), и здесь они остановились, чтобы провести еще одну церемонию. Что произошло по пути от этой горы до великой воды на западе, мы не знаем, но через некоторое время Эстанэтлехи прибыла к великой воде и поселилась в своем плавучем доме за берегом. Здесь она живет до сих пор, и сюда приходит к ней Солнце, когда заканчивает свой путь, каждый день, пересекая небо. Но он не приходит каждый день; в темные, бурные дни он остается дома на востоке и посылает вместо себя змей молнии, которые творят зло.

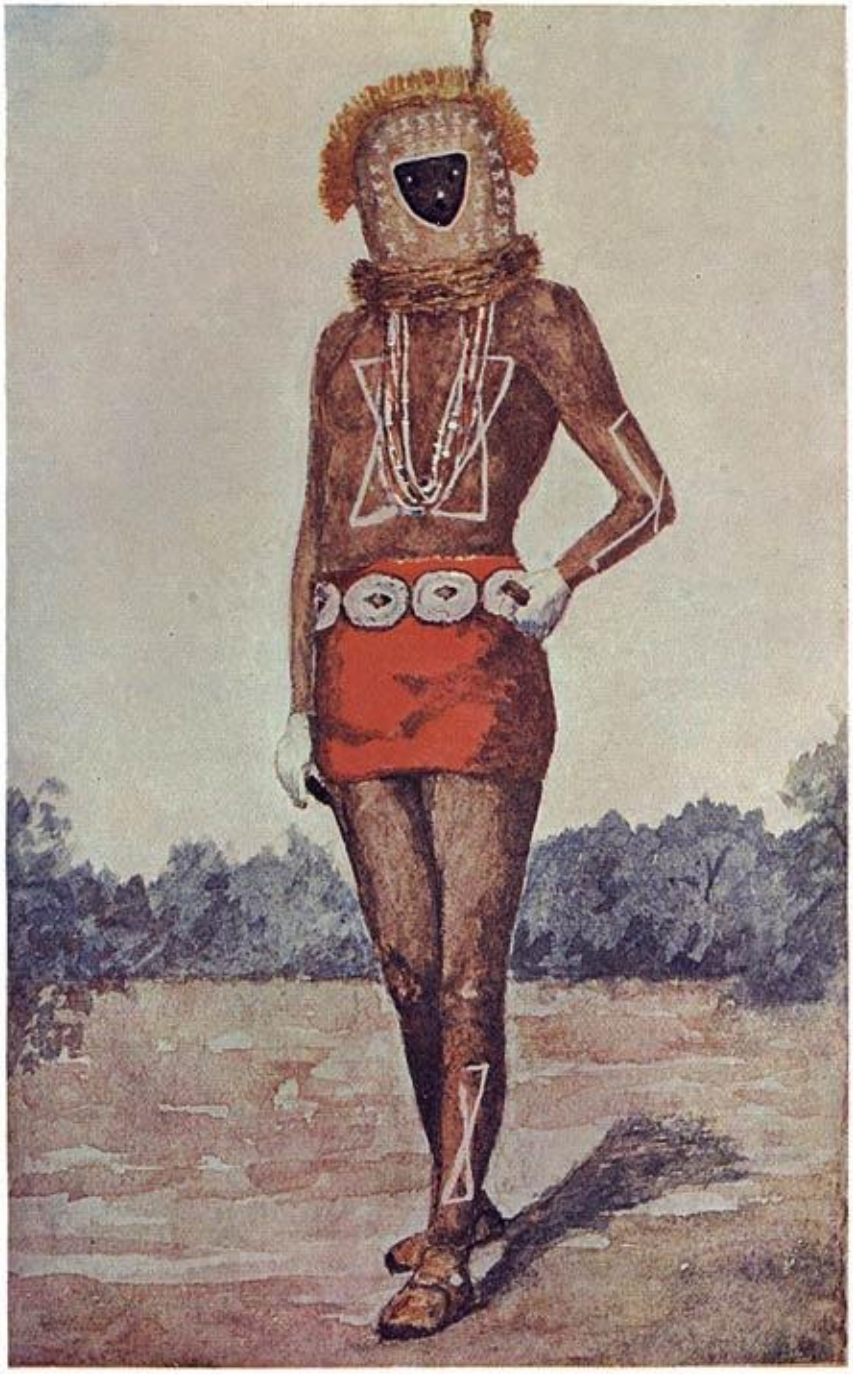


Таблица VII. TO‘BADZĬSTSÍNI. (См. пункты 76 и 105 и примечание 270.)

373. Путешествуя на запад, он поет следующую песню:

В своих мыслях я приближаюсь,

Бог Солнца приближается,

Он приближается к краю Земли,

Приближается очаг Эстанатлехи,

В старости иду

По прекрасной тропе.

В своих мыслях я приближаюсь,

Бог Луны приближается,

Он приближается к краю Земли,

Йо lkaí Приближается очаг Эстсана,

В старости, идя

По прекрасной тропе.[282]

374. Когда Эстсанатлехи ушел, Найенэзгани и Тобадзистсини пошли, как велел им отец, в Тойетли,[163] где сливаются две реки, в долине Сан-Хуан; там они поселились, там они находятся и по сей день, и там мы иногда все еще видим их образы в реке Сан-Хуан.[164] Навахо все еще ходят туда молиться, но не о дожде, хорошем урожае или увеличении скота; только об успехе в войне, и только воины ходят туда.

IV. РОСТ НАЦИИ НАВАХО.

375. Перед тем как Эстсанатлехи ушла, она сказала Йолкаи Эстсан: «Теперь, младшая сестра, я должна покинуть тебя. Хорошо подумай, что ты хотела бы делать после моего ухода». Младшая сестра ответила: «Я хотела бы вернуться в Депенцу, откуда пришел наш народ». «Увы! Там тебе будет одиноко», — сказала старшая сестра. «Ты будешь хотеть, чтобы рядом с тобой был кто-нибудь, кто бы шумел и составлял тебе компанию». Тем не менее, когда Эстсанатлехи ушла, Йолкаи Эстсан повернулась лицом к Депеньце. Она шла с двумя братьями до Тойетли, и когда они остановились там, она отправилась одна в горы.

376. Когда она добралась до Депенца (горы Сан-Хуан), она сначала пошла в место, лежащее к востоку от Хадзинаи (Место появления), называемое Дсилладильтехи; в старом разрушенном пуэбло на его склоне она отдыхала днем, а ночью поднималась на вершину горы, чтобы спать. На второй день она отправилась в горы к югу от Места появления, называемые Дсилиндилтехи; днем отдыхала на склоне горы, а ночью — на ее вершине. Теперь она начала чувствовать себя одинокой, и ночью думала о том, как можно заставить мужчин составить ей компанию. На третий день она бродила в раздумьях, а на третью ночь спала на вершине Дсилтигаилтехи, горы к западу от Хадзинаи. На четвертый день она обошла Место Возникновения и забрела в старые руины, которые там нашла. На четвертую ночь она поднялась на вершину Дсилтинилтез, горы, расположенной к северу от Места Возникновения, и там она отдыхала, но не спала, потому что все время думала о своей одиночестве и о том, как можно создать людей. На пятый день она спустилась к берегам озера, окружавшего Место Возникновения, и построила укрытие из веток. «Может быть, мне стоит остаться здесь, — сказала она себе, — какой смысл бродить без цели?» В ту ночь она долго не ложилась, размышляя о своем одиночестве. Она чувствовала, что не сможет оставаться здесь без компании. Она думала о своей сестре на далеком западе, о Двенадцати людях, о богах, обитающих в разных горах, и решила, что ей лучше пойти и жить с кем-нибудь из них.

377. На следующее утро, на рассвете, она слабо услышала голос Хастсеяльти, кричащего свое обычное «Вухухуху» на дальнем востоке. Крик раздался четыре раза, каждый раз все громче и ближе. Сразу после последнего крика появился бог. «Где ты спаслась?» — спросил он Белую Женщину-Раковину, имея в виду: «Где ты была, что смогла спастись от анайе, когда они опустошили землю ?» «Я была в *Дслинаотиле* со своей сестрой, — ответила она, — но пять ночей я была совсем одна в этих горах. Я надеялась, что что-нибудь произойдет, чтобы облегчить мою великую одиночество, — что я встречу кого-нибудь. Сицаи (Дедушка), откуда ты пришел?» Он ответил: «Я пришел из Цегихи,[165] дома богов. Я сочувствую твоему одиночеству и хочу тебе помочь. Если ты останешься здесь, я вернусь через четыре дня и приведу с собой Эстсанатлехи, божественных существ всех великих гор, и других богов». Когда он ушел, она построила себе хорошую хижину с защитной дверью. Она подмела пол и устроила удобную постель из мягкой травы и листьев.

378. На рассвете четвертого дня после ухода бога Йолкаи Эстсана услышала два голоса, зовущих ее, — голос Хастсеяльти, Говорящего Бога, и голос Хастсегогана, Бога Дома. Голоса, как обычно, прозвучали четыре раза, и сразу после последнего зова появились боги. В тот день было темно и туманно; солнце не взошло. Вскоре после прибытия первых двух появились остальные обещанные посетители, и все они выстроились в круг к востоку от хижины, каждый на своем месте. Таким образом, божества Циснадзини стояли на востоке; божества *Цоциль* (гора Сан-Матео) — на юге; божества *Докослид* (гора Сан-Франциско) — на западе; божества Депенца (гора Сан-Хуан) — на севере. Каждый из присутствующих занимал свое место в группе. Сначала Йолкаи Эстсан стояла на западе, но ее сестра Эстсанатлехи сказала ей: «Нет, моя младшая сестра, иди и стань на востоке. Мое место на западе», и так они стояли во время церемонии. Эстсанатлехи принесла с собой два

священных одеяла, называемых Дилпиль-наска, «Темное вышитое», и Лакаи-наска, «Белое вышитое». Хастсегоган принес с собой две священные оленьи шкуры, а *Налкенааз* (божественная пара, которая пришла, идя под руку) принесла два початка кукурузы — один желтый, один белый, — которые женщина несла на блюде из бирюзы.

379. Хастсеяльти положил священные одеяла на землю и разложил на них одну из священных оленьих шкур, головой к западу. Он взял из блюда женщины *Налкенааз* два початка кукурузы, вручив белый початок Цегадинатини Асике, Мальчику из горного кристалла с восточной горы, а желтый початок Натальцой *Атет*, Девочке из желтой кукурузы с горы Сан-Франциско. Эти божественные существа положили початки на оленью кожу — желтый концом на запад, белый концом на восток. Хастсеяльти поднял початки и почти положил их на оленью шкуру кончиками на восток, но не дал им коснуться шкуры; при этом он произнес свой собственный крик «Вухухуху». Затем он почти положил их кончиками на юг, произнеся при этом « », а Хастсегоган — «На-wa-u-ú». С помощью подобных движений он направил початки на запад и север. Затем он поднял их к небу и, наконец, положил на оленью шкуру кончиками на восток. Каждое действие он сопровождал своим криком или криком Хастсегогана, чередуя их, как в начале. Так уши были повернуты во всех направлениях, и это является причиной того, что навахо никогда не живут в одном доме, как пуэбло, а вечно кочуют из места в место. Над ушами кукурузы он положил другую священную оленью шкуру, головой на восток, и тогда Нилци, Ветер, вошел между шкурами. Четыре раза, с интервалами, Хастсеялти немного приподнимал оленьи шкуры и заглядывал внутрь. Когда он заглянул в четвертый раз, он увидел, что белый початок кукурузы превратился в мужчину, а желтый — в женщину. Именно Нилци дал им дыхание жизни. Он вошел в их головы и вышел из кончиков пальцев рук и ног, и до сих пор мы видим его след на кончиках пальцев каждого человека. Мальчик из горного хрусталя наделил их разумом, а девочка-кузнечик дала им голоса. Когда Хастсейалти наконец сбросил верхнюю оленью шкуру, темное облако опустилось и покрыло, как одеяло, фигуры новой пары. Йолкаи Эстсан провела их в свой хоган, и собравшиеся боги рассеялись. Перед уходом Хастсейалти пообещал вернуться через четыре дня.

380. Во время обрядов не пели песен и не произносили молитв, и работа была выполнена за один день. Хоган, возле которого все это произошло, стоит до сих пор, но с тех пор он превратился в небольшой холм. Сегодня (1884 год н. э.) семь раз смерть уносила стариков с тех пор, как святые создали эту пару из початков кукурузы. Следующий очень старый человек, который умрет, станет восьмым.[166]

381. Рано утром четвертого дня после его отъезда Хастсеяльти вернулся, как и обещал, объявив о своем приближении, как обычно, четырьмя криками. Услышав первый крик, Белая Женщина-Раковина разбудила молодых людей и сказала: «Вставайте, дети мои, и разведите огонь. Хастсеяльти идет». Он привел с собой еще одну пару, Хадахониге Асике (Мальчик-мираж) и *Хадахонестид Атет* (Девушка-земляное тепло). Он дал Йолкаи Эстсану два початка кукурузы, сказав: «Мельте только по одному зерну за раз», и ушел. Йолкаи Эстсан сказала вновь прибывшей паре: «Этот мальчик и девочка из кукурузы не могут пожениться друг с другом, потому что они брат и сестра; вы тоже не можете пожениться друг с другом, потому что вы тоже брат и сестра, но я должна что-то сделать для вас всех». Итак, она вышла замуж за мальчика из кукурузы за Девушку-земляную теплоту, а Мальчика-мираж за девушку из кукурузы. Через некоторое время у каждой пары родилось по двое детей — мальчик и девочка. Когда они подросли и стали бегать, вся семья переехала из Хадзинаи, где они прожили четыре года, в Целакаия (Белый Стоячий Камень). Два мужчины каждый день были заняты охотой на кроликов, крыс и других подобных животных, поскольку в основном питались именно такой дичью. От этих людей произошли роды Tse‘dzĭnkĭ′ni,[167] Дом темных утесов; так названные потому, что боги, создавшие первую пару, пришли из домов на утесах Tse‘gíhi и принесли оттуда початки кукурузы, из которых была создана эта первая пара.

382. Прожив тринадцать лет в Целакаии, в течение которых они не видели никаких признаков существования других людей, кроме себя, однажды ночью они увидели отблеск далекого костра. Они искали костер всю ночь и весь следующий день, но не смогли его найти. На следующую ночь они снова увидели его в том же месте, и на следующий день искали его с еще большей тщательностью, но тщетно. На третью ночь, когда отдаленный свет снова засиял в темноте, они решили применить более эффективные средства, чем раньше, чтобы найти его. Они крепко воткнули в землю раздвоенную палку; один из мужчин опустился на руки и колени, раздвинув их как можно шире, и посмотрел на огонь через раздвоенную палку. На следующее утро он осторожно поставил руки и колени на следы, которые они оставили накануне вечером, и снова посмотрел через вилку. Его взгляд был направлен на небольшую лесистую впадину на склоне далекой горы. Один из мужчин подошел к горе и вошел в небольшую впадину, которая была маленькой и ее можно было осмотреть за несколько минут, но он не обнаружил ни огня, ни пепла, ни следов человека, ни каких-либо признаков присутствия человека. На четвертую ночь все взрослые члены группы посмотрели через раздвоенную палку на далекое мерцание, и утром, когда они снова посмотрели, они обнаружили, что все увидели одну и ту же маленькую рощу на склоне далекой горы. «Странно!» — сказал мужчина, который охотился там накануне. — «Место маленькое. Я прошел его снова и снова. Там не было никаких признаков жизни и ни капли воды, которая могла бы отражать лучи звезд или луны». Тогда все мужчины семьи, мужчины и мальчики, пошли исследовать маленький лесок. Когда они уже собирались возвращаться, ничего не найдя, Ветер шепнул одному из них на ухо: «Ты обманут. Этот свет светит ночью через трещину в горе. Перейди через хребет, и ты найдешь огонь».[168] Они не успели далеко уйти за гребень, как увидели следы людей, а затем следы детей, и вскоре подошли к лагерю. Одна группа была так же рада, как и другая, найдя в пустыне людей, похожих на них. Они обнялись, кричали друг другу приветствия и задавали вопросы. «Откуда вы?» — спросили незнакомцы. «Из Целакаии», — был ответ. «А откуда вы?» — спросили мужчины из Белая Стоящая Скала. «Мы задержались в последнем месте, — ответили незнакомцы, — в Тоиндтососе, бедной стране, где мы жили на утках и змеях.[169] Мы здесь всего несколько дней, и теперь питаемся землеройками, сусликами и дикими семенами». Новая группа состояла из двенадцати человек: пяти мужчин, трех женщин, одной взрослой девушки, одного взрослого юноши и двух маленьких детей. Люди из племени Tseʻdzĭnkĭʹni привели незнакомцев к себе домой, и Йолкаи Эстсан поприветствовал их, сказав: «Ahaláni sastsíni!» (Приветствую вас, дети мои!) Место, где тседзинкини нашли лагерь незнакомцев, называлось Цэтлана (Изгиб в каньоне); поэтому они дали им имя Цэтлани, или Цэтланидине, и от них произошел нынешний род Цэтлани в навахо.

383. На следующее утро после прибытия Цеʻтлани Хастсеяльти снова пришел в хижину Женщины в Белой Раковине, но разговаривал с ней в стороне от других, и когда он ушел, она никому не рассказала о том, что он ей сказал. Через три дня он вернулся снова; они снова разговаривали в стороне, и когда Хастсеяльти ушел, она промолчала. Она обычно спала с одной из маленьких девочек, которая была ее любимицей и подругой. На утро после второго визита Хастсеяльти она сказала этой маленькой девочке: «Я ухожу от вас. Боги Цегихи послали за мной, но я не забуду ваш народ и буду часто приходить, чтобы присматривать за ним и быть рядом с ним. Скажи им это, когда они проснутся». Сказав это, она исчезла из поля зрения девочки, и когда люди проснулись, они искали ее, но нигде не могли найти. Они предположили, что она ушла в Цегихи и задержалась там на некоторое время, прежде чем отправиться в Депенцу, чтобы навсегда поселиться в доме Белой Раковины, который был там приготовлен для нее. На четвертую ночь после отъезда Йолкаи Эстсана маленькая девочка увидела сон, о котором она рассказала своим людям утром. В видении она увидела Йолкаи Эстсана, который сказал ей: «Моя внучка, я уезжаю жить в Депенцу. Я бы взяла тебя с собой, потому что я люблю тебя, если бы твои родители не скорбели о тебе. Но всегда ищи дождь, когда он приближается к твоему жилищу, потому что я всегда буду в дожде».

384. Находясь в Белом Стоящем Скале, мужчины много бродили по стране в поисках пищи. Некоторые из тех, кто побывал в Тодоконци (Соленая Вода), говорили, что это место лучше того, в котором они жили; что там были дикобразы, много крыс, сусликов и семеноносных растений; и что в окрестностях были крутые мезовые холмы, где они могли окружить крупную дичь.[170] После отъезда Йолкаи Эстана все люди переехали в Тодоконци;[171] но они пробыли здесь всего несколько дней, а затем отправились в Цаолгахазе. Здесь они посадили несколько зерен кукурузы из двух початков, которые Хастсеяльти дал им давным-давно. Это был очень урожайный сорт кукурузы; после посадки из каждого зерна прорастало несколько стеблей, а одно зерно, когда его мололи, давало большое количество муки, которой хватало на много дней.

385. Когда они прожили в Цаолгахазе четырнадцать лет, к ним присоединился другой народ, который пришел со священной горы *Дсилнаотиль* и поэтому назывался Дсилнаотильни или Дсилнаотильдине. Их считали dĭné‘ dĭgíni, или святыми людьми, потому что у них не было традиций о своем недавнем сотворении и предполагалось, что они избежали ярости чужих богов благодаря какой-то чудесной защите. Сначала они не жили вместе со старыми поселенцами, а жили немного в стороне и часто посылали к ним за кастрюлями и мететами. Спустя некоторое время все они объединились в один народ, и в течение долгого времени эти три рода были как один род и стали близкими родственниками друг другу. Новоприбывшие копали среди старых руин и нашли горшки и каменные топоры; с помощью последних они построили себе хижины.

[386.] Спустя семь лет после прибытия Dsĭlnaotĭ′lni к навахо присоединилась четвертая группа. Новоприбывшие сказали, что они много лет искали Dsĭlnaotĭ′lni по всей земле. Иногда они натыкались на мертвые кусты старых лагерей. Иногда они находили заброшенные укрытия из веток, частично зеленые или, наоборот, совсем зеленые и свежие. Иногда они замечали слабые следы и думали, что вот-вот встретят других людей, подобных себе, в этой пустынной местности, но снова все следы человеческого присутствия терялись. Они были рады, что наконец встретили людей, которых так долго искали. Пришельцы разбили лагерь рядом с Dsĭlnaotĭ′lni и обнаружили, что они и последние носили похожие красные колчаны для стрел[172], которых не было у других родов, и это привело их к мысли, что они были родственны Dsĭlnaotĭ′lni. Навахо тогда не делали больших кожаных колчанов, как в наши дни; они носили свои стрелы в более простых приспособлениях. Пришельцы сказали, что они пришли из места под названием Хасканхацо (где много *юкки бакката*) и что они были Хаскандине, или Люди Юкки; но старшие роды называли их Хасканхацо, или Хасканхацодине, по месту, откуда они пришли.

387. Через четырнадцать лет после прихода к власти четвертого рода навахо переселились в Кинтиэль (который тогда был в руинах) в каньоне Чако. Они разбили там ночлег, разбросавшись по территории, и развели столько костров, что привлекли внимание некоторых незнакомцев, разбивших лагерь на отдаленной горе. На следующий день эти незнакомцы спустились, чтобы узнать, кто эти многочисленные люди, разжегшие столько костров ( ). Поскольку незнакомцы, которые также были dĭné‘ dĭgíni, или святыми людьми, сказали, что они пришли из Nahopá (Место коричневой горизонтальной полосы), навахо назвали их Nahopáni. Они присоединились к племени, разбив лагерь рядом с Haskánhatso и Dsĭlnaotĭ′lni.

388. Была осень, когда приняли пятую группу. Тогда все племя переселилось на берега реки Сан-Хуан и поселилось в месте под названием Цинтобегло[174] (Дерево, омывающее воду), где над ручьем нависает странное белое дерево и омывает поверхность воды своими длинными ветвями: поблизости нет других деревьев такого рода. Здесь они решили остаться на некоторое время и выращивать урожай; поэтому они построили теплые хижины на зиму, и всю осень и зиму, когда были хорошие дни, они работали на низинных землях, выкапывая корни и готовя почву для садов, которые должны были быть посажены весной. Старшие роды разбили лагерь ниже по течению, чем те, кто прибыл позже.

389. В те дни язык, на котором говорили навахо, был не таким, как сейчас. Тогда это был бедный язык; сейчас он лучше.

390. Когда племя прожило шесть лет на берегах Сан-Хуана, к ним присоединилась группа, прибывшая из Циннадзина175 (Черный Горизонтальный Лес), и они были названы родом по месту, откуда они пришли. Навахо заметили, что в этой группе был человек, который почти каждое утро и вечер много разговаривал с людьми. Сначала навахо не понимали, что это значит, но через некоторое время они узнали, что он разговаривал со своим народом, потому что был их вождем. Его звали Набинлтахи.

391. Живя в Сан-Хуане, люди много развлекались играми. Днем они в основном играли в nánzoz76, а ночью — в kěsĭtsé176. У них еще не было лошадей, домашних овец или коз. Им редко удавалось убить оленя или скального барана. Когда им удавалось добыть оленя, то иногда они охотились на него из засады, иногда окружали его и заставляли бежать до изнеможения, а иногда сгоняли с обрыва. Когда мужчина добывал две шкуры этих крупных животных, он делал из них одежду, связывая передние ноги над плечами. Женщины носили одежду, состоящую из двух полотен, сотканных из коры кедра, одно свисало спереди, а другое сзади; все носили сандалии из волокна юкки или коры кедра. У них были головные уборы из шкурок ласки и крысы, с хвостами, свисающими сзади. Эти головные уборы часто украшались цветными искусственными рогами, сделанными из дерева, или рогами горных баранов-самок, тонко сбритыми. Их одеяла были сделаны из кедровой коры, волокна юкки или сшитых вместе шкур.[177] Перед дверью каждого дома был длинный проход, в котором висели две занавески — одна на внешнем конце , другая на внутреннем — обычно сделанные из сплетенной кедровой коры. Зимой они приносили ночью много дров, закрывали обе занавески и обогревали дом перед сном. Их луки были тогда из простого дерева; навахо еще не научились наклеивать на тыльную сторону луков волокна животных.[178] Их стрелы были в основном из тростника с деревянными наконечниками, но некоторые делали деревянные стрелы.[180] Низинная земля, которую они возделывали, была окружена высокими утесами и ограничена вверх и вниз по течению выступающими утесами, которые подходили близко к реке. Со временем племя стало слишком многочисленным, чтобы все могли жить и возделывать землю на этом месте, поэтому некоторые поднялись на утесы, чтобы жить там, и построили каменные склады в скалах,[179] а другие — Цинадзини — спустились ниже нижнего мыса, чтобы разбить огороды. Еще позже некоторые переселились через Сан-Хуан и выращивали урожай на другой стороне реки.[180]

392. Через восемь лет после прихода Цинадзини ночью были замечены костры на удаленном возвышении к северу от реки, и были отправлены шпионы, чтобы узнать, кто их разжег. Шпионы принесли весть, что они нашли группу незнакомцев, разбивших лагерь в месте под названием Тханеза, «Среди разбросанных (холмов)». Вскоре после этого эта группа присоединилась к навахо, образовав новый род, который назвали Танезани. Незнакомцы сказали, что они являются потомками Хадахонигедине, или «людей миража». Остатки их старых хижин до сих пор можно увидеть в Танезани ( ).

393. Через пять лет после присоединения Thaʻnězáʻni к племени присоединился еще один народ, но никто не знал, какие боги послали их. Они пришли из места под названием Дсĭлтлаʻ (Подножие горы) и получили имя Дсĭлтлаʻни. Поскольку у них были головные уборы, луки, стрелы и стрелкодержатели, похожие на те, что были у Таʻнĕзаʻни, они пришли к выводу, что должны быть родственны последним. С тех пор эти два рода были очень близкими друзьями — настолько близкими, что член одного рода не мог жениться на члене другого. Дсĭлтлани знали, как делать плетеные бутылки для воды, корзины для переноски и глиняные горшки, и они научили своему ремеслу остальных людей.

394. Пять лет спустя к ним на реке Сан-Хуан присоединилась многочисленная группа, которая первоначально прибыла из места под *названием* Тапахалакаи ( ), Белая долина среди вод, расположенного недалеко от того места, где сейчас находится город Санта-Фе. Эти люди долгое время наблюдали на западе горы, где жили навахо, гадая, живет ли там кто-нибудь, и в конце концов решили отправиться туда. Они шли на запад двенадцать дней, пока не достигли гор, и провели восемь дней, путешествуя по ним, прежде чем встретили навахо. Затем они поселились в Тоиндтососе и прожили там двенадцать лет, питаясь утками и рыбой,[169] но не занимаясь земледелием. Все это время они были дружны с навахо и обменивались визитами, но, не найдя особых доказательств родства с последними, жили отдельно. Когда они наконец пришли жить в Сан-Хуан, между членами двух племен были заключены браки, и люди из «Среди вод» стали частью народа навахо, образовав род Тапаха. Они поселились в месте под названием Хиитиин (Тропы, ведущие вверх), недалеко от навахо. Здесь была ровная песчаная равнина, которая, по их мнению, подходила для земледелия, и вождь по имени Гонтсо, или Большое Колено, поставил вокруг равнины колья, чтобы показать, что его народ претендует на нее. Люди из нового рода были хорошими охотниками, умели изготавливать оружие и красивые рубашки из оленьей кожи, и они научили своему ремеслу другие роды.

395. Затем тапаха говорил на языке, более похожем на современный язык навахо, чем на языке, на котором говорили другие племена. Эти языки не были похожи друг на друга. Вожди Цинадзини и Гонцо часто навещали друг друга по ночам, год за годом, с целью объединить два языка и выбрать из каждого из них лучшие слова. Но слова Тапаха обычно были лучшими и самыми простыми;[182] поэтому новый язык больше похож на Тапаха, чем на старый язык навахо.

396. Пока тапаха жили в Хиитиине, у них всегда были обильные урожаи — лучшие, чем у их соседей. Иногда они не могли собрать весь урожай и оставляли еду несобранной на полях. Они построили каменные склады, похожие на дома пуэбло, среди скал и хранили в них кукурузу. Эти склады стоят там до сих пор. Тапаха прожили в Хиитине тринадцать лет, в течение которых произошло много важных событий, о которых будет рассказано, а затем они переселились в Аздельциги.

397. У Гонцо было двенадцать жен; четыре из них были из рода Цинадзини, четыре — из рода Дсилтлани и четыре — из рода Танэзани. Он давал много зерна из своих обильных урожаев родам, к которым принадлежали его жены, но, несмотря на его щедрость, его жены были ему неверны. Он жаловался их родственникам и вождям; те делали замечания женам, но не смогли исправить их поведение. Наконец они потеряли терпение и сказали Гонцо: «Делай с ними, что хочешь. Мы не будем вмешиваться». Итак, следующую жену, которую он застал в преступлении, он позорительно изуродовал, и она в результате умерла. Он отрезал уши следующей преступнице, и она тоже умерла. Он ампутировал груди третьей жене, которая его обидела, и она тоже умерла. Он отрезал нос четвертой; она не умерла. Тогда он решил, что в будущем отрезание носа будет самым суровым наказанием для неверной жены — что-то, что обезобразит, но не убьет, — и остальные люди из племени согласились с ним.[183] Но это не повлияло на остальных жен; они продолжали отступать от добродетели, пока все не остались без носов. Тогда они собрались вместе и начали замышлять зло против своего мужа, Большого Колена. Они так открыто говорили о своих злых намерениях, что он побоялся оставить кого-либо из них на ночь в своей хижине и спал один.

398. Примерно в это время люди решили устроить большую церемонию в честь Большого Колена; поэтому они тщательно подготовились и провели ритуал, который длился девять дней.[184] Во время его проведения изуродованные женщины оставались в хижине сами по себе и говорили о жестокости своего народа и мести, которую они должны были отомстить своему мужу. Они говорили друг другу: «Мы должны покинуть наш народ и уйти куда-нибудь». В последнюю ночь церемонии в загоне, или круге из веток, как у навахо в последнюю ночь церемонии горного

песнопения,[185] состоялась серия публичных представлений, и среди различных алили, или ночных развлечений, был танец изувеченных женщин. Когда пришло их время, они вошли в круг, каждая с ножом в руке, и танцевали вокруг центрального костра, вглядываясь в зрителей, как будто ища своих мужей; но те были скрыты за стеной из веток, образующей круг. Пока они танцевали, они пели песню, припевом которой было «Песла асила». (Это нож сделал это со мной.) Когда они закончили свой танец, они покинули загон и в темноте снаружи кричали проклятия своим людям, говоря: «Пусть воды утопят вас! Пусть зимы заморозят вас! Пусть огонь сожжет вас! Пусть молнии поразят вас!» и многое другое. Проклиная до изнеможения, они ушли на далекий север, где и живут до сих пор, и теперь, когда они поворачивают свои лица на юг, у нас дуют холодные ветры, бушуют бури и сверкают молнии.

399. Вскоре после этой памятной церемонии несколько утов посетили навахо. Они пришли, когда початки кукурузы были еще маленькими, и остались до сбора урожая. Они работали на навахо, и когда их желудки наполнились, все ушли, кроме одной семьи, состоящей из пожилой пары, двух девочек и мальчика. Сначала они намеревались остаться на короткое время после отъезда своих друзей, но задерживались все дольше и дольше, откладывая свой отъезд, пока в конце концов не остались с навахо до самой смерти. Они особенно подружились с тапахами и стали разговаривать с ними так, как с родственниками. Одна из девочек, которую звали *Цаискид* (Холм Шалфейного Куста), дожила до старости и стала матерью многих детей. От нее произошел род Цаискидни, который настолько тесно связан с Тапаха, что член одного из этих родов не может жениться на члене другого.

400. Вскоре после ухода ютов к навахо присоединилась группа людей, которые, когда они пришли рассказать свою историю, оказались выходцами из Тапаха-халкой и совершили странствия, подобные тем, которые совершили люди, впервые пришедшие из этого места. Новые люди также говорили на том же языке, что и Тапаха. По этим причинам они не были объединены в новое племя, а присоединились к племени Тапаха.

401. Несколько лет спустя из южных земель в поселение на реке Сан-Хуан прибыла большая группа. Она состояла из апачей, которые сказали навахо, что навсегда покинули свое старое племя и хотят стать навахо. Они сказали, что приехали не в гости, а чтобы остаться. Все они принадлежали к одному роду апачей — роду Tse‘zindiaí (Trap-dyke)[186], и были приняты в племя как новый род с их старым именем. С самого начала они проявляли желание общаться с Thá‘paha, и теперь они тесно связаны с последними и не должны вступать с ними в брак. Другая группа апачей, которая прибыла немного позже, была добавлена к тому же роду.

402. Примерно в это время в Зуни наступил великий голод, и некоторые жители этого пуэбло пришли в Сан-Хуан, чтобы поселиться с навахо. Сначала они пришли в Тапаху, и, хотя в их группе были женщины, они не образовали новый род, а присоединились к Тапаху. Род Зуни был образован позже.

403. Голод царил и в других пуэбло, и некоторые голодающие люди пришли к навахо из старого пуэбло под названием Клоги, которое находилось недалеко от того места, где сейчас стоит пуэбло Джемез. Они образовали род Клоги и подружились с Тапаха.

404. Следующими присоединились семья из семи взрослых, которые прибыли из места под названием Тохани (Возле воды). Сначала они посетили Дсилтлани и остались там, образовав род Тохани, который теперь связан с Дсилтлани.

405. Люди, которые присоединились к навахо после Тохани, прибыли из места под названием Таци, «Среди красных (вод или берегов)», которое находилось к западу от поселения Сан-Хуан.

Их традиции свидетельствовали о том, что они не были новообразованным народом; они каким-то образом спаслись от чужих богов и по этой причине считались дине дигини, или святыми людьми. Они были разделены на два рода, Тацини и Кайдине, или Люди Ивы, и некоторое время они составляли два рода среди навахо; но в наши дни все следы этого разделения утрачены, и все их потомки теперь называются, без различия, то Тацини, то Кай или Кайдине.

406. До этого времени навахо были слабым и мирным племенем, но теперь они обнаружили, что становятся многочисленным народом , и начали говорить о том, чтобы пойти на войну. В последние годы они много слышали о великих пуэбло вдоль Рио-Гранде, но как их народ спасся от анайе, навахо не знали. Человек по имени Напаинта собрал отряд и совершил набег на пуэбло под названием Кинлици (Красный дом) и вернулся с несколькими пленниками, среди которых была девушка, захваченная Напаинтой. От нее произошел род Кинлици, члены которого теперь являются близкими родственниками Цинадзини (рода Напаинта) и не могут вступать с ними в браки.

407. Пленники из Кинлици сначала были рабами навахо187, но их потомки стали свободными и значительно размножились, и от них произошел другой род, Тлизилани, Много коз, также близко связанный с Цинадзини.

408. Следующими по порядку были апачи с юга, представлявшие два рода — Дэстсини (Красные Полосатые Люди) и Тластсини (Красные Люди с Ровной Землей). Они были приняты навахо как два отдельных рода и стали близкими родственниками Цинадзини.

409. Вскоре после прибытия этих апачей некоторые уты пришли в окрестности навахо, разбив лагерь в месте под названием Цэдиикани (хребет или мыс, выступающий в реку), недалеко от Хиитиин. У них было хорошее оружие всех видов и два вида щитов — один круглый, а другой с полумесяцем в верхней части. Некоторое время они жили отдельно и поначалу вели себя непослушно и дерзко, но со временем они слились с навахо, образовав род Нота или Нотадине, народ уте.

410. Примерно в то время, когда они были включены в состав народа навахо, или вскоре после этого, отряд воинов из племени ютов совершил набег на мексиканское поселение, расположенное где-то недалеко от нынешнего Сокорро, и захватил в плен испанку. Она стала их рабыней, но ее потомки обрели свободу среди навахо и образовали народ накаидине (белые чужаки) или мексиканский род, который теперь не может вступать в смешанные браки с народом нотадине.

411. Гонтсо, или Большое Колено, вождь племени Тапаха *(*), был еще жив и был известным стариком, но он стал слабым и страдал многими недугами. В те дни проводилась великая церемония под названием natsĭ′d, которая длилась всю зиму,[184] от времени сбора урожая до времени посева, но навахо уже давно перестали ее отмечать. Эта церемония была проведена одной зимой в честь Большого Колена в священном месте То‘yĕ′tli, доме богов войны. Однажды ночью, во время проведения обрядов, к навахо присоединились несколько незнакомцев, пришедших со стороны реки. Принятые навахо, они образовали род То‘йетлини и стали близкими союзниками Нотадине и Накаидине.

412. В другой раз той же зимой несколько апачей пришли из своей страны на юге, чтобы посмотреть на церемонию natsĭ′d. Среди женщин Thá‘paha была одна, которая посетила лагерь апачей и осталась там на всю ночь. Она привязалась к молодому апачу, с которым тайно сбежала, когда гости уехали. Долгое время ее родственники не знали, что с ней стало, но много лет спустя, узнав, где она находится, некоторые из них отправились в страну апачей, чтобы убедить ее вернуться. Она вернулась старой женщиной, приведя с собой мужа и семью из трех девочек.

Девочки были красивыми, с светлой кожей и светлыми волосами. Их бабушка, которая очень ими восхищалась, настояла на том, чтобы из них был создан новый род. Их назвали Халтсо, «Желтые тела»188, и они стали родоначальницами рода с таким названием. Их отец умер стариком среди навахо.

413. В другую ночь той же зимы, во время церемонии Большого Колена, в лагерь вошли два незнакомых человека, говорящих на языке навахо. Они сказали, что являются передовыми гонцами многочисленных странников, которые покинули берега великих вод на западе, чтобы присоединиться к навахо. Теперь вы услышите историю о людях, пришедших с западного океана:

---

414. Дом Эстанатлехи окружали четыре горы, расположенные так же, как и горы в Месте Возникновения — одна на востоке, одна на юге, одна на западе и одна на севере. Она имела обыкновение танцевать на этих горах: на горе на востоке, чтобы привлечь облака; на горе на юге, чтобы привлечь всевозможные блага — драгоценности, одежду и т. д.; на горе на западе, чтобы привлечь всевозможные растения; и на горе на севере, чтобы привлечь кукурузу и животных. Во время этих путешествий для танцев она переходила с восточной горы на южную, западную и северную гору, следуя пути солнца; и когда она заканчивала танцевать на северной горе, она возвращалась по тому же маршруту (не пересекая его) на восток; но она никогда не завершала круг, *т. е*. никогда не переходила с севера прямо на восток. Она никогда не путешествовала по пространству между северной и восточной горами. Вот как пролегал ее путь:

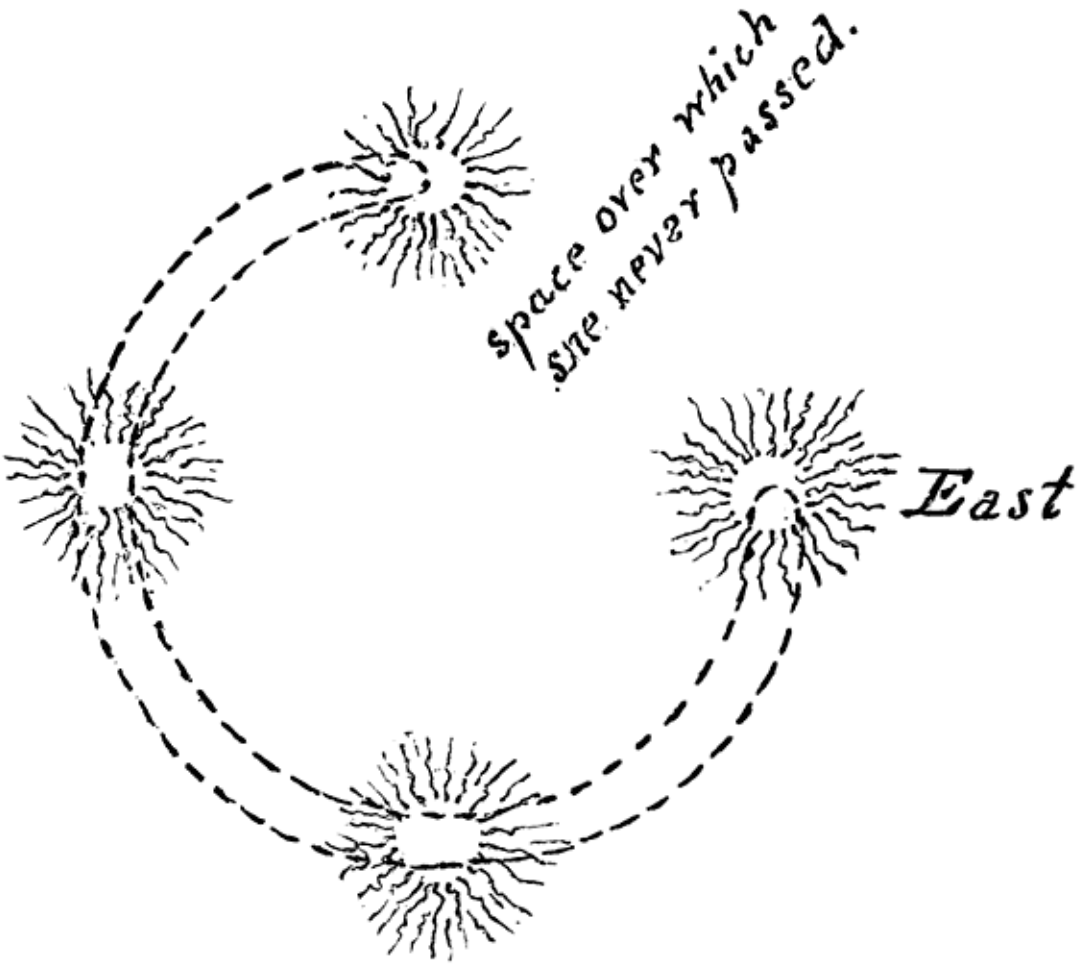


Рис. 33. Тропа Эстсанатлехи.

415. Эстанатлехи не пробыла долго в своем западном доме, когда начала чувствовать себя одинокой. У нее там не было компаньонов. Люди, которые сопровождали ее туда, не остались с ней. Она подумала, что может создать людей, которые будут ей компанией, поэтому однажды, когда она завершила одно из своих танцевальных путешествий, она села на восточной горе. Здесь она потерела правой рукой кожу под левой мышкой; она держала ее в ладони, и она превратилась в четырех человек — двух мужчин и двух женщин, — от которых произошел род, которому тогда не было дано имени, но который впоследствии (как будет рассказано) получил имя Хонагани ( ). Она потеребила кожу под правой рукой левой рукой, держа ее в ладони, как и раньше, и она превратилась в двух мужчин и двух женщин, от которых произошел род, впоследствии известный как Кинаани. Подобным образом, из эпидермиса, потёртого из-под её левой груди, она создала четырех человек, от которых произошли роды, позже известные как Тодицини; из эпидермиса из-под её правой груди — четырех человек, от которых произошли роды, называемые Битани; из эпидермиса из середины её груди — четырех, чьи потомки были названы Хаслизни; а из кожи со спины между плечами — четырех, потомки которых впоследствии были названы Bĭtá‘ni.

416. Она сказала им: «Я хочу, чтобы вы жили рядом со мной, где я всегда смогу вас видеть; но если вы решите уйти на восток, где живут ваши родственники, то можете уйти». Она перевезла их из своего плавучего дома на материк; здесь они прожили тридцать лет, за которые поженились и завели много детей. По истечении этого времени Двенадцать Людей (Dĭné‘ Nakidáta), или, вернее, те, кто от них остался, появились среди народа Эстанатлехи и сказали им: «Мы потеряли нашу

сестру, которая хранила наш дом; у нас нет дома; мы не знаем, куда еще пойти; поэтому мы пришли сюда, чтобы увидеть нашу мать, нашу бабушку. У вас есть родственники на Дальнем Востоке, которые размножились и теперь стали большим народом. Мы не навещаем их, но стоим на горах и смотрим на них издалека. Мы знаем, что они примут вас, если вы пойдете к ним». И они рассказали еще многое о народе на Дальнем Востоке.

417. Теперь все перешли по радужному мосту к дому Эстсанатлехи на берегу моря, где она приветствовала их и обняла. Из Дине Накидата осталось только десять человек, потому что, как уже было сказано, они потеряли свою сестру и младшего брата; но когда они пришли в дом Эстсанатлехи, она сделала для них еще двух людей из бирюзы, и таким образом их первоначальное число в двенадцать человек было восстановлено. Она знала, с какими мыслями пришли ее дети. Она открыла четыре двери, ведущие из центральной комнаты ее дома в четыре другие комнаты, и показала им свои различные сокровища, сказав: «Оставайтесь со мной навсегда, дети мои; все это будет вашим, и мы всегда будем счастливы вместе».

418. Когда люди вернулись из дома Эстсанатлехи на материк, в их лагере все только и говорили о том, что они услышали о народе на востоке. У каждого была своя часть или версия рассказа — о том, как жили люди на востоке, что они ели, как они были разделены на роды, как назывались эти роды, и о других вещах, которые они услышали о них. «Там, где мы живем, людей мало, — говорили они, — нам было бы лучше там, где их так много». Так они говорили двенадцать дней. По истечении этого времени они решили уйти и назначили четырнадцатый день после этого днем отправления.

419. Перед их отъездом к ним пришли Дине Накидата и Эстанатлехи. Она сказала: «Путь, который вам предстоит, длинный и опасный. Хорошо, что о вас позаботятся и защитят в пути. Я дам вам пятерых своих питомцев[189] — медведя, большую змею, оленя, дикобраза и пуму — чтобы они охраняли вас. Они не покинут вас. Не говорите о злых поступках в присутствии медведя или змеи, потому что они могут совершить зло, о котором вы говорите; но олень и дикобраз — добрые, — говорите все, что хотите, в их присутствии».

420. Помимо этих животных она дала им пять волшебных жезлов. Тем, кого впоследствии назвали Хонагани, она дала жезл из бирюзы; тем, кого позже назвали Кинаани, — жезл из белой раковины; тем, кто стал Тодицини, — жезл из раковины халиотис; тем, кто стал Битани, — жезл из черного камня; и тем, кто впоследствии стал Хаслизни, — жезл из красного камня. «Я даю вам их для вашей защиты, — сказала она, — но я сама буду следить за вами, пока вы будете в пути».

421. В назначенный день они отправились в путь. На двенадцатый день своего похода они пересекли высокий хребет и увидели большую безлесную равнину, в центре которой заметили движущиеся темные объекты. Они не могли определить, что это было, но подозревали, что это были люди. Они продолжили свое путешествие, но не подошли прямо к темным объектам; они двигались среди холмов, окружавших равнину, и держались под покровом леса. По мере продвижения они разглядели темные объекты более отчетливо и обнаружили, что это действительно были люди. Они добрались до холмов с одной стороны от того места, где находились незнакомцы, и на ночь разбили лагерь в лесу.

422. Несмотря на все меры предосторожности, принятые путешественниками, они были замечены жителями равнины, и ночью двое из них посетили их лагерь. Пришельцы сказали, что они — килцои, или килцоидине (люди *Bigelovia graveolens*); что их племя многочисленно; что равнина, на которой они живут, обширна; и что в их садах созревают арбузы, кукуруза и другие продукты. Люди с запада решили остаться здесь на некоторое время. На вторую ночь к ним пришли еще два посетителя, один из которых влюбился в девушку из числа странников и попросил ее руки. Ее

родственники сначала отказали ему, но когда он пришел на вторую ночь и снова попросил ее руки, они отдали ее ему. Он оставался с ней в лагере ее народа, пока они оставались в долине, за исключением последних двух ночей, когда она ушла и осталась с его народом. Те дали странникам обильные урожаи своих полей, и последние жили хорошо. Когда путешественники были готовы к отправлению, они умоляли молодого мужа пойти с ними, а он просил, чтобы его жена осталась с ним в долине. Они долго спорили, но в конце концов родственники женщины взяли верх, и мужчина из Килцои присоединился к ним в их путешествии. Тем временем четверо других мужчин из Килцоя влюбились в девушек из числа странников и попросили их руки. Мигрирующая группа отказалась оставить девушек, поэтому влюбленные молодые люди покинули своих родственников и присоединились к путешественникам. Килцои пытались убедить остальных поселиться на их земле навсегда, но безрезультатно.

423. Наконец, ранним утром они сняли лагерь и путешествовали весь день. Ночью поднялся сильный ветер, и медведь не мог уснуть, а бегал вокруг лагеря всю ночь, беспокойный и настороженный. Мужчины выглянули и увидели, что некоторые из килцоев пытаются приблизиться, но медведь отпугнул их, и они исчезли, не причинив вреда. Утром выяснилось, что мужчины из племени килцоев, которые присоединились к ним в путешествии, теперь покинули их, и было предположено, что они каким-то образом связаны со своими братьями снаружи.

424. На второй день они прошли большой путь и разбили лагерь только после наступления темноты. Как и в предыдущую ночь, медведь не спал, бодрствовал и был беспокойным всю ночь. Они полагали, что он все еще высматривал скрывающегося Килцоя. Только на рассвете он лег и немного поспал, пока люди готовились к дневному маршу.

425. На третью ночь медведь снова не спал и стоял на страже, и только утром, когда люди снимали лагерь, он лег. «Мой друг, почему ты так беспокоишься каждую ночь?» — спросил один из мужчин у медведя. Тот только хрюкнул в ответ и махнул носом в сторону, откуда они пришли.

426. На четвертую ночь они разбили лагерь, чтобы защитить друг друга, ближе друг к другу, чем раньше. Медведь сидел на соседнем холме, откуда он мог наблюдать за спящими, но сам не спал всю ночь. Как и раньше, утром он немного поспал. Перед тем как люди отправились в путь, кто-то сказал: «Давайте посмотрим, сможем ли мы найти то, что беспокоит нашего питомца». Они послали двух гонцов на восток и двух на запад. Первые вернулись, ничего не найдя. Вторые сказали, что видели странные следы, как будто люди подошли к лагерю, а затем ушли далеко на запад. Они подумали, что их преследователи вернулись домой.

427. Они уже четыре дня не находили воды, и дети плакали от жажды. На пятый день похода они остановились в полдень и созвали совет. «Как нам добыть воду?» — спросил один. «Давайте попробуем силу наших волшебных жезлов», — сказал другой. Человек из рода, владевший жезлом из бирюзы, воткнул этот жезл в землю и, двигая им взад-вперед и кругами, проделал в земле довольно большую яму. Из ямы хлынула вода. Женщина из другого рода присела на корточки, чтобы попробовать ее. «Это горькая вода», — воскликнула она. «Пусть это будет твоим именем и именем твоего народа», — сказали те, кто ее услышал; так род Тодицини, Люди Горькой Воды, получил свое имя.

428. Когда люди приготовили и съели пищу и напились горькой воды, они сказали: «Давайте попробуем добраться до той горы , до наступления ночи». Итак, они двинулись к далекой горе, которую видели на востоке. Когда они приблизились к горе, они увидели следы мокасин и поняли, что поблизости должны быть другие люди. В одном месте, у подножия горы, они заметили группу тополей и, подумав, что там может быть родник, направились прямо к ним. Внезапно они оказались среди странных людей, которые жили вокруг родника. Незнакомцы приветливо

встретили странников, обняли их и спросили, откуда они. Странники кратко рассказали свою историю, и незнакомцы сказали: «Мы были созданы у этого источника и всегда жили здесь. Он называется Майто, Вода Койота (Источник Койота), а мы — Майдине» (Люди Койота). Навахо называли их Майтодине.

429. Путешественники пробыли у Койота-Спринг четыре дня, в течение которых они много разговаривали со своими новыми друзьями и в конце концов убедили их присоединиться к ним в их путешествии на восток. Перед отправлением Люди Койота заявили, что их источник — единственный в окрестностях и что они не знают ни одного другого источника воды в радиусе двух дней пути в любом направлении. На утро пятого дня все они двинулись на восток. Они шли весь день, а ночью разбили лагерь на сухом месте. На следующий день в полдень они остановились на пути и решили снова попробовать силу волшебной палочки. На этот раз белую раковину использовал член рода, которому она была дана, так же, как раньше использовалась бирюзовая палочка. Вода забурлила. Женщина из другого рода сказала: «Она грязная, дети могут заболеть». «Пусть тогда твой народ называется Хаслизни, Грязный народ», — раздались голоса в толпе. Так был назван род *Хаслиз*, или Хаслизни.

430. На вторую ночь после отправления из Койота-Спринг тьма настигла странников в месте, где не было воды, и они остановились там на ночлег. В полдень следующего дня все были жаждущими, а дети плакали. Люди остановились и предложили снова попробовать силу священной палочки. На этот раз была использована палочка из халиотиса. Когда вода забурлила, женщина из народа Койота наклонилась первой и напилась. «Это *Тодоконз*, щелочная (или вкусная) вода», — воскликнула она. Ей и ее детям было дано имя Тодокондзи, и от них произошли нынешние роды с этим именем. Их члены не могут вступать в брак с Майтодине, с которыми они связаны родством.

431. В ночь после того, как они нашли щелочную воду, они снова разбили лагерь в месте, где не было воды, и на следующий день сильно страдали от жажды. В полдень они отдыхали и просили носителей черного каменного жезла попробовать силу их магического инструмента. Когда жезл был воткнут в землю, из него хлынул поток мелкой, прозрачной воды . Они наполнили свои сосуды и все пили с удовольствием, кроме мальчика и девочки из рода, который нес черный каменный жезл. «Почему вы не подошли и не выпили, пока вода не иссякла?» — спросил кто-то. Дети не ответили, а стояли и смотрели на воду. Девочка скрестила руки под платьем. Тогда они дали ей и ее роду имя Битани[190], что означает «руки под платьем».

432. В ночь после того, как Bĭtá‘ni получили свое имя, путешественники снова ночевали в месте, где не было воды, и на следующий день они очень хотели пить во время путешествия. В середине дня они остановились и испытали силу красного каменного жезла. Он вызвал воду из земли, как и другие жезлы, и все пили, пока не насытились; но никто из членов рода, который все еще не имел имени, ничего не сказал, и имя не было дано.

433. После этого они разбили лагерь на две ночи без воды. На второй день в полдень они прибыли к источнику в каньоне, известном Маидине и называемому ими Халкаито, «Вода Белой долины». В тот день они не шли дальше, а разбили лагерь у воды на всю ночь.

434. От Халкаито они шли без остановки двадцать пять дней, пока не дошли до небольшой реки недалеко от горы Сан-Франциско, к западу от нее. Во время этой части путешествия они каждый день находили достаточно воды для своих нужд. Они остановились у этой реки на пять ночей и пять дней и охотились. Здесь один человек, и только один, по имени Байнилини (Смотрящий на битву), убил оленя, большого оленя, которого он разрезал на мелкие куски и раздал всем, чтобы каждый мог попробовать.

435. От берегов этой реки они пришли к восточной стороне горы Сан-Франциско, где рядом с небольшой вершиной находится источник, который не имеет названия. Здесь путешественники остановились на несколько дней и построили вокруг своего лагеря каменную стену, которая стоит до сих пор.

436. Пума принадлежала роду, который носил черный каменный жезл и который впоследствии был назван Кинаани. Пока люди лагеря у этого источника, он убил оленя. Медведь иногда убивал кроликов. Змея и дикобраз были бесполезны, а наоборот, доставляли хлопоты, так как их приходилось носить с собой. Олень бегал среди толпы и не приносил ни пользы, ни вреда. Люди питались в основном кроликами и другими мелкими животными, а также семенами диких растений.

437. От источника у горы Сан-Франциско они отправились в Битахотси (Красное место на вершине)[191], а оттуда в Цезинцидиля. Здесь они провели совет по поводу большой змеи. Она была им бесполезна и составляла большую помеху ( ). Они выпустили ее среди скал ( ), и ее потомки до сих пор обитают там в большом количестве. В Нацисаане (гора Навахо) они выпустили дикобраза, и поэтому сейчас на горе Навахо так много дикобразов.

438. Затем они отправились в место, которое сейчас называется Агала[192] или Агалани, Много шерсти или Волос, и оказались на земле Озаи (Орайбес). Они разбили лагерь вокруг вершины Агала и отправились на охоту. Некоторые из них надели маски оленей, чтобы приманить добычу, и убили большое количество оленей. Они выделали много шкур, и ветер сдул шерсть со шкур в большую кучу. Увидев это, один из Хонагани предложил назвать это место Агала, и так оно и было названо.

439. Из Агалы странники отправились в Цехотсобиази, Маленькое место желтых скал, а оттуда в Йотсо, Большую бусину. По дороге они часто разбивали лагеря и иногда задерживались на день или два, чтобы поохотиться. Была уже поздняя осень. В Йотсо они увидели следы мокасин, очевидно не свежие, и сказали друг другу: «Возможно, это следы людей, которых мы ищем». Теперь среди переселенцев разгорелись споры. Некоторые спешили добраться до конца пути, а другие, поскольку сезон был поздний, считали разумным остаться на месте. Таким образом, они разделились на две группы: одна осталась в Йотсо, а другая (включавшая представителей нескольких родов) продолжила путь. Вскоре после отправления последней группы те, кто остался в Йотсо, послали двух послов, а позже еще двух, чтобы убедить отколовшихся вернуться, но последних так и не догнали. Послы прибыли в место, где беглецы разделились на две группы. Предполагается, что от одной из них произошли апачи-джикарилья. Другая группа, как полагают, ушла далеко и стала частью дине-нахотлони.[193]

440. Два последних посланца преследовали одну из групп беглецов на некотором расстоянии, но затем отказались от этой задачи и вернулись в Йотсо. Первые посланцы преследовали другую группу. Через некоторое время они увидели костры ее лагеря, но на таком большом расстоянии, что отчаялись догнать ее и повернули к реке Сан-Хуан, где наконец нашли долго разыскиваемых навахо. Эти два посланника были теми самыми людьми, о которых вы слышали ранее, которые вошли в лагерь Большого Колена в Тоетли во время танца натсид и объявили о приближении переселенцев с запада. (См. параграф 143.)

441. Когда наступила весна, люди, оставшиеся в Йотсо, снова отправились в путь, но вскоре некоторые из Тодицини устали. Они сказали, что у детей опухли колени, на ногах образовались мозоли и они не могут идти дальше . Вскоре после этого они пришли к месту, где стояло большое одинокое дерево, и здесь они заявили: «Мы остановимся у этого дерева. Через некоторое время

люди придут сюда и найдут нас». Они остались и стали родом Цинсакадни, Люди (Одинокого) Дерева, которые тесно связаны с Тодицини и не могут вступать с ними в брак.

442. В Пинбито, Оленьем Источнике, остановились еще несколько родов Тодицини, потому что, по их словам, их дети были измучены ходьбой и не могли идти дальше. Здесь они образовали новое племя Пинбитодине, Люди Оленьего источника,[194] которые также были тесно связаны с Тодицини. В этом месте они хотели, чтобы их домашний олень покинул их, но он не ушел; он остался у источника с людьми, которые остались там. Что в конце концов с ним стало, неизвестно.[195]

443. Основная часть иммигрантов продолжила свой путь и вскоре после прохождения Оленьего источника прибыла в Хииетиин, где жили люди Тапаха. Большое Колено был еще жив, когда они прибыли, но он был очень стар и слаб и не пользовался таким уважением и послушанием, как в прежние времена. Когда Тапаха и Хаслизни встретились, они обнаружили некоторое родство между двумя родами: их имена имели почти одинаковое значение; их головные уборы и снаряжение были похожи; поэтому Хаслизни остались с Тапахой и стали с ним большими друзьями. Однако сегодня член одного из этих родов может жениться на члене другого.

444. Медведь был последним из пяти домашних животных, которых иммигранты оставили при себе. Когда они закончили свое путешествие, они сказали ему: «Наш питомец, ты хорошо нам служил, но теперь мы в безопасности среди наших друзей и больше не нуждаемся в твоих услугах. Если хочешь, можешь уйти от нас. В Цускай (горах Чуска) есть другие, подобные тебе. Иди туда и играй с ними». Они отпустили его в Цускай, и с тех пор медведей там стало много.

445. Среди людей с запада был еще один род — тот, которому Эстанатлехи дал жезл из бирюзы, — который не имел названия. Этот безымянный народ не задержался на берегах Сан-Хуана и вскоре ушел далеко на юг. Однажды двое мужчин из этой группы, охотясь, пришли в место под названием *Цэнахапиль*, где были высокие нависающие скалы. Здесь они увидели свежие следы босых человеческих ног. Они прошли по этим следам небольшое расстояние, когда увидели человека, наблюдающего за ними с каменной вершины. Как только он заметил, что его наблюдают, он присел на корточки и исчез. Они быстро побежали за скалу, на которой видели его, и снова заметили его, бегущего со всех ног. «Почему ты убегаешь от нас?» — крикнули они. «Мы не хотим тебе зла». Услышав это, он остановился, пока они не подошли к нему . Тогда они обнаружили, что он говорит на том же языке, что и они, и обратились к нему с вопросом о его родстве. «Где ты живешь?» — спросили они. «В каньоне высоко в горах», — ответил он. «Чем ты живешь?» — поинтересовались они. «Мы живем в основном семенами», — ответил он, «но иногда ловим лесных крыс и выращиваем небольшие урожаи». «Нам будет о чем поговорить», — сказали охотники, — «но твой дом слишком далеко, чтобы наши люди могли дойти до него сегодня. Скажи своим людям, чтобы они пришли в это место, а мы скажем нашим, чтобы они пришли сюда и встретились с ними». Когда охотники вернулись домой, они обнаружили, что их друзья готовят кроликов и варят кашу из диких семян. Когда еда была готова, все поднялись на гору в назначенное место и обнаружили, что незнакомцы ждут их. Обе группы разбили лагерь на ночь и рассказали друг другу свои истории и приключения. Незнакомцы сказали, что они были созданы в том месте, где все они сейчас разбили лагерь, всего семь лет назад; что они жили недалеко отсюда, в месте под названием Натанбилхатин, но часто приезжали в место своего рождения, чтобы собирать плоды кактуса и юкки. Они сказали, что называют себя Цэдине, или Люди Скалы, но безымянные дали им имя Цэнахапли, Люди Навеса, по месту, где они встретились. С этим именем они стали родом навахо.

446. Ценахаплини рассказали своим новым друзьям, что у них есть запасы кукурузы и тыкв, спрятанные неподалеку, и предложили открыть свои хранилища и подготовиться к путешествию.

Они знали о некоторых апачах на юге, которых они все вместе собирались посетить. Эти апачи, по их словам, имели роды с такими же именами, как и у навахо. Затем все они пошли к месту хранения провианта и испекли кукурузные лепешки, чтобы взять их с собой в путешествие. Когда они были готовы, они отправились на юг и нашли в месте под названием Цоханаа апачей, которые признали их друзьями и так хорошо приняли своих гостей, что те решили остаться на некоторое время.

447. По истечении трех лет ценахаплини ушли, чтобы присоединиться к навахо на реке Сан-Хуан. Безымянные люди остались еще на четыре года. Ближе к концу этого срока они начали говорить об уходе, и их друзья-апачи пытались убедить их остаться, но безрезультатно. Когда они собрали все свои вещи и были готовы к отправлению, кто-то заметил, что вокруг них ходит старая женщина. Она обошла всю группу, вернулась к месту, откуда начала, затем повернулась к ним и сказала: «Вы пришли к нам без имени и жили среди нас без имени семь лет; никто не знал, как вас называть; но вы не уйдете от нас без имени. Я обошла вас и называю вас Honagá‘ni (Обошедшие людей)».[196]

448. Когда Хонагани вернулись в Сан-Хуан, они обнаружили, что Тсенахаплини уже давно поселились там и стали близкими родственниками Тластсини, Дестсини, Кинлцини и Цинадзини. Со временем хонагани установили тесные отношения с танезани, дсилтлани, тохани и нахопани. Эти пять родов теперь являются одним родом, и ни один член одного рода не может вступать в брак с членом другого рода.

---

449. Примерно в это время, когда некоторые из Тапаха жили в Агале, они однажды ночью послали двух детей к источнику за водой. Дети взяли с собой две плетеные бутылки, но вернулись с четырьмя. «Где вы взяли эти бутылки?» — спросили родители. «Мы взяли их у двух маленьких девочек, которых встретили у источника», — ответили дети. «Почему вы это сделали, и кто эти девочки?» — спросили старейшины. «Мы не знаем. Они чужие», — ответили малыши. Родители сразу же отправились к источнику, чтобы найти чужих детей и вернуть им украденные бутылки, но по дороге они встретили девочек, идущих к лагерю Тапаха, и спросили их, кто они такие. Незнакомые дети ответили: «Мы принадлежим к группе странников, которые разбили лагерь на той горе. Они послали нас двоих вместе, чтобы найти воду». «Тогда мы дадим вам имя», — сказали Тапаха, — «мы будем называть вас Тобазнаази», «Двое, пришедшие вместе за водой». Тапаха привели девочек в свою хижину и предложили им сесть. «Останьтесь с нами, — сказали они. — Вы слишком слабы и малы, чтобы нести воду так далеко. Мы пошлем нескольких наших молодых людей, чтобы они понесли ее за вас». Когда молодые люди нашли лагерь незнакомцев, они пригласили их в гости. Тапаха приветствовали новоприбывших как друзей и сказали им, что уже придумали для них имя — Тобазнаази. Под этим именем они объединились с навахо как новый род и теперь тесно связаны с Тапаха.[197]

450. Вскоре после прихода Тобазнаази к навахо присоединилась группа апачей, которые были приняты Тапаха ( ) и не образовали новый род. Примерно в то же время пришла группа Па Уте, которая также была принята Тапаха. Чуть позже прибыли еще несколько апачей и стали частью Thá‘paha; но, хотя сейчас им не дано отдельного названия, их потомки известны среди Thá‘paha как народ, отличающийся по происхождению от других.

451. Другая группа апачей, прибывшая позже, долгое время проживала среди тодокози, но впоследствии переселилась к тапаха и стала тесно связана с ними. Они по-прежнему связаны с тапаха, но те называют их тодокози.

452. Прошло несколько лет, прежде чем произошло следующее присоединение. Это была еще одна группа индейцев зуни, и они были приняты в род тапаха. Вскоре после них пришли зуни, которые в конце концов образовали отдельный род — *Нанастезин*. Это название навахо для всех зунианцев и означает «инопланетяне с черными горизонтальными полосами».[198] Все эти люди покинули деревни зуни из-за нехватки пищи.

453. Новый народ с раскрашенными лицами пришел с запада примерно в то же время, что и те, кто образовал род зуни, или немного позже. Предполагается, что они были частью племени, которое сейчас называется мохаве, проживающего на берегах Колорадо. Они носили имя Дилдзехи, и их потомки сейчас образуют род с таким же именем среди навахо. Сначала они примкнули к *Нанастезину*, но сегодня они в лучших отношениях с Тацини, чем с *Нанастезином*.

454. Среди навахо была организована военная группа, состоящая из членов разных родов, для нападения на пуэбло под названием Саибегоган, «Дом из песка». Там они захватили двух девушек и привели их домой в качестве рабынь. Рядом с их старым домом было соленое озеро, и девушки принадлежали к роду Соляных Людей, проживавших там. Поэтому их многочисленные потомки, ныне проживающие среди навахо, образуют род Асихи, или Соляной. Пленниц захватили члены рода Цедзинкини, поэтому Асихи и Цедзинкини теперь связаны родственными узами.

455. Затем была собрана военная группа для нападения на жителей пуэбло Джемез. Во время этого набега один из Тластсини захватил девушку из Джемеса, но продал ее одному из Тседзинкини. Она стала прародительницей рода Майдескизни, Людей Волчьего Перевала (*т. е.* Джемеса), который теперь связан с Тседзинкини.

456. После того, как навахо напали на Сайбехоган, там наступил голод, и некоторые люди покинули свои дома и присоединились к навахо. Они сказали, что в их пуэбло был род Тапаха, и, услышав, что среди навахо есть такой род, они пришли, чтобы присоединиться к нему. Поэтому они искали Тапаха, пока не нашли его и не стали его частью.

457. Однажды из места под названием Цеянатони, Горизонтальная вода под утесами, прибыла группа из семи человек, чтобы нанести короткий визит навахо, но время от времени они откладывали свой отъезд и в конце концов остались с навахо навсегда. Они образовали род Цеянатони, который сейчас вымер.

458. Люди, которых Эстанатлехи создала из кожи под своей правой рукой и которым она дала жезл из белой раковины, были названы, после того как они пришли к навахо, Кинаани, Люди из Высокого Каменного Дома; не потому, что они построили или жили в таком доме, а потому, что жили рядом с ним.[199]

459. Когда Bĭ tá‘ni разбили лагерь в месте под названием Tó‘tso, или Большая Вода, недалеко от гор Карризо, из воды вышли мужчина и женщина и присоединились к ним. От этой пары произошел род Tó‘tsoni, Люди Большой Воды, который является родственным Bĭtá‘ni.

НАТИ'НЭСТХАНИ.

460. Натинестани,[201] Тот, кто учит себя, жил со своими родственниками недалеко от горы *Дсилнаотиль*. Немногие люди, которые жили там, постоянно бродили вокруг горы, отсюда и название «Окруженная гора». Натинестани любил азартные игры, но не был в них успешен. Он проиграл не только все свое имущество, но и все имущество и драгоценности своих родственников, пока не осталась только одна ценная вещь — ожерелье из нескольких ниток белых бус. Его родители и брат жили в одной хижине, а бабушка и племянница — в другой, немного подальше от первой. Когда азартный игрок расстался со всем, кроме ожерелья, его брат отнес его в хижину бабушки и отдал ей, сказав: «Мой брат проиграл все, кроме этого. Если он проиграет и это, то это будет последнее, что он когда-либо потеряет, потому что тогда я убью его».

461. Натинестани не проводил все свое время за азартными играми; иногда он охотился на лесных крыс и кроликов в горах. В день, когда принесли ожерелье, возвращаясь с охоты, он зашел в дом своей бабушки и увидел, что ожерелье висит там. «Почему оно здесь?» — спросил он. «Оно положено здесь на хранение», — ответила его племянница. «Твой брат ценит его и попросил нас позаботиться о нем. Если ты потеряешь его в азартных играх, он угрожал убить тебя. Я слышала советы семьи по поводу тебя. Они устали от тебя. Если ты потеряешь это ожерелье в игре, это будет последнее, что ты когда-либо потеряешь». Услышав это, он только сказал своей племяннице: «Я должен подумать, что мне делать», и лег отдохнуть.

462. На следующее утро он встал рано, позавтракал лесными крысами и отправился на охоту, направляясь на восток. Он остановился в одном месте, поставил ловушки для лесных крыс и проспал там всю ночь. Ночью он обдумывал много планов. Сначала он думал, что пойдет дальше на восток и навсегда покинет свой народ, но потом подумал: «Кто будет охотиться на лесных крыс для моей племянницы, когда я уйду?» И он вернулся в ее хижину и отдал ей всех маленьких животных, которых убил.

463. Утром он снова позавтракал лесными крысами и сказал себе : «Сегодня я уйду на юг и никогда не вернусь». Таково было его намерение, когда он отправился в путь. Он путешествовал на юг и снова провел ночь на улице, но утром передумал и вернулся к своей племяннице с лесными крысами, кроликами и семенами диких растений, которые он собрал. Женщины приготовили часть лесных крыс на ужин в тот вечер. Когда он лег спать, он подумал об угрозах своего брата и снова задумал сбежать. Он не тронул бусы, хотя очень хотел их взять.

464. На следующее утро он отправился на запад, охотился там весь день и ночевал под открытым небом, как и раньше, но снова не смог решиться покинуть свой народ, хотя много об этом думал; поэтому он вернулся к своей племяннице с едой, которую смог добыть для нее, и ночевал в хижине.

465. На следующий день он отправился на север и охотился. Ночью, когда он разбил лагерь, он почти не спал, потому что его голова была полна грустных мыслей. «Мой брат отрекся от меня, — говорил он себе. — Мои родители отказывают мне в приюте. Моя племянница, которую я люблю больше всего, едва смотрит на меня. Я никогда не вернусь». Но, несмотря на все эти слова, когда наступило утро, он вернулся в хижину.[19]

466. К этому времени он был очень беден, как и его бабушка с племянницей. Его сандалии, сделанные из травы и волокон юкки, были изношены, а одеяло из волокон юкки и коры кедра, которым он укрывался, было рваным.[177] Но люди в другой хижине жили лучше. Они иногда

давали бабушке и племяннице еду, но всегда внимательно следили за ними, когда те приходили за едой, чтобы они не унесли что-нибудь азартному игроку. «Пусть он живет, как может, на лесных крысах и кроликах», — говорили его родители.

467. В ночь после возвращения с охоты на север он мало спал, а большую часть времени проводил в раздумьях и составлении планов. Какими были эти планы, вы скоро узнаете, потому что на следующий день он начал их осуществлять. Теперь единственной причиной, по которой он хотел остаться дома, были его мысли о племяннице.

468. Утром после этой ночи раздумий он попросил племянницу зажарить для него четырех лесных крыс; он связал их вместе и отправился к реке Сан-Хуан. Когда он добрался до берега реки, он осмотрел несколько тополей, пока не нашел подходящий. Он сжег его и выжег основание. Он не дал огню сжечь весь ствол, нанеся грязь на место, которое нужно было сжечь. Его план состоял в том, чтобы сделать полый сосуд, с помощью которого он мог бы спуститься по реке Сан-Хуан. Это был его собственный план. Он никогда раньше не слышал о таком. Навахо никогда не имели ничего лучшего, чем плоты, а те были годны только для переправы через реку. Он лег рядом с бревном, чтобы посмотреть, где его разделить, так как планировал сделать сосуд немного длиннее себя, и сжег бревно поперек в выбранном месте. Все это он сделал за один день, а затем пошел домой, по пути собирая крыс, но ничего не сказал своей племяннице о бревне. В ту ночь он спал в хижине.

469. На следующее утро он вернулся к своему бревну на берегу Сан-Хуана и провел день, выжигая бревно огнем, начиная с нижнего конца. За один день ему удалось сделать только часть этой работы. Ему понадобилось четыре дня, чтобы прожечь отверстие от одного конца бревна до другого и сделать его достаточно широким, чтобы в него поместилось его тело. В конце каждого рабочего дня он возвращался в хижину своей бабушки и по дороге домой собирал лесных крыс и кроликов.

470. На следующий день, после того как отверстие было готово, он занялся изготовлением и установкой заглушек. Он смочил большое количество измельченной коры кедра и растолочил ее между камнями, чтобы получилась мягкая масса. Он засунул большой кусок этой массы в нижний конец бревна и утрамбовал его до верхнего конца. При выжигании бревна он выжег четыре отверстия, которые ему не были нужны, в местах разветвления дерева, и заполнил их пробками из кедровой коры. Он приготовил еще одну пробку, чтобы вбить ее в конец бревна изнутри, после того как он войдет в бревно, и когда это было сделано, он пошел домой к бабушке, по пути собирая лесных крыс из своих ловушек.

471. На следующее утро его племянница приготовила несколько лесных крыс и смолола для него большое количество — столько, сколько можно было удержать в двух руках — семян tloʻtsózi (*Sporobolus cryptandrus*). Эту муку она положила в мешок из сшитых вместе шкур лесных крыс. Так снаряженный, он вернулся к своему бревну. Он положил провизию в отверстие, а затем сам вошел внутрь, чтобы проверить, насколько прочно бревно и достаточно ли большое отверстие. Он вошел головой вперед и прополз внутрь, пока половина его груди не оказалась в бревне, и тут он услышал голос, кричащий: «Wuʻhuʻhuʻhú!»[26], и вылез, чтобы посмотреть, кто зовет. Он огляделся во все стороны и осмотрел землю в поисках следов, но, не увидев никаких признаков вторжения, снова вошел в бревно. На этот раз он пролез до пояса, когда снова услышал крик «Вухухуху», но громче и ближе, чем раньше. Он снова вышел из бревна и осмотрелся вокруг более внимательно, чем в первый раз, дойдя в своих поисках до берега реки, но никого не увидел, не нашел следов и вернулся в свое бревно. При следующей попытке он залез в бревно по колено, когда в третий раз раздался крик, и он снова вылез, чтобы найти, откуда он исходил. Он искал дальше, дольше и тщательнее, чем в предыдущие разы, но без успеха, и вернулся к снова залез в бревно. В

четвертый раз, когда он залез по колено, он услышал громкий и близкий крик и почувствовал, как кто-то трясет бревно. Он вылез в четвертый раз и увидел Хастсеяльти, Говорящего Бога73, стоящего над ним.

472. Хастсеяльти сначала не заговорил, но жестами дал понять мужчине, что он не должен садиться в бревно, иначе он наверняка утонет, и что ему нужно идти домой. Затем Хастсеяльти отошел от бревна на некоторое расстояние и махнул навахо, чтобы тот подошел к нему. Когда Натинестани подошел к богу, тот заговорил: «Внук мой, зачем ты все это делаешь? Куда ты собираешься плыть на этом бревне?» Тогда мужчина рассказал богу всю свою печальную историю и закончил словами: «Я изгой. Я хочу уплыть подальше от своего народа. Пожалей меня. Не останавливай меня, а позволь мне уплыть на этом бревне так далеко, как меня понесет вода реки Старости (Сан-Хуан)». Хастсеяльти ответил: «Нет. Ты не должен пытаться сесть в это бревно. Если ты это сделаешь, то наверняка утонешь. Я не позволю тебе этого». Натинестани четыре раза умолял, и четыре раза бог отказывал ему. Затем бог спросил: «У тебя есть драгоценные камни?» «Да», — ответил человек. «У тебя есть белые ракушечные бусы? У тебя есть бирюза?» И так бог продолжал спрашивать его, один за другим, есть ли у него все восемнадцать священных вещей202, которые необходимо принести в жертву богам, чтобы заслужить их благосклонность. На каждый его вопрос человек отвечал «да», хотя у него не было ни одной из этих вещей, и он не владел ничем, кроме лохмотьев, которые его покрывали. «Хорошо», — сказал бог. «Тебе не нужно входить в это бревно, чтобы совершить свое путешествие. Иди домой и оставайся там четыре ночи. На рассвете, после четвертой ночи, ты можешь ожидать, что увидишь меня снова. Приведи себя и свой дом в порядок к моему приходу. Тщательно подмести пол и все вокруг дома. Вынести пепел. Накануне моего прихода вымыть тело и волосы пеной из юкки и попросить свою племянницу тоже вымыться юккой. Я ухожу, чтобы рассказать о тебе другим божествам».

473. Как только он вернулся домой, Натинестани рассказал племяннице, что ему нужно (кроме корзин и священных оленьих шкур), но не сказал, для чего они ему нужны, и попросил ее украсть их у соседей. Она так и сделала, по несколько вещей за раз, за несколько визитов. Ей понадобилось три дня, чтобы украсть все. Вечером третьего дня, после того как они помылись пеной из юкки, он рассказал ей о корзинах и священных оленьих шкурах, которые ему были нужны. Она пошла в соседнюю хижину и украла эти вещи, завернув корзины в оленьи шкуры. Когда она вернулась с добычей, он завернул все украденные вещи в шкуры, убрал их в угол хижины и лег отдохнуть. Он хорошо спал и обычно спал всю ночь, но в этот раз он проснулся около полуночи и не мог заснуть.

474. На рассвете он услышал слабый, отдаленный крик «Ухухуху» Хастсеяльти. Он сразу разбудил свою бабушку, сказав: «Я слышу голос. Дигини (святые, божественные существа) идут». «Глупец», — ответила она. «Закрой рот и спи. Они никогда не придут к таким бедным людям, как мы», — и снова заснула. Через некоторое время он услышал голос во второй раз, громче и ближе, и снова потряс бабушку и сказал ей, что слышит голоса богов, но она по-прежнему не верила ему и снова заснула. В третий раз, когда он разбудил ее, услышав голоса еще яснее, она осталась бодрствовать и начала ему верить. В четвертый раз голос прозвучал громко и ясно, как будто его кричал кто-то, стоя у двери. «Слушай», — сказал он бабушке. «Разве это не голос божества?» Наконец она поверила ему и удивленно спросила: «Зачем же дигини пришли к нам в гости?»

475. Хастсеялти и Хастсегоган стояли у двери, на радуге, на которой они прибыли. Первый из них дал знак мужчине, стоящему за занавеской, висевшей в дверном проеме, чтобы тот отодвинул занавеску и вышел. «Бабушка, — сказал навахо, — Хастсеяльти зовет меня к себе». «Хорошо, — ответила она. — Делай, как он велит». Выходя с связкой жертвенных предметов, он сказал: «Я ухожу с божественными существами, но я вернусь, чтобы увидеться с тобой». У племянницы был домашний индюк203, который сидел на дереве возле хижины. Хастсейалти дал знак навахо взять

индюка с собой. Навахо сказал: «Моя племянница, боги велят мне взять твоего индюка, и я с радостью сделаю это, потому что я ухожу к чужим людям, где буду одинок. Я люблю эту птицу; она будет мне компанией и будет напоминать мне о моем доме. Но я не возьму ее против твоей воли». «Тогда ты можешь взять мою домашнюю индейку», — ответила племянница. Старуха сказала богу: «Я буду рада, если мой внук вернется. Ты позволишь ему вернуться к нам?» Хастсеяльти только кивнул головой. Боги повернули радугу по часовой стрелке, так что ее начало, которое раньше указывало на дверь хижины, теперь указывало в новом направлении. Хастсеяльти сел на лук первым. Он велел навахо сесть за ним. Хастсехоган сел за мужчиной. «Закрой глаза», приказал Хастсеяльти, и навахо сделал, как ему велели.

476. Через мгновение Хастсеялти снова крикнул: «Открой глаза». Навахо послушался и обнаружил, что находится далеко от своего дома в Цетади, где жили дигини. Они привели его в дом в скале, который был полон божественных людей. Внутри было красиво — стены были покрыты горным хрусталем, который излучал яркий свет. Хастсеяльти приказал принести еду для своего гостя. Последнему подали маленькую глиняную чашку размером с палец (круг, образованный большим и указательным пальцами, соединенными кончиками) и наполненную кашей. «Какая скудная трапеза для незнакомца!» — подумал Навахо, полагая, что съест ее за один прием. Но он ел, ел, ел и ел из чашки и не мог ее опустошить. Когда он наелся досыта, маленькая чашка была полна, как и вначале.[205] Закончив, он вернул чашку Хастсеялти, который одним движением пальца опустошил ее, и она осталась пустой. Затем маленькую чашку наполнили водой и дали гостю попить. Он пил, пока не утолил жажду, но чашка осталась полной, как и в начале. Он снова передал ее Хастсеяльти, который поднес ее к своим губам и опустошил одним глотком.

477. Боги открыли узелок навахо и осмотрели его содержимое, чтобы убедиться, что он принес все, что они требовали, и обнаружили, что это так. Тем временем он набил свою трубку и зажег ее. Пока он курил, боги Найенезгани, Тобадзистсини и Хастеолтой[206] прибыли из Тойетли и вошли в дом. Найенэзгани сказал гостю: «Я слышал, что тебя нашли, когда ты полз в дыру, которую ты проделал в бревне, поджигая его. Почему ты это сделал?» В ответ навахо рассказал всю историю, как он рассказал ее Хастсеялти, и закончил словами: «Я хотел отправиться в Тойетли, где сливаются реки, или куда бы то ни было, куда бы меня понесло течение. Когда я пытался осуществить свой план, мой дед Хастсеялти нашел меня и запретил мне уходить. Только по этой причине я отказался от своего плана и вернулся домой». «Ты все еще хочешь отправиться в То‘йĕ′тли?» — спросил Найенĕзгани. «Да», — ответил навахо, — «я хочу отправиться в То‘йĕ′тли или как можно дальше вниз по реке Сан-Хуан». «Тогда ты пойдешь», — сказал бог.

478. Найенэзгани вышел из дома, и другие боги последовали за ним. Они пошли в еловую рощу и выбрали там дерево необычного размера. Они привязали к нему радужные веревки, чтобы оно не упало с слишком большой силой и не сломалось при падении. Найенэзгани и Тобадзистсини срубили его у корней своими большими каменными ножами, и оно упало на север. Кривая Молния ударила по упавшему дереву и прошла через него от основания до вершины. Прямая Молния ударила по нему и прошла через него от вершины до основания. Так в бревне была проделана дыра, и это было сделано до того, как были срезаны ветви. Отверстие, просверленное Кривой Молнией, было слишком кривым. Прямая Молния сделала его прямым, но оно все еще было слишком маленьким. Черный Ветер был послан в отверстие, и он сделал его больше, но все еще недостаточно большим. Синий Ветер, Желтый Ветер и Белый Ветер вошли в отверстие, каждый по очереди, и каждый, проходя через него, делал его немного больше. Только после того, как Белый Ветер сделал свою работу, отверстие стало достаточно большим , чтобы вместить тело человека. Хастсеяльти предоставил миску с едой, сосуд с водой и белое облако для постели. Они завернули навахо в облако и поместили его в бревно. Они заткнули концы облаками — черным облаком в задней части и голубым облаком в передней части — и запретили ему трогать эти облачные пробки. Когда они поместили его в бревно, кто-то спросил: «Как он будет получать

свет? Как он будет знать, когда наступает ночь, а когда день?» Они просверлили в бревне два отверстия, по одному с каждой стороны его головы, и в каждое отверстие, чтобы сделать окно, вставили кусок горного хрусталя, который они вставили так плотно, что вода не могла просочиться вокруг него.

479. Пока одни боги готовили бревно, другие готовили домашнюю индейку к путешествию, но делали это без ведома навахо. Они обложили ее тело черным облаком, мужским дождем, черным туманом и женским дождем. Под ее крыльями они положили белую кукурузу, желтую кукурузу, голубую кукурузу, кукурузу разных цветов, семена тыквы, семена арбуза, семена дыни, семена бутылочной тыквы и бобы всех цветов. Эти шесть богов подготовили индюка: четверо из Ганаскиди207 из места под названием *Депехатиль*, один Хастехоган из Цегихи165 и Хастехоган из Цетади — тот, кто нашел Навахо, входящего в его тополиное бревно, и отнес его домой, в дом в скалах.

480. Следующим вопросом, над которым им пришлось задуматься, было то, как перенести тяжелое бревно с человеком внутри к реке. Они положили под бревно (во-первых) веревку из искривленной молнии, (во-вторых) веревку из радуги, (в-третьих) веревку из прямой молнии и (в-четвертых) еще одну веревку из радуги. К каждому концу бревна они прикрепили солнечный луч. Все боги, кроме тех, кто был занят приготовлением индейки, пытались сдвинуть бревно, но не смогли его сдвинуть; и они послали за шестью, которые работали над индейкой, чтобы те пришли им на помощь. Двое из Ганаскиди теперь стояли на каждом конце, а двое из Хастехоган — посередине. Остальные расположились в других местах. Ганаскиди поместили свои жезлы под бревно поперек, таким образом, X. Все подняли бревно вместе, и оно было перенесено. Некоторые из них сказали: «Если силы нас подведут и мы уроним бревно, мы не будем пытаться поднять его снова, и Навахо не совершит свое путешествие». По мере продвижения некоторые устали и были готовы отпустить бревно, но на помощь им пришли ветры — Черный Ветер и Голубой Ветер впереди, Желтый Ветер и Белый Ветер сзади, и вскоре бревно было донесено до берега реки. Пока они шли, Тоненили98, Водяной Разбрызгиватель, подшучивал над ними и играл с ними в шутки, как он делает сейчас в танцах, чтобы показать, что он доволен тем, что они делают. Пока боги работали, навахо спели пять песен, каждая из которых была посвящена отдельной части работы; значимые слова песен были следующими:

Первая песня: «Они срубили для меня прекрасное дерево».

Вторая песня: «Красивое дерево они готовят для меня».

Третья песня: «Красивое дерево они закончили для меня».

Четвертая песня: «Красивое дерево они несут со мной».

Пятая песня: «Красивое дерево они спускают со мной».283

481. Когда они бросили бревно на поверхность воды, оно плавало в разных направлениях, но не плыло вниз по течению, поэтому боги посовещались, чтобы решить, что им делать. Сначала они покрыли бревно черным туманом, а затем черной тучей. Некоторые из богов, стоявшие на берегу, ударяли по бревну своими пернатыми жезлами, когда оно приближалось к берегу или начинало кружиться, и продолжали это делать, пока оно не взяло прямой курс, направив свою верхушку вниз по течению, и не поплыло дальше. Когда боги ударяли по бревну, чтобы оно вошло в течение, навахо пели песню, основные слова которой были:

1. «Красивое дерево, они толкают его со мной».

Когда бревно было готово плыть по течению, он пел:

2. «Красивое дерево собирается плыть вместе со мной»,

а когда бревно попало в течение и поплыло вниз, он спел:

3. «Красивое дерево плывет со мной».[284]

482. Все шло хорошо, пока они не подошли к поселению под названием *Киндотлиз*, или Голубой дом,[208] когда двое из Кисани, которые собирались охотиться на орлят, увидели пень, плывущий мимо, хотя они не могли видеть богов, которые направляли его курс. Вокруг Голубого дома было мало дров. Когда мужчины увидели пень, они сказали: «Там плывет большое дерево. Если бы мы могли его достать, оно обеспечит нас топливом на много дней. Мы должны попытаться притащить его к берегу». Двое мужчин побежали обратно в пуэбло и объявили, что по реке плывет большое бревно. Несколько человек вышли, чтобы захватить его. Большинство из них побежали вниз по течению к мелководью, где все могли пройти вброд, чтобы дождаться прибытия бревна, а несколько человек пошли вверх по берегу, чтобы возвестить о его приближении. Когда бревно дошло до мелководья, они попытались отломать ветки, но не смогли. Они привязали к веткам веревки и попытались вытащить бревно на берег, но течение унесло бревно вместе с толпой. Но в следующий раз, когда бревно дошло до мелководья, кисани загнали его на мель и отправились в пуэбло за топорами, намереваясь отрезать ветки и облегчить бревно. Когда боги увидели, что люди идут с топорами, они сказали: «Надо что-то делать». Они послали сильный ливень, но кисани продолжали держаться за бревно. Они послали град с градинами размером с два кулака, но кисани все еще держались. Они послали молнию справа — люди слева продолжали держаться. Они послали молнию слева — люди справа продолжали держаться. Они послали молнии во всех направлениях , четыре раза, когда, наконец, кисани отпустили бревно, и оно поплыло дальше. Теперь боги наложили на бревно облако, настолько густое, что никто не мог видеть сквозь него; они положили радугу по длине и радугу поперек, и заставили зигзагообразные молнии сверкать вокруг него. Когда кисани увидели все это, они начали бояться. «Боги должны охранять это бревно», — сказали они. «Да», — ответил вождь. «Идите домой и позвольте бревну проплыть. Оно, должно быть, святое».

483. Бревно плавно плыло по течению, пока не достигло места, где почти вертикально возвышающийся скалистый хребет нарушал течение, и здесь бревно запуталось в скалах. Но два Фриндж-мута[209] реки подняли его со скал и снова пустили по течению. Они повернули бревно, стоя по одному на каждом конце, пока оно не оказалось в продольном положении по отношению к течению, а затем пустили его по течению.

484. Оттуда оно безопасно доплыло до *Тодоттлиз*, где боги на берегу наблюдали, как оно остановилось и медленно погрузилось, пока не стало видно только несколько листьев на концах ветвей. На этот раз бревно потянули вниз священные существа, обитавшие под водой. Это были Тихолтсоди, *Тиелин*,[210] Лягушка, Рыба, Бобр, Выдра и другие. Они вытащили Навахо из бревна и отнесли его в свой дом под водой. Боги на берегу созвали совет, чтобы обсудить, почему дерево застряло. Они трясли его и пытались освободить, но не могли сдвинуть с места. Тогда они позвали Тоненили, Водяного Разбрызгивателя, чтобы он им помог. У него было два волшебных кувшина с водой: *Тосадилил*, черный кувшин, который он нес в правой руке, и *Тосадотлиз*, синий кувшин, который он нес в левой руке; с их помощью он ударил по воде справа и слева, крича при этом «Тувувуву!». Вода расступилась перед ним и позволила ему спуститься. Он обошел дерево и, когда подошел к его корню, обнаружил, что пробка была вытащена и навахо больше не было. Он

позвал своих друзей на берегу и рассказал им о том, что обнаружил. Они расстелили для него короткую радугу211, по которой он мог путешествовать, и он отправился в дом божественных существ под водой. Этот дом состоял из четырех комнат, расположенных одна над другой, как этажи жилища пуэбло. Первая комната, самая верхняя, была черной; вторая — синей; третья — желтой; четвертая — белой. Два *Тиелина*, или водных существа с синими рогами, стояли у двери лицом друг к другу и рычали, когда Тоненили проходил мимо. Он спускался с одного этажа на другой, но никого не встречал, пока не дошел до последней комнаты, и здесь он увидел Тиэхолцоди, водяного монстра; Цал, Лягушку (большую грубую лягушку); Ца, Бобра, *Табастина*, Выдру, Тлоаюинлитиги (большую рыбу) и пленного Навахо. «Я ищу своего внука. Отдайте его мне», — сказал Тоненили. «Заткнись и убирайся», — ответил Тихолцоди. « » «Такой, как ты, не может приходить сюда и отдавать приказы. Я не боюсь тебя, Водяной Брызгатель; ты не получишь своего внука». Тогда Тоненили снова вышел и рассказал своим друзьям, что с ним произошло и что было сказано в доме Тихолцоди под водой.

485. Боги созвали очередной совет. «Кто спустится и спасет нашего внука?» — спрашивали они друг друга. Пока они обсуждали этот вопрос, Хастсезини212 (Черный Бог), владелец всего огня, сидел в стороне и не принимал участия в совете. Он разжег огонь, пока другие ждали, и сидел, как обычно, спиной к нему. «Иди и расскажи своему деду, что произошло», — сказали остальные Тоненили. Тот подошел к месту, где сидел Хастсезини *(*). «Почему они собрались там и о чем так гневно говорят?» — спросил Черный Бог. В ответ Тоненили рассказал о своих приключениях под водой и о том, что сказал ему Тиэхолцоди. Хастсезини рассердился, услышав все это. «Я не боюсь священных людей под водой, — сказал он. — Я получу своего внука». Он поспешил к реке, взяв с собой Тоненили, потому что Тоненили обладал способностью открывать воду, и эти двое спустились в реку. Когда они достигли комнаты, где сидел Тиэхолцоди, Черный Бог сказал: «Мы пришли за нашим внуком». «Убегайте отсюда, оба. Такие, как вы, не могут входить сюда», — сказал Тиэхолцоди. «Я не уйду без своего внука. Отдай его мне, и я уйду», — сказал другой. «Убегайте», — повторил Тиэхолцоди. «Я не отдам твоего внука». «Я заберу своего внука. Я не боюсь тебя». «Я не верну его тебе. Я не слушаю твоих слов». «Я никогда не отказываюсь от того, что однажды сказал. Я пришел за своим внуком и не уйду без него». «Я сказал, что ты не должен уходить с ним, и я имею в виду то, что говорю. Я могущественен». Так они некоторое время вызывали друг друга на спор. Наконец Хастсезини сказал: «Я больше не буду просить о своем внуке. Ты говоришь, что ты могущественен. Посмотрим, кто из нас сильнее, ты или я», и Тихолцоди ответил: «Я тоже не буду просить твоего разрешения оставить его. Хочу посмотреть, как ты его у меня заберешь». Услышав это, Хастсезини достал из пояса свою огненную палку и огненное сверло.213 Он положил палку на землю, укрепил ее обеими ногами и закрутил сверло, останавливаясь четыре раза. В первый раз, когда он закрутил сверло, появился небольшой дым; во второй раз — большой дым; в третий раз — пламя; в четвертый раз — все окружающие воды загорелись. Тогда Тиэхолцоди воскликнул: «Забери своего внука, но потуши пламя». «Ах, — сказал Хастсезини, — ты сказал мне, что ты могущественен. Почему же ты теперь умоляешь меня? Почему ты сам не потушишь огонь? Ты серьезно на этот раз? Ты действительно хочешь, чтобы огонь был потушен, ?» «О да, — воскликнул Тиэхолцоди. «Забери своего внука, но потуши пламя. Я говорю серьезно». По знаку Черного Бога, Водяной Разбрызгиватель снял пробки со своих кувшинов и четыре раза разбрызгал воду вокруг себя, крича при этом свое обычное «Тувувуву», и пламя погасло. Вода в кувшинах Тоненили состояла из всех видов воды — мужского дождя, женского дождя, града, снега, озерной воды, родниковой воды и воды, взятой из четырех сторон света. Вот почему она была такой сильной.67

486. Когда огонь был потушен, трое вышли в одну линию — Тоненили впереди, чтобы разделить воду, Навахо посередине и Хастсезини сзади. Еще не дойдя до суши, они услышали за собой шлепающий звук и, оглянувшись, увидели *Цала*, Лягушку. «Подождите, — сказал он. — Мне

нужно вам кое-что сказать. Мы можем заразить болезнью тех, кто входит в наше жилище, и есть сигареты, священные для нас, с помощью которых можно снять наше заклятие. Сигарета Тиэхолцоди должна быть окрашена в черный цвет; сигарета *Тиелина* — в синий; сигареты Бобра и Выдры — в желтый; сигарета большой рыбы и священная для меня сигарета — в белый». Поэтому в наши дни, когда навахо почти утонул в воде и выплюнул всю воду, такие сигареты12 изготавливаются, чтобы избавить его от болезни воды.

487. Боги отвели Натинестани обратно к его бревну. Тоненили открыл для них проход через реку и выпустил воду из дупла в бревне. Навахо заполз в дупло. Боги снова заткнули конец бревна и пустили его по течению. Оно плыло и плыло, пока не дошло до водопада на реке Сан-Хуан, где снова застряло. Богам пришлось нелегко, пытаясь его освободить. Они тянули и тянули, но не могли сдвинуть его с места. Наконец, Дсахадолдза, Обрамленные рты воды, пришли на помощь. Они поместили зигзагообразную молнию, которая была на их телах209, под конец бревна, как будто молния была веревкой, и вскоре они освободили бревно и отправили его вниз по реке.

488. В конце реки Сан-Хуан, в окружении гор, находится водоворот или большое озеро под названием *Тонихили*, или «Конец воды». Когда бревно попало сюда, оно четыре раза обогнуло озеро. В первый раз оно плыло близко к берегу, но постепенно приближалось к центру, обогнув озеро снова и снова. Из центра оно направилось на восток и приблизилось к берегу, но снова отступило к центру, направилось на юг и, наконец, вынеслось на южный берег озера. Когда оно вынеслось на берег, четыре бога стояли вокруг него так: Хастсехоган на востоке, Хастсеяльти на юге, один Ганаскиди на западе и один на севере. Они вытащили одну из пробок своими жезлами, и навахо вышли на сушу. Они достали из бревна то, что осталось от еды, которую дали ему, лук из кедра с листьями и две тростниковые стрелы, которые они поместили в бревно перед тем, как запустить его. Сделав это, они снова заткнули бревно черным облаком.

489. Затем боги обратились к Навахо и сказали: «Мы доставили тебя туда, куда ты хотел попасть. Мы доставили тебя к концу реки. Мы сделали для тебя все, о чем ты просил нас в начале, и теперь мы дадим тебе новое имя. Отныне ты будешь называться Аходисели, Тот, Кто Плывет. Иди и сядь там» (указав на место), «и повернись к нам спиной». Он пошел и сел, как ему велели, и вскоре они позвал его и велели ему пойти на холм к западу от озера. Когда он поднялся на него, он огляделся и увидел, что бревно движется обратно в том направлении, откуда, как он думал, он пришел. Он огляделся по сторонам, но никого не увидел. Боги исчезли, и он остался совсем один. Он сел, чтобы подумать. Он чувствовал себя грустным и одиноким. Он сожалел, что пришел, но все же думал: «Это мое собственное дело; я настаивал на том, чтобы прийти сюда, а если бы я остался дома, меня могли бы убить». Но чем больше он думал, тем грустнее ему становилось, и он начал плакать.

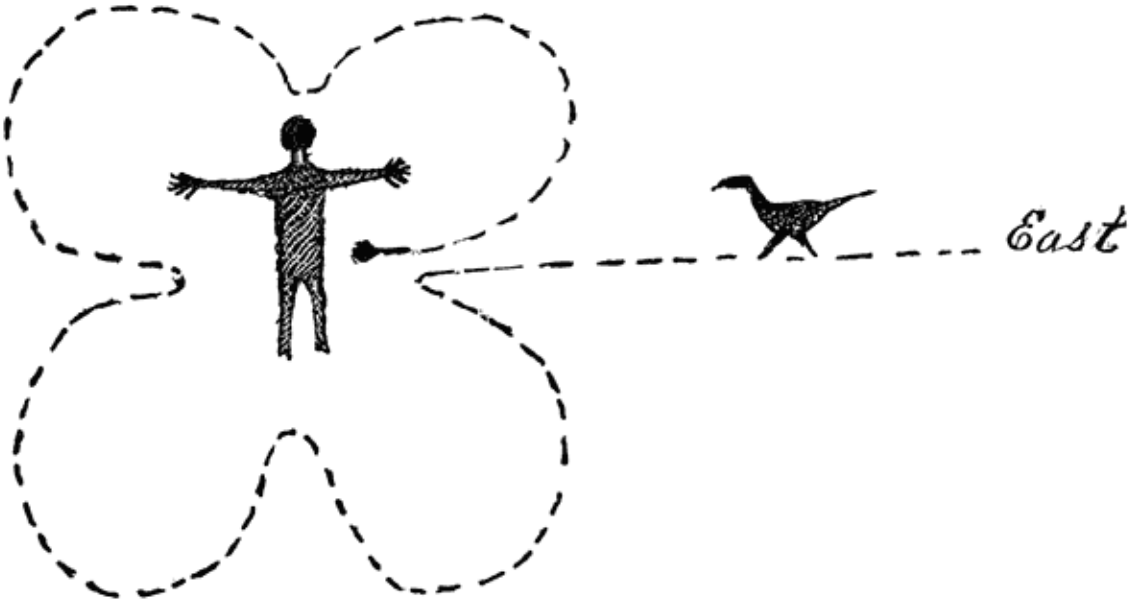


Рис. 34. Следы индейки, приближающейся к своему хозяину.

490. Горы вокруг озера были очень крутыми, за исключением западной стороны. Здесь они были более пологими, и он начал думать о переходе, когда услышал вдали слабое гоготание индейки. Он остановился и прислушался, и вскоре снова услышал гоготание, более отчетливое и, по-видимому, ближе. Через некоторое время он услышал этот звук в третий раз, но громче и отчетливее, чем раньше. В четвертый раз гоготание прозвучало очень громко и отчетливо, и через мгновение он увидел, как к нему бежит , его любимый индюк, которого он думал, что никогда больше не увидит. Индейка, которая следовала за ним всю дорогу вниз по реке Сан-Хуан, теперь приближалась к своему хозяину с востока, как будто собиралась сразу же подойти к нему; но когда она оказалась на расстоянии вытянутой руки от человека, она отступила и обошла его по часовой стрелке, приближаясь и снова отступая на юг, запад и север. Когда она снова оказалась на востоке, она подбежала к своему хозяину и позволила ему обнять себя. (На рис. 34 показано, как она приближалась к своему хозяину). «Ахалани, *силин* (Добро пожаловать, мой любимец)», — сказал Натинестани, — «Мне жаль, что ты следовал за мной, я сочувствую тебе; но теперь, когда ты здесь, я благодарю тебя за то, что ты пришел».

491. Теперь человек снова начал думать о переходе через гору на западе, но внезапно наступила ночь. Он не заметил, как свет постепенно угасал, пока не стало слишком темно, чтобы начать путь, и он почувствовал себя вынужденным искать место для ночлега. Они пошли в ближайшую лощину, где росло несколько небольших кедров. Они разложили в качестве постели мертвые листья и мягкие обломки, которые нашли под деревьями, и легли спать бок о бок. Навахо накрылся своим коряжным одеялом, а индюк расправил одно из своих крыльев над своим хозяином, и тот хорошо спал той ночью.

492. На следующее утро они встали рано и пошли охотиться на лесных крыс. Они спустились по небольшой извилистой долине, пока не дошли до красивой равнины, по которой протекал ручей. «Это было бы хорошее место для фермы, если бы у меня были семена для посадки», — сказал навахо вслух. Когда он это сказал, он заметил, что его индюк начал вести себя очень странно. Он побежал к западной границе равнины, обогнул ее с севера, а затем побежал прямо с севера на юг, где снова присоединился к своему хозяину, который тем временем обошел равнину с востока на запад. На рисунке 35 показано, как они шли. Когда они встретились, они четыре раза обошли

равнину, постепенно приближаясь к центру. Здесь, в центре, мужчина сел, а индюк резвился вокруг него. «Мой любимец, — сказал навахо, — какую прекрасную ферму я мог бы создать здесь, если бы у меня были семена». Индюк в ответ загорланил и расправил крылья.

493. Натинестани предполагал, что когда боги готовили для него бревно, они что-то сделали с индюком, но что именно, он не знал. Теперь, когда его любимец вел себя так странно, ему пришло в голову, что, возможно, он может ему помочь. «Мой питомец, — сказал он, — можешь ли ты помочь мне создать здесь ферму?» Индейка побежала немного на восток и встряхнула крыльями, из которых выпали четыре зерна белой кукурузы; затем она побежала на юг и встряхнула из крыльев четыре зерна голубой кукурузы; на западе она встряхнула четыре зерна желтой кукурузы, а на севере — четыре зерна пестрой кукурузы ( ). Затем она подбежала к своему хозяину с востока и четыре раза встряхнула крыльями, каждый раз вытряхивая по четыре семечка. В первый раз она уронила семена тыквы, во второй — семена арбуза, в третий — семена дыни, в четвертый — бобы. «E‘yéhe, *sĭlín* (Спасибо, мой питомец). Я думал, что у тебя есть что-то для меня», — сказал Натинестани.

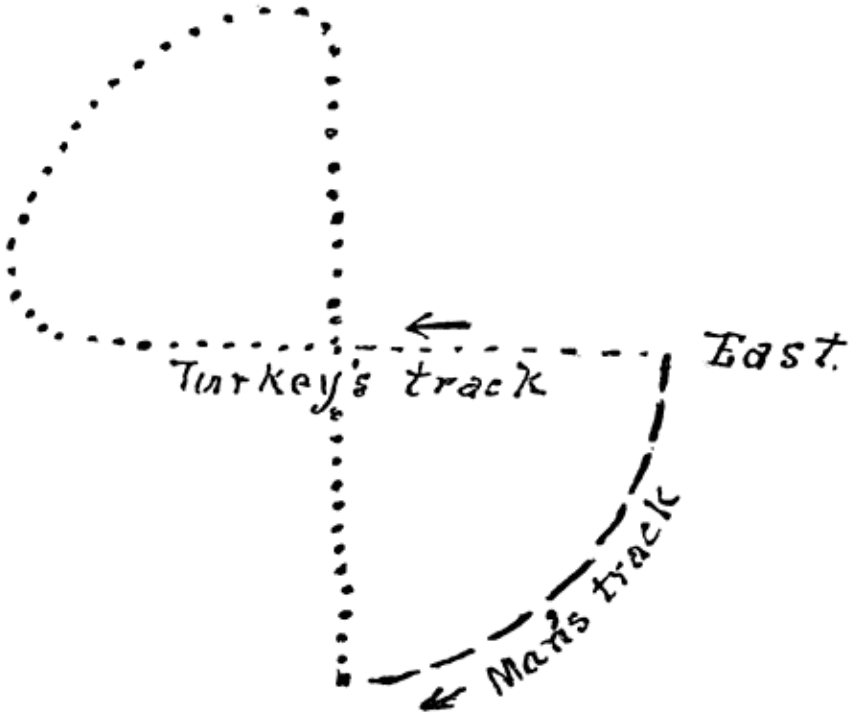


Рис. 35. Следы человека и индейки.

494. Он ушел с равнины, чтобы приготовить жареных лесных крыс на обед, а когда поел, сделал две палки для посадки: одну из дерева греасвуд, а другую из tsĭntlĭ′zi214 (*Fendleria rupicola*). Он вернулся на равнину и начал создавать свою ферму. Он выкопал четыре ямки на востоке с помощью палки из цинтлизи и бросил в каждую ямку по одному зерну белого кукурузы. Он выкопал четыре ямки на юге с помощью палки из жирного дерева и поместил в каждую ямку по одному зерну синей кукурузы. Он выкопал четыре ямки на западе с помощью палки из цинтлизи и посадил в каждую по одному зерну желтой кукурузы. Он выкопал четыре ямки на севере с помощью палки из жирного дерева и бросил в каждую по одному зерну пестрого кукурузы. С помощью палки из цинтлизи он посадил семена тыквы между белой и голубой кукурузой. С

помощью палки из жирного дерева он посадил семена арбуза между голубой и желтой кукурузой. С помощью палки tsĭntlĭ′zi он посадил семена мускусной дыни между желтой кукурузой и пестрой кукурузой. С помощью палки из жирного дерева он посадил бобы между пестрой кукурузой и белой кукурузой.[215] Он огляделся вокруг, чтобы убедиться, что все сделал правильно, и пошел на запад от своей фермы, среди предгорий, и разбил там лагерь.

495. Ночью он чувствовал себя неспокойно, опасаясь, что кто-то другой может претендовать на эту землю, и решил осмотреть окрестности, чтобы увидеть, есть ли у него соседи. На следующий день он обошел долину по кругу по часовой стрелке и делал это четыре дня подряд, каждый день увеличивая радиус круга, но не встретил никого и не увидел никаких признаков человеческой жизни, и сказал: «Это хорошее место для фермы. Никто не претендует на эту землю до меня». Каждое утро, перед тем как отправиться в путь, он посещал свою ферму. На четвертый день утром он увидел, что кукуруза выросла на полпальца над землей.

496. На четвертую ночь, после долгого дня ходьбы по долине, когда наступила темнота, он сел у костра, лицом к востоку, и был удивлен, увидев слабый блеск на полпути к вершине гор на востоке. «Странно, — сказал он, — я обошел всю эту местность и не видел ни людей, ни домов, ни следов, ни остатков костра». Затем он обратился к индюку: «Останься завтра дома, мой любимец, я должен пойти и узнать, кто разжигает этот костер».

497. На следующий день, оставив индюшку дома, он отправился на поиски на склон горы, где видел отблеск, но, тщательно осмотрев местность, не обнаружил никаких признаков человеческой жизни. Вернувшись домой, он рассказал индюшке о всех своих приключениях и сказал: «Наверное, я видел большую светлячку». Он вернулся домой довольно рано и пошел ловить лесных крыс в сопровождении своей индейки. Вечером, когда он вернулся в свой лагерь, он снова посмотрел, после наступления темноты, в сторону восточной горы и увидел то же сияние, что и накануне вечером. Он воткнул в землю раздвоенную палку, опустился на руки и колени и посмотрел на огонь через вилку. (См. параграф 382.)

498. На следующее утро он занял ту же позицию, что и накануне вечером, поставив руки и колени на сделанные тогда следы, и снова посмотрел через раздвоенную палку. Он обнаружил, что его взгляд направлен на место, которое он уже хорошо исследовал. Несмотря на это, он снова пошел туда, оставив индюшку, и искал шире, дальше и тщательнее, чем в предыдущие разы, но все равно не увидел никаких следов человеческой жизни. Вернувшись в лагерь, он рассказал индюшке все, что с ним произошло. В ту ночь он снова увидел свет и снова внимательно посмотрел через раздвоенную палку.

499. Утром он обнаружил, что отметил то же место, что и раньше, и, хотя у него было мало надежды, он в третий раз отправился на поиски того, кто разжег далекий костер. Через некоторое время он вернулся, чтобы рассказать индюку о своем разочаровании. Как обычно, он провел остаток дня в компании индюка, ставя ловушки для лесных крыс и других мелких животных. После наступления темноты, когда он снова увидел далекое пламя, он воткнул в землю вторую раздвоенную палку и положил между двумя раздвоенными концами длинную прямую палку, которую направил на огонь, как стрелу. Сделав это, он лег спать.

500. На следующее утро он тщательно отметил место, на которое указывала прямая палка, и отправился на поиски огня. Перед уходом он сказал своей индейке: «Я еще раз пойду искать далекий огонь, но это будет в последний раз. Если я не найду его сегодня, я больше никогда не буду пытаться. Оставайся здесь, пока я не вернусь». Пока он говорил, индюк отвернулся от него и показал своему хозяину, что он сердится. Он вел себя как капризный ребенок. Он пошел к месту на восточной горе, на которое указывала палка, и здесь он обнаружил, чего раньше не замечал,

выступ в скалах, который, казалось, уходил вглубь на некоторое расстояние. Он взобрался на выступ и обнаружил там две красивые хижины. Он подумал, что в них, должно быть, живут богатые люди. Он стыдился своего рваного одеяла из коры, одежды из шкур лесных крыс, изношенных травяных сандалий, своего бедного лука и стрел, поэтому снял все это, положил в развилке можжевельника и, оставив на себе только набедренную повязку из шкур лесных крыс, пояс, табачный мешочек и трубку, подошел к одному из домов.

501. Он отодвинул занавеску и увидел сидящую внутри молодую женщину, которая шила красивую рубашку из оленьей кожи, украшая ее бахромой и ракушками. Стыдясь своего внешнего вида, он опустил голову и подошел, глядя на нее из-под бровей. «Где мужчины?» — спросил он и сел на землю. Молодая женщина ответила: «Мой отец и мать в другой хижине». Как раз когда навахо решил пойти в другой дом, вошел отец. Несомненно, навахо заметили, когда он раздевался, потому что старик, войдя, принес с собой его жалкие лохмотья. «Почему ты не принимаешь вещи моего зятя?» — сказал старик дочери, положив рваный узелок на видном месте поверх кучи дорогих тканей. Бедный Натинестани снова опустил голову от стыда и покраснел, а женщина посмотрела в сторону и улыбнулась. «Почему ты не расстелишь шкуру, чтобы мой зять мог сесть?» — спросил старик у дочери. Она только улыбнулась и снова отвернулась. Старик взял прекрасно обработанную шкуру овцы из Скалистых гор и шкуру оленя — шкуры, более прекрасные, чем те, что когда-либо видели навахо, — расстелил их на земле рядом с женщиной и сказал незнакомцу: «Почему бы тебе не сесть на шкуры?» Натинестани сделал движение, как будто собирался встать и занять предложенное место, но снова опустился на землю от стыда. Приглашенный во второй раз, он встал и сел рядом с молодой женщиной на шкуры.

502. Старик положил еще одну шкуру рядом с навахо, сел на нее , постучал посетителю по колену, чтобы привлечь его внимание, и сказал: «Я очень хочу покурить. Наполни свою трубку[216] табаком и дай мне покурить». Навахо ответил: «Я беден. У меня ничего нет». Четыре раза звучала эта просьба и давался этот ответ. В четвертый раз навахо добавил: «Я принадлежу к Нинокадине (Людям на Земле)[217], и у меня ничего нет». «Я думал, что у Нинокадине много табака», — сказал старик. Молодой человек достал из своего мешочка, украшенного изображениями солнца и луны, смесь дикого табака с четырьмя другими растениями.[218] Его трубка была сделана из глины, собранной в месте, где лесная крыса разрывала землю. Он наполнил трубку смесью, зажег ее солнцем,[219] четыре раза затянулся, пока она хорошо разгорелась, и передал ее старику, чтобы тот покурил. Когда тот закончил курить и отложил трубку, он начал сильно потеть и вскоре упал в обморок. Молодая женщина подумала, что ее отец умер или умирает, и побежала в другую хижину, чтобы рассказать об этом матери. Мать дала молодой женщине много товаров и сказала: «Отдай их моему зятю и скажи ему, что все это будет его, если он вернет твоего отца к жизни». Когда дочь вернулась в хижину, где лежал ее отец, она сказала навахо: «Вот товары для вас. Вылечи моего отца. Ты наверняка знаешь, что его вылечит». Они уложили старика на бок посреди пола, головой на север, лицом на восток. У навахо в сумке было лекарство под названием ké‘tlo или atsósi ké‘tlo[220], состоящее из многих различных ингредиентов. Откуда он взял эти ингредиенты, мы не знаем, но сейчас знахари собирают их в верховьях реки Сан-Хуан. Он насыпал немного этого лекарства в трубку, зажег ее лучами солнца, выпустил дым на землю, в небо, на землю и снова в небо; выпустил его на больного с востока, юга, запада и севера. Когда это окуривание было закончено, пациент начал показывать признаки жизни — его веки дергались, конечности подергивались, тело тряслось. Натинестани велел молодой женщине положить часть лекарства с водой в глиняную миску — сейчас для приготовления этого настоя не используют никаких других мисок — и, когда оно достаточно пропиталось, он натер им тело пациента.

503. «Садани, сита (мой зять, мой племянник)», — сказал старик, когда он снова пришел в себя, — «наполни мне трубку еще раз. Мне нравится твой табак». Навахо отказался, и старик снова стал просить. Старик просил четыре раза, и молодой человек три раза отказывал ему, но когда просьба

прозвучала в четвертый раз, молодой человек наполнил трубку, зажег ее, как и раньше, и передал старику. Тот покурил, выбил пепел, отложил трубку, начал потеть и снова упал в смертельную обморочную состояние. Как и в предыдущем случае, женщины были встревожены и предложили навахо большое вознаграждение в виде товаров, если он вернет курильщика к жизни. После того как было применено лекарство и повторены церемонии, старик снова пришел в сознание.

504. Как только он пришел в себя, он сказал: «Зять мой, дай мне еще покурить. Я много путешествовал и курил много табака, но такого прекрасного табака, как твой, я еще никогда не курил». Как и в других случаях, старик должен был просить четыре раза, прежде чем его просьба была удовлетворена. В третий раз трубка была наполнена; старик курил и потерял сознание; женщины дали подарки навахо; было дано atsósi ké‘tlo, и курильщик снова пришел в себя.

505. Но как только он пришел в себя, он снова попросил сигарету. «Курение вредно для тебя», — сказал навахо. «Он вредит вам. Почему вам так нравится мой табак?» «Ах! Он дарит мне удовольствие до кончиков пальцев. Он хорошо пахнет и имеет приятный вкус». «Раз вам он так нравится, — сказал молодой человек, — я дам вам еще одну трубку». На этот раз старик курил энергично; он вдыхал дым глубоко в грудь и долго держал его там, прежде чем выдыхать. Все произошло так же, как и раньше, но в дополнение к ранее использованному лекарству навахо рассыпал ароматный ядидинил[221] на раскаленные угли и дал пациенту подышать его парами. Навахо получил четыре больших связки ценных товаров в качестве оплаты за свои услуги. Когда старик выздоровел в четвертый раз, он громко хвалил табак навахо. Он сказал, что никогда не чувствовал себя так счастливым, как когда курил его. Он спросил навахо: «Хочешь попробовать мой табак?» и пошел в другую хижину за своим табачным мешочком. Пока он был в пути, Люди Ветра шепнули навахо на ухо: «Его табак наверняка убьет тебя. Он не похож на твой табак. Те, кто его курят, больше никогда не просыпаются!»

506. Вскоре старик вернулся с мешочком, на котором были изображены солнце и луна, и с большой трубкой — гораздо большей, чем у навахо, — украшенной фигурками оленей, антилоп, лосей и баранов Скалистых гор.[222] Старик наполнил трубку, зажег ее, дважды поочередно выпустил дым на землю и в небо и передал трубку навахо. Молодой человек сказал: «Я не позволяю никому набивать трубку за меня, кроме себя самого. Мои обычаи отличаются от ваших. Вы просите курить у незнакомца. Я ни у кого не прошу курить. Я сам собираю свой табак. Табак других людей вызывает у меня тошноту, поэтому я его не употребляю». Так он говорил, но табак, который он дал старику, был не тот, который он сам курил. Последний состоял из четырех видов табака: glónạto, или табак ласки, depénạto, или табак овцы, dsī′lnạto, или горный табак, и kósnạto, или табак облака.[223] У него в сумке были разные отделения для разных смесей. Старик четыре раза приглашал его покурить, но четыре раза навахо отказывался и наконец сказал: «У меня уже есть трубка, наполненная моим собственным табаком. Я буду курить его. Мой табак не вредит никому, кроме больных». Он продолжил курить чистый табак. Когда он закончил курить, он сказал: «Смотри. Мне это не вредит. Попробуй еще одну трубку».

507. Теперь он наполнил свою трубку смесью из четырех сортов настоящего табака и передал ее старику, чтобы тот покурил. Когда тот закончил, он сказал: «Твой табак не такой, как раньше, и теперь я не чувствую того же эффекта после курения, что и в первый раз. Теперь он охлаждает меня, а раньше заставлял потеть. Почему я падал, когда курил его раньше? Скажи мне, у меня какая-то болезнь?» Навахо ответил: «Да. Это yasī′ntsogi, что-то плохое внутри тебя, что заставляет табак так на тебя действовать. Есть четыре болезни, которые могут вызвать это: желтая болезнь, болезнь вареной крови, болезнь водной слизи и болезнь червей. У тебя наверняка есть одна или несколько из этих болезней».[224] Старик закрыл глаза и кивнул головой, чтобы показать, что он верит в то, что ему сказали. Конечно, навахо не верил в то, что сам сказал; он сказал это старику только для того, чтобы скрыть тот факт, что он наполнил трубку отравленным табаком.

508. Пока все это происходило, навахо не обращал внимания на то, как проходит день, но теперь он вдруг осознал, что уже поздно, и солнце вот-вот зайдет. «Я должен поспешить. Уже поздно», — сказал он. «Нет, мой зять, не уходи от нас», — умолял старик. «Переночуй здесь». Он приказал дочери приготовить постель для незнакомца. Она расстелила на полу прекрасные одежды из шкуры выдры и бобра, украшенные красивыми орнаментами. Он лег на ковры и проспал там всю ночь.

509. На следующее утро молодая женщина встала рано и ушла. Вскоре после ее ухода старик вошел в хижину и сказал своему гостю: «Я и моя дочь были вчера так заняты всем, что ты для меня сделал, и всеми исцелениями, которые ты мне оказал, что у нас не было времени приготовить еду и поесть; у тебя тоже. Она ушла, чтобы приготовить еду. Останьтесь и пообедайте с нами». Вскоре молодая женщина вернулась, принеся блюдо с тушеной олениной и корзину, наполненную кашей из диких семян. Корзина была такой же, как те, которые навахо сейчас используют в своих обрядах.[5] На атататло (часть, где заканчивается спираль, конечная точка) старик, с ведома своей дочери, поместил яд. Она подала корзину незнакомцу, обратив конец кольца к нему, как велел ей отец, и сказала: «Когда к нам приходит незнакомец , мы всегда ожидаем, что он будет есть из той части корзины, где она заканчивается». Когда он взял корзину, Люди Ветра75 прошептали ему: «Не ешь из этой части корзины; там смерть, но в оленине смерти нет». Молодой человек перевернул корзину и начал есть с противоположной стороны, сказав: «Я привык есть с края, противоположного тому, который был представлен мне». Он не съел всю кашу. Он попробовал тушеное оленину, но, поскольку оно было приготовлено из вяленого мяса, ему не понравилось, и он съел очень мало. Когда он закончил, она отнесла посуду обратно в другую хижину. «С какой стороны корзины ел мой зять?» — спросил старик. «С неправильной стороны. Он сказал мне, что у него есть обычай никогда не есть со стороны, где корзина закончена», — ответила молодая женщина. Ее отец был удивлен. Когда к нему приходил гость, он всегда сначала пробовал отравленный табак; если это не помогало, он пробовал отравленную корзину. «Мой муж говорит, что хочет вернуться домой», — сказала молодая женщина. «Скажи ему, что мужчинам не принято уходить домой на следующее утро после свадьбы. Он должен оставаться как минимум четыре дня», — сказал старик. Она передала это сообщение навахо. Он остался на тот день и ночевал в хижине.

510. На следующее утро молодая женщина снова встала рано и пошла в другую хижину. Вскоре после ее ухода старик вошел и сказал Натинестани: «Тебе лучше не уходить, пока не поешь. Моя дочь готовит для тебя еду». Через некоторое время, после его ухода, вошла молодая женщина, принеся, как и раньше, блюдо с тушеной олениной и корзину с кашей, которые она передала навахо, не произнося ни слова. Но Ветер прошептал: «На этот раз по краям корзины есть яд; в оленине его нет». Навахо съел немного тушеного мяса, а когда взял корзину с кашей, ел только из середины, говоря: «Когда я ем перед восходом солнца, я по обыкновению ем только из середины корзины». Когда он говорил это, солнце уже поднималось. Когда она вернулась в другую хижину с остатками еды, ее отец спросил: «Как он ел сегодня утром?» Она ответила: «Он ел рагу, но кашу ел только из середины корзины». «Ахахаха!» — сказал старик, — «раньше это никогда не занимало у меня столько времени». Навахо оставался в хижине весь день и всю ночь.

511. На следующее (третье) утро все произошло так же, как и раньше: женщина встала рано, и пока ее не было, старик вошел в хижину и сказал: «Женщины готовят тебе еду. Не выходи, пока не поешь». Причина, по которой они давали своему гостю только один раз в день, заключалась в том, что он мог быть настолько измучен голодом, когда наступит момент, что не заметит яд и съест его в большом количестве. Когда принесли еду, Люди Ветра шепнули навахо: «В кашу подмешан яд, не ешь ее». Он с аппетитом съел рагу, а когда закончил, сказал молодой женщине: «Сегодня я не могу есть кашу. Солнце уже взошло, а я поклялся, что солнце никогда не увидит, как я ем кашу». Когда она вернулась в другой домик, ее отец спросил: «Как ел мой зять сегодня утром?» «Он ел

только рагу, — ответила она. — Он не притронулся к каше». «Ахахаха», — сказал старик подозрительным тоном, но больше ничего не сказал. Навахо снова остался на весь день и всю ночь.

512. На четвертый день утром, когда дочь пошла готовить еду, а старик вошел в хижину, он сказал: «Выйди сегодня куда-нибудь. Почему ты не гуляешь каждый день? Это из-за твоей жены ты так много сидишь дома, мой зять?» Когда молодая женщина принесла обычное рагу из оленины и корзину с кашей, Ветер прошептал: «Сегодня утром вся еда отравлена». Когда она подала еду молодому человеку, он сказал: «Сегодня я не ем. По моему обычаю, я не ем один день из четырех. Сегодня я должен поститься». Когда она отнесла нетронутую еду обратно в другую хижину, ее отец спросил: «Что ел мой зять сегодня утром?», и она ответила: «Он ничего не ел». Старик лгал, когда говорил; он встал, когда она ответила ему, и внимательно осмотрел еду, которую она принесла. «Действительно, к ней никто не прикасался», — сказал он. «Должно быть, это странный человек, который ничего не ест. Дочь моя, ты не рассказываешь ему ничего, чего он не должен знать?» «Действительно, я ему ничего не рассказываю», — ответила она.

513. Когда молодая женщина вернулась из хижины своего отца, навахо сказал ей: «У меня есть хижина, ферма и домашнее животное недалеко отсюда; я должен сегодня пойти домой и посмотреть на них». «Хорошо», — сказала она. «Ты можешь идти». Он начал одеваться для путешествия, надевая свои старые сандалии. Она принесла ему пару новых мокасин, красиво вышитых, и настояла, чтобы он их надел, но он отказался, сказав: «Я надену их в другой раз. Сегодня я буду носить свои старые сандалии».

514. Когда Натинестани вернулся на свою ферму, он обнаружил следы своей индейки повсюду, но самой индейки не было видно. По следам было очевидно, что она посетила ферму и вернулась обратно в хижину. Навахо четыре раза обошел хижину — каждый раз все шире — чтобы посмотреть, куда ведут следы. На четвертом круге он обнаружил, что они ведут к подножию горы, которая стояла к северу от хижины. «Я найду своего питомца где-то вокруг горы», — подумал навахо. Следы выглядели так, как будто им было четыре дня ( ), и из этого он заключил, что индюк ушел в тот же день, что и он. Ему потребовалось четыре дня, путешествуя по часовой стрелке и поднимаясь по спирали в гору, чтобы достичь вершины, где он обнаружил много следов индюка, но самого индюка все еще не было. Он подумал, что его питомец, возможно, снова спустился с горы, поэтому спустился вниз и тщательно осмотрел землю, но не нашел следов спуска. Он вернулся на вершину и, присмотревшись повнимательнее, чем в первый раз, обнаружил, что птица улетела с восточной окраины вершины и, по-видимому, направилась на восток.

515. Навахо сел, грустный и одинокий, и заплакал. «Дорогой питомец, — сказал он, — если бы я взял тебя с собой в тот день, когда отправился в путь. Если бы я так поступил, я бы не потерял тебя. Дорогой мой, ты был черной тучей; ты был черным туманом; ты был прекрасным мужским дождем;[225] ты был прекрасным женским дождем;[137] ты был прекрасной молнией; ты был прекрасной радугой; ты был прекрасным белым кукурузой; ты был прекрасным синим кукурузой; ты был прекрасным желтым кукурузой; ты был прекрасным кукурузой всех цветов; ты был прекрасным бобом. Хотя я потерял тебя, ты будешь полезен людям на земле в грядущие дни — они будут использовать твои перья и бороду в своих обрядах». Навахо больше никогда не видел своего питомца; он улетел на восток, и мы думаем, что от него произошли ручные индюки белых людей. Но все полезные и красивые вещи, которые он видел в своем питомце, до сих пор можно увидеть в индюке. В его перьях есть цвета всех разновидностей кукурузы. Там есть черный цвет черного тумана и черной тучи. В его перьях, когда он ходит под солнцем, видны вспышки молнии и блеск радуги. Дождь — в его бороде; боб — на его лбу.

516. Он вытер слезы, спустился с горы и пошел к своей старой хижине, которая была лишь убогим укрытием из веток, а затем отправился на свою ферму. Он обнаружил, что на его кукурузе уже сформировались початки, а все остальные растения хорошо созрели.[226] Он сорвал по одному початку с каждого из четырех различных сортов кукурузы, завернул их в свой плащ из шкур лесных крыс и пошел к своей жене. Она увидела его, вышла ему навстречу у двери и взяла у него оружие и узелок. «Что это?» — спросила она, указывая на узелок, который она положила на землю. Он открыл его. Она отшатнулась от удивления. Она никогда раньше не видела кукурузы. Он положил початки рядом друг с другом в ряд, направляя их кончики на восток, и сказал: «Это то, что мы называем *натан*, кукуруза. Это (указывая на первый початок — самый северный в ряду) белая кукуруза; это (указывая на следующий) — голубая кукуруза; это (указывая на третий) — желтая кукуруза, а это (указывая на четвертый) — кукуруза всех цветов».[227] «А что ваши люди с ней делают?» — спросила она. «Мы его едим», — ответил он. «Как вы его готовите к употреблению?» — поинтересовалась она. Он сказал: «Когда он зеленый, как этот, у нас есть четыре способа. Мы кладем его вместе с шелухой на раскаленные угли, чтобы поджарить. Мы снимаем шелуху и поджариваем его в горячем пепле. Мы варим его целиком в горячей воде. Мы срезаем зерна и смешиваем их с водой, чтобы сделать кашу».

517. Она завернула четыре початка в узелок и отнесла их в другую хижину, чтобы показать своим родителям. Оба были удивлены и встревожены. Старик поднялся и прикрыл глаза ладонью, чтобы посмотреть на них. Они задали ей вопросы о кукурузе, такие же, как она задавала своему мужу, и она ответила им так же, как он ответил ей. Она приготовила четыре початка кукурузы, каждый по-разному, в соответствии с методами, описанными ее мужем. Они увеличили количество, чтобы приготовить достаточно еды для сытного обеда для всех. Старики, которые были очень довольны, сказали, что каша пахнет как оленьи сыр.[228] «Где мой зять берет эту прекрасную вещь? Спроси его. Я хочу знать, оно такое вкусное. Он сам не хочет попробовать?» — сказал старик своей дочери. Она принесла большую тарелку кукурузы своему мужу в другую хижину, и они съели ее вместе. Навахо на этот раз не боялись яда, потому что еда не принадлежала старику.

518. Ночью, когда они остались наедине, она спросила его, где он взял кукурузу. «Я нашел ее», — ответил он. «Ты выкопал его из земли?» — спросила она. «Нет, я его подобрал», — ответил он. Не веря ему, она продолжала расспрашивать его, пока он наконец не сказал ей: «Я сажаю эти растения, и они растут там, где я их сажаю. Хочешь увидеть мое поле?» «Да, если отец мне разрешит», — ответила женщина.

519. На следующее утро она рассказала отцу о том, что узнала накануне вечером, и спросила его совета. Он сказал, что хотел бы, чтобы она пошла с Натинестани, чтобы посмотреть, как выглядит ферма, и узнать, на каких листьях растет эта пища. Когда она вернулась из хижины отца, она принесла с собой пемикан из оленины и корзину с кашей. Люди Ветра шепнули ему, что сегодня ему не нужно бояться еды, и он с аппетитом съел ее. Когда завтрак закончился, навахо сказал: «Оденься для путешествия, и как только ты будешь готова, я отвезу тебя на свою ферму». Она оделась для путешествия и пошла в хижину своих родителей, где сказала: «Я ухожу с мужем». «Хорошо, — сказали они, — иди с ним».

520. Навахо и его жена отправились в путь вместе. Когда они подошли к небольшому холму, с которого впервые увидели поле, они увидели, что на него светит солнце, но в то же время на него падал дождь, а над ним висело темное облако, пересеченное радугой. Когда они дошли до поля, они четыре раза обошли его по часовой стрелке, и по пути он описывал своей жене все, что было на поле. «Это моя белая кукуруза, это моя голубая кукуруза, это моя желтая кукуруза, а это моя кукуруза всех цветов. Эти мы называем тыквами, эти мы называем дынями, а эти мы называем фасолью», — сказал он, указывая на различные растения. Синие и желтые птицы пели в кукурузе после дождя, и все было прекрасно. Она была довольна и удивлена и задавала много вопросов —

как сажают семена, как готовят и едят пищу — и он отвечал на все ее вопросы. «Это на земле — дыни; они еще не созрели. Когда они созреют, мы будем есть их сырыми», — объяснил он. Когда они четыре раза обошли поле, они вошли между растениями. Затем он показал ей пыльцу и объяснил ее священное назначение.[11] Он рассказал ей, как созревает кукуруза, как его народ очищает ее от шелухи и хранит на зиму, как они лущат, мелют и готовят ее, и как они сохраняют часть для посева весной. «Теперь давай сорвем по одному початку каждого вида кукурузы и пойдем домой», — сказал он. Когда она сорвала кукурузу, она также собрала три листа и положила их в тот же узелок с кукурузой; но пока они шли домой, количество листьев увеличилось, и когда она пришла домой и развязала узелок, она обнаружила в нем не три, а много листьев.

521. Он объяснил ей, как приготовить блюдо, которое сейчас известно навахо как dĭtlógi klesán,[230] и велел ей приготовить его из белого кукурузы. Он научил ее, как приготовить кукурузу в виде dĭtlógĭn tsĭdĭkói,[231] и велел ей приготовить это блюдо из синей кукурузы. Он показал ей, как приготовить кукурузу в виде thábĭtsa,[232] или трех початков, и велел ей приготовить это из желтой кукурузы. Он велел ей запечь в шелухе початок разных цветов. Она отнесла кукурузу в другую хижину и приготовила ее, как ей было велено. При приготовлении все значительно увеличилось в объеме, так что все они сытно покушали из четырех початков.

522. Старики расспрашивали дочь о ферме — как она выглядит, что там растет. Они задавали ей много вопросов. Она рассказала им все, что видела и слышала: о том, как издалека видела красивую ферму под дождем, под черной тучей, под радугой; о том, как видела ее вблизи — большие листья, белые цветы фасоли, желтые цветы тыквы, кисти кукурузы, шелковину кукурузы, пыльцу кукурузы и все другие красивые вещи, которые она там видела. Когда она закончила, старик сказал: «Спасибо тебе, дочь моя, за то, что принесла мне такого зятя. Я много путешествовал, но никогда не видел таких вещей, о которых ты рассказываешь. Я думал, что я богат, но мой зять еще богаче . В будущем готовь эти блюда с осторожностью, так, как показывает тебе мой зять».

523. Затем старик пошел к своему зятю и сказал: «Я благодарю тебя за прекрасную еду, которую ты нам принес, и рад слышать, что у тебя такая красивая ферма. Ты знаешь, как выращивать и готовить кукурузу, но знаешь ли ты, как делать и готовить пеммикан[229] из оленины?» «Я ничего об этом не знаю», — ответил навахо. (Один ничего не знал об оленине, а другой — о кукурузе). «Как тебе его вкус?» — спросил старик. «Мне нравится его вкус, и я благодарю тебя за то, что ты мне дал», — ответил навахо. «Тогда твоя жена сможет тебе кое-что рассказать». Когда он вернулся в другую хижину, он сказал: «Мой зять был добр к нам; он показал тебе свою ферму и научил тебя готовить его еду. Дочь моя, теперь мы должны показать ему нашу ферму». Она принесла мужу большую порцию приготовленной кукурузы.

524. Когда наступила ночь и они остались наедине, она попросила его назвать ей свое имя. «У меня нет имени», — ответил он. Три раза он отвечал ей так. Когда она спросила в четвертый раз, он сказал: «Почему ты хочешь знать мое имя? У меня два имени. Я — Натинестани, Тот, кто учит себя, и я — Аходисели, Тот, кто плыл. Теперь, когда я сказал тебе свое имя, ты должна сказать мне имя своего отца». «Его зовут Пинилтами, Воспитатель оленей. Я Пинилтами-бици, Дочь Воспитателя оленей, а моя мать — Пинилтами-баад, Она Воспитательница оленей», — ответила молодая женщина.

525. Утром после этой беседы они позавтракали кашей и олениной, но Натинестани не получил никакого предупреждения от Людей Ветра и боялся есть. Когда трапеза закончилась, молодая женщина сказала своему мужу: «Мой отец сказал мне, что, поскольку ты показал мне свою ферму, я теперь могу показать тебе его ферму. Если ты хочешь пойти туда, ты должен сначала искупаться в юкке, а затем ополоснуться чистой водой». После того, как он искупался, как ей велела, он взял свои старые сандалии и уже собирался надеть их, когда она остановила его, сказав: «Нет. Ты носил свою одежду, когда ходил на свою ферму. Теперь ты должен носить нашу одежду, когда приходишь на нашу ферму». Она дала ему вышитые мокасины; бахромчатые леггинсы из оленьей кожи; рубашку из оленьей кожи, окрашенную в желтый цвет, красиво вышитую иголками дикобраза и отороченную полосками из кожи выдры; и головной убор, украшенный искусственными ушами, называемый Tsáhadolkohi — в старину люди носили такие головные уборы, и до сих пор живы люди, которые видели, как их носили.

526. Одетый в эти прекрасные одежды, он отправился вместе с женой в путь на юго-восток. Проходя мимо другой хижины, она попросила его подождать снаружи, а сама вошла, чтобы взять жезл из бирюзы ( ). Они прошли небольшое расстояние (около трехсот ярдов)[233], когда на вершине небольшого холма наткнулись на большой гладкий камень, украшенный бирюзой, торчащий из земли, как пробка в кувшине с водой. Она коснулась этого каменного пробка своей палочкой в четырех разных направлениях — на восток, юг, запад, север — и он выскочил из земли. Она коснулась его вверх, и он перевернулся на бок, открыв отверстие, которое вело к лестнице из четырех каменных ступеней.

527. Она вошла в отверстие и махнула ему, чтобы он последовал за ней. Когда они спустились по ступенькам, они оказались в квадратной комнате с четырьмя дверями из горного хрусталя, по одной с каждой стороны. Над каждой дверью висела радуга. Она ударила палочкой по восточной двери, и та распахнулась, открыв вид на обширную и прекрасную страну, похожую на этот мир, но более красивую. Навахо не знал, насколько она обширна, потому что не мог увидеть ее края. Они прошли через дверь. Земля была полна оленей и покрыта прекрасными цветами. Воздух был наполнен запахом пыльцы и ароматом цветов. Птицы с самым красивым оперением летали в воздухе, садились на цветы и строили гнезда в рогах оленей. Вдали шел легкий дождь, и радуги сияли во всех направлениях. «Так это и есть ферма моего тестя, которую ты обещала мне показать», — сказал Навахо. «Она прекрасна, но на самом деле это не ферма, потому что я не вижу здесь ничего посаженного». Она провела его в три других помещения. Все они были так же красивы, как и первое, но в них содержались разные животные. В южном помещении были антилопы, в западном — овцы Скалистых гор, в северном — лоси.

528. Когда они закрыли последнюю дверь и вышли в центральную комнату, они увидели там Оленя-воспитателя. «Мой зять побывал во всех комнатах и посмотрел на всех животных?» — спросил он. «Я все посмотрел», — ответил Натинестани. «Ты видишь две жертвенные сигареты оленя над радугой над восточной дверью?» «Теперь я их вижу», — ответил навахо, — «но когда я вошел, я их не заметил». Затем старик показал ему над дверью на юге две сигареты антилопы; над дверью на западе — две сигареты овцы Скалистых гор; над дверью на севере — одну белую сигарету Хастсейалти234 (у лося не было сигареты), а внизу лестницы, по которой они вошли, — две сигареты олененка. «Посмотри внимательно на эти сигареты, — сказал старик, — и запомни, как они расписаны, потому что именно такие мы теперь приносим в жертву во время наших церемоний». «Тебе понравилось?», «Тебе понравилось то, что ты увидел?», «Что ты об этом думаешь?» — такие вопросы задавал старик, и навахо отвечал: «Спасибо. Я рада, что увидела вашу ферму и ваших домашних животных. Такого я никогда раньше не видела».

529. «Теперь, дочь моя, — сказал Оленевод, — поймай оленя для моего зятя, чтобы у нас было свежее мясо». Она открыла восточную дверь, вошла и поймала большого оленя за ногу (так же, как мы ловим овец в наши дни). Она вытащила его. Навахо шел впереди; молодая женщина, таща оленя, шла за ним, а старик шел последним, закрывая двери и вставляя затворы, когда шел. Они принесли оленя домой, связали ему ноги короткими радугами, перерезали ему горло каменным наконечником стрелы и сняли с него шкуру, как мы сейчас снимаем шкуру с оленей.

530. Теперь Оленевод снова начал замышлять смерть своего зятя. Он понял, что не может его отравить, и решил попробовать другой план. В соседнем каньоне, в который был только один вход, он держал четырех свирепых домашних медведей. Он решил пригласить зятя пойти с ним на охоту и убить его этими медведями. Остаток дня навахо остался дома с женой, а старик взял копыта убитого оленя и сделал из них множество следов, ведущих в каньон медведей.

531. На следующее утро, пока молодая женщина готовила еду в другой хижине, Оленевод вошел в хижину, где сидел Навахо, и сказал: «Зять мой, четыре моих домашних оленя сбежали с фермы. Я выследил их в ближайшем каньоне, в который ведет только один вход. Как только ты поешь, я хочу, чтобы ты помог мне поохотиться на них. Ты будешь стоять у входа в каньон, а я пойду внутрь, чтобы выгнать оленей к тебе, и ты сможешь убить их, когда они выйдут. Нет, — сказал старик, помолчав и сделав вид, что думает, — ты должен пойти в каньон, мой зять, а я останусь у входа и убью оленей. Так будет лучше». Когда он собирался начать охоту, Люди Ветра шепнули навахо: «Не входи в каньон».

532. Двое мужчин шли по крутому склону долины, следуя по следам, пока не дошли до высоких скалистых утесов, которые обозначали вход в каньон. «Когда мои олени убегают, они обычно

приходят сюда», — сказал Оленевод. Из каньона вытекал небольшой ручей, и здесь старик построил плотину, чтобы сделать водоем. Когда они дошли до водоема, он сказал: «Здесь я остановился, чтобы застрелить оленя. Иди туда и выгони их для меня». «Нет, я боюсь, что олени пройдут мимо меня», — сказал Натинестани. Оба повторили эти слова четыре раза. Наконец старик, видя, что его спутник упрям, сказал: «Тогда останься здесь, но не дай оленям уйти и не взбирайся на холмы вокруг, чтобы олени тебя не увидели», — и сам пошел в каньон. Несмотря на все предупреждения, Натинестани взобрался на скалистую возвышенность, откуда он мог наблюдать и быть в безопасности. Подождав некоторое время в тишине, он услышал отдаленный крик, похожий на крик волка,[235] woo-oo-oo-oo, и понял, что что-то движется к нему через кусты. Вскоре он разглядел четырех медведей, идущих по каньону гуськом, на расстоянии около тридцати шагов друг от друга, поочередно самку и самца. Вероятно, старик сказал им, что здесь есть кто-то, кого они могут убить, потому что они шли с взъерошенной шерстью, поднятыми мордами и оскаленными зубами. Увидев их, он сказал: «Я — Найенэзгани. Я — Хастсеялти. Я — Сасналкахи. Я бог медведей», — и он упомянул имена других могущественных богов. Когда медведи проходили мимо своего скрытого врага, он выпустил стрелу за стрелой в их головы и убил их всех, одного за другим. Он убил их, когда они шли по уступу скалы, и их тела упали на другую сторону уступа, где их не было видно. Вскоре вдали раздался голос старика, кричащего: «О, мои любимцы! О, Цананаи! О, Цэскоди! (у медведей были имена).[236] Оставьте мне кусочек! Оставьте мне кусочек!» И чуть позже он появился на виду, бежав и задыхаясь. Он не увидел своего зятя, пока не оказался прямо рядом с ним. Он сразу показал, что удивлен и зол, но быстро попытался сделать вид, что злится по другой причине. «Я должен был быть здесь. Ты пропустил их», — крикнул он сердитым тоном. «О, нет», — сказал навахо, — «я не пропустил их. Я убил их. Посмотри за уступ и ты их увидишь». Старик посмотрел, как ему велели, и онемел от удивления и горя. Он сел в тишине, опустив голову между коленями, и смотрел на тела своих мертвых любимцев. Он даже не поблагодарил своего зятя.[237]

533. Почему Оленевод хотел убить своего зятя? Натинестани знал, и теперь вы тоже узнаете. Старик был динеиани, или людоедом, и колдуном. Он хотел съесть плоть навахо и использовать части мертвого тела в ритуалах колдовства. Но была еще одна причина: он завидовал навахо, потому что те, кто практикует колдовство, практикуют также инцест.

534. «Почему ты их застрелил?» — наконец спросил старик. «Олень выбежал перед ними. Почему ты не застрелил оленя? Теперь ты можешь снимать шкуру с медведей». «Ты никогда не загонял ко мне оленей», — сказал навахо. «Это ты их загнал ко мне. Когда мой товарищ по охоте загоняет ко мне что-либо, я убиваю это, что бы это ни было. Ты много говорил мне о том, чтобы я охотился с тобой. Теперь я убил дичь, и ты должен ее снимать». «Тогда помоги мне ее снять», — сказал Оленевод. «Нет. Я никогда не снимаю шкуру с дичи, которую убиваю сам.[238] Ты должен это сделать. Я убил для тебя, — сказал навахо. — Если ты не поможешь мне, — сказал старик, — вернись в дом и скажи моей дочери, чтобы она пришла и помогла мне снимать шкуру с медведей. Вернись тем же путем, которым мы шли, когда преследовали оленя».

535. Натинестани отправился, как велел ему Охотник на оленей. Как только он скрылся из виду, старик поспешил к дому по короткой дороге. Добравшись до дома, он поспешно надел шкуру большого змея, пошел к тропе, по которой должен был идти его зять, и укрылся за бревном в месте, где тропа вела через узкое ущелье. Когда Навахо подошел к бревну, Люди Ветра сказали ему: «Твой тесть ждет тебя за бревном». Навахо заглянул за бревно, прежде чем подойти слишком близко, и увидел Охотника на оленей в костюме из змеиной шкуры, который нервно раскачивался из стороны в сторону, приготовившись к прыжку. Увидев, что молодой человек смотрит в его сторону, он присел на корточки. «Что ты там делаешь?» — крикнул навахо (так, чтобы Оленевод понял, что его узнали)[239], и нацелил на старика стрелу. «Стой! Стой!» — закричал тот. «Я пришел сюда только для того, чтобы встретить тебя и поторопить». «Почему же ты не подошел сзади, если

это так? Почему ты подошел спереди и спрятался рядом с моей тропой?» — сказал навахо и пошел дальше, к дому своей жены.

536. Когда Натинестани добрался до дома, он сказал жене, что убил четырех животных для своего тестя, но не сказал ей, что это были за животные, и сказал, что ее отец послал за ее матерью, чтобы она помогла снимать шкуры с животных и разделывать мясо. Дочь передала сообщение матери, и та отправилась в каньон, чтобы помочь мужу. Когда Оленевод увидел, что идет его жена, он пришел в ярость. «Я послал за своей дочерью, а не за тобой, — зарычал он. — Что это за человек, который не может правильно передать мои слова, который не может выполнить то, что ему велено? Я велел ему сказать моей дочери, а не тебе, чтобы она пришла ко мне». Вместе они сняли шкуры с медведей, разделали их и по одному отнесли в его дом. Он послал за своим зятем, чтобы узнать, хочет ли тот мяса, и навахо ответил, что не ест медвежье мясо. Услышав это, Оленевод снова пришел в ярость и сказал: «Что это за человек, который не ест мясо? (Он не сказал, какое мясо.) Когда мы предлагаем ему еду, он говорит, что не хочет ее есть. Он никогда не делает того, что ему говорят. Мы готовим для него еду, а он отказывается ее есть. Что мы можем сделать, чтобы ему угодить? Какая еда его удовлетворит?»

537. На следующее утро, после того как медведей убили, молодая женщина вышла, как обычно, а старик вошел во время ее отсутствия. Он сказал Натинестани: «Я хочу, чтобы ты пошел со мной сегодня и помог мне сражаться с моими врагами. Недалеко отсюда живут мои враги, с которыми я иногда сражаюсь». «Я пойду с тобой», — сказал навахо. «Я давно надеялся, что кто-нибудь скажет мне что-то подобное».

538. Они пошли от хижины к горе, которая с двух сторон была окружена крутыми обрывами, на которые никто не мог взобраться. Старик сказал, что на вершине горы была круглая яма или долина, в которой жили его враги. Он оставил своего зятя на одной стороне этой круглой долины, где не было обрывов, а сам пошел на противоположную сторону, чтобы прогнать врагов, как он сказал. Он пообещал присоединиться к навахо, когда враг начнет наступление. Оленевод обошел гору и четыре раза завыл, имитируя волка. Затем, вместо того чтобы прийти на помощь своему товарищу, он обогнал гору и оказался позади своего зятя. Вскоре после того, как старик завыл, навахо увидели двенадцать огромных свирепых медведей, идущих к ним по гребню холма. Это были медведи вида sasnalkáhi, или следовые медведи, которые вынюхивают и отслеживают человека и преследуют его, пока не убьют. Они были всех священных цветов — белого, синего, желтого, черного и пятнистого. Они приблизились к Навахо, но он был хорошо вооружен и готов встретить их. Он сражался с ними в самой тяжелой битве в своей жизни, но в конце концов убил их всех и сам не пострадал.[240]

539. Тем временем старик убежал в сторону своего дома, уверенный, что его зять убит. Он сказал: «Я думаю, мы больше не услышим о Натинестани. Я думаю, мы больше не услышим об Аходисели. Отныне это будет Натинестанини (мертвый Натинестани). Отныне это будет Аходиселини (мертвый Аходисели).[241] Он не сможет вернуться из пасти преследующих его медведей». Убив медведей, навахо нашли след старика и пошли по нему. Вскоре он подошел к Оленеводу, который сидел на холме. Старик не мог скрыть своего удивления, увидев, что навахо все еще живы. «Когда мы вышли на эту битву, — сказал молодой человек, — мы пообещали не бросать друг друга. Почему ты убежал от меня?» Оленевод ответил: «Мне жаль, что я не смог найти тебя. Я не видел, где ты был, поэтому пошел этой дорогой. Что ты делал там, где я тебя оставил? Ты убил каких-нибудь медведей?» «Да, я убил их всех», — сказал Натинестани. «Я рад, что ты убил их всех и ушел живым, мой дорогой зять», — сказал старый обманщик.

540. Они начали вместе идти домой, но когда дошли до каменистого хребта, наступила ночь; здесь они выбрали хорошее место для ночлега, построили укрытие из хвороста и развели костер. Перед

тем как лечь спать, старик сказал: «Это плохое место для лагеря. Оно называется Кедидильенаа (Хребет сожженных мокасин).» Когда они легли спать, по обе стороны от костра, каждый снял свои мокасины и положил их под голову. Старик сказал: «Береги свои мокасины, зять. Положи их в надежное место». «Почему он так говорит?» — спросил себя навахо « ». Лежа без сна и думая о предупреждении старика, он услышал, как тот храпит. Он тихо встал, убрал мокасины старика, положил на их место свои и лег спать с мокасинами Оленевода под головой. Позже ночью старик встал, вытащил мокасины из-под головы молодого человека и закопал их в горячий пепел. Он очень хотел вернуться домой на следующее утро раньше своего зятя.

541. На рассвете старик разбудил своего спутника словами: «Пора нам в путь». Молодой человек проснулся, потер глаза, зевнул и сделал вид, что ищет свои мокасины. Поискав некоторое время, он спросил: «Где мои мокасины? Я их потерял?» «Хм!» — сказал Оленевод. «Ты не слушал, что я тебе говорил вчера вечером. Я сказал, что это Хребет Сожженных Мокасин». Тем временем, на другой стороне костра, старик надевал мокасины своего товарища, не замечая, что они не его. «Смотри. Ты надеваешь мои мокасины вместо своих. Отдай мне мои мокасины», — сказал навахо, протянув руку через костер. Он взял их из рук своего товарища, сел и надел их. «Теперь мы должны поспешить обратно», — сказал он. «Я не понимаю, зачем ты сжег свои мокасины, но я не могу ждать тебя. Я ухожу».[242]

542. Перед тем как молодой человек ушел, его тесть передал ему сообщение. «Я не могу путешествовать так быстро, как ты, босиком. Когда вернешься домой, скажи моей дочери, чтобы она вышла с парой мокасин и едой и встретила меня на тропе». Когда навахо вернулся домой, он сказал своей жене: «Я ночевал с твоим отцом, и он сжег свои мокасины. Он хромает домой босиком. Он просит свою жену выйти и встретить его с мокасинами и едой». Дочь передала сообщение своей матери, и та вышла навстречу мужу с мокасинами, едой и жгучей кедровой корой. Когда старик встретил ее, он был зол. «Почему ты пришла? Почему не пришла моя дочь?» — спросил он. «Твой зять сказал, что я должна прийти», — ответила старуха. «О, какой же мой зять глупый», — воскликнул Оленевод. «Он никогда не может запомнить, что ему велено сказать». Он съел еду, надел мокасины и поспешил домой с женой.

543. Когда на следующее утро Оленевод навестил своего зятя, он сказал: «Я предупреждаю тебя, никогда не отходи в одиночку к востоку от хижины, в которой ты живешь. Там опасно». Старик ушел домой, а навахо весь день размышлял над словами своего тестя, и ночью решил сделать именно то, что старик ему запретил.

544. Когда Натинестани позавтракал, он оделся для путешествия, покинул хижину и отправился прямо на восток. Он подошел к крутому белому хребту;[243] когда он поднялся примерно на половину высоты, он заметил приближающегося к нему человека невысокого роста. Его пальто, которое облегало его как вторая кожа, было белым на груди и внутренней стороне рукавов, а в остальных местах — коричневым, как шкура оленя. На голове он носил оленью маску с рогами, такую же, как у охотников на оленей. Он нес бирюзовую палочку, черный лук с сухожилиями на спине и две стрелы с оперением из орлиного хвоста. Он был одним из Цидастоидине[244]. Когда мужчины встретились, незнакомец с бледным лицом[245] выглянул из-под маски и сказал: «Откуда ты, мой внук?» «Я пришел, дедушка, из места неподалеку отсюда. Я пришел из дома Пинилтани», — ответил навахо. «Внук мой, я слышал о тебе. Знаешь ли ты, как делается моя сигарета?» — спросил мужчина в оленьей маске. «Нет, дедушка, я никогда не слышал о вашей сигарете», — был ответ. «Есть сигарета12 для меня, внук мой», — сказал незнакомец. «Она окрашена в белый цвет, с черным пятном, и такая длинная (второй сустав среднего пальца). Ее нужно положить в развилке соснового дерева. Я сейчас ухожу и иду в том направлении, откуда ты пришел. За хребтом, на который ты поднимаешься, живут люди. Ты должен навестить их и послушать, что они тебе расскажут».

545. Навахо поднялся на хребет и, когда начал спускаться с другой стороны, заметил внизу две конические палатки, такие, как используют индейцы равнин. Палатки были белые внизу и желтые вверху, символизируя рассвет и вечерние сумерки. Когда он подошел к палаткам, он заметил, что рядом с каждой из них играют в *нанзоз*, и вокруг собралось много людей, наблюдающих за игрой. Когда он подошел к толпе, к нему вышел мужчина и сказал: «Иди в хижину на юге. Там много людей». Он пошел в хижину на юге, как ему велели. Женщина с светлой кожей, более светлой, чем обычно у навахо, жена владельца хижины, вышла и пригласила его войти.

546. Когда Натинестани вошел в хижину, он увидел, что ее хозяин сидит посередине. Это был мужчина за сорок, но не очень старый. Он был одет в красивый костюм из оленьей кожи, расшитый иголками дикобраза. Он указал на место рядом с собой и сказал навахо: «Садись сюда, мой внук». Когда навахо сел, хозяин спросил: «Откуда ты? Люди, которые живут на земле, никогда не бывают здесь». «Я пришел из дома Пинилтани», — ответил молодой человек. «О! Правда?» — спросил хозяин. «А ты знаешь, что Оленевод — большой злодей, что он убивает своих гостей, что он говорит мягко, притворяется дружелюбным и заманивает людей, чтобы они остались с ним, пока он не сможет тихо убить их? Он никогда не говорил с тобой так мягко? Как долго ты остаешься у него?» «Я живу у него уже много дней», — ответил Натинестани. «Ах!» — сказал хозяин. «Многие из наших молодых людей уходили туда, чтобы ухаживать за его дочерью, но они никогда не возвращались. Некоторые были убиты в первый день, другие — во второй, третьи — в третий, четвертые — в четвертый, но никто не прожил дольше четвертого дня. Никто не прожил там так долго, как ты». «Он кажется таким, как ты его описываешь», — сказал Натинестани. «Он пытался убить меня с тех пор, как я оказался с ним». «Вы, должно быть, мудрый человек, раз так долго ускользали от него; ваша молитва, должно быть, сильна; ваше заклинание, должно быть, мощно», — заявил хозяин. «Нет, честно говоря, я не знаю хороших молитв; у меня нет заклинаний», — ответил навахо, а затем рассказал, как он попал в эту страну и все, что с ним произошло, пока он не пришел в дом Оленя-Воспитателя. «Он богат, но он нехороший человек. Его дочь также является его женой, и поэтому он хочет отравить ее поклонников», — сказал хозяин хижины, а затем описал четыре способа, которыми Пиньлтани убивал своих гостей. Навахо молчал. Он знал все уловки Оленя-Воспитателя, но делал вид, что не знает. Тогда хозяин продолжил: «Дом Оленя-Воспитателя — опасное место. Если ты останешься там, тебя наверняка убьют. Мне жаль, что вы оказались в такой плохой компании, потому что вы, похоже, хороший человек». «Вы говорите о Оленеводе как о великом человеке, но он не может быть таким великим, как вы думаете. Четыре раза я убивал его дымом, и четыре раза я возвращал его к жизни», — сказал навахо, а затем рассказал обо всех своих приключениях с тех пор, как он был с Пиньлтани.

547. Хозяин поблагодарил его за то, что он убил медведей, и вышел, чтобы позвать игроков и всю толпу, которая стояла вокруг них, в свою палатку. Они пришли, потому что он был их вождем, и вскоре палатка была переполнена. Затем он обратился к собравшимся и рассказал им историю навахо. Услышав ее, все очень обрадовались. Они поблагодарили Натинестани за то, что он сделал. Один сказал, что Оленевод убил его брата; другой сказал, что он убил его сына; третий сказал, что медведи убили его племянника, и так они рассказывали о своих многочисленных бедах.

548. Люди делились на пять родов, или гентов: народ пумы, народ голубой лисы, народ желтой лисы, народ волка и народ рыси, и хозяин был вождем всех.

549. Вождь приказал одной из своих дочерей приготовить еду для гостя. Она принесла оленину. Навахо поел, и когда он закончил, он сказал: «Я готов уйти, дедушка». «Подожди немного», — сказал вождь. «Я хочу дать тебе лекарство. Это противоядие от яда Оленевода». Он дал своему гостю два вида лекарства: одно было предметом размером с два последних сустава мизинца,

сделанным из желчи хищных птиц — всех птиц, которые ловят добычу когтями; другое было небольшим количеством (столько, сколько можно было взять кончиками всех пальцев одной руки) вещества, состоящего из материала, извергнутого каждым из пяти животных, которые были тотемами этого народа. «Теперь не бойся, — сказал вождь. — Медведи убиты, и у тебя есть лекарства, которые нейтрализуют яд колдуна. Они эффективны против колдовства».[247]

550. Когда Навахо вернулся в дом, где находилась его жена, она сказала: «Мой отец был здесь и спрашивал о тебе. Когда я сказала ему, что ты ушел на восток, он очень рассердился и сказал, что запрещал тебе туда идти». Вскоре вошел старик и гневно спросил: «Почему ты ушел на восток? Я же запрещал тебе туда идти. Я говорил тебе, что это плохое место». Молодой человек не ответил, а вел себя так, как будто ничего не видел и не слышал, пока его не было, и через некоторое время Оленевод успокоился и стал вести себя так, как будто хотел снова помириться с зятем; но перед тем, как уйти, он предупредил его, чтобы тот не уезжал на юг. Натĭ′нĕстхани всю ночь размышлял над словами своего тестя и утром решил снова не послушаться его.

551. На следующий день, после еды, он оделся для путешествия и пошел на юг. Со временем он пришел к голубому хребту, и когда поднимался на него, встретил маленького человечка, очень похожего на того, которого встретил накануне, но с голубоватым лицом. Вместо одежды, похожей на оленя, он был одет как антилопа; он носил охотничью маску антилопы с рогами, нес палочку из халиотиса и лук, сделанный из дерева под названием tsĕlkáni, без сухожилий на спине, и у него были стрелы, украшенные хвостовыми перьями краснохвостого канюка.[248] Как и маленький человечек с востока, он тоже был одним из народа Tsĭdastói. Он рассказал навахо, как сделать сигарету, которая принадлежала ему, сделать ее длиной со средним суставом мизинца, покрасить в синий цвет, раскрасить желтыми пятнами и положить в развилке кедра. Маленький человек сказал навахо, чтобы он пошел через хребет, пока не дойдет до двух хижин, и там послушал, что ему скажут люди. Он пошел и нашел две хижины и людей, играющих *в нанзоз*, и с ним произошло почти то же самое, что и на востоке. Когда он вернулся домой, его тесть снова сердито отчитал его и предупредил, чтобы он не ходил на запад, но он снова решил не обращать внимания на предупреждение.

552. Когда на следующий день он отправился на запад, он обнаружил желтый хребет, который нужно было пересечь. Маленький человек, которого он встретил, имел желтоватое лицо; он был вооружен и одет так же, как маленький человек на востоке, за исключением того, что у него не было рогов на оленьей маске, поскольку он представлял оленя. Он описал навахо, как сделать сигарету священной для себя, которая должна была быть окрашена в желтый цвет, испачкана синими пятнами и помещена в сосновом дереве, как сигарета на востоке. Другие события произошли почти так же, как и в предыдущие два дня.

553. В четвертое из этих запретных путешествий навахо отправился на север. Хребет, который ему предстояло пересечь, был черным. Маленький человек, которого он встретил, был вооружен и одет так же, как человек на юге, но на его маске не было рогов. Его лицо было очень темным. Сигарета, которую он описал, должна была быть окрашена в черный цвет с белыми пятнами; она должна была быть такой же длины, как сигарета юга, и утилизироваться таким же образом.

554. Когда он вернулся домой после своего четвертого путешествия, его тесть вошел в хижину и снова обрушился на него с гневными словами, но на этот раз Навахо не промолчал. Он рассказал старику, где он был, с какими людьми встретился, какие истории услышал и все, что он знал о нем. Он также рассказал ему, что узнал о сигаретах, лекарствах, заклинаниях и обрядах, которые защищают от силы колдуна. «Ты убил других, — сказал Натинестани, — ты пытался убить меня. Я знал об этом все время, но ничего не говорил. Теперь я знаю обо всех твоих злодеяниях». «Все, что ты говоришь, правда, — сказал старик, — но я больше не буду искать твоей жизни и откажусь

от всех своих злых поступков. Во время своих путешествий ты узнал о мощных жертвоприношениях, обрядах и лекарствах. Все, о чем я прошу, — это чтобы ты лечил меня с помощью них». Его зять сделал, как он просил, и тем самым совершил первый ацоси *hatál*.[249]

555. После того как Натинестани вылечил своего тестя, он вернулся к своему народу, научил его всему, чему научился за время своего отсутствия, и таким образом установил обряд ацоси *хатал* среди навахо. Затем он вернулся к кружащемуся озеру *Тонихилину* и живет там до сих пор.

ВЕЛИКАЯ ЧЕРЕПАХА КИНТЬЕЛ.

556. Кинтйел,[72] Широкий Дом, и *Киндотлиз*, Голубой Дом,[208] — два дома пуэбло в каньоне Чако. Сейчас они находятся в руинах, но в те времена, когда Кинки жил на земле, там проживало много людей. Недалеко от руин находится высокий утес под названием Цедеза, или Стоящая Скала. Рядом с этими местами навахо впервые стали практиковать обряд йои *хаталь250*, или песню бус, и вот рассказ о том, как он впервые стал известен людям:

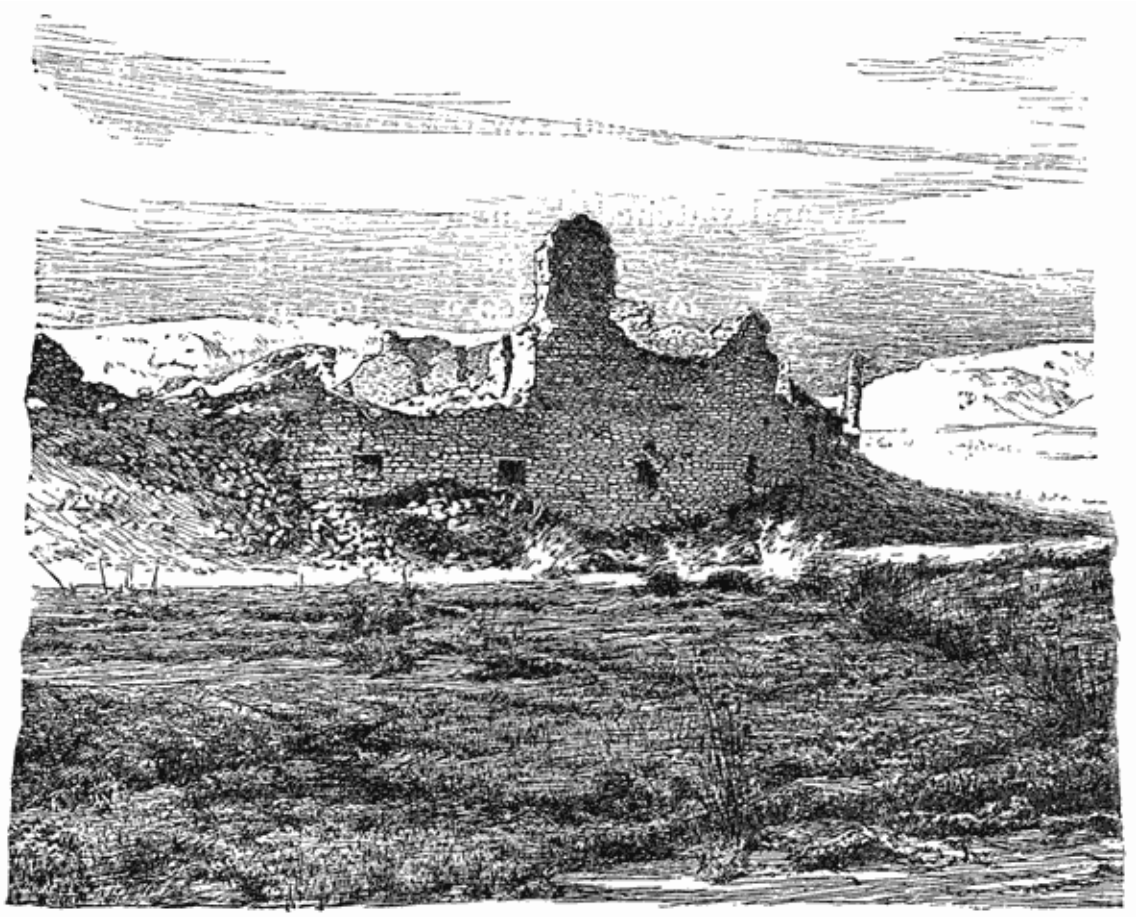


Рис. 36. Руины в каньоне Чако, вероятно, Кинтиэль (по Бикфорду).

557. Два молодых человека, один из Кинтиэля, а другой из *Киндотлиса*, однажды вышли на охоту на оленей. Ближе к закату, когда они возвращались в *Kĭ'ndotlĭz*, уставшие и неудачливые, они заметили над головой парящего боевого орла и остановились, чтобы понаблюдать за его полетом.

Он медленно удалялся, становясь все меньше и меньше в их глазах, пока наконец не превратился в черную точку, почти невидимую; и пока они напрягали зрение, чтобы в последний раз взглянуть на него, им показалось, что он спустился на вершину Стоящей скалы. Чтобы отметить место, где они видели его в последний раз, они вырезали раздвоенную палку, воткнули ее в землю раздвоенной частью вверх и расположили так, чтобы, когда они снова будут смотреть на нее, присев в определенной позе, их взгляд направлялся на это место. Они оставили палку на месте и пошли домой в *Киндотлиз*.[251]

558. В те дни орлы были большой редкостью в этих краях; увидеть одного было настоящим чудом; поэтому, когда молодые люди вернулись домой и рассказали о своих приключениях, это стало предметом многочисленных разговоров и обсуждений, и в конце концов люди решили утром отправить четырех мужчин, чтобы они посмотрели через раздвоенную палку и выяснили, где живет орел.

559. На следующее утро четыре назначенных человека рано утром пошли к раздвоенной палке и осмотрели ее, и все пришли к выводу, что орел живет на мысе Цедеза. Они сразу же пошли к скале, взобрались на вершину и увидели орла и его птенцов в расщелине на склоне обрыва под ними. Они оставались на вершине весь день и наблюдали за гнездом.

560. Ночью они вернулись домой и рассказали о том, что видели. Они заметили в гнезде двух птенцов орла разного возраста. Из четырех мужчин, которые отправились на поиски, двое были из Кинтиэля, а двое — из *Киндотлиса*, поэтому жители двух пуэбло собрались на совет в эстуфе, где было решено, что *Киндотлис* должен получить старшего из двух орлят, а Кинтиэль — младшего.

561. Единственный способ добраться до гнезда был спустить туда человека на веревке; однако прямо над гнездом находился нависающий выступ, мимо которого спускающийся человек должен был пройти. Это было опасное предприятие, и никто не хотел взяться за него добровольно. Рядом с поселками жил несчастный нищий из племени навахо, который питался тем, что мог найти. Когда мусор из комнат и пепел из каминов выбрасывали на кухонную кучу, он с жадностью рылся в ней и радовался, если находил несколько зерен кукурузы или кусок бумажного хлеба. Его звали Находитахе, или Тот, кто подбирает (как птица). Они решили уговорить этого человека совершить опасное спускание.

562. Они вернулись в пуэбло и послали за бедным навахо, чтобы он пришел в эстуфу. Когда он пришел, они предложили ему сесть, поставили перед ним большую корзину с бумажным хлебом, миски с вареной кукурузой и мясом, со всеми видами их лучшей еды, и сказали ему, чтобы он ел досыта. Он ел, как никогда раньше, и через долгое время сказал своим хозяевам, что он сыт. «Ты будешь есть, — сказали они, — в таком изобилии всю свою жизнь и больше никогда не будешь выскребать зерна кукурузы из грязи, если сделаешь то, что мы хотим». Затем они рассказали ему о своем плане поймать молодых орлов и спросили, готов ли он сесть в корзину и спуститься на веревке к гнезду. Он задумался и промолчал. Они спрашивали его снова и снова, пока не спросили четыре раза, а он все еще сидел в раздумье. Наконец он ответил: «Я веду в лучшем случае бедную жизнь. Существование не сладко для человека, который всегда голодает. Было бы приятно есть такую пищу до конца своих дней, а когда-нибудь я все равно умру. Я сделаю, как вы хотите».

563. На следующее утро они снова накормили его хорошей едой; они сделали большую прочную корзину с четырьмя углами вверху; к каждому углу привязали прочную веревку и, собрав большую группу, отправились к скале Цедеза.

564. Когда группа прибыла на вершину скалы, они привязали длинную прочную веревку к четырем веревкам на корзине. Они поручили навахо вынуть орлят из гнезда и сбросить их на дно

ущелья. Затем навахо вошел в корзину, и его опустили за край обрыва. Они медленно выпускали веревку, пока не решили, что опустили его достаточно низко, и остановились; но, поскольку он еще не достиг гнезда, он крикнул им, чтобы они опустили его еще ниже. Они так и сделали, и как только он оказался на одном уровне с гнездом, он крикнул людям наверху, чтобы они остановились.

565. Он уже собирался схватить орлят и сбросить их вниз, когда Ветер прошептал ему: «Эти люди из Пуэбло не твои друзья. Они не хотят кормить тебя своей хорошей едой , пока ты жив. Если ты сбросишь этих молодых орлов, как они просят, они никогда больше не поднимут тебя. Залезай в орлиное гнездо и оставайся там». Услышав это, он крикнул тем, кто был наверху: «Раскачивайте корзину, чтобы она подошла ближе к обрыву. Я не смогу добраться до гнезда, если вы этого не сделаете». И они стали раскачивать корзину взад и вперед. Когда она коснулась обрыва, он крепко ухватился за скалу и залез в гнездо, оставив пустую корзину качаться в воздухе.

566. Пуэбло увидели качающуюся пустую корзину и стали ждать, ожидая, что навахо снова в нее залезет. Но когда они подождали достаточно долго и увидели, что он не возвращается, они начали звать его, как своего дорогого родственника. «Сынок», — сказали старики, — «сбрось этих маленьких орлов». «Старший брат! Мой младший брат!» — кричали молодые люди, — «брось вниз этих маленьких орлов». Они продолжали кричать почти до заката солнца, но так и не смогли изменить решение Навахо. Он сидел в расщелине и не отвечал им, и когда солнце зашло, они перестали звать его и пошли домой.

567. В расщелине или пещере, вокруг гнезда, лежали четыре мертвых животных: на востоке — олененок, на юге — заяц, на западе — детеныш скального барана, а на севере — сурок. Время от времени, когда орлята чувствовали голод, они покидали гнездо и ели мясо, но Навахо не трогали его.

568. На следующий день рано утром жители Пуэбло вернулись и собрались большой толпой у подножия утеса. Они простояли там весь день, повторяя свои просьбы и обещания, называя Навахо ласковыми словами и демонстрируя ему всевозможные соблазнительные блюда, но он не обращал на них внимания и не говорил.

569. На третий день они снова пришли рано, но пришли в гневе. Они больше не называли его дружескими именами, не давали ему красивых обещаний, а вместо этого стреляли огненными стрелами в гнездо в надежде, что они выжгут Навахо или подожгут гнездо и заставят его бросить его и орлят вниз. Но он оставался бдительным и активным, и всякий раз, когда огненная стрела попадала в пещеру, он быстро хватал ее и выбрасывал. Тогда они оскорбляли его, ругали и обзывали до заката, а затем снова уходили домой.

570. На четвертый день они пришли снова и поступили так же, как и накануне, но им не удалось заставить Навахо сбросить маленьких орлят. Он обратился к птицам со словами: «Вы не можете мне помочь?» Они поднялись в гнезде, взмахнули крыльями и выбросили много маленьких перьев, которые упали на людей внизу. Навахо подумал, что птицы разбрасывают болезнь на его врагов. Когда последние ушли на закате, они сказали: «Теперь мы оставим тебя здесь, чтобы ты умер от голода и жажды». Он пробыл в пещере в общей сложности три ночи и почти четыре дня. Два дня пуэбло уговаривали и льстили ему, два дня они проклинали и ругали его, а в конце четвертого дня они ушли домой и оставили его в пещере умирать.

571. Когда его мучители ушли, он сидел в пещере голодный и жаждущий, слабый и отчаявшийся, пока не наступила ночь. Вскоре после наступления темноты он услышал громкий шум, который приближался с одной стороны входа в пещеру, на мгновение загремел перед ним, а затем затих

вдали с другой стороны. Так четыре раза звук появлялся и исчезал, становясь с каждым разом все громче, и наконец самец орла приземлился на гнездо. Вскоре звуки повторились, и самка, мать орлят, приземлилась. Сразу же повернувшись к навахо, она сказала: «Приветствую тебя, дитя мое! Спасибо, дитя мое! Ты не сбросил своего младшего брата, Доники»[285]. Самец орла повторил те же слова. Они обратились к навахо по имени Доники, но потом назвали его Кинки, в честь вождя всех орлов в небе. Он только ответил орлам: «Я голоден. Я хочу пить».

572. Орел-самец расстегнул пояс и достал маленькую белую хлопчатобумажную ткань, в которой было немного кукурузной муки, а также маленькую чашку из белой раковины, не больше ладони. Увидев это, индеец сказал: «Сначала дайте мне воды, потому что я умираю от жажды». «Нет, — ответил Орел, — сначала ешь, а потом будешь пить». Затем Орел достал из-под своих хвостовых перьев небольшое растение под названием eltíndzakas[252], которое имеет много суставов и растет возле ручьев. Все суставы были наполнены водой. Орел смешал немного воды с мукой в раковине и подал смесь Навахо. Тот ел и ел, пока не насытился, но не смог ничуть уменьшить содержимое раковины. Когда он закончил есть, в чаше было столько же, сколько и в начале. Он вернул ее Орлу, тот опустошил ее одним движением пальца, и она осталась пустой. Затем Орел поднес сочлененное растение к губам Навахо, как будто это была плетеная бутылка, и индеец напился досыта.

573. В предыдущие ночи, лежа в пещере, навахо спал между орлятами в гнезде, чтобы согреться и укрыться от ветра, и этот план ему помог; но в эту ночь большие орлы спали по обе стороны от него, и ему было так же тепло, как если бы он спал среди меховых одежд. Перед тем как лечь спать, каждый из орлов снял с себя плащ из перьев, который представлял собой единое одеяние, открывающееся спереди, и обнажил фигуру, похожую на человеческую.

574. Навахо спал хорошо той ночью и не проснулся, пока не услышал голос, зовущий с вершины утеса: «Где ты? Уже рассвело. Становится поздно. Почему вы еще не вышли?» Услышав этот голос, Орлы тоже проснулись и надели свои мантии из перьев. Вскоре перед входом в пещеру появилось большое количество птиц, а на скале над головой слышались крики других. В толпе было много разных видов орлов и ястребов. Там были все крупные хищные птицы. Те, что сидели на вершине скалы, пели:

Киннакие, вот он сидит.

Когда они взлетят,

Мы увидим его.

Он взмахнет крыльями.[286]

575. Один из орлов принес платье из орлиных перьев и собирался надеть его на Навахо, но другие вмешались, и они долго спорили, следует ли одевать его в одежду орлов или нет; но в конце концов все они улетели, не дав ему платье. Когда они вернулись, они придумали другой план, чтобы вытащить его из пещеры ( ). Уложив его лицом вниз, они поместили под его ноги извилистую молнию, под колени — солнечный луч, под грудь — прямую молнию, под вытянутые руки — еще одну, а под лоб — радугу.

576. Затем орлы схватили каждый конец этих шести опор — всего двенадцать орлов — и улетели с навахо и орлятами прочь от гнезда. Они дважды облетели круг со своим грузом, прежде чем достигли уровня вершины утеса. Они еще дважды облетели круг, поднимаясь, а затем полетели на юг, продолжая подниматься. Когда они поднялись над вершиной *Цоциль* (гора Тейлор), они еще четыре раза облетели круг, почти коснувшись неба. Затем они начали уставать и тяжело дышать, и

воскликнули: «Мы устали. Мы не можем лететь дальше». Голос, невидимый для навахо, крикнул сверху: «Отпустите свой груз». Орлы отпустили опоры, и навахо почувствовал, как он быстро снижается к земле. Но он не успел далеко упасть, как почувствовал, что его схватили за талию и грудь, почувствовал, как что-то обвилось вокруг его тела, и через мгновение он увидел головы двух стреловых змей258, смотрящих на него через его плечи. Стреловые змеи быстро подняли его вверх, через отверстие в небе, и благополучно посадили на поверхность верхнего мира над небом.

577. Оглядевшись вокруг, он увидел четыре поселения, или города: белое поселение на востоке, синее поселение на юге, желтое поселение на западе и черное поселение на севере. Вожаком восточного поселения был Волк, южного — Синяя Лиса, западного — Пума, а северного — Большая Змея. Навахо был свободен и мог идти, куда хотел, но Ветер шепнул ему на ухо: «Посети, если хочешь, все пуэбло, кроме северного. Там живут Куриный Ястреб254 и другие плохие персонажи».

578. Затем он заметил, что готовится военная экспедиция, и вскоре после его прибытия воины вышли в поход. Он не смог узнать, каких врагов они искали. Он вошел в несколько домов, везде его хорошо принимали и давали ему много бумажного хлеба и другой хорошей еды. Он увидел, что в своих домах Орлы были такими же, как обычные люди в нижнем мире. Как только они входили в свои пуэбло, они снимали свои пернатые костюмы, вешали их на колышки и шесты и ходили в белых костюмах, которые они носили под перьями, когда летали. Он посетил все пуэбло, кроме черного на севере. Вечером воины вернулись. Их встретили громким плачем и слезами, потому что многие из тех, кто ушел утром, не вернулись ночью. Они были убиты в бою.

579. Через несколько дней была организована еще одна военная экспедиция, и на этот раз навахо решили присоединиться к ней. Когда воины вышли в путь, он последовал за ними. «Куда ты идешь?» — спросили они. «Я хочу быть одним из вашей группы», — ответил он. Они посмеялись над ним и сказали: «Ты глупец, если думаешь, что можешь пойти на войну против таких страшных врагов, как те, с которыми мы сражаемся. Мы можем двигаться быстро, как ветер, но наши враги могут двигаться еще быстрее. Если они способны победить нас, каковы твои шансы, бедняга, на спасение своей жизни?» Услышав это, он остался, но они не успели далеко уйти, как он поспешил за ними. Когда он догнал их, что произошло очень быстро, они сердито обратились к нему, еще более убедительно, чем раньше, объяснив ему, насколько он беспомощен и в какой большой опасности находится, и велели ему вернуться в деревню. Он снова остановился, но, как только они скрылись из виду, он начал бежать за ними и догнал их в месте, где они разбили лагерь на ночь. Здесь они дали ему еды, снова отругали его и пытались отговорить его сопровождать их.

580. Утром, когда воины возобновили свой поход, он остался на месте стоянки, как будто намереваясь вернуться, но, как только они скрылись из виду, он снова пошел за ними. Он не прошел и половины пути, как увидел дым, поднимающийся из земли, и, подойдя к дыму, обнаружил дымовую дыру, из которой торчала старая лестница, пожелтевшая от дыма, такая, какую мы видим сегодня в жилищах пуэбло. Он заглянул в дыру и увидел в подземной камере странную старуху с большим ртом. Ее зубы не были ровными и правильными, как у индейцев; они торчали изо рта, были расположены на большом расстоянии друг от друга и загнуты, как когти медведя. Это была Настсе Эстан, Женщина-Паук. Она пригласила его в свой дом, и он спустился по лестнице.

581. Когда он вошел внутрь, Паук-Женщина показала ему четыре больших деревянных обруча: один на востоке был черного цвета, один на юге — синего, один на западе — желтого, а один на севере — белого и сверкающего. К каждому обручу было прикреплено несколько гнилых, рваных перьев. «Эти перья, — сказала она, — когда-то были красивыми, но теперь они старые и грязные. Мне нужны новые перья, чтобы украсить мои обручи, и ты можешь достать их для меня. Многие

орлы будут убиты в битве, в которую ты отправляешься, и когда они умрут, ты сможешь вырвать их перья и принести их мне. Не бойся врагов. Хочешь знать, с кем будут сражаться орлы? Это всего лишь шмели и кусты-перекати-поля».[256] Она дала ему длинную черную трость и сказала: «С помощью нее ты сможешь собрать кусты-перекати-поля в кучу, а затем поджечь их. Плюнь соком tsĭldĭlgĭ′si[257] на пчел, и они не смогут тебя ужалить. Но прежде чем сжечь кусты, собери немного семян, а когда убьешь пчел, возьми несколько их гнезд. Тебе понадобятся эти вещи, когда ты вернешься на землю». Когда Паук-Женщина закончила говорить, навахо отправился в путь.

582. Он продолжал путь и вскоре догнал воинов, которые прятались за небольшим холмом и готовились к сражению. Некоторые надевали свои перья, другие раскрашивали и украшали себя. Время от времени кто-то из них осторожно подкрадывался к вершине холма и заглядывал за него, а затем бежал обратно и шептал: «Вот враги. Они ждут нас». Навахо поднялся на вершину холма и заглянул за него, но не увидел никаких врагов. Он видел только сухую песчаную равнину, покрытую в одном месте подсолнухами, а в другом — мертвой травой, потому что в мире наверху была уже поздняя осень.

583. Вскоре Орлы были готовы к сражению. Они подняли боевой клич и бросились через холм на песчаную равнину. Навахо остался за холмом, выглядывая, чтобы увидеть, что произойдет. Когда воины приблизились к равнине, поднялся вихрь;[258] большое количество кустов поднялось с ветром и безумно носилось по воздуху; и в то же время из-за подсолнухов поднялось облако шмелей. Орлы прорвались через ряды врагов, а когда они перешли на другую сторону, развернулись и снова бросились в атаку. Некоторые расправили крылья и взлетели ввысь, чтобы атаковать кусты, поднятые вихрем. Время от времени навахо замечали, как темное тело орла падает вниз. Когда сражение продолжалось уже некоторое время, навахо заметил, что несколько орлов бегут к холму, на котором он лежал и наблюдал. Через мгновение еще несколько прибежали к нему, а вскоре после этого вся группа орлов, все, что от нее осталось, пронеслась мимо него в беспорядочном отступлении в том направлении, откуда они прилетели, оставив на поле много убитых. Затем ветер утих; кусты снова лежали неподвижно на песке, а шмели исчезли среди подсолнухов.

584. Когда все успокоилось, навахо спустился на песчаную равнину, собрал несколько семян и завязал их в углу своей рубашки, а затем с помощью своей черной палочки собрал кусты в кучу. Затем он достал свою огниво, разжег огонь и сжег всю кучу. Он собрал немного tsĭldĭlgĭ′si, как велела ему Паучиха, пожевал его и пошел среди подсолнухов. Здесь пчелы собрались вокруг него большим роем и пытались ужалить его, но он плевал на них соком tsĭldĭlgĭ′si и оглушал им всех, кого попадал. Вскоре большинство из них лежали беспомощно на земле, а остальные в страхе убежали. Он ходил с черной палочкой и убивал всех, кого мог найти. Он копал землю и доставал их гнезда и мед; он взял пару молодых пчел и связал им ноги, и все это он положил в угол своего одеяла. Когда пчелы были побеждены, он не забыл о желаниях своей подруги, Женщины-Паука; он ходил среди мертвых орлов и срывал столько перьев, сколько мог ухватить обеими руками.

585. Он отправился в обратный путь и вскоре вернулся в дом Паучихи. Он отдал ей перья, и она сказала: «Спасибо, мой внук, ты принес мне перья, которыми я давно хотела украсить свои стены, и ты оказал большую услугу своим друзьям, Орлам, потому что убил их врагов». Когда она закончила говорить, он снова отправился в путь.

586. Той ночью он спал на тропе, а на следующее утро вернулся в города Орлов. Когда он приблизился, он услышал издалека крики скорбящих, и когда он вошел в город, люди собрались вокруг него и сказали: «Мы потеряли многих наших родственников и оплакиваем их, но мы также скорбим о тебе, потому что те, кто вернулся, сказали нам, что ты был убит в бою».

587. Он не ответил, но взял из своего одеяла двух молодых шмелей и закружил их над головой. Все люди испугались и побежали, и не останавливались, пока не укрылись за своими домами. Через некоторое время они преодолели свой страх, медленно вышли из-за своих домов и снова собрались вокруг навахо. Второй раз он закрутил шмелей над головой, и второй раз люди в ужасе убежали; но на этот раз они добежали только до передних стен своих домов и вскоре вернулись к навахо. В третий раз, когда он закрутил шмелей над головой, они были еще менее напуганы, добежали только до половины пути до своих домов и очень скоро вернулись. В четвертый раз, когда он размахивал пчелами, они отступили всего на шаг или два. Когда их мужество вернулось, он положил двух пчел на землю; он вынул семена кустарника и положил их на землю рядом с пчелами, а затем сказал народу Орла: «Друзья мои, вот дети ваших врагов; когда вы увидите их, вы поймете, что я убил ваших врагов». Люди очень обрадовались, услышав это, и один сказал: «Хорошо. Они убили моего брата», а другой сказал: «Хорошо. Они убили моего отца», а третий сказал: «Хорошо. Они убили моих сыновей». Тогда Великий Волк, вождь белого пуэбло, сказал: «У меня есть две прекрасные дочери-девы, которых я отдам вам в жены» ( ). Тогда Лиса, вождь голубого пуэбло на юге, пообещал ему еще двух дев, а вожди других пуэбло пообещали ему по две, так что ему было обещано в жены восемь прекрасных дев.

588. Вождь белого пуэбло провел навахо в свой дом, в большую и красивую комнату, самую красивую, которую бедный индеец когда-либо видел. В ней были гладкие стены, красиво покрытые белой землей, большой камин, жернова, красивые горшки и кувшины для воды, а также все удобства и мебель красивого дома пуэбло. И вождь сказал ему: «Садани, мой зять, этот дом твой».

589. Теперь к нему пришли главные мужчины из всех пуэбло и поблагодарили его за великую услугу, которую он им оказал. Затем его служанки из желтого дома принесли кукурузную муку; служанки из черного дома принесли мыльное растение, а служанки из белого дома, где он жил, принесли большую чашу из белой ракушки. В чаше из ракушки приготовили пену из мыльного растения. Девушки из белого дома помыли ему голову пеной; девушки из черного дома помыли ему конечности и ноги, а девушки из желтого дома вытерли его кукурузной мукой. Когда купание закончилось, девушки вышли, но вернулись с наступлением темноты, на этот раз в сопровождении девушек из голубого дома. Каждая из восьми девушек несла большую миску с едой, и в каждой миске была еда разного вида. Они поставили восемь мисок перед навахо, и он ел из всех, пока не насытился. Затем они принесли красивые одежды и одеяла и разложили их на полу, чтобы он мог лечь спать.

590. На следующее утро Навахо подошел к отверстию в небе, взяв с собой молодых пчел и семена кустарника. Первым он сказал: «Спуститесь в землю Навахо и размножайтесь там. Мой народ будет использовать вас в будущем, но если вы когда-нибудь принесете ему горе и беды, как вы принесли народу этой земли, я снова уничтожу вас». Сказав это, он бросил их на землю. Затем, взяв в руки семена кустарника, он сказал им то же, что и пчелам, и бросил их в отверстие в небе. Мед пчел и семена кустарника теперь используются в обрядах йои *хаталь*, или песнопениях бус.

591. Навахо оставался в пуэбло народа Орла двадцать четыре дня, в течение которых его обучили песням, молитвам, церемониям и жертвоприношениям Орлов, таким же, как те, которые мы сейчас знаем в обряде йои *хаталь*;[259] и когда он всему научился, люди сказали ему, что пора возвращаться на землю, откуда он пришел.

592. Они надели на него одежду из орлиного оперения, такую же, как носили сами, и повели его к небесному отверстию. Они сказали ему: «Когда ты поднялся из нижнего мира, ты был тяжелым и тебя пришлось нести другим. Отныне ты будешь легким и сможешь перемещаться по воздуху

своими силами». Он расправил крылья, чтобы показать, что готов; орлы дунули на него мощным дыханием; он спустился через отверстие в небе и, раскинув крылья, опустился на вершину *Цоциль*.

593. Он вернулся к своим родственникам из племени навахо, но когда он вернулся, все в их хижине пахло неприятно; запахи были для него невыносимы, и он покинул хижину и сел снаружи.[260] Тогда они построили для него хижину-лекарство, где он мог сидеть в одиночестве. Они искупали его младшего брата, одели его в новую одежду и тоже отправили в хижину, чтобы он узнал, что его старший брат может ему рассказать. Братья провели двенадцать дней вместе в хижине, в течение которых старший брат рассказал свою историю и научил младшего всем обрядам и песням, которые он узнал у Орлов.

594. После этого он пошел в поселение Кинтиэль, жители которого ранее замышляли предательство против него, но они не узнали его. Теперь он выглядел ухоженным и хорошо питаемым. Он был красиво одет и был приятен внешне, ибо Орлы придали его лицу и фигуре красоту. Жители пуэбло и не подумали, что это был тот самый бедный нищий, которого они оставили умирать в гнезде орлов. Он заметил, что в пуэбло было много больных и хромых. Они рассказали ему, что среди них разразилась новая болезнь. Эта болезнь передалась им от перьев орлят, когда они нападали на гнездо. «У меня есть брат, — сказал навахо, — который является могущественным шаманом. Он знает обряд, который излечит эту болезнь». Жители пуэбло посовещались и решили нанять его брата, чтобы он провел церемонию над их страдающими.

595. Навахо сказал, что он должен быть одним из ацалей2[6]1, или первых танцоров, и что для правильного проведения ритуала он должен быть одет особым образом. Он сказал, что у него должны быть нитки из тонких бус — из ракушек и бирюзы — достаточные, чтобы полностью покрыть его ноги и предплечья, достаточные, чтобы обернуть вокруг шеи, так чтобы он не мог запрокинуть голову назад, и большие нитки, которые проходят через плечо и под рукой с каждой стороны. У него должна быть самая большая ракушечная чаша, которую можно найти в любом пуэбло, чтобы повесить на спину, и следующая по размеру, чтобы повесить на грудь. Он должен был иметь самые длинные и лучшие нитки из бирюзы, чтобы повесить их на уши. Ветер сказал ему, что самая большая раковина, которая у них была, была настолько велика, что если бы он попытался обхватить ее по краю, его пальцы едва ли соединились бы на противоположной стороне, и что он должен настоять на том, чтобы получить эту раковину. Следующая по величине раковина, сказал ему Ветер, была лишь немного меньше.[262]

596. Через три дня после этой беседы люди начали прибывать из разных пуэбло в каньоне Чако и из пуэбло на берегах реки Сан-Хуан — все эти пуэбло сейчас находятся в руинах — и вскоре собралась большая толпа. Тем временем они также собрали ракушки и бусы из разных пуэбло, чтобы одеть ацалея так, как он хотел. Они принесли ему несколько больших раковин и сказали, что это то, что ему нужно для танца, но он измерил их руками, как велел ему Ветер, и, обнаружив, что его руки легко соединяются, когда он обнимает раковины, отверг их. Они принесли ему все более и более крупные раковины и пытались убедить его, что это самые большие, но он попробовал и отверг все. В последний день, с неохотой, они принесли ему большую раковину Кинтиэля и большую раковину Киндотлиз. Он обхватил первую руками; его пальцы не соединялись на противоположной стороне. Он обхватил вторую руками, и кончики его пальцев едва соединились. «Вот эти, — сказал он, — раковины я должен носить, когда танцую».

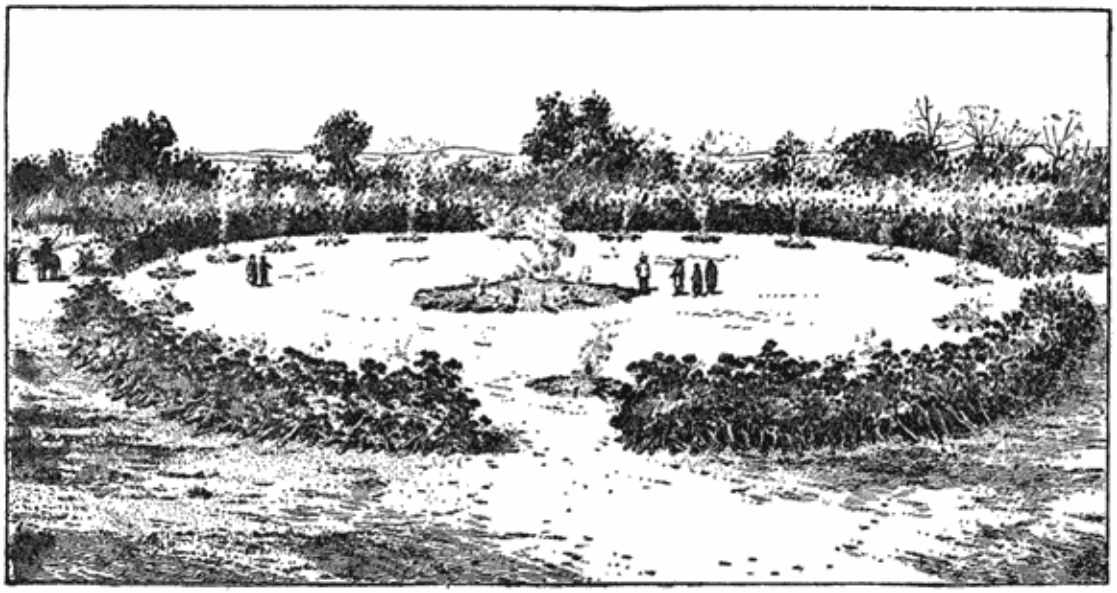


Рис. 37. Круг ветвей обряда горного песнопения после завершения церемонии.

597. За четыре дня до того дня, когда должен был состояться последний танец, жители пуэбло отправили послов в соседние лагеря навахо, чтобы пригласить их посмотреть представление последней ночи и принять в нем участие со своими алили (танцами или драмами). Один из послов отправился в каньон Челли и там уговорил Ганаскиди с сыном и дочерью прийти и исполнить танец. Другие посланцы отправились в лагерь навахо у подножия *Цоцила* на юге (недалеко от того места, где сейчас находится Коберо). По дороге он встретил аканинли, или посланника, который ехал из *Цоцила*, чтобы пригласить жителей каньона Чако на великую церемонию навахо. (Вы уже слышали все о встрече этих посланцев в легенде о горном песнопении. Я не буду сейчас повторять ее.)[263] Посланцы обменялись луками и колчанами в знак того, что они встретились, и посланник из Кинтиэля вернулся к своему народу, не сумев убедить навахо принять участие в церемонии. Вот почему в последнюю ночь великой церемонии йои *хаталь* проводится лишь несколько различных танцев или представлений.

598. Вечером последнего дня они построили большой круг из веток, такой же, как тот, который навахо строят сейчас для обрядов горного песнопения (рис. 37), и большое количество людей собралось в ограде « » . Они зажгли костры и надели на ацалеи все свои красивые бусы и ракушки, как он и хотел, чтобы его нарядили. Они положили большую раковину Кинтиэля ему на спину, большую раковину *Киндотлиз* на грудь, а еще одну красивую раковину на лоб. Затем навахо начали танцевать, а его брат, знахарь, начал петь, и вот какую песню он пел:

Большой колос белого кукурузного растения торчит вверх.

Оставайся на месте и ешь.

Большой колос синей кукурузы торчит вверх.

Останься и ешь.

Большой колос желтой кукурузы торчит вверх.

Оставайся на месте и ешь.

Большой початок черного кукурузного растения торчит вверх.

Оставайся на месте и ешь.

Большой початок разноцветной кукурузы торчит вверх.

Оставайся на месте и ешь.

Круглый початок кукурузы торчит вверх.

Оставайся на месте и ешь.[287]

599. Это казалось странной песней для жителей пуэбло, и все они гадали, что она может означать; но вскоре они поняли ее смысл, потому что заметили, что танцующий навахо медленно поднимается с земли. Сначала над головами толпы появилась его голова, затем плечи, грудь и талия, но только когда все его тело поднялось над уровнями их голов, они начали осознавать угрожающую им утрату. Он поднимался к небу с большой раковиной Кинтиэля и всем богатством многих пуэбло в виде раковинных бус и бирюзы на своем теле. Тогда они дико закричали ему и стали звать его всеми возможными ласковыми именами — отец, брат, сын — чтобы он снова спустился, но чем больше они звали его ( ), тем выше он поднимался. Когда его ноги поднялись над ними, они заметили, что под его ногами прошла белая молния, как веревка, свисающая с темного облака, которое собралось над ними. Это были боги, которые поднимали его, потому что, согласно легендам, именно так боги поднимают смертных на небо. Когда пуэбло поняли, что никакие уговоры не могут заставить навахо вернуться, некоторые потребовали веревки, чтобы схватить его и стащить вниз, но он быстро оказался вне досягаемости даже самой длинной веревки. Тогда раздался крик, чтобы принесли стрелы, чтобы они могли в него выстрелить, но прежде чем стрелы успели долететь, он исчез из виду в черном облаке и больше никогда не появлялся на земле.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Как и когда возникло название «навахо» (произносится как Nă′vă-ho), не установлено. Известно только, что это название было дано испанцами, когда они еще претендовали на земли навахо. Обычно считается, что название происходит от слова navaja, которое означает складной нож или бритву, и было дано потому, что в прежние времена воины навахо носили с собой большие каменные ножи. Есть предположение, что название происходит от слова navájo, означающего «водоем» или «небольшое озеро». Навахо называют себя Dĭné‘ или Dĭné, что означает просто «люди». Это слово в различных формах, Dénè, Tinnéh, Tunné и т. д., используется в качестве племенного обозначения для многих ветвей атапаскского народа.

2. Горы Карризо представляют собой изолированный горный массив, максимальный диаметр которого составляет около 12 миль, расположенный в северо-восточной части Аризоны. Навахо называют его *Dsĭlnáodsĭl*, что означает «гора, окруженная горами»; именно так выглядит пейзаж, если смотреть с самой высокой точки, пика Пастора, высотой 9420 футов.

3. Река Сан-Хуан, приток реки Колорадо на западе, течет в западном направлении через северную часть резервации навахо и частично образует ее северную границу. Это самая важная река в стране навахо. У нее есть два названия на языке навахо: одно — Санбито (Вода старости, или Река старости), которое, как говорят, было дано потому, что поток белый от пены и похож на волосы старика; другое — Тобака (Мужская вода), данное потому, что она бурная и сильная, в отличие от спокойной реки Рио-Гранде, которую навахо называют Тобаад, или Женская вода. (См. примечание 137.) Возможно, у реки есть и другие названия.

4. Tu-ĭn-tsá происходит от to‘ или tu (вода) и ĭntsá или ĭntsá (обильная, широко распространенная). На наших картах это название пишется как Туинча, Туинтча и Тунича. Горы Туинча расположены частично в Нью-Мексико, частично в Аризоне, примерно в 30 милях от северной границы обеих территорий. Они образуют среднюю часть хребта, остальную часть которого составляют горы Чуска и Лукачокай. Часть, известная как Туинча, имеет длину около 12 миль. Самая высокая точка находится на высоте 9575 футов над уровнем моря. Вершина хребта, которая довольно ровная и похожа на плато, хорошо покрыта лесом, в основном елью и сосной, и изобилует небольшими озерами и прудами; отсюда и название Туинча.

5. Корзина, изображенная на рис. 16, сделана из веток ароматического сумаха (*Rhus aromatica,* var. *trilobata*). Ее диаметр составляет 13 дюймов, а глубина — 3–⅜ дюйма. При формировании спиральной спирали изготовитель должен всегда помещать конец прутика к центру корзины, а кончик — к периферии, в соответствии с церемониальными законами, регулирующими расположение концов и кончиков (см. примечания 12 и 319). Единственным украшением является полоса, красная в середине с черными зигзагообразными краями. Эта полоса пересекается в одной точке узкой линией из неокрашенного дерева. Эта линия, вероятно, не имеет отношения к «линии жизни» в древней и современной керамике пуэбло. Она нанесена для облегчения ориентации корзины ночью, в тусклом свете шатра-лечебницы. При изготовлении корзины конец первой веточки помещается в центр; конец последней веточки, расположенной по спирали, должен находиться на той же радиальной линии, которая отмечена неокрашенной линией, пересекающей декоративную полосу. Эта линия должна проходить строго с востока на запад при определенных церемониальных случаях, например, когда корзина, перевернутая, используется в качестве барабана в течение последних пяти ночей ночного песнопения. Край этой корзины, как и других корзин навахо, отделан диагональным плетением или плетением, и существует легенда, о которой автор рассказывал в одной из своих предыдущих работ321, объясняющая происхождение этой формы края. Если край изношен или порван, корзина непригодна для священного использования. Корзина является одним из привилегий шамана при совершении обрядов, но он, в свою очередь, должен ее отдать и никогда не есть из нее. Несмотря на ее священное назначение, в ней можно подавать еду. На рис. 25 изображена корзина такого типа, используемая в качестве сосуда для

жертвенных палочек и сигарет. В этом случае конец спирали должен находиться на востоке, а жертвы, посвященные востоку, должны находиться в восточной части корзины.

На рис. 17 показана другая форма священной корзины. Она также сделана из ароматного сумаха и используется в ритуалах для хранения священной муки. Говорят, что кресты символизируют облака, а зигзагообразные линии обозначают молнии.

6. Церемонии «освящения дома» довольно подробно описаны г-ном А. М. Стивеном в его прекрасной статье «Навахо»[329], где он приводит вольный перевод молитвы и песни, относящихся к этим обрядам.

7. A-na-yé, или a-ná-ye, состоит из двух слов, aná и yéi или ye. Aná, иногда сокращенное до na, означает члена чужого племени, не говорящего на языке, похожем на язык навахо, и часто является синонимом слова «враг». Ye (см. параграф 78) можно определить как гений или бог. Анайе были потомками женщин, зачатых во время разделения полов в четвертом мире.

8. Ти-э-хол-цо-ди — бог воды или водяной монстр, бог земных вод, а не бог дождя. Он похож на Унктехи из Дакоты. Говорят, что он обитает в великих водах востока, *то* есть в Атлантическом океане. Хотя обычно о нем говорят как об одном, нет сомнений, что навахо верят во многих Тиэхолцоди. Вероятно, каждый постоянный поток или источник имеет своего собственного бога воды (см. примечание 152). Говорят, что изображение этого бога сделано сухой краской в ритуале хозони *хаталь*, но автор его не видел. Тиэхолцоди описывается как имеющий прекрасную шерсть и во многом похожий на выдру, но с рогами, как у буйвола (см. параграфы 140, 187, 484, 485).

9. Цус-кай или Цо-ис-кай — это название, данное народом навахо выдающемуся коническому холму, возвышающемуся на 8800 футов над уровнем моря, в северо-западной части Нью-Мексико, примерно в двадцати шести милях к северу от станции Дефайанс на Атлантической и Тихоокеанской железной дороге. Географы называют его Чуска-Нолоу, Чуска-Пик и Чойскай-Пик. Он резко возвышается на четыреста футов и более над уровнем соседнего хребта (,) и виден на большом расстоянии с юга (но не с севера), образуя заметную ориентирную точку. Навахо ограничивают название Цускай этим холмом, но мексиканцы, а за ними и американцы, применяют это название в различных формах (горы Чуска, Сьерра-де-Чуска, Чуска, Чускай, Чускай и т. д.) ко всему горному массиву, из которого возвышается холм. Название, не имеющее точного перевода, содержит слова «ель» (цо) и «белый» (кай).

10. Ванна является важной частью ритуалов навахо, используется во многих случаях и часто упоминается в рассказах. Обычно она состоит из пены, полученной в водонепроницаемой плетеной корзине путем замачивания корней некоторых видов юкки (см. примечание 88) в воде; обычно предпочитают корни *Yucca baccata*, так как они, по-видимому, богаче сапонином. После нанесения пены, субъект обычно ополаскивается простой водой и высушивается путем втирания кукурузной муки. В разных церемониях с баней связаны разные обряды. В мифе «Горная песня»[314], стр. 389, 390, ванна описывается как часть церемонии охоты на оленей. Несомненно, она проводится в рамках подготовки к охоте как по практическим, так и по религиозным причинам. Важно, чтобы охотник как можно больше избавился от своего личного запаха, когда он отправляется на охоту.

11. Пыльца (навахо, *thaditín*) для священных целей получают из различных растений, но основным источником является кукуруза. Пыльца переносится в небольших мешочках из оленьей кожи, в которых обычно также содержатся небольшие священные камни, такие как горный хрусталь и пирофиллит, или небольшие фетиши в виде животных . Применение или жертвоприношение пыльцы является частью всех обрядов, и почти всегда следует за молитвой или сопровождает ее.

Ее используют по-разному в разных случаях, но чаще всего берут небольшую щепотку из мешочка, наносят часть на язык, а часть — на макушку головы. Для некоторых целей шаман собирает определенное количество пыльцы, кладет ее в большой мешок, погружает в него живую птицу, насекомое или другое животное, а затем позволяет пленнику сбежать. Считается, что это придает пыльце дополнительную силу. В одном из видов, называемом i‘yidězná, в пыльцу помещают синюю птицу, желтую птицу и кузнечика. В примечании 49 мы имеем мифическое повествование о пыльце, нанесенной на молодняк морского чудовища, а затем сохраненной. Пыльца, нанесенная на церемониальную сухую роспись, сохраняется для будущего использования. Пыльца, в которую помещена живая полосатая ящерица, используется для благоприятствования eutocia. Термин *thaditín* применяется к различным вещам, имеющим вид неосязаемого порошка, таким как туманные оттенки горизонта утром и вечером, которые в Аризоне чаще всего возникают из-за пыли в воздухе, а не из-за влажности. Капитан Бёрк в книге «Знахари апачей»295, глава II, описывает многие способы использования пыльцы, которые существуют также среди навахо.

12. Ниже приведены несколько дополнительных обрядов, связанных с кетонами:

При резке тростника, используемого для изготовления сигарет, сначала отрезают кусок с конца, ближайшего к корню, и продолжают отрезать столько кусков, сколько необходимо, от основания до кончика. По мере резки куски надрезают у основания (каменным ножом), чтобы не забыть о соотношении двух концов куска. На протяжении всего процесса окрашивания сигарет и последующих манипуляций конец должен находиться ближе к оператору, а кончик — дальше от него. Поскольку сигаретный мастер сидит в западной части лечебного домика, лицом к востоку, сигареты должны лежать в восточно-западном направлении, с кончиками на восток. Если для одного ритуала жертвоприношения изготавливается несколько сигарет, первый отрезанный кусок помечается одной насечкой у основания, второй кусок — двумя насечками, третий кусок — тремя насечками, четвертый кусок — четырьмя насечками, все у конца сигареты. Это делается для того, чтобы их всегда можно было отличить друг от друга и не нарушить порядок их расположения от конца сигареты к кончику. Когда их берут, чтобы покрасить, вставить в них священные перья синей и желтой птиц, наполнить табаком, запечатать увлажненным пыльцой или символически зажечь горным хрусталем, кусок, который был ближе всего к окурку (назовем его старшей сигаретой), берется первым, а ближайший к кончику — последним. Когда их собирают, чтобы положить в руки пациента, когда их прикладывают к его телу и, наконец, когда их вынимают и приносят в жертву, этот порядок старшинства всегда соблюдается. Порядок старшинства по положению, когда жертвы выкладываются в прямой ряд, — с севера на юг; старшая жертва находится на северном конце ряда, младшая или низшая — на южном конце. Когда они выкладываются по кругу, порядок идет с востока обратно на восток через юг, запад и север. Боги, которым приносятся жертвы, обычно также имеют порядок старшинства, и в этом случае старшая жертва посвящается высшему богу, а младшая — низшему богу. Когда требуется, чтобы вместе с сигаретами были принесены в жертву другие предметы, такие как перья, бусы, порошкообразные растительные и минеральные вещества, все эти вещи помещаются в кукурузные листья. Для этого листья кладутся на чистую ткань кончиками на восток; сигареты кладутся в них по одной, каждая в отдельный лист, кончиками на восток; и священные перья добавляются к связке, также кончиками на восток. Когда сухая пыльца посыпается на сигарету, она посыпается от кончика к окурусу. Когда влажная пыльца наносится на боковую часть сигареты, она наносится от окуруса к кончику. (Из «Исследования окурков и кончиков».)319 Используется только полая междоузлие тростника. Часть, содержащая твердое узловое соединение, выбрасывается и разбивается, чтобы при выбрасывании боги не приняли ее за настоящую сигарету и не испытали разочарования. Все отходы производства тщательно собираются и складируются к северу от лечебного домика. Нельзя использовать табак, продаваемый в магазинах. В трубку от кончика до корня вставляется

упомянутый выше пучок перьев (с помощью совиного пера), чтобы табак не высыпался из корня. Увлажненный пыльца удерживает табак в конце трубки. Правила измерения кетонов очень сложны. Один или несколько суставов пальцев; размах руки; ширина вытянутой руки от кончика большого пальца до кончика мизинца; ширина трех или четырех соединенных кончиков пальцев — вот некоторые из мер. Каждый кетон имеет свой установленный размер. Эта система жертвоприношений распространена среди племен пуэбло на юго-западе, и ее следы были найдены и в других местах. Рис. 23 представляет собой предмет, называемый кэтан ялти, или говорящий кэтаун (описанный в «Горном песнопении»,[314], стр. 452), состоящий из мужской палки, окрашенной в черный цвет, и женской палки, окрашенной в синий цвет. Рис. 24 показывает кэтаун, используемый в церемонии ночного песнопения; для одного случая изготавливается дюжина таких предметов, но мужские и женские не различаются. На рис. 25 изображен набор из пятидесяти двух кетонов, также используемых в ночном песнопении: четыре из них в центре — это сигареты, лежащие на муке; сорок восемь, окружающих муку, — это деревянные палочки. Те, что на востоке, сделаны из горного красного дерева, те, что на юге, — из *Forestiera neo-mexicana,* те, что на западе, — из можжевельника, а те, что на севере, — из вишни. Более подробное их описание следует оставить для будущей работы.

13. «Священная оленья кожа» — термин, используемый автором для удобства, чтобы обозначить оленьи шкуры, специально подготовленные для изготовления масок и других целей в ритуалах навахо. Ниже приведены некоторые подробности, касающиеся их подготовки; возможно, есть и другие, о которых автор не знает: олень, который должен дать шкуру, не должен быть застрелен или иным образом ранен. Его окружают люди пешком или верхом на лошадях и заставляют бегать, пока он не упадет от изнеможения; затем на его рот и ноздри надевают мешок с пыльцой и держат его там, пока олень не задохнется. Мертвое животное кладут на спину. Линии отмечают пыльцой, от центра наружу вдоль средней линии тела и внутренней стороны конечностей. Каменным ножом делают надрезы вдоль линий из пыльцы, отнутри наружу, пока кожа не раскроется; затем снятие шкуры можно завершить стальным ножом. Когда кожа снята, ее кладут к востоку от туши, головой на восток, волосатой стороной вниз. Вырезаются фибулы и локтевые кости и помещаются в кожу в соответствующих местах, *т. е.* каждая локтевая кость в кожу соответствующей передней лапы, каждая фибула в кожу соответствующей задней лапы. Затем шкуру можно свернуть и унести. Обе локтевые кости используются в качестве скребков для кожи. Если из кожи будут изготавливаться маски, фибулы используются в качестве шил — правая фибула для сшивания правой стороны масок, левая фибула — для сшивания левой стороны масок. Другие правила (очень многочисленные) изготовления масок здесь не будут упоминаться. Фибулы и локтевые кости, не принадлежащие оленю, от которого была получена кожа, не должны использоваться для ее обработки.

14. Эта маска, изготовленная из листьев *юкки бакката*, с которых были сорваны толстые спинные части, используется в ритуале ночного песнопения. Обряды, связанные со сбором листьев, изготовлением маски и ее уничтожением после использования, слишком многочисленны, чтобы их здесь подробно описывать. Автору так и не удалось получить такую маску на хранение (обязанность шамана разорвать ее после того, как она выполнила свое предназначение, казалась непреложным), но ему разрешили сделать две фотографии: одну до того, как были прикреплены бахромы из еловых веток, а другую — когда маска была готова, как показано на рис. 26.

15. Следующий отрывок, взятый из «Молитвы шамана навахо»[315] и повторенный здесь по просьбе г-на Ньюэлла, показывает, насколько четко закреплен был предел этой части рассказа в сознании рассказчика:

«Ни в одном из моих интервью с ним (Hatáli Něz) он не проявлял нетерпения по поводу моих просьб о пояснениях по мере продвижения вперед или по поводу перерывов в нашей работе. Он

долго задерживался за едой, зажигал много сигарет и неспешно курил их, уставал рано вечером и всегда был готов ложиться спать так рано, как я ему позволял. Однако, когда он приступил к рассказу о мифе о сотворении мира, все изменилось. Он приходил рано, задерживался допоздна, спешил с едой, проявлял беспокойство по поводу всех задержек и перерывов и часто просил меня отложить второстепенные объяснения. Когда его попросили объяснить эту перемену в настроении, он сказал, что мы путешествуем по земле мертвых, по месту, где обитают злые и могущественные призраки, пока он продолжает рассказывать те части мифа, которые повествуют о приключениях его предков в подземном мире, и что мы в опасности, пока наши умы остаются там; но когда мы дойдем до той части рассказа, где люди поднимаются в этот — пятый и последний мир — нам больше не нужно будет чувствовать себя неловко и мы сможем не торопиться. Его последующие действия доказали, что он дал честное объяснение.

«Был закат, и до ужина оставалось еще час или больше, когда он закончил свой рассказ о подземных странствиях навахо и благополучно вывел их через «Место появления» в горах Сан-Хуан на поверхность этого мира. Затем он перестал говорить, скрутил сигарету, сказал, что устал, что не сможет рассказать мне больше ничего в эту ночь, и ушел.

«После его ухода я узнал, что днем он сообщил некоторым своим друзьям, что ночью ему придется молиться, чтобы нейтрализовать злые последствия своего путешествия по нижнему миру. После ужина он удалился в квартиру среди старых глинобитных хижин в Дефайенсе, где ему выделили комнату для сна. Я вскоре последовал за ним и, подождав в соседнем коридоре полчаса или больше, услышал голос старика, возвышающийся монотонными тонами заученной молитвы. Зная, что правила шамана запрещают прерывать любую молитву или песню, я резко вошел в комнату и сел на пол рядом с молящимся».

(Так автор узнал о данной молитве.)

15а. «Настрой нам ситар ни низко, ни высоко». — *«Свет Азии».*

16. *Hatál* в языке навахо означает священную песню, гимн или песнопение, а не тривиальную песню: поэтому названия их великих церемоний содержат это слово, например, dsĭlyĭ′dze *hatál* (горное песнопение); klédzi *hatál* (ночное песнопение) и т. д. Человек, проводящий церемонию, называется hatáli (певец или вокалист). В качестве эквивалентов этого слова автор использует термины «шаман», «жрец», «знахарь» и «певец». Тот, кто лечит болезни лекарствами, называется azé-elĭ′ni, или «лекарь».

17. Без предшествующего слова. Впервые нам сообщают, к кому относится «они» в параграфе 139.

18. Для обозначения четырех сторон света цветами навахо используют две основные системы:

	Восток	Юг	Запад	Север
Первая система	Белый.	Синий.	Желтый.	Черный.
Вторая система	Черный.	Синий.	Желтый.	Белый.

Обе системы одинаковы, за исключением того, что цвета черный и белый меняются местами. Причины этого изменения не были удовлетворительно определены. В целом, кажется, что когда речь идет о местах над землей — счастливых и удачных местах — используется первая система; в то время как при описании подземных мест — обычно опасных — используется вторая система. Но есть много очевидных исключений из последнего правила. В одной из версий легенды о происхождении (версия B) цвета располагаются в соответствии со второй системой как в нижнем, так и в верхнем мирах. В опубликованной здесь версии той же легенды первая система используется для всех мест в нижних мирах, за исключением дома Тиэхолцоди под водой (параграф 178), где восточная комната описывается как темная, а северная — как многоцветная. Однако индеец, который рассказал эту версию (Hatáli Něz), в своей «Молитве о возвращении» (примечание 315) применяет вторую систему ко всем регионам под поверхностью земли, которые проходят боги, приходящие на помощь потерянной душе. Хотя он не говорит, что черная комната находится на востоке, он показывает, что она соответствует востоку, упоминая ее первой. Хатали Натлои в «Истории Натинестани» следует первой системе во всех случаях, за исключением описания дома Тиэхолцоди под водой, где первая комната представлена черной, а последняя — белой. Хотя в этом случае комнаты можно рассматривать как расположенные одна над другой, то, что черная комната упоминается первой, показывает, что она должна соответствовать востоку. Во всех случаях при названии сторон света или чего-либо, что их символизирует, или при размещении предметов, которые к ним относятся (примечание 227), восток идет первым, юг вторым, запад третьим, север четвертым. Всегда следует часовой стрелке. Если упоминаются зенит и надир, то первый идет пятым, а второй шестым по порядку. Север иногда символизируется «всеми цветами», *т. е.* смесью белого, синего, желтого и черного (примечание 22), а иногда — красным. В мифе о dsĭlyĭ′dze hatál[314] (истории о Dsĭ′lyi‘ Neyáni) описываются пять подземных жилищ святых людей, во всех которых используется вторая система. См. также примечание 111, где вторая система применяется к дому солнца. В истории о «Великой раковине Кинтьеля» в доме Паучихи под землей, в небесном мире, восток представлен черным цветом, а север — белым. (См. параграф 581 и примечание 40.)

19. Упоминаются только три реки и девять деревень или населенных пунктов, в то время как названы двенадцать крылатых племен. Вероятно, три из них жили на севере, где не было рек, или в раю навахо могла быть четвертая река, название которой по какой-то причине не упоминается.

Ссылки на священное число четыре с утомительной настойчивостью вводятся во все легенды навахо.

20. Версия B. — В первом мире жили три существа: Первый Человек, Первая Женщина и Койот.

21. Ласточка, о которой здесь идет речь, — это скальная ласточка (*Petrochelidon lunifrons*).

22. Цвета, присущие нижним мирам в этой легенде — красный для первого, синий для второго, желтый для третьего и смешанный для четвертого — не соответствуют обычной символике навахо (примечание 18), но очень близки к некоторым символам моки, описанным Виктором Минделеффом в его «Исследовании архитектуры пуэбло»[324], стр. 129. Цвета, упомянутые там, если расположить их в порядке, соответствующем системе навахо (примечание 18), будут выглядеть так: красный (восток), синий (юг), желтый (запад), белый (север). Смешанные цвета иногда занимают место севера или последнего места в символике навахо. Возможно, в эту версию легенды навахо вошли элементы моки. (См. параграф 91.)

23. Версия В. — Во втором мире, когда Первый Человек, Первая Женщина и Койот поднялись, они нашли тех, кто впоследствии нес солнце и луну, и за пределами земли — того, кто был темнотой на востоке, того, кто был синевой на юге, того, кто был желтизной на западе, и того, кто был белизной на севере (возможно, то же самое, что Белое Тело, Синее Тело и т. д. из четвертого мира в настоящей версии. См. пар. 160). Солнце и Первая Женщина были преступниками, которые вызвали исход.

24. Версия В. — Когда пять человек, упомянутых в примечании 23, пришли из второго мира, они обнаружили, что «люди гор» уже занимали третий мир.

25. Версия В. — Люди были изгнаны из третьего мира в четвертый мир потопом и укрылись в тростнике, как впоследствии рассказывается о бегстве из четвертого мира.

26. В сказаниях навахо, когда йеи (гении, боги) приходят навестить людей, они всегда объявляют о своем приближении, четыре раза позывая. Первый зов слабый, далекий и едва слышный. Каждый последующий зов громче и отчетливее. Последний зов звучит громко и близко, и через мгновение после того, как он раздается, появляется бог. Эти подробности, касающиеся приближения богов, иногда кратко упоминаются, но обычно рассказчик повторяет их очень подробно, модулируя голос, и пантомимически изображает того, кто принимает визит, вздрогнувшего и напрягающего внимание, чтобы различить отдаленные звуки.

Практически у каждого бога есть свой особый крик. У некоторых его нет. В этой работе были предприняты несовершенные попытки передать некоторые из этих криков с помощью букв, но этот метод не лучше передает оригинал, чем «Боб Уайт» передает крик перепела. Некоторые из криков были записаны автором на фонографических цилиндрах, но даже эти записи очень несовершенны. В церемониях навахо маскированные представители богов повторяют эти призывы. Призывы Хастсейалти и Хастсегоган наиболее часто упоминаются в сказках. (Пар. 287, 378, 471 и др.)

27. Желтый кукурузный початок принадлежит женщине, белый — мужчине. Это правило соблюдается во всех церемониях навахо и упоминается во многих мифах навахо (параграфы 164, 291, 379; примечание 107 и др.).

28. Кукурузный початок, используемый в священных целях, должен быть полностью покрыт полными зернами или, по крайней мере, изначально должен был быть таким. Качан с неразвитыми зернами на верхушке не используется. Для некоторых целей, например при подготовке инструментов, используемых при посвящении женщин в обряд кледзи *хатал*, качан кукурузы должен быть не только полностью покрыт зернами, но и иметь на верхушке четыре зерна. Такой качан кукурузы называется тохонотни.

29. Слово навахо nátli или nŭ′tle здесь переведено как «гермафродит», потому что из контекста следует, что речь идет об аномальных существах. Но это слово обычно используется для обозначения той категории мужчин, известной, пожалуй, во всех диких индейских племенах, которые одеваются как женщины и выполняют обязанности, обычно возлагаемые на женщин в индейских лагерях. Таких людей французские канадцы называют berdaches (по-английски bardash). Американцы называют их гермафродитами (обычно неправильно произнося «морфодитами») и в целом считают их таковыми.

30. Эти так называемые гермафродиты (примечание 29) среди всех индейских племен, которые автор наблюдал, более искусно выполняют женскую работу, чем сами женщины. Навахо в этой

легенде приписывают им изобретение искусств, которыми занимаются женщины. Лучшим ткачом в племени навахо на протяжении многих лет был натли.

31. Маски, изготовленные из шкур оленьих и антилопьих голов, с рогами или без них, использовались различными индейскими племенами на охоте, чтобы обмануть животных и позволить охотникам приблизиться к ним. В сказках навахо есть несколько упоминаний о таких масках, например, в истории о Натинестани (параграф 544) и в мифе «Горный гимн» на странице 391.[314] В последней истории описываются обряды, связанные с оленьей маской.

32. Ссора между Первым Мужчиной и Первой Женщиной произошла следующим образом: когда она закончила трапезу, она вытерла руки о платье и сказала: «E‘yéhe si-tsod» (Спасибо, моя вагина). «Что ты сказала?» — спросил Первый Мужчина. «E‘éhe si-tsod», — повторила она. «Почему ты так говоришь?» — спросил он. «Разве не я убил оленя, мясо которого ты съела? Почему ты не благодаришь меня? Разве это *tsod* убил оленя?» «Да», — ответила она, — «если бы не это, ты бы не убил оленя. Если бы не это, вы, ленивые мужчины, ничего бы не делали. Это то, что делает всю работу». «Тогда, возможно, вы, женщины, думаете, что можете жить без мужчин», — сказал он. «Конечно, можем. Именно мы, женщины, возделываем поля и собираем пищу: мы можем жить за счет урожая наших полей, семян и фруктов, которые мы собираем. Мы не нуждаемся в вас, мужчинах». Так они спорили. Первый Человек с каждым ответом своей жены все больше злился, пока наконец, в гневе, не перепрыгнул через огонь.

33. Во время разделения полов и мужчины, и женщины были виновны в постыдных поступках, которые рассказчики очень подробно описывают. Из-за проступков женщин появились анайе, чужие боги или чудовища, которые впоследствии почти уничтожили человеческий род; но проступки мужчин не повлекли за собой никаких плохих последствий. Таким образом, как обычно, моральный урок дается женщинам, но не мужчинам.

34, 35. Примечания 34 и 35 опущены.

36. Версия А. — Вода на востоке — черная; на юге — голубая; на западе — желтая; на севере — белая. В церемонии хозони *хаталь*, как говорят, создается изображение, представляющее Тиэхолцоди и четыре воды.

37. Версия А гласит, что узлы были сплетены пауком, а в разных междоузлиях обитали разные животные. Версия В гласит, что великому тростнику потребовалось более одного дня, чтобы вырасти до неба; что он рос днем и отдыхал ночью; что полые междоузлия, которые теперь видны в тростнике, показывают, где он рос днем, а твердые узлы показывают, где он отдыхал ночью. Некоторые говорят, что были посажены четыре тростника, чтобы сформировать один, другие — что был посажен только один тростник.

38. Версия В. — Индейка была последней, кто укрылся в тростнике, поэтому она оказалась внизу. Когда вода поднялась настолько, что намочила индейку, она загорлакала, и все поняли, что опасность близка. Волны часто омывали кончик ее хвоста, и именно по этой причине кончики хвостовых перьев индеек до сих пор светлее, чем остальное оперение.

39. Версия А. — Первый Человек и Первая Женщина призвали на помощь всех копающих животных (ĩ′ndatsidi dáltso). Это были: Медведь, Волк, Койот, Рысь и Барсук. Сначала Медведь копал, пока не устал; затем его место занял Койот, и так далее. Когда рыл барсук, сверху начала капать вода: тогда они поняли, что наткнулись на воды верхнего мира, и послали туда саранчу. Саранча проделала в мягкой грязи своего рода шахту, такую, какую саранча делает и по сей день.

40. В версии А говорится, что было четыре журавля; в версии Б — что было четыре лебедя. В обеих версиях говорится, что птица с востока была черной, с юга — синей, с запада — желтой, а с севера — белой. (См. примечание 18.)

41. В двух версиях, А и В, говорится, что птица пропустила стрелы через рот в клоаку и *обратно,* но во всех версиях Локуст пропускает стрелы через грудную клетку. В другой версии говорится, что две птицы сказали: «Ты можешь получить землю, если позволишь нам ударить тебя топором по лбу». Локуст согласился. Они промахнулись и отрезали ему щеки, что объясняет его узкое лицо в настоящее время. Версия А рассказывает, что стрелы были украшены орлиными перьями.

42. Версия А. — Локуст, прежде чем пронзить себя стрелами, засунул свои внутренние органы в живот, но потом передумал и засунул их высоко в грудь. Это объясняет его большую грудь в настоящее время.

43. Небольшое озеро, расположенное где-то в горах Сан-Хуан, считается местом, через которое люди пришли из четвертого мира в этот мир. По словам индейцев, оно окружено отвесными скалами, а в его центре находится небольшой остров, на вершине которого возвышается нечто, похожее на верхнюю часть лестницы. За окружающими скалами находятся четыре горные вершины — одна к востоку, одна к югу, одна к западу и одна к северу от озера, — которые часто упоминаются в песнях и мифах народа навахо. Эти индейцы боятся посещать берега этого озера, но они взбираются на окружающие горы и смотрят на его воды издалека. Это место называется Ха-дзи-наи или Ни-хо-йос-ца-це, что можно свободно перевести как «Место появления» или «Земля, где они появились». Горы Сан-Хуан изобилуют маленькими озерами. Какое из них считается навахо местом их появления, неизвестно, и, вероятно, это можно было бы определить, только совершив паломничество туда с группой навахо, знающих это место. Г-н Уитман Кросс из Геологической службы США, который провел обширные исследования в горах Сан-Хуан, рассказывает, что озеро Траут индейцы считают священным; они не разбивают лагеря рядом с ним и называют его «Озеро Духов». Это водоем обозначен на картах геологической службы Хейдена как озеро Сан-Мигель. Оно расположено недалеко от линии железной дороги Rio Grande Southern Railroad, в верховьях южного рукава реки Сан-Мигель. В нем нет островов. Небольшое озеро, которое по своему внешнему виду больше соответствует описанию священного озера навахо, — это озеро Айленд. В его центре находится небольшой каменистый остров. Оно расположено на ответвлении южного рукава реки Минерал-Крик, в трех милях к юго-востоку от Офира, штат Колорадо, на высоте 12 450 футов. Профессор А. Х. Томпсон предположил, что озеро Силвер-Лейк, расположенное примерно в пяти милях к юго-востоку от Силвертона, штат Колорадо, может быть местом появления. Это озеро находится на высоте 11 600 футов над уровнем моря и окружено четырьмя высокими горными вершинами, но в нем нет острова.

44. Версия А. — Ганаскиди ударил по скалам своей палочкой. Раздался звук «Гонг э», и скалы раскололись. Версия В. — Он, из мрака востока, разрезал скалы своим ножом в форме рога.

45. Версия А. — Они молились четырем ветрам — черному ветру востока, голубому ветру юга, желтому ветру запада и белому ветру севера — и пели песню ветра, которую до сих пор поют в ритуале хозони *хаталь*. Версия В. — Они молились четырем ветрам.

46. Кисани, будучи строителями каменных домов, возвели каменную стену; другие, представляющие навахо, возвели укрытие из хвороста, как это принято у навахо в настоящее время.

47. *Цзи-диль*, или *цзин-диль* — игра, в которую играют женщины народа навахо. Основные инструменты игры — три палки, которые с силой бросают концами вниз на плоский камень,

вокруг которого сидят игроки. Палки отскакивают так хорошо, что улетели бы далеко, если бы над головой не было натянуто одеяло, которое отбрасывает их обратно к игрокам. В качестве фишек используются несколько маленьких камней, расположенных в форме квадрата; они не перемещаются, но между ними кладутся палки, положение которых меняется в зависимости от хода игры. Правила игры не были записаны. Другие игры были: *дилкон*, в которую играли двумя палками, каждая длиной с руку; аца, в которую играли раздвоенными палками и кольцом; и аспин.

48. Версия А. Койот и Хастсезни были соучастниками похищения молодых Тиэхолцоди. Когда Койот увидел, что вода поднимается, он указал на воду своими выпяченными губами (как часто делают индейцы) и многозначительно посмотрел на своего сообщника. Первый Человек заметил этот взгляд, заподозрил неладное и начал поиски.

49. Другие варианты истории о возвращении детенышей Тиэхолцоди говорят о жертвоприношениях и мирных подношениях в соответствии с индейским обычаем. Версия А. — Они достали раковину халиотис огромного размера, настолько большую, что человек едва мог обхватить ее руками. В нее они положили другие раковины и много драгоценных камней. Они посыпали молодых пыльцой и снова сняли часть ее, так как она стала более священной от соприкосновения с телами молодых морских чудовищ. Затем они также положили их в раковину и положили все на рога Тиэхолцоди; он сразу же исчез под землей, и воды опустились за ним. Пыльца, взятая у молодых, была распределена среди людей и принесла им дождь, дичь и много удачи. Версия В. — «Сразу же они бросили их (молодых) к их отцу, а вместе с ними и жертву из сокровищ моря — их раковинные украшения. В мгновение ока воды начали устремляться вниз через отверстие и уходить из нижних миров».

50. Некоторые называют имя гермафродита, который умер, Натлильхатсе и говорят, что «она» теперь является вождем демонов в нижнем мире, — возможно, это та же самая Женщина-Вождь, о которой говорится в «Молитве шамана навахо». [315] Версия В говорит, что первой умерла жена великого вождя. (См. примечание 68.)

51. Версия А описывает создание священных гор следующим образом: вскоре после прибытия людей в пятый мир (после того, как была построена первая потовая баня и посажена первая кукуруза), кто-то сказал: «Было бы хорошо, если бы в этом мире были такие же горы, как в нижнем мире». «Я принес их с собой», — сказал Первый Человек. Он не имел в виду, что принес с собой целые горы, а только понемногу земли с каждой из них, чтобы создать здесь новые горы. Люди положили перед ним четыре священных оленьих шкуры18 и две священных корзины5, чтобы он мог соорудить свои горы, ибо в нижнем мире было шесть священных гор, так же как и в этом, и они носили там те же имена, что и здесь. Гору на востоке, Циснадзни, он соорудил из глины с восточной горы внизу, смешанной с белой ракушкой. Гору на юге, *Цоциль*, он создал из земли из нижнего мира, смешанной с бирюзой. Гору на западе он создал из земли, смешанной с раковинами халиотис или абалона. Гору на севере он создал из земли, смешанной с каннельным углем.[158] *Дзилнаотиль* он создал из земли из похожей горы в нижнем мире, смешанной со всевозможными предметами (юди альтасаи). Цолихи он создал из земли из-под земли, смешанной с ракушками и драгоценными камнями всех видов (ĭnklĭ′z althasaí). Пока они еще были на оленьих шкурах и в корзинах, было спето десять песен, которые теперь входят в обряды хозони *хаталь*. Смысл этих песен следующий:

1. Давным-давно он подумал об этом.

2-я. Давным-давно он говорил об этом.

3. Он привел с собой вождя гор.

4. Он создал вождя среди гор.

5. Вождь среди гор поднимается.

6. Главарь среди гор начинает стоять.

7. Главарь гор встает.

8. Мы делаем сигарету для главного среди гор.

9. Глава гор курит.

10. Вождь гор удовлетворен.

Когда люди поднялись из нижнего мира, они были под руководством двенадцати вождей, но только шестеро из них присоединились к пению этих песен, и сегодня их поют шестеро мужчин. Когда были созданы горы, бог каждого из четырех уголков мира унес по одной и поместил ее там, где она находится сейчас. Две другие остались в центре мира и находятся там до сих пор. Затем в каждую гору поселилась пара богов: на востоке — Мальчик Рассвета и Девочка Рассвета, также называемые Мальчик Белой Раковины и Девочка Белой Раковины; на юге — Мальчик Бирюзы и Девочка Бирюзы; на западе — Мальчик Сумерек и Девушка Халиотис; на севере — Мальчик Тьмы (или Канальный Уголь) и Девушка Тьмы ; в *Дслинаотиле* — Мальчик Всего Хорошего (Юди-алтхасаи) и Девушка Всего Хорошего; в Цолихи — Мальчик Всех Драгоценностей (Инклиз-алтхасаи) и Девушка Всех Драгоценностей.

Версия В говорит о создании только четырех гор, и очень кратко.

52. Цис-на-дзинь-и — это название священной горы, которую навахо считают восточной границей своей страны. Вероятно, это означает «Темный горизонтальный пояс». Гора находится где-то недалеко от пуэбло Джемес, в округе Берналильо, штат Нью-Мексико. Вероятно, это пик Пеладо, высотой 11 260 футов, в 20 милях к северо-северо-востоку от пуэбло. Белая раковина и различные другие предметы белого цвета — цвета востока — принадлежат этой горе.

53. Це-га-ди-на-ти-ни А-си-ке (Мальчик из горного хрусталя) и Це-га-ди-на-ти-ни *А-тет* (Девочка из горного хрусталя) — божества Циснадзини. Они были принесены из нижнего мира в виде маленьких каменных фигурок, но как только их поместили в гору, они ожили.

54. *Цо-цил*, или *Цо-дсил*, от tso — великий, и *dsĭl* — гора, — это название навахо пика высотой 11 389 футов в округе Валенсия, штат Нью-Мексико. Его вершина находится на расстоянии более двенадцати миль по прямой линии к востоку-северу от станции Маккарти на Атлантической и Тихоокеанской железной дороге. Мексиканцы называют ее Сан-Матео, а 18 сентября 1849 года она была названа горой Тейлор «в честь президента Соединенных Штатов», лейтенантом Дж. Х. Симпсоном из армии США.[328] На картах Геологической службы США весь горный массив обозначен как «горы Сан-Матео», а название «гора Тейлор» зарезервировано для самой высокой вершины. Это одна из священных гор народа навахо, которая считается южной границей их страны, хотя в настоящее время часть племени проживает к югу от горы. Они говорят, что Сан-Матео — это гора юга, а Сан-Франциско — гора запада, хотя обе вершины находятся почти на одной широте. В одной из версий легенды о происхождении (версия В) Сан-Матео является горой востока, но все другие версии отличаются от этой. Синий цвет является цветом юга, поэтому бирюза и другие синие вещи, упомянутые в мифе, принадлежат этой горе. Поскольку синий цвет

также символизирует женское начало, дождь принадлежит Сан-Матео. Иллюстрация III взята из фотографии, сделанной где-то в окрестностях станции Чавес, примерно в тридцати пяти милях к западу от вершины горы.

55. Dot-lĭ′-zi Lá-i Na-yo-á-li A-si-ké, Мальчик, который несет одну бирюзу ( ) ; Na-tá Lá-i Na-yo-á-li *Atét*, Девочка, которая несет одну (зершину) кукурузы.

56. *До-кос-лид* или *До-ко-ос-лид* — это название горы Сан-Франциско на языке навахо, одной из самых заметных достопримечательностей Аризоны. Вершина этой горы находится на расстоянии около двенадцати миль по прямой линии к северу от города Флагстафф, на железной дороге Атлантик-Пасифик, в округе Явапай, штат Аризона. Точное значение индейского названия не установлено, но, по-видимому, оно содержит в модифицированном виде слова to‘ и kos, первое из которых означает «вода», а второе — «облако». Это священная гора навахо, которую они считают границей своей земли на западе. Цвет запада — желтый, и различные предметы, в основном желтого цвета, символизирующие запад, как упоминается в мифе, являются священными для этой горы. Раковина Haliotis, хотя и имеет яркую радужную окраску, считается народом навахо желтой, и поэтому является священной для горы. В священных песнях навахо вершина горы образно называется «Жезл Haliotis». Иллюстрация II взята из фотографии, сделанной на южной стороне горы, в месте, близком к железной дороге, в двух-трех милях к востоку от Флагстаффа.

57. Имя На-тал-кай А-си-ке (Белый Кукурузный Мальчик) происходит от *слов натан* (кукуруза), лакай (белый) и асике или иске (мальчик). Имя Натальцой *Атет* (Желтая Кукурузная Девочка) происходит от *слов натан* (кукуруза), лицой (желтый) и *атет* (девочка). В параграфе 291 упоминается о сотворении Белого мальчика-кукурузы и Желтой девочки-кукурузы. Неизвестно, являются ли они теми же божествами, что и *Докослид*, но, вероятно, навахо верят в существование более чем одной божественной пары с этими именами.

58. Depĕ′ntsa, название навахо для гор Сан-Хуан на юго-западе Колорадо, происходит от двух слов: dépé (овеца Скалистых гор) и intsá (рассредоточенный, широко распространенный). Говорят, что эти горы ограничивают землю навахо на севере. Где-то среди них лежит Níhoyostsátse, Место появления (примечание 43). Черный — цвет севера, поэтому различные черные вещи, такие как pászĭni (каменный уголь)[158], черные птицы и т. д., относятся к этим горам. В этом хребте много вершин высотой от 10 000 до 14 000 футов.

59. *Tha-dĭ-tín* A-si-ké (Мальчик-пыльца), A-nil-tá-ni *A-tét* (Девочка-кузнечик). В параграфах 290, 291 они упоминаются снова. На сухой картине klédzi *hatál* Девочка-кузнечик изображена в кукурузной пыльце.

60. *Dsĭl-ná-o-tĭl,* по-видимому, означает «гора, окруженная кровью», но навахо утверждают, что это не так. Они говорят, что это означает «гора, окруженная людьми, путешествующими вокруг нее», и что, когда Эстанатлехи и ее народ жили там, они перемещали свой лагерь в разные места у подножия горы. Конечно, все это мифические истории. Если бы автор когда-нибудь видел эту гору, он мог бы предположить значение этого названия, но он даже не знает ее местоположения. Название гор Карризо, *Dsĭlnáodsĭl*, означающее «гора, окруженная горами», почти такое же, но когда автор посетил горы Карризо в 1892 году, индейцы заверили его, что священная гора там не находится. *Dsĭlnáotĭl* в этой работе переводится как «Окруженная гора», что является лишь приблизительным переводом. Почему всевозможные товары — yú dialthasaí (см. примечание 61) — считаются принадлежащими этой горе, остается предметом догадок.

61. Yú-di Nai-dĭ-sĭ′s-i A-si-ké, Мальчик, который производит товары или способствует их увеличению; Yú-di Nai-dĭ- sĭ′s-i *A-tét* (Девочка, которая производит товары). Yódi или yúdi здесь

переводится как «товары». Первоначально это слово обозначало меха, шкуры, текстильные ткани и другие вещи, которыми индейцы обменивались между собой, за исключением еды и драгоценностей. В настоящее время этот термин применяется почти ко всем товарам, которые можно найти в магазине торговца.

62. Цо-ли-хи, или Цо-лин-и, — одна из семи священных гор страны навахо. Ее местонахождение не установлено, как и значение ее названия. Возможно, название происходит от tsó, ель (*Pseudotsuga taxifolia*). Мы можем только предполагать, какое отношение эта гора может иметь к драгоценностям.

63. Цзоц-га-ли — большая желтая птица, вид не определен.

64. Ĭn-klĭ′z Nai-di-sĭ′s-i A-si-ké (Мальчик, который производит драгоценности); Ĭn-klĭ′z Nai-dĭ-sĭ′s-i *Atét* (Девочка, которая производит драгоценности). Ĭnklĭ′z означает что-то твердое и хрупкое. Здесь это слово переведено как «драгоценности» за неимением более подходящего термина. Обычно оно не применяется к готовым драгоценностям, а к материалам, из которых изготавливаются драгоценности навахо, таким как ракушки, необработанная бирюза, каннел-уголь и другие камни, многие из которых для нас не представляют большой ценности, но считаются драгоценными для навахо.

65. A-kĭ-da-nas-tá-ni, что означает «одна круглая вещь, сидящая на другой», — это название навахо возвышенности, обозначенной на наших картах как Hosta Butte, которая расположена в округе Берналильо, штат Нью-Мексико, в 14 милях к северо-северо-востоку от станции Чавес на железной дороге Атлантик-Пасифик. Этот холм или плоскогорье имеет высоту 8837 футов. Окруженный гораздо более низкими холмами, он является заметной достопримечательностью.

66. Tse‘-ha-dá-ho-ni-ge, или камень-мираж, так называется потому, что, по мнению некоторых, он чем-то напоминает мираж. Автор видел кусочки этого камня в мешочках с пыльцой у знахарей, но так и не смог раздобыть ни одного кусочка. Они предлагали обменять его на другой кусочек, но продавать не хотели. Камень (китайский идол), который они назвали похожим, был проанализирован химиками Геологической службы США в Вашингтоне и оказался силикатом магния, вероятно, пирофиллитом. Таков, возможно, и есть камень-мираж. Автор предложил китайский идол одному из шаманов в обмен на его камень-мираж, но, услышав, что каменное изображение представляет китайского бога, шаман побоялся совершить сделку.

67. Tó‘-la-nas-tsi — это смесь всех видов воды, *т. е.* родниковой воды, талой воды, воды от града и воды из четырех сторон света. Такую воду, как полагают, носил в своих кувшинах Tó‘nenĭli. Вода, используемая сегодня в некоторых ритуалах народа навахо, максимально приближена к этой смеси.

68. Тема о мертвых, принадлежащих Солнцу и Луне, подробно объясняется в версии Налцоса Нигехани (версия B) следующим образом: «На пятый день (после того, как люди поднялись на поверхность этого мира) солнце, как обычно, поднялось в зенит и (затем) остановилось. День стал жарким, и все с нетерпением ждали наступления ночи, но солнце не двигалось. Тогда мудрый Койот сказал: «Солнце остановилось, потому что ему не заплатили за его работу; оно требует человеческую жизнь за каждый день своего труда; оно не сдвинется с места, пока кто-нибудь не умрет». Наконец женщина, жена великого вождя, перестала дышать и остыла, и пока все с

удивлением собрались вокруг, солнце снова начало двигаться, спустилось по небу и скрылось за западными горами... В ту ночь луна остановилась в зените, как и солнце днем, и Койот сказал людям, что луна тоже требует оплаты и не будет двигаться, пока ее не получат. Едва он закончил говорить, как мужчина, который видел умершую женщину в подземном мире, умер, и луна, удовлетворенная, отправилась на запад. Так что каждую ночь кто-то должен умирать, иначе луна не будет двигаться по небу. Но сразу после этого произошло разделение племен, и теперь луна берет свою плату среди чужеродных рас, а солнце требует жизнь навахо в качестве платы за то, что оно каждый день проходит над землей».

69. Многие индейцы рассказывают, что мир изначально был маленьким, а затем увеличился в размерах. Ниже приводится версия Налцоса Нигехани (B): «Горы, ограничивавшие мир, тогда не были так далеко друг от друга, как сейчас; поэтому мир был меньше, и когда солнце проходило над землей, оно приближалось к поверхности больше, чем сейчас. Поэтому в первый день своего путешествия солнце было невыносимо жарким; люди почти сгорели заживо и молили четыре ветра, чтобы каждый из них отодвинул свою гору от центра земли и таким образом расширил границы мира. Их желание было исполнено, и моря, ограничивавшие землю, отступили перед горами. Но на второй день, хотя погода была более мягкой, все еще было слишком жарко, и снова были удалены горы и моря. Все это повторилось на третий день; но на четвертый день они обнаружили, что погода стала приятной, и больше не молились о том, чтобы земля изменилась».

70. История о создании звезд рассказывается практически одинаково многими сказочниками. Удивительно, что Хатали Нез полностью ее опустил. Ниже приводится рассказ Налцоса Нигехани: «Теперь Первый Человек и Первая Женщина подумали, что было бы лучше, если бы на небе было больше огней, потому что бывали времена, когда луна не светила ночью. Поэтому они собрали несколько осколков сверкающей слюды, из которых можно было сделать звезды, и Первый Человек приступил к составлению плана небес на земле. Он поместил маленький осколок на севере, где хотел иметь звезду, которая никогда не двигалась бы, и рядом с ней разместил семь больших осколков, которые являются семью звездами, которые мы сейчас видим на севере. Он поместил большую яркую звезду на юге, еще одну на востоке и третью на западе, а затем приступил к планированию различных созвездий, когда появился Койот, который, увидев, что три кусочка красные, воскликнул: «Это будут мои звезды, и я помещу их там, где считаю нужным»; так он поместил их в места, соответствующие местам, которые три большие красные звезды сейчас занимают среди небесных светил. Прежде чем Первый Человек закончил свою работу, Койот потерял терпение и, сказав: «О! Пусть будут так, как есть», поспешно собрал осколки слюды, бросил их вверх и сильно подул на них. Они мгновенно прилипли к небу. Те, которым были назначены места, прилипли на своих местах, а остальные были разбросаны беспорядочно и в бесформенных скоплениях по небосводу». См. «Часть мифологии навахо», стр. 7, 8.[306]

71. Ниже приведены некоторые из разрушителей, которые произошли от этой крови:

Цэнагахи , Путешествующий камень.

Циндильхасицо, Великое дерево, которое кусается.

Бицозиеадааи,

Санисдзол, Лежащая старость.

Це‘тлаходилил, Черный под утесами.

Це‘тлаходотли‘з, Синий под утесами.

Цетлахалцо, Желтый под утесами

Цэтлахалкаи, Белый под утесами.

Це‘тлаходицос, «Сверкающий под утесами».

Цадидахалтали, Пожирающая антилопа.

Йецолапахи, «Коричневый Йецо».

Локаадикиси, Рубящие камыши.

«Вы видите цвета под камнями, у подножия утесов, и когда вы приближаетесь к ним, какой-то невидимый враг убивает вас. Это те же самые Tse‘tlayaltí‘, или Те, кто разговаривает под утесами». Так ответил Хатали Нез ( ) на вопрос.

72. Kĭntyél или Kĭntyê′li. — Это название (от kin, каменный или глинобитный дом, дом пуэбло, и tyel, широкий) означает просто «Широкое пуэбло» — такое, которое занимает большую площадь. Оно применяется по крайней мере к двум разрушенным пуэбло в стране навахо. Один из них — Пуэбло-Гранде мексиканцев, расположенный «в двадцати двух или двадцати трех милях к северу от Навахо-Спрингс», станции на Атлантической и Тихоокеанской железной дороге в Аризоне, — хорошо описан и изображен г-ном Виктором Минделеффом в его «Исследовании архитектуры пуэбло»[326]. Другой — Кинтиэль, о котором говорится в этой истории, — находится в каньоне Чако в Нью-Мексико. Его название пишется как «Kintail» и переводится как «навахоское название руин». Оно упоминается г-ном Ф. Т. Бикфордом[293], и одна из его картин, вероятно изображающая Кинтиэль, воспроизведена здесь (рис. 36). В журнале *«Journal of American Folk-Lore»* за апрель-июнь 1889 года автор пишет: «У меня есть основания полагать, что это пуэбло идентично тому, которое видел и описал в 1849 году лейтенант Дж. Х. Симпсон из США под названием Пуэбло Четтро Кеттл».

73. Имя Хас-це-ял-ти, написанное в соответствии с алфавитом Бюро этнологии «Кастцеялчи», можно перевести как «Говорящий Бог» или «Говорящий Старейшина Богов». Хастсеялти также называют Йебцай, или Материнский Дед Богов. Он является вождем или лидером нескольких групп местных божеств, которые, как говорят, обитают в Кининаэкаи, в каньоне Челли, в Цэньнице, Цэхихи и в различных других священных местах. Хотя его называют говорящим богом, человек, который олицетворяет его в ритуалах, никогда не говорит, находясь в образе, а издает своеобразный крик и делает знаки. Однако в мифах бог представлен как говорящий, обычно после того, как он выдал крик и сделал знаки. (Пр. 472.) Он является благодетельным персонажем, всегда готовым помочь человеку и спасти его от опасности. Иногда о нем говорят и молятся, как будто он единственный, но мифы показывают, что навахо верят во многих богов с этим именем, и в некоторых молитвах четко указывается, о ком идет речь, называя его дом в связи с ним. На иллюстрации I он изображен, как на сухих росписях, с табачной сумкой, сделанной из шкуры белки Аберта (*Sciurus aberti*). На картинке тщательно прорисованы черные кончики пальцев, носа и ушей ( ) и красноватое (каштановое) пятно на спине белки. Сухая роспись показывает более важные черты маски, которую носит исполнитель роли, — орлиные перья на спине, совиные перья у основания перьевого украшения и своеобразные символы на рту и глазах, — но не показывает символ кукурузного стебля над носом. На рис. 27, взятом из фотографии, показана маска, украшенная воротником из свежих еловых веток, как она выглядит, когда используется в танце наахаи в последнюю ночь церемонии кледзи *хаталь*. Исполнитель роли Хастсеяльти полностью одет, в то время как представители других богов почти обнажены. Надлежащим покрытием для

его спины является несколько тонко обработанных оленьих шкур, одна над другой, связанных спереди кожами ног; но в последние годы маскарадный персонаж часто появляется в обычной ситцевой рубашке. Символом, окружающим каждое из отверстий для глаз и рта, является это . Говорят, что оно олицетворяет грозовую тучу, висящую над землей, и туман, поднимающийся снизу, чтобы встретиться с ней. Таким образом, тучи и туман часто появляются в горах земли навахо во время сезона дождей. Хастсеялти или Йебцай является главным персонажем великого обряда kléd zi *hatál*, или ночного песнопения. Наши люди, которые часто ходят посмотреть публичное представление последней ночи этого ритуала, называют его танцем Йебцай (Яйбичи). Песни и молитвы, в которых упоминается Хастсейалти, многочисленны. Точки, в которых рис. 2, табл. I, совпадают с рис. 1, табл. I, см. примечание 74.

74. Has-tsé-ho-gan, написанный алфавитом Бюро этнологии, Qastcéqogan, может быть свободно переведен как «Бог дома». Hastséhogan — один из ведущих персонажей в каждой из местных групп yéi, или божественных существ, которые обитают в пещерах и старых жилищах на скалах. О нем обычно говорят, как будто он единственный, но изучение мифов показывает, что навахо верят во многих таких богов. Наиболее почитаемыми являются Tse‘gíhi, Tsé‘nihogan, Tsé‘nitse, Kininaékai и священные горы. В большинстве мифов он появляется как второй по авторитету после Хастсеялти, Говорящего Бога, но иногда он представлен как равный или даже превосходящий последнего. Он является как богом земледелия, так и богом дома. Ему приписываются песни о земледелии, которые поются во время ночного песнопения (см. примечание 322), и многие другие песни. Он является благодетельным персонажем и другом человека. Ему посвящено много песен и молитв. В ритуале кледзи *хаталь*, или ночном песнопении, его изображает в танце мужчина, одетый в ожерелье из ели, синюю маску, украшенную орлиными перьями, и мокасины, а также рубашку и гетры, которые должны быть (но в последние годы не всегда бывают) из оленьей кожи. На сухих картинах он изображается следующим образом (см. иллюстрацию I, рис. 1): он одет в черную рубашку, украшенную четырьмя звездообразными орнаментами, вышитыми из иголок дикобраза, и имеющую внизу причудливую бахрому из иголок дикобраза; белые леггинсы из оленьей кожи; цветные подвязки; мокасины, вышитые иголками, завязанные белыми шнурками; длинные серьги из бирюзы и кораллов; браслеты из тех же материалов; шкура выдры (свисающая ниже правого уха), с которой свисают шесть замшевых шнурков, обмотанных цветными иголками дикобраза; шапочная (мужская) маска, окрашенная в синий цвет, отороченная красными волосами и украшенная орлиными перьями и перьями совы. Он несет посох (*gĭs*), окрашенный в черный цвет (углем четырех священных растений), с поперечными белыми полосами и украшенный одним пучком перьев из хвоста индейки, расположенных в виде спирали, и двумя орлиными перьями, которые, как и перья на голове, заканчиваются маленькими пушистыми орлиными перьями. Желтая полоса на подбородке указывает на аналогичную полосу на маске, которую он действительно носит, и символизирует желтый свет вечера (nahotsóí). Шея этой, как и других божественных фигур, окрашена в синий цвет и пересечена четырьмя красными полосами. Некоторые говорят, что это обозначает гортань с ее хрящевыми кольцами; другие говорят, что это представляет воротник из еловых веток; третьи не уверены в его значении. Если это не обозначает еловые воротнички, то оно ничего не обозначает в костюме маскарадного персонажа , который, за исключением вышивки из перьев, в остальном точно соответствует изображению. Хастсеяльти также является богом рассвета, а Хастсехоган — богом вечера.

75. В сказках навахо мужчины часто получают дружеские предупреждения или советы от богов ветра, которые шепчут им на ухо. Некоторые рассказчики — как в приведенной здесь версии мифа о происхождении — говорят только об одном боге ветра, которого они называют просто Nĭ′ltsi (Ветер); в то время как другие — как в истории о Навахо ( ) На tĭ′nĕsthani — говорят о Нилци-дине (Wind People) и Нилциази-дине (Little Wind People) как о дружественных подсказчиках.

76. Игра *nánzoz*, в которую играют навахо, во многом похожа на игру chungkee, в которую играют манданы, описанную и изображенную Кэтлином в его книге «Североамериканские индейцы»[296], т. I, стр. 132, иллюстрация 59. Обруч катят по земле, а за ним бросают длинные палки. Жезл манданов был сделан из одного куска дерева. Жезл навахо состоит из двух частей, обычно из ольхи, каждая длиной в одну сажу; части перекрывают друг друга и скрепляются длинной ветвистой ремешком из кожи, называемым thágibĭke, или «иглы индейки».

77. Эти раковины, возможно, не являются полностью мифическими. Возможно, они такие же, как те, что описаны в рассказе «Великая раковина Кинтьеля», приведенном в этой книге.

78. До сих пор были получены только расплывчатые описания Бе-ко-ци-ди. Он не представлен ни одним персонажем в маске в церемониях, ни одной картинкой в сухих росписях. Не было записано никакого описания его внешности, кроме того, что он похож на старика. Существует миф о нем, краткое изложение которого было записано. С этим мифом связаны четыре песни. Если навахо хочет получить хорошую лошадь, он думает, что может получить ее, спев вторую и третью из этих песен и помолившись Бекоциди. В своей молитве он указывает цвет и внешний вид желаемой лошади. Некоторые говорят, что Бекоциди создал всех животных, чье создание не объясняется в мифах. Другие говорят, что он и Солнце создали животных вместе. Третьи же ограничивают его творчество крупными дикими животными и современными домашними животными. В этом параграфе (228) говорится, что он является богом, несущим луну, в то время как в параграфе 199 говорится, что луноносец — это Клеханоай. Возможно, это два имени одного персонажа. Некоторые считают, что он тождественен Богу американцев.

79. Bayeta, испанское слово, означающее сукно. Разновидность сукна, которая попадает в страну навахо, окрашена в оттенки малинового цвета и имеет очень длинный ворс. Предполагается, что оно производится в Англии специально для испано-американской торговли, поскольку на каждом оригинальном тюке есть яркая цветная этикетка с надписью на испанском языке. На юго-западе она заменила алую шерсть, которая раньше была таким важным предметом торговли северных племен. Ярко-красные узоры на более тонких одеялах навахо пятнадцать и более лет назад были сделаны из нитей из распущенной байеты.

80. Койот, или прерийный волк (*Canis latrans*), по-видимому, считается навахо типичным представителем или эталоном для сравнения среди диких *псовых* юго-запада. Койот называется mai; большой волк — maítso, что означает «большой койот»; а лисица-кит (*Vulpes velox*) называется *maidotlĭ′z*, что означает «синий или серый койот».

81. В некоторых версиях говорится, что в этой божественной семье было двенадцать братьев и одна сестра, всего тринадцать человек. В этой версии рассказчик рассказывает, как Эстсанатлехи создал еще одного брата, чтобы восполнить потерю Леянеяни, который покинул братство. (Пр. 417.) Хотя этих братьев называют Дине Накидата, или Двенадцать человек, они явно являются божествами. Правда, однажды они умерли, но потом воскресли и теперь бессмертны. Они наделены сверхчеловеческими способностями.

82. Потовая хижина навахо (пар. 25, рис. 15) обычно не превышает трех футов в высоту ( ). Потоотделение происходит по принципу турецкой (а не русской) бани. В то время как индейцы

Севера льют воду на раскаленные камни и делают паровую баню, навахо просто кладут камни, нагретые на огне снаружи, на пол потной хижины, закрывают вход одеялами и таким образом создают высокую температуру, которая вызывает сильное потоотделение. Когда человек выходит из потной хижины, если это не церемониальная баня, он катается по песку, а когда его кожа высохнет, он счищает песок. Обычно он возвращается в потную хижину и может повторить эту процедуру несколько раз за один день. Если потная баня является церемониальной, то обычно за ней следует баня с пеной из юкки (см. примечание 10), а затем человека высушивают кукурузной мукой.

Рис. 38. Природный мост, недалеко от Форт-Дефайанс, Аризона.

83. Одна из версий гласит, что перед тем, как войти в потную хижину, Койот предложил им вызвать рвоту, пощекотав горло, — обычная практика среди навахо. Он положил перед каждым из них большой кусок сосновой коры в качестве блюда и велел Йелапахи держать глаза закрытыми, пока ему не скажут их открыть. В тот день Койот плохо пообедал. Он не нашел ничего, кроме нескольких жуков и червей, в то время как Йелапахи сытно пообедал жирной олениной. Когда рвота закончилась, Койот поменял тарелки из коры и сказал Йелапахи: «Открой глаза и посмотри, какие гадости были в твоем желудке. Это то, что делает тебя больным». Великан открыл глаза и увидел на коре много насекомых и червей. «Это правда, мой друг, то, что ты мне говоришь, — сказал он. — Как я только набрался таких мерзких вещей? Неудивительно, что я не мог быстро бегать». Затем Койот сказал великану, чтобы тот пошел перед ним в потную баню, и когда великан отвернулся, голодный Койот быстро съел содержимое другой тарелки из коры.

84. Слово tóhe (в английском языке thóhay), которое можно перевести как «стоять», «прилипать» или «оставаться», в различных ритуалах произносится властным тоном, когда требуется, чтобы какой-либо объект подчинился воле заклинателя. Так, в танце стоячих дуг, который исполняется в ритуале горного песнопения, когда дуга помещается на голову исполнителя и предполагается, что она должна стоять без видимой опоры ( ), крик «tóhe» повторяется многократно. (См. «Горное песнопение», 314, стр. 437.)

85. Утверждение о том, что волосы богов, как дружественных, так и враждебных, желтые, встречается и в других сказках. Волосы церемониальных масок красноватые или желтоватые. (См. таблицы IV и VII.) Волосы богов изображаются красным цветом на сухих картинках. Тусклые оттенки красного цвета навахо часто называют желтыми. Можно выдвинуть различные гипотезы, чтобы объяснить эти факты.

86. Радужный мост, а также радужный след часто встречаются в сказках навахо. Земля навахо изобилует глубокими ущельями и каньонами, и, как говорят, божественные существа в своих странствиях соединяют каньоны, создавая радуги. В мифе «Горная песня» (стр. 399, примечание 314) бог Хастсейалти изображается как создающий радужный мост, по которому герой может пройти. Герой ступает на дугу, но проваливается в нее, потому что дуга мягкая; тогда бог дует, и дуга затвердевает, и человек с легкостью идет по ней. Навахо считают, что естественный мост возле Форт-Дефайанс в Аризоне изначально был одним из радужных мостов Хастсейалти (см. рис. 38).

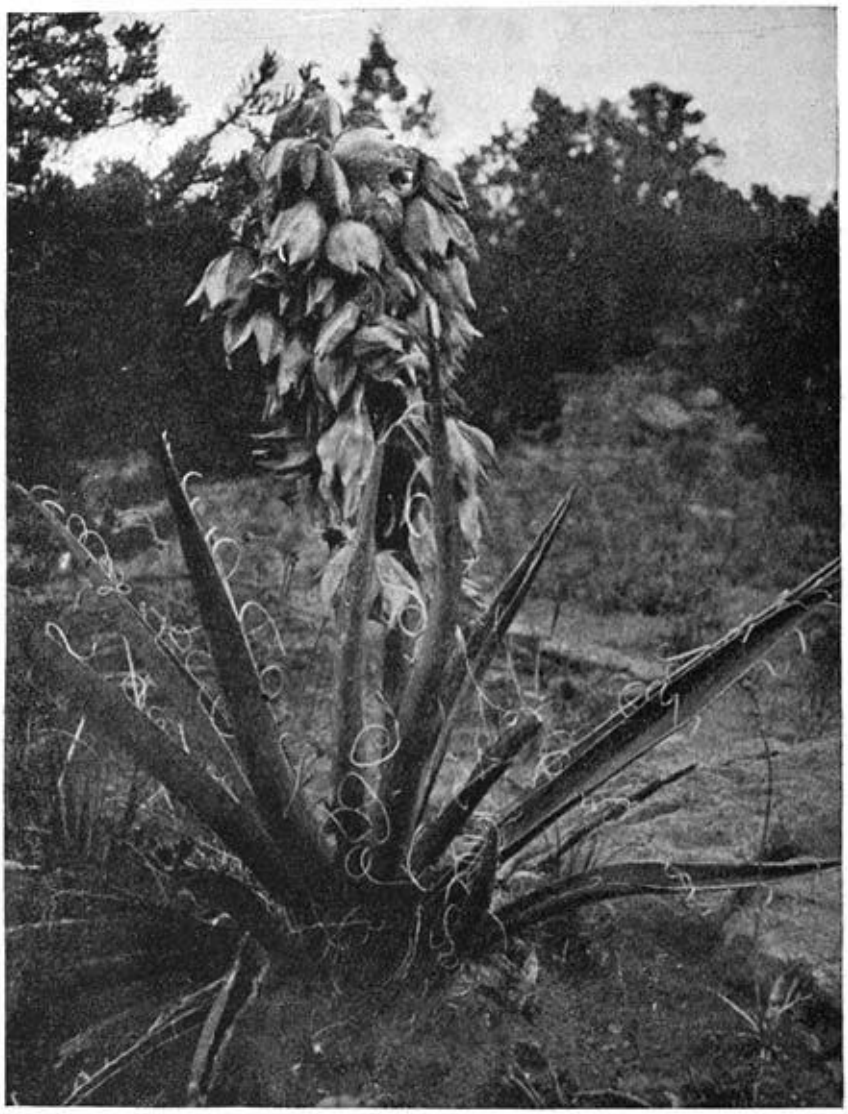


Рис. 39. Юкка бакката.

87. Пауки Аризоны в основном относятся к классам, обитающим в земле, включая пауков-ловушек, тарантулов и т. д.

Рис. 40. Барабанная палочка из листьев юкки.

88. Эта легенда, как и почти все легенды народа навахо, содержит частые упоминания о юкке. Упоминаются четыре вида: 1-й — tsási или haskán. *Yucca baccata* (Torrey); 2-й — tsasitsóz, или тонкая юкка, *Yucca glauca* (Nuttall), *Yucca angustifolia* (Pursh); 3-й, yĕbĭtsasi, или юкка богов, вероятно *Yucca radiosa* (Trelease), *Yucca elata* (Engelmann); 4-й, tsasibĭté, или рогатая юкка, которая, по-видимому, является лишь зачаточной формой или карликовой разновидностью *Yucca baccata*, которую автор никогда не видел в цвету или с плодами. Tsási используется как родовое название. Все виды используются в ритуалах, иногда без разбора, а иногда может использоваться только определенный вид. Так, в священной игре kĕsĭtsé176 фишки изготавливаются из листьев *Y. glauca*; при посвящении в тайну Yébĭtsai кандидат подвергается порке листьями *Y. baccata*. На рис. 26 изображена маска, используемая в ритуалах кледзи *хатал*, которая должна быть изготовлена только из листьев *Y. baccata*, собранных с соблюдением многих особых обрядов. Все эти юкки содержат сапонин в своих корнях (известных как *талавус* или пена) и все используются для очищения. Все они имеют в своих листьях длинные прочные волокна, которые используются для

всех целей, для которых такие волокна могут применяться. Только один вид, *Yucca baccata*, имеет съедобные плоды. Они называются haskán (от *hos*, колючий, и kan, сладкий), и это название иногда применяется ко всему растению. Плоды едят сырыми и превращают в прочное, плотное желе, как индейцы навахо, так и индейцы пуэбло. Первый и второй виды широко распространены в стране навахо; третий и четвертый виды встречаются реже. На рис. 40 изображена барабанная палочка, используемая в обрядах кледзи *хаталь*, которая должна быть изготовлена только из четырех листьев *Yucca baccata*. Сложные обряды, связанные с изготовлением, использованием, уничтожением и жертвоприношением этой барабанной палочки, уже были описаны автором.[321]

89. Канальный кактус — *Opuntia arborescens* (Engelm.).

90. Tsiké *Sas* Nátlehi буквально означает «молодая женщина, которая превращается в медведя», или «дева, которая становится медведем». Судя по этой сказке, можно было бы подумать, что в мифологии навахо был только один такой персонаж и что она умерла. Но из других легенд и ритуалов следует, что навахо верят в существование нескольких таких дев, некоторые из которых существуют и по сей день. В мифе о dsĭlyĭ′dze *hatál* говорится, что холм Цускай (примечание 9) в настоящее время является домом для нескольких Цике *Cac* Натлехи. Из песен dsĭlyĭ′dze *hatál* следует, что Дева, которая становится медведем в более поздние времена, не считается такой злобной, как первая из своего рода. Ее помощи ищут больные.

91. См. пункт 26. Из текста этой истории можно сделать вывод, что смерть — не единственная причина, по которой дом становится проклятым или злым, но что, если в него вступило великое несчастье, его тоже следует избегать.

92. Это замечание относится только к той конкретной группе, история которой прослеживается. Согласно легенде, в то время существовали и другие группы дине, которые избежали ярости чужеземных богов, и когда они впоследствии присоединились к навахо , они были известны как дине дигини (святые или мистические люди). (См. пункты 385 и 387.)

93. Боги и люди, которым они благоволят, в сказках изображаются как быстро и легко путешествующие по радуге, солнечным лучам и молниям. Такие чудесные пути называются etĭ′n dĭgíni, или святыми тропами. Их также изображают как использующих солнечные лучи как плоты, чтобы плыть по воздуху.

94. Сравните этот рассказ с рассказом о сотворении Первого Человека и Первой Женщины. (Пункты 162–164.)

95. Es-tsá-na-tle-hi (параграф 72) никогда не изображается в ритуалах маскарадными персонажами и никогда не изображается в песочных картинах, насколько автор смог выяснить. Другие версии легенды описывают ее создание по-другому. Версия А. — Первый Человек и Первая Женщина остановились у горы Цолихи (Dsĭ *lnáotĭl*) и разбили лагерь в разных местах вокруг горы. Однажды черная туча опустилась на гору Цолихи и продержалась там четыре дня. Первый Человек сказал: «Наверняка что-то произошло; пусть кто-нибудь пойдет туда и посмотрит». Первая Женщина пошла. Она подошла к горе с востока и четыре раза обошла ее, поднимаясь наверх. На вершине она нашла девочку, которая была дочерью Матери-Земли (Наестсан, Женщина Горизонтальная) и Отца-Неба (*Ядилийл*, Верхняя Тьма). Она подняла ребенка, который до этого момента молчал, но как только ее подняли, она начала плакать и не переставала плакать, пока не вернулась домой в *Дсилнаотиль*. Соленая Женщина сказала, что хочет этого ребенка. Считается, что солнце кормило младенца пыльцой, потому что не было никого, кто мог бы его вскармливать. За двенадцать дней она выросла до большого девочки, а за восемнадцать дней стала женщиной, и для нее провели церемонию вступления в брак. К этой церемонии относится двенадцать песен. В версии В

говорится только о том, что Первая Женщина нашла младенца лежащим на земле и взяла его домой, чтобы воспитать. (См. «Некоторые божества и демоны навахо»,[313], стр. 844, 846.)

96. Йолкаи Эцан означает «Женщина в белой раковине». Йолкаи происходит от сокращения yo (бусина или раковина, из которой делается бусина) и lakaí (белый). Эцан означает «женщина». Насколько известно, она не представлена ни одним персонажем в церемониях и не изображена в сухих росписях.

97. Примечание опущено.

98. То-не-ни-ли или То-не-ни-ли, «Разбрызгиватель воды», — важный персонаж в мифологии навахо. Он является богом дождя. На сухих картинах, посвященных обрядам навахо, он изображен в синей маске с красной каймой и украшенной сверху живыми перьями. Иногда его изображают с кувшином для воды. В ритуале кледзи *хатал*, во время публичного танца в последнюю ночь, его изображает человек в маске, который играет роль клоуна. Пока другие люди в масках танцуют, этот клоун выделывает различные фокусы по своему капризу. Он идет вдоль линии танцоров, мешает им, танцует не в такт и не в ритме, глупо смотрит на разных людей или сидит на земле, скрестив руки на коленях, покачиваясь из стороны в сторону. Иногда он присоединяется к танцу; ближе к концу фигуры, когда другие уходят, он делает вид, что не замечает их ухода, остается на месте и продолжает танцевать. Затем, делая вид, что внезапно обнаружил отсутствие танцоров, он бежит за ними. Иногда он несет лисью шкуру, бросает ее на землю, уходит, как будто не замечая своей потери; затем, делая вид, что осознал свою потерю, он поворачивается и ведет себя так, как будто тревожно ищет шкуру, которая лежит на видном месте. Он прикрывает глаза рукой и приседает, чтобы посмотреть. Затем, притворяясь, что нашел шкуру, он прыгает на нее и бьет ее, как будто это живое животное, которое он хочет убить. Затем он берет ее на плечи и несет, как будто это тяжелый груз. С помощью таких выходок исполнитель роли Тоненили помогает разнообразить монотонность долгого ночного представления. Хотя в ритуалах он показан как дурак, в мифах он таким не является.

99. Они манипулировали брюшными стенками, полагая, что таким образом обеспечат благоприятное предлежание плода. Этот обычай сохранился у народа навахо и по сей день.

100. Среди навахо шаманы выполняют функции акушеров.

101. В других версиях Эстанатлехи является матерью обоих богов войны, и их зачатие описывается менее фантазийно. Версия А. Дева Эстанатлехи пошла за дровами. Она собрала вязанку, связала ее веревкой, и когда она опустилась на колени, чтобы поднять ее, почувствовала, как кто-то наступил ей на спину; она подняла глаза, но никого не увидела. Еще три раза, приседая, она чувствовала давление ноги. Когда она подняла глаза в четвертый раз, она увидела мужчину. «Где ты живешь?» — спросил он. «Рядом», — ответила она, указывая на свой дом. «На той горе, — сказал он, — ты найдешь четыре юкки, каждая из которых отличается от других, с срезанными северными сторонами, чтобы их можно было различить. Выкопай корни этих юкк и сделай себе ванну. Возьми муку из кукурузы тохонотни (примечание 28), желтую от своей матери, белую от своего отца (примечание 27). Затем построй себе укрытие из веток вдали от своей хижины и спи там четыре ночи». Она пошла домой и рассказала все это своим приемным родителям. Они выполнили все указания таинственного посетителя, потому что знали, что он был Солнцем. В течение трех ночей в укрытии из веток ничего не происходило, насколько она знала. Утром после четвертой ночи ее разбудил звук удаляющихся шагов, и, посмотрев в сторону, откуда доносился звук, она увидела восходящее солнце. Через четыре дня после этого (или через двенадцать дней, как говорят некоторые) родилась Найензгани. Через четыре дня она пошла омыться в роднике, и там она зачала от воды, и еще через четыре дня у нее родился Тобадзистсини, второй бог войны.

Версия В. — Солнце (или носитель солнца) встретил ее в лесу и назначил место встречи. Здесь Первый Человек построил загон из веток. Солнце посещало ее в виде обычного человека в загоне четыре ночи подряд. Через четыре дня после последнего визита она родила близнецов, которые были Найенезгани и Тобадзистсини. (См. «Часть мифологии навахо», 306, стр. 9, 10.)

102. Версия А описывает корзину для младенца старшего брата следующим образом: Ребенок был завернут в черное облако. В качестве капюшона корзины использовалась радуга, усыпанная звездами. Задняя часть каркаса представляла собой парагелион, с ярким пятном внизу, сияющим в самой нижней точке. По бокам были расположены зигзагообразные молнии, а по центру спереди — прямые молнии. *Nĭltsátlol* (солнечные лучи, сияющие на далеком ливне) образовывали бахрому спереди, где индейцы теперь кладут полоски оленьей кожи. Ремни для переноски были солнечными лучами.

103. Горное красное дерево Нью-Мексико и Аризоны — это *Cercocarpus parvifolius*, Nutt. Навахо называют его Tsé‘estagi, что означает «твердый, как камень».

104. Круглый кактус, один или несколько видов *Mammilaria*. Сидячий кактус, *Cereus phœniceus*, и, возможно, другие виды *Cereus*.

105. Йе-и-цо (от йеи, бог или гений, и цо, великий) был величайшим и самым свирепым из анайе, или чужеземных богов. (Пр. 80, примечание 7.) Все описания его в основном одинаковы. (См. пар. 323, 325, 326.) Согласно рассказам Хатали Неза и Торлино, его отцом был камень; однако в пар. 320 и в версии В солнце представляется как говорящее, что Йеитсо является его ребенком. Возможно, они имеют в виду, что он является ребенком солнца в метафизическом смысле.

106. Эта часть мифа отсылает к паукам-ловушкам, или тарантулам юго-запада, которые обитают в тщательно подготовленных гнездах в земле.

107. Под перьями жизни или перьями дыхания (hyĭná bĭltsós) подразумеваются перья, взятые у живой птицы, особенно у живого орла. Считается, что такие перья сохраняют жизнь и обладают другими магическими свойствами. Они используются во всех обрядах. Чтобы обеспечить себя этими перьями, индейцы пуэбло ловят орлят ( ) и выращивают их в неволе (см. п. 560 *и далее*); но навахо, как и дикие племена севера, ловят взрослых орлов в ловушки и ощипывают их заживо. Этот метод ловли орлов был описан автором в его работе «Этнография и филология индейцев хидатса»305.

108. Поскольку пыльца является символом мира, это равносильно выражению «опусти ноги в мир» и т. д.

109. Версия А в описании приключения с Женщиной-пауком добавляет: На лестнице было только четыре ступеньки. В ее доме было много сидений. Старший брат сел на сиденье из обсидиана, младший — на сиденье из бирюзы. Она предложила им четыре вида еды, но они приняли только один. Когда они поели, из комнаты на востоке вышел маленький обсидиановый образ и встал на зубчатую платформу, или платформу из зубчатых ножей. Старший брат стоял на платформе рядом с образом. Паук-Женщина четыре раза сильно дунула на образ в направлении молодого человека, и тот обрел твердость обсидиана, которая должна была защитить его в будущих испытаниях. Из южной комнаты вышел бирюзовый образ и встал на зубчатую платформу. Младший брат встал рядом с ним. Паук-Женщина дунула на бирюзовый образ в его сторону, и он таким образом приобрел твердость голубого камня. Сегодня в обрядах хозони *хаталь* есть молитва, касающаяся этих событий, которая начинается словами: «Теперь я стою на песдольгас» (см. примечание 264).

110. В описании путешествия Военных Богов к дому Солнца версия А добавляет кое-что. В Тосато или Горячем Источнике (Охо Галлина, недалеко от Сан-Рафаэля) братья переживают приключение с Тиэхолцоди, водным чудовищем, которое угрожает им и умиротворяется молитвой. Они встречают Стариков, которые относятся к ним доброжелательно, но просят их не идти по тропе, ведущей к дому Старости. Они приходят в *Хайолкаль*, Дневной Свет, который возвышается перед ними, как величественная горная гряда. (Песни.) Они боятся, что им придется пересечь ее, но Дневной Свет поднимается с земли и пропускает их под собой... Они приходят в *Цальель*, Тьму. Ветер шепчет им на ухо, какие песни петь. Они поют эти песни, и *Цальель* поднимается и пропускает их под собой. Они приходят к воде, по которой идут. На другой стороне они встречают свою сестру, дочь Солнца, которая живет в доме Солнца. Она не говорит, но молча поворачивается, и они следуют за ней в дом.

111. Согласно версии А, было по четыре стража каждого вида, и они лежали в проходе или у входа в дом. Перед каждой группой из четырех висела занавесь. В каждой группе первый страж был черным, второй — синим, третий — желтым, четвертый — белым. Братья пели песни стражам и посыпали их пыльцой.

112. В версии А эти два молодых человека называются Черный Гром и Синий Гром.

113. Рассказчик этой версии упустил, что братья, войдя в дом, заявили, что пришли искать своего отца, но другие рассказчики не упускают этого момента.

114. Каждому из них было дано по четыре предмета доспехов и шесть различных видов оружия. Предметами доспехов были: песке (ножевые мокасины), пестисле (ножевые гетры), песе (ножевая рубашка) и песта (ножевая шапка). Слово «пес» в вышеуказанных названиях доспехов здесь переведено как «нож». Первоначально этот термин применялся к кремневым ножам и к обломкам, из которых изготавливались кремневые ножи. После появления европейских инструментов значение этого слова было расширено и стало включать железные ножи, а теперь оно применяется к любому предмету из железа и, с помощью квалифицирующих суффиксов, ко всем видам металла. Так, медь — это peslĭtsí, или красный металл, а серебро — peslakaí, или белый металл. Многие из народа навахо сейчас считают, что мифическая броня их богов была железной. Так считал автор в первые годы своих исследований среди навахо ( ), и он был склонен полагать, что они позаимствовали идею героев в доспехах у испанских завоевателей XVI века. Позднее исследования привели его к выводу, что концепция героев в доспехах не была заимствована у белых, и что доспехи, по-видимому, были сделаны из каменных чешуек, которые использовались для изготовления ножей в доисторические времена. Моки верят, что их боги и герои носили доспехи из кремня.

115. Оружие было следующим:

atsĭniklĭ′ska (стрелы с цепными молниями)

hatsĭlkĭ′ska или hadĭlkĭ′ska (стрелы с линейными молниями)

сабитлолка (стрелы солнечного луча)

natsilĭ′tka (радужные стрелы)

пешал (каменный нож-дубина)

hatsoilhál, который, по мнению одних, был молнией, а по мнению других — большим каменным ножом с лезвием шириной с ладонь. Некоторые говорят, что был дан только один каменный нож,

который предназначался для Nayénězgạni, и что было дано только две молнии, обе из которых предназначались для To‘badzĭstsíni. Человек, который сейчас олицетворяет Найенэзгани в обрядах, носит каменный нож необычного размера (пластина IV); а тот, кто олицетворяет Тобадзицсини, носит в каждой руке деревянный цилиндр (один черный и один красный), символизирующий молнию. (Пластина VII.)

116. Версия А добавляет, что, когда они были так экипированы, они были одеты точно так же, как их братья Черная Гроза и Голубая Гроза, которые жили в доме Солнца.

117. Человек, рассказывавший эту историю, объяснил, что на востоке было шестнадцать столбов, а на западе — шестнадцать, соединяющих землю и небо. Другие говорят, что с каждой стороны было по тридцать два столба. Навахо объясняют годовой ход солнца тем, что в день зимнего солнцестояния оно поднимается на самый южный столб, а по мере продвижения сезона поднимается на столбы, расположенные все дальше на север, пока в день летнего солнцестояния не поднимается на самый северный столб; затем оно возвращается по тому же пути, поднимаясь на разные столбы, пока снова не достигает юга. Предполагается, что оно проводит примерно одинаковое количество дней на каждом столбе.

118. Во многих версиях говорится, что носитель солнца ехал на лошади или другом домашнем животном. Здесь используется слово навахо *«лин»*, которое означает любое домашнее или домашнее животное, но сейчас, в частности, лошадь. В версии А говорится, что животное, на котором он ехал, было сделано из бирюзы и было больше лошади. В таких версиях очень сложно поднять лошадь на небо. В версии А небо опускается и касается земли, чтобы лошадь могла подняться. Конечно, лошадь — это современное дополнение к сказке. Они никогда не видели лошадей до шестнадцатого века, и до этого времени не известно, чтобы на западном континенте кто-либо ездил на каких-либо животных. Версия В просто говорит, что Солнце «надело свою мантию из облаков и, взяв по одному из своих сыновей под каждую руку, поднялось на небо».

119. Версия В говорит, что все они ели во время путешествия к небесному отверстию. Версия А говорит, что они ели в небесном отверститии, прежде чем братья спустились, смесь пяти видов пыльцы, а именно: пыльца белой кукурузы, пыльца желтой кукурузы, пыльца рассвета, пыльца вечерних сумерек и пыльца солнца.[11] Они были смешаны с tó‘lanastsi, всеми видами воды.[67]

120. То-са-то или Теплый источник находится в деревне Сан-Рафаэль, округ Валенсия, Нью-Мексико. Он расположен примерно в трех милях к югу от Гранта, на железной дороге Атлантик-Пасифик, в пяти милях от подножия и в восемнадцати милях от вершины горы Тейлор, к юго-западу от последней. Озеро, упомянутое в мифе, находится примерно в двух милях к юго-востоку от источника.

121. Согласно версии А, все чудовища или анайе были зачаты в пятом мире и рождены одной женщиной (внучкой Первой Женщины), которая много путешествовала и редко бывала дома. Согласно версии В, чудовища были посланы Первой Женщиной, которая обиделась на человека.

122. Версия А, помимо *Цоциля*, приводит названия трех других холмов, на которых появлялся Йейцо. Это были: на востоке — Саакеа; на юге — Дсилсици (Красная гора); на западе — Целпайнали (Висящая коричневая скала).

123. Версия А. — «Храг!» — сказал он с вздохом удовлетворения (выраженным пантомимой), — «Я закончил».

124. Иникетоко! Этимология этого выражения не установлена. Считается, что оно эквивалентно «Фи-фа-фум!» гигантов из наших детских сказок.

125. Версия В. — Этот болт разорвал его доспехи.

126. В этой и всех других версиях часто показывается, что зло превращается в добро (см. параграфы 338, 345, 349 *и др.*) и что мертвые демоны становятся полезными для человека в других формах. Как доспехи Йеитсо стали полезными для человека, рассказчик здесь забыл упомянуть, но можно предположить, что он должен был сказать, что из них получились кремневые отщепы для ножей и наконечников стрел.

127. Другие версии гласят, в частности, что в соответствии с индейским обычаем эти имена были даны, когда братья вернулись домой, и была проведена церемония празднования (танец «скальп») в честь их первой победы. Nayénězgạni происходит от na, или aná (инопланетянин или враг: см. примечание 7); yéi, ye или ge (гений или бог; отсюда anáye, инопланетный бог или гигант: см. параграф 80); nězgá‘ (убивать ударом или ударами, как при убийстве дубиной); и суффикс ni (человек). Таким образом, имя означает «Убийца чужих богов» или «Убийца гигантов». Поскольку звуки g и y перед e в языке навахо взаимозаменяемы, имя произносится как Nayénězgạni, так и Nagénězgạni — примерно с одинаковой частотой. В предыдущих эссе автор писал его вторым способом, но в этой работе он отдает предпочтение первому, поскольку он больше соответствует его написанию других имен, содержащих слово «ye» или «yéi». (См. параграф 78.) To‘-ba-dzĭs-tsí-ni происходит от to‘ (вода), ba (для него), dzĭstsín (рожденный) и суффикса ni. Таким образом, имя буквально означает «рожденный для воды», но выражение badzĭstsín (рожденный для него) обозначает отношения отца и ребенка, а не матери и ребенка, поэтому свободный перевод имени — «ребенок воды». Второе имя этого бога, Naídikĭsi, используется редко.

128. Примерно в 40 милях к северо-востоку от вершины горы Сан-Матео находится темный высокий вулканический холм, который мексиканцы называют *Эль-Кабезон*, или Великая Голова. Согласно рассказчикам народа навахо, это место было головой Йеитсо. Вокруг подножия Сан-Матео, в основном к востоку и северу, есть еще несколько высоких вулканических вершин, менее заметных, чем *Эль-Кабезон*, которые, как говорят, были головами других великанов, убитых в великой буре, поднятой богами войны. (См. параграфы 358, 359.) На пластинке V показаны шесть из этих вулканических холмов. Высокий усеченный конус вдали (в 17 милях от точки обзора) — *это Эль-Кабезон*. Капитан Кларенс Э. Даттон, США, рассматривает геологические особенности этих конусов в своей работе о горе Тейлор.[299] Иллюстрация V взята из той же фотографии, что и его иллюстрация XXI. В отчете лейтенанта Симпсона[328], стр. 73, этот холм описан под названием *Серро-де-ла-Кабеса*, и его изображение приведено на таблице 17 указанного отчета. На прилагаемой карте он называется «Кабезон-Парк».

129. К югу и западу от гор Сан-Матео находится большая равнина из лавовых пород геологически недавнего происхождения, которая заполняет долину и явно выглядит так, как будто когда-то была потоком. Порода темная и очень похожа на свернувшуюся кровь. Навахо считают, что это материал, который когда-то был кровью Йеитсо. В некоторых местах кажется, что кровь внезапно остановилась, образовав высокие утесы; здесь, как полагают, бог войны остановил поток своим ножом. На таблице VI показана эта лава в долине реки Сан-Хосе, с фотографии, предоставленной Геологической службой США.

130. Версия А добавляет некоторые подробности к рассказу о возвращении братьев домой после встречи с Йеитсо. Сначала они отправились в Азихи, место, где они спустились, когда пришли с неба, а затем в Кайнипехи. По дороге домой они спели двадцать песен — Нидотацогисин —

которые поют и сегодня во время обрядов хозони *хаталь*. Недалеко *от Дсилнаотиля*, на рассвете, они встретили Хастсеяльти и Хастсегогана, которые обняли их, обратились к ним как к внукам, спели две песни, которые теперь входят в обряды, и проводили молодых героев до их дома.

131. *Té-el-gĕt*, Tê-el-gĕ′-ti и *Dĕl-gét* — различные варианты произношения имени этого чудовища. В песнях его иногда называют Bĭ-té-ĕl-gĕ-ti, что является просто добавлением личного местоимения «его» к имени. Точная этимология не установлена. Название имеет некоторое отношение к его рогам; tê или te означает «рога», а bité — «его рога» на языке навахо. Все описания этого анайе очень похожи. Говорят, что его отец был рогом антилопы.

132. *Arabis holböllii* (Hornemann), a-ze-la-dĭl-té-he, «разбросанные» или «одинокие лекарства». Растения растут поодиночке и на расстоянии друг от друга, а не в грядках или группах. (См. «Навахо названия растений», 312, стр. 770.)

133. Версия А рассказывает, что во время работы над этими кетонами они пели шесть песен, которые под названием Atsós Bigĭ′n, или «Песни о перьях», поются сейчас в ритуале hozóni *hatál*.

134. Версия А гласит, что рога *Теэлгэта* были похожи на рога антилопы, и что Найэнезгани отрезал короткую ветку одного из них в качестве дополнительного трофея.

135. Tse‘nă′-ha-le. Эти мифические существа, которые в предыдущей статье «Часть мифологии навахо»306 автор называет гарпиями из-за их сходства с гарпиями из греческой мифологии, почитаются многими племенами юго-запада. Согласно Хатали Незу, они были потомками группы орлиных перьев.

136. Цэ-би-та-и, или Крылатая скала, — это высокий, острый пик из темной вулканической породы, возвышающийся над широкой равниной в северо-западной части Нью-Мексико, примерно в 12 милях от западной границы территории и примерно в 20 милях от северной границы. Навахо сравнивают ее с птицей, отсюда и название Крылатая скала, или, более буквально, Скала, ее крылья. Белые считают, что она похожа на корабль с поднятыми парусами, и называют ее Кораблем-скалой. Ее птицеподобный вид, вероятно, натолкнул навахо на мысль сделать ее мифическим домом птицеподобных Tse‘nă′hale.

137. В языке и легендах навахо есть много примеров, когда две вещи, в чем-то похожие друг на друга, но одна из которых более грубая, сильная или жестокая, называется мужской или ассоциируется с мужским началом, а более тонкая, слабая или нежная — женской или ассоциируется с женским началом. Так, бурная река Сан-Хуан называется навахо To‘baká, или Мужская вода, а спокойная река Рио-Гранде известна как To‘baád, или Женская вода. Ливень, сопровождаемый громом и молниями, называется nĭltsabaká, или мужской дождь; ливень без электрических явлений называется nĭltsabaád, или женский дождь. В мифе о Натинестани говорится, что горное красное дерево используется для мужской жертвенной сигареты, а скальная роза — для женской. Эти два кустарника очень похожи, особенно когда они плодоносят и украшены длинными перистыми рыльцами, но первый (мужской) кустарник больше и грубее. В мифе о Дсили Неяни можно найти еще один пример, где горное красное дерево ассоциируется с мужским началом, а скальная роза — с женским. Опять же, в мифе о Натинестани мужская сигарета описывается как сделанная из грубого подсолнечника, в то время как связанная с ней женская сигарета, как говорят, сделана из родственного, но более тонкого растения *Verbesina*. Примеры такого характера можно умножать до бесконечности. По этому принципу север ассоциируется с мужским началом, а юг — с женским, по двум причинам: во-первых, с севера дуют холодные, сильные ветры, а с юга — мягкие, теплые бризы; во-вторых, земля к северу от страны навахо более суровая и гористая, чем земля на юге. В первой части поднимаются великие

вершины Колорадо, а во второй холмы не такие крутые и ни один из них не поднимается до пределов вечных снегов. Символизм, вероятно, предшествующий этому, присвоил черный цвет северу, а синий — югу; таким образом, черный символизирует мужское начало, а синий — женское среди навахо. (Из «Бдения богов».)[328]

138. Версия А. — Молодые птицы были цвета синей цапли, но имели клювы, как у орлов. Их глаза были величиной с круг, образованный большими и средними пальцами обеих рук. Найенэзгани сначала бросил птиц на дно ущелья, а там превратил их.

139. Этимология слова Tsĕ′-dă-ni (в английском языке chedany) не установлена. Это выражение, обозначающее нетерпение и презрение.

140. Когда рассказчика спросили о причине этого звука, он дал объяснение, из которого следовало, что «хоттентотский фартук» существует у американских индейцев. Автор ранее уже имел подтверждающие это свидетельства.

141. Версия В здесь добавляет: «Считая свои перья потерянными, она обратила свое внимание на то, чтобы дать имена различным видам птиц, когда они улетали, — имена, которые они носят до сих пор среди навахо, — пока ее корзина не опустела».

142. Tse‘-ta-ho-tsĭl-tá‘-li, как говорят, означает «Тот, кто сбрасывает (людей) со скалы». Некоторые произносят это имя как Tse‘-ta-yĭ-tsil-tá‘-li.

143. В версиях А и В герой просто срезает волосы монстру и позволяет ему упасть с обрыва.

144. На-цис-а-ан — это гора Навахо, высотой 10 416 футов, расположенная в десяти милях к югу от слияния рек Колорадо и Сан-Хуан, в штате Юта.

145. Таким образом, рассказчик народа навахо слабо пытается заработать очко против своего извечного врага, народа па-уте. Но это слабая месть, поскольку, как говорят, па-уте обычно оказывались сильнее навахо в бою. В версии А молодые люди превращаются в овец Скалистых гор, в версии В — в хищных птиц.

146. Это место, где родились Бинаяе Ахани, как рассказывается в параграфе 203. Другие чудовища, упомянутые в части II, не были найдены Найенезгани в тех местах, где, по преданию, они родились.

147. В других версиях в разных местах упоминается Соленая Женщина, или богиня соли, Асихи Эстан, но в версии Хатали Нез о ней не говорится. В версии А говорится, что она дала мешок соли, который Найенезгани взял с собой в поход.

148. Цзи-дил-то-и означает «стреляющая или взрывающаяся птица». Название, возможно, происходит от какой-то особенности этой птицы, которая предупреждает о приближении врага.

149. Хос-то-ди, вероятно, является ономатопоэтическим названием птицы. Говорят, что она днем спит, а ночью выходит на охоту.

150. В версии В говорится, что трофеями были скальпы.

151. Во всех версиях этой легенды, за исключением двух, упоминаются два бога-героя или бога войны, а именно: Nayénĕzgạni и To‘badzĭstsíni; но в этих песнях даны четыре имени. Это сделано для удовлетворения индейского почитания числа четыре и связанного с ним поэтического

требования, которое часто заставляет поэтов навахо включать в песню четыре строфы. Лейанеяни, или Воспитанный под землей (параграф 286), — малоизвестный герой, единственным подвигом которого, согласно этой версии легенды, было убийство его сестры-ведьмы (параграф 281). Поступки Цовенатли, или « » («Меняющийся внук»), автору неизвестны. Некоторые говорят, что Леянеяни и Цовенатли — это просто другие имена Найенэзгани и Тобадзистсини, но ведущие авторитеты племени считают иначе. Одна из версий этой легенды гласит, что Эстсанатлехи спрятала своих детей под землей, когда Йейцо пришел, чтобы пожрать их. Возможно, это и породило идею, что одного из этих детей тоже звали «Воспитанный под землей».

152. Ниже приведены названия мест, где были сбиты куски камня:

Бисда, край берега.

Токохокади, уровень земли с водой. (Здесь Найенэзгани четыре раза обогнал камень по кругу; отколотые им куски до сих пор находятся там).

Даатсиньдахеол, Плавающий кукурузный початок.

Nitatĭ′s, Тополь под землей.

Сасдестаса, Разинувший пасть медведь.

Бейкитатйел, широкое озеро.

Нанзозилин, Сделай Нан *зоз* палочки.

Акиддахалаи, что-то белое на вершине (чего-то другого).

Анадсил, Гора врага.

Сасбито, Медвежий источник (Форт Уингейт).

Цетьелискид, Широкий каменный холм.

Tsadiháblĭtĭn, Поднимающийся след антилопы.

Кинхицой, Много сумаха.

Цускай (холм Чуска).

Лестсиделкай, Полосы белого пепла.

Дслинаодсил, гора, окруженная горами (горы Карризо).

Тиснаспас, круг тополей.

Говорят, что все вышеперечисленные места являются источниками постоянных родников (редких на земле навахо). Некоторые из них действительно известны как таковые. Это дает основания для идеи, выраженной в примечании 8. Нет сомнений, что навахо верят во многих Тиэхолтсоди. Вероятно, каждый постоянный родник или водоток имеет своего бога воды.

153. В версии А добавлено повествование о злой женщине, которая жила в *Киндотлизе* и убивала своих поклонников. Найенэзгани убивает ее. Также добавлено повествование о злобных ласточках, которые режут людей своими крыльями. В версии В опущена встреча с Сасналкахи и Ценагахи.

154. Возможно, это относится к легендам пуэбло.

155. Версия В, которая дает лишь очень скудное описание этой разрушительной бури, упоминает только один талисман, но говорит, что над ним пели песни и исполняли танцы.

156. Столбы, о которых говорится в мифе, распространены по всей территории народа навахо.

157. В версии А Найенэзгани говорит здесь: «Я был в Нииндахазлаго (на краю земли); в Тоиндахазлаго (на краю вод); в Яиндахазлаго (на краю неба); и в Дслиндахазлаго (на краю гор), и я не нашел никого, кто не был бы моим другом».

158. Pás-zĭn-i — это название, данное народом навахо твердому минеральному веществу, из которого они изготавливают черные бусы и другие подношения богам севера. Образцы этого вещества были исследованы профессором Ф. В. Кларком из Геологической службы США, который определил его как высококачественный битуминозный уголь, по своим свойствам приблизительно соответствующий каннельному углю; поэтому в данной работе для удобства он называется каннельным углем. Он встречается редко на территории навахо и ценится индейцами.

159. Это относится к крупным окаменелым костям, найденным во многих частях Аризоны и Нью-Мексико.

160. Ha-dá-ho-ni-ge-dĭ-ne‘ (люди миража), Ha-dá-ho-nes-tid-dĭ-ne‘ (люди земного тепла). *Hadáhonestid* переводится как «тепло земли» из-за отсутствия более подходящего термина. Это относится к колебаниям, которые возникают у объектов в жаркую погоду, часто наблюдаемым в засушливых регионах и вызванным различными рефракциями вблизи поверхности земли.

161. Церемония в Цинли (долина Чинли) была посвящена празднованию половой зрелости Эстсанатлехи. Хотя она уже была матерью, это произошло чудесным образом, и только к этому времени она проявила признаки половой зрелости. Такая церемония проводится сейчас для каждой девушки из племени навахо. Церемония на горе Сан-Франциско состоялась через четыре дня после церемонии в Цинли. Сейчас у навахо принято проводить вторую церемонию для девушки через четыре дня после первой. Во время второй церемонии с Эстанэтлехи ее положили на вершине горы головой на запад, потому что она должна была уйти на запад, чтобы жить там. Они манипулировали ее телом и вытягивали ее конечности. Так она велела людям поступать в будущем со всеми девушками навахо, и так навахо поступают сейчас, во время церемонии четвертого дня, когда они пытаются придать телу девушки форму, похожую на идеальную форму Эстсанатлехи. В версии А церемония брачного возраста происходит до рождения ребенка.

162. Дсил-ли-зин, или Дсил-ли-зини (Черная гора) — обширная меса в округе Апачи, штат Аризона. Считается, что перевал, о котором говорится в мифе, — это перевал Марш, названный так Геологической службой США, который находится примерно в 60 милях к северу от деревень моки. На прилагаемой карте название плато написано как «Zilh-le-jĭni».

163. То-йет-ли (Место слияния вод) — это место слияния двух важных рек где-то в долине реки Сан-Хуан, в Колорадо или Юте. Точное местоположение не установлено. Это место часто упоминается в мифах народа навахо. (См. параграф 477.)

164. В журнале «American Naturalist» за февраль 1887 года появилась следующая статья:

«В интересном рассказе под названием «Некоторые божества и демоны навахо» доктора У. Мэтьюса, опубликованном в октябрьском номере журнала «Naturalist» (примечание 306), он упоминает тот факт, что воины приносили жертвы в священном храме Тоетли в долине Сан-Хуан. Он говорит, что у навахо есть традиция, согласно которой боги войны, или священные братья, все еще обитают в Тоетли, и их отражение иногда можно увидеть на реке Сан-Хуан. Доктор Мэтьюз уверен, что последняя часть объясняется каким-то природным явлением. Следующий рассказ, по-видимому, дает полное объяснение этой части мифа. Несколько лет назад священник, путешествуя по долине Сан-Хуан, заметил любопытное явление, глядя на реку Сан-Хуан, протекающую через глубокий каньон. Начался туман, и вскоре он увидел тени себя и своих спутников, отражающиеся на поверхности реки и окруженные круговой радугой, «Кругом Уллоа». Они прыгали, отходили и выполняли ряд упражнений, чтобы убедиться, что фигуры были их отражениями, и фигуры реагировали. Радуга была лишь слегка окрашена. Подобные отражения, без сомнения, заставили суеверных индейцев считать эти отражения отражениями своих божеств». — Г. А. Бреннан, Роузленд, округ Кук, Иллинойс, 12 января 1887 г.

165. Tseʻ-gí-hi — это название каньона, изобилующего жилищами в скалах, к северу от реки Сан-Хуан, в Колорадо или Юте. Автор знает о нем только по описанию. Вероятно, это каньон МакЭлмо или Манкос. Навахо считают, что он был излюбленным домом йеи, или богов, а разрушенные жилища в скалах, как полагают, были заселены божественными существами. Руины скал в каньоне Челли, Аризона, также считаются жилищами богов; более того, по-прежнему считается, что боги по-прежнему обитают там, оставаясь невидимыми. Челли — это всего лишь испанское написание названия навахо Tséʻgi, Tséyi или Tséyi. Когда навахо говорит «в каньоне Челли», он произносит Tséyigi. Сходство этого выражения с Tseʻgíhi (г и у взаимозаменяемы) сначала заставило автора спутать эти два места. Тщательное расследование показало, что речь идет о разных местностях. Оба названия имеют почти одинаковое значение (Среди утесов или Среди скал).

166. Рассказчик использовал выражение «семь раз старость убила». Большинство белых, говорящих на языке навахо, свободно перевели бы это как «семь возрастов стариков». Продолжительность возраста старика как периода времени по-разному оценивается навахо. Некоторые говорят, что это определенный цикл в 102 года — то же число, что и счетные фишки, используемые в игре кецице (примечание 176); другие говорят, что это «семьдесят лет», а третьи заявляют, что это неопределенный период, отмечаемый смертью какого-нибудь очень старого человека в племени. По этой индейской оценке, существование ядра народа навахо составляет период от пятисот до семисот лет. В своей прекрасной статье «Ранние навахо и апачи»[301] г-н Ф. В. Ходж приходит к гораздо более поздней дате создания или первого упоминания о Tseʻdzǐnkǐʹni, вычисляя даты, указанные в этой легенде, и сопоставляя их с известными датами испано-американской истории. Он показывает, что многие даты, указанные в этой истории, являются приблизительно правильными. Хотя Tseʻdzǐnkǐʹni, согласно легенде, является основным родом навахо, из легенды не следует, что он является самым древним родом, поскольку dǐné‘ dǐgíni, или святые люди (см. примечание 92), предположительно существовали до его создания.

167. Tseʻ-dzǐn-kǐʹn-i происходит от tseʻ (скала), dzǐn (черный, темный) и kin (дом с прямыми стенами, каменный или глинобитный дом, а не хижина навахо или хоган). Tseʻ здесь переводится как «скалы», потому что дом или дома, о которых идет речь, описываются как расположенные в темных скалах. Как и почти все другие языческие имена навахо, оно, по-видимому, имеет местное происхождение.

168. Скальные образования Аризоны и Нью-Мексико часто настолько фантастичны, что такая ситуация, как описанная здесь, могла легко произойти.

169. Автор высказал мнение в другом месте318, что из этого отрывка не следует делать вывод, что рассказчик хочет посочувствовать Tse‘tláni по поводу их скудного рациона; он, возможно, просто хочет показать, что его род не имел такого же табу, как более старые роды. Современные навахо не едят уток и змей. Возможно, табу снова упоминается в параграфе 394, где говорится, что тапаха ели уток и рыбу. Навахо не едят рыбу и во многих отношениях боятся ее. Белая женщина, из злого умысла, вылила на молодого мужчину-навахо кастрюлю с водой, в которой замачивали рыбу. Он сменил всю одежду и очистился, приняв ванну. Известно, что навахо отказываются от конфет, имеющих форму рыбы.

170. В старину обычным способом убивать оленей и антилоп был следующий: их загоняли на высокую, крутую, выступающую мезу, соединение которой с соседним плато было узким и легко охраняемым. Здесь им отрезали путь к отступлению, и их преследовали, пока они не были вынуждены прыгнуть в пропасть.

171. Название To‘-do-kón-zi происходит от двух слов: to‘ (вода) и *dokónz* (здесь переводится как соленая). Последнее слово используется для обозначения отчетливого, но не неприятного вкуса. У него есть синонимы в других индейских языках, но не в английском. Из объяснений известно только, что вода, о которой идет речь, имела приятный соленый вкус.

172. Колчан для стрел тех дней является лишь предметом предания. Индейцы говорят, что он выглядел как современная шаль-ремень.

173. В названии этого рода мы, возможно, имеем еще одно свидетельство прежнего существования тотемизма среди некоторых родов навахо. Haskánhatso может означать, что на этой земле жило много людей из рода Юкка, а не то, что там росло много юкк.

174. Судя по описанию этого дерева, которое, по словам индейцев, все еще стоит, оно похоже на большую березу.

175. Tsĭn-a-dzĭ′-ni образовано путем двойной синкопы от tsĭn (дерево), na (горизонтальный), dzĭn (темный или черный) и суффикса ni. Слово «черный», dzĭn, в сложных словах часто произносится как zĭn. Где-то в Аризоне есть место под названием Tsĭ′nadzĭn, но автор его не нашел.

176. Ке-си-це, или кецице, от ke (мокасины) и sitsé (рядом, в ряд), — это игра, в которую играют только в зимние месяцы, ночью и внутри хижины. С этой игрой связано множество песен и миф о состязании между животными, которые охотятся днем, и теми, которые охотятся ночью. Восемь мокасин зарывают в землю (оставляя над землей примерно 2,5 см), наполняют их землей или песком. Их располагают бок о бок, на расстоянии нескольких сантиметров друг от друга, в два ряда — по одному ряду с каждой стороны костра. Они подбрасывают щепку, помеченную черным с одной стороны (символизирующей ночь), чтобы определить, какая сторона начнет первая. Люди с удачливой стороны поднимают экран, чтобы скрыть свои действия, и прячут небольшой камень в песке в одном из мокасин. Когда экран опускается, один из соперников ударяет по мокасинам палкой и угадывает, в каком из них находится камень. Если он угадал правильно, его сторона забирает камень, чтобы спрятать его, а проигравшие дают ему несколько жетонов. Если он не угадал правильно, первые игроки оставляют камень себе и получают определенное количество жетонов. (См. примечание 88.) Более подробное описание этой игры с кратким изложением мифа и несколькими песнями уже было опубликовано.316

177. В рассказах навахо много упоминаний об одежде этого народа до появления овец (которые были завезены испанскими завоевателями) и до того, как они освоили искусство ткачества, которое, вероятно, переняли у племен пуэбло, хотя сейчас они ткачи лучше, чем пуэбло. Навахо представляют себя в старые времена одетыми в убогую одежду (параграф 466) и рассказывают, что многим из своих искусств они научились у других племен (параграф 393).

178. Здесь имеется в виду материал, используемый индейцами на тыльной стороне луков, для тетив, в качестве швейной нити и для многих других целей, который этнографы и путешественники ошибочно называют «сухожилием». Это не сухожилие в анатомическом или гистологическом смысле этого слова. Это желтая волокнистая ткань, взятая из спинной области, вероятно, апоневроз трапециевидной мышцы.

179. Страна навахо богата небольшими пещерами и скальными укрытиями, некоторые из которых были замурованы этими индейцами и использовались в качестве складов (но не в качестве жилищ, по причинам, указанным в другом месте, п. 26). Такие склады используются и по сей день.

180. Легенды представляют навахо не только как плохо одетых и плохо питающихся в старые времена, но и как обладающих немногими искусствами. Здесь и в других местах легенд говорится, что различные полезные искусства стали известны племени благодаря членам других племен, усыновленным навахо.

181. В другой версии говорится, что когда западные иммигранты путешествовали по западной подножию гор Лукачокай, некоторые из них хотели подняться в долину *Цеилин*, но одна женщина сказала: «Нет, давайте останемся у подножия горы». За это они назвали ее «Подножие горы», и ее потомки носят это имя до сих пор. Это объяснение менее вероятно, чем то, которое приводится в пункте 393.

182. Это утверждение следует принимать с оговоркой, поскольку оно было сделано человеком, принадлежащим к роду Тапаха (*)*.

183. В былые времена наказания за прелюбодеяние были разнообразными и суровыми среди многих индейских племен. Ранние путешественники упоминают об ампутации носа и других увечьях, и, по-видимому, смертная казнь за это преступление была не редкостью. Если сегодня среди навахо существует какое-либо наказание за прелюбодеяние, более суровое, чем легкая порка, которая назначается редко, автор о нем никогда не слышал. Положение женщин навахо таково, что суровые наказания не допускаются. Во времена Góntso , похоже, они были защищены едва ли меньше, чем сейчас, поскольку тогда муж, хотя и был могущественным вождем, не смел наказывать своих жен — так гласит легенда — пока не получал согласия их родственников.

184. Для проведения этих девятидневных церемоний навахо теперь строят временные шалаши-лечебницы, которые, как правило, используют только один раз. Редко когда церемония проводится дважды в одном и том же месте, и нет установленного дня, обозначенного какой-либо фазой лунного цикла, для начала любой большой церемонии. Многие церемонии могут проводиться только в холодные месяцы, но в остальном время проведения не определено. Существует предание, что их обычаи были другими, когда они жили в компактном поселении на берегах реки Сан-Хуан (до того, как стали пастухами и рассеялись по земле); что тогда у них были постоянные шалаши для проведения ритуалов и точные даты проведения некоторых церемоний. В параграфе 411 мы слышим о церемонии, которая длилась всю зиму.

185. Описание этой церемонии см. в книге автора «Горная песня: церемония навахо»[314]. Это важная церемония исцеления, длящаяся девять дней. Обряды, до последней ночи, проводятся в шатре-

лечебнице и являются секретными. Сразу после заката в последний день сооружается большой круглый загон, или круг из вечнозеленых ветвей, называемый ilnásdzǐn, или темный круг из ветвей. Его диаметр составляет около сорока шагов, высота — около восьми футов, а отверстие на востоке — около десяти футов в ширину. С восьми ЧАСОВ ВЕЧЕРА последнего дня церемонии до рассвета следующего утра в этом загоне в присутствии большой группы зрителей — нескольких сотен мужчин, женщин и детей — исполняются различные танцы, театральные представления, медицинские обряды и фокусы. Никому не отказывают во входе. На рис. 37 показан темный круг из веток, как он выглядит на рассвете, когда обряды закончены, и в дополнение к первоначальному отверстию на востоке в круге были сделаны еще три отверстия. На рис. 30 показан алиль (обряд, представление или церемония) нахикаи, который проводится по этому случаю и предназначен в основном для развлечения и одурачивания зрителей. Исполнители маршируют вокруг (и очень близко к) большому центральному костру, который излучает сильную жару. Их кожа, вероятно, была бы обожжена, если бы не была обильно обмазана белой землей. Каждый актер несет короткую палочку, на конце которой находится шарик из орлиного пуха. Этот шарик он должен сжечь в огне, а затем, с помощью простого фокуса, как будто восстановить его на конце своей палочки. Когда это сделано, он выбегает из загона, трубя как журавль-песочник. В «Горном песнопении» это называется танцем, но движения актеров не синхронизированы с музыкой. Nahikáï означает «становится снова белым» и относится к повторному появлению орлиного пуха. Представление очень живописно и, должно быть, озадачивает простые умы.

186. Tseʻ-zǐn-di-aí означает «Черная скала, стоящая (как стена)». Это может означать искусственную стену из черного камня, но в результате тщательного исследования выяснилось, что это название относится к местности, где находится образование, известное геологам как трап-дайк. Нельзя утверждать, что оно применяется ко всем трап-дайкам.

187. Среди навахо было много рабов, и рабство открыто признавалось ими до 1883 года, когда справедливый и энергичный агент, г-н Д. М. Риордан, многое сделал для его отмены. Однако еще в 1893 году, когда автор в последний раз побывал в стране навахо, он обнаружил свидетельства того, что эта институция все еще существовала, хотя и очень скрытно и в более ограниченном объеме, чем раньше.

188. Некоторые переводят Háltso как «Желтая долина» и приводят другой миф, объясняющий происхождение этого названия. Поскольку большинство имен племен навахо, несомненно, имеют местное происхождение, может возникнуть тенденция приводить все имена племен в соответствие с общим правилом.

189. Слово, переведенное здесь как «питомец» (*lin*), означает также домашнее животное и личный фетиш- . (См. параграф 63.)

190. Хотя это имя, Bĭ-tá‘-ni, так похоже на Bĭtáni, что можно подумать, что это варианты одного и того же слова, они, несомненно, являются разными именами и не должны путаться.

191. Считается, что это известная достопримечательность, называемая белыми людьми Сансет-Пик, которая находится примерно в десяти милях к востоку от Сан-Франциско-Пик, в округе Явапай, штат Аризона. Сансет-Пик покрыт темными лесами почти до самой вершины. Вершина состоит из ярко-красной породы, покрытой более светлым слоем, и в любое время дня выглядит так, как будто ее освещает заходящее солнце.

192. Это место находится в округе Апачи, штат Аризона, примерно в шестидесяти милях от восточной границы и в двенадцати милях от северной границы территории. Острый вулканический пик высотой 6825 футов над уровнем моря, который можно увидеть издалека, называется «Игла Агатла» на картах Геологической службы США и на прилагаемой карте, составленной на основе правительственных карт г-ном Фрэнком Твиди из Геологической службы.

193. Навахо знают, что на землях далеко на севере есть родственные племена, которые говорят на языках, очень похожих на их собственный. У них есть предания, что давным-давно некоторые из них путешествовали в поисках этих племен и нашли их. Этих дальних родственников навахо называют Dĭné‘ Nahotlóni, или «навахо в другом месте».

194. Существует версия, согласно которой одна женщина во время перехода задержалась на некоторое время в Дир-Спринг, как будто не желая уходить; по этой причине ее назвали Дир-Спринг, и ее потомки стали родом с таким именем. Та же версия аналогичным образом объясняет имена, данные у волшебных источников. Женщины не выкрикивали имена источников, но задерживались у них.

195. История о народе Оленьего источника, пожалуй, является лучшим доказательством существования тотемизма в легенде. Предполагая, что иммигранты с запада когда-то имели тотемические имена, мы можем объяснить эту историю тем, что люди рода Оленей остались и дали свое имя источнику, у которого они остались; что со временем они стали известны как Люди Оленьего источника; и что, поскольку они все еще сохраняют свое старое имя в измененной форме, рассказчик вынужден сказать, что судьба оленей неизвестна. Возможно, имя Maitó‘dĭne‘ (пар. 428) можно объяснить примерно таким же образом. (См. «Система родов индейцев навахо», стр. 107.[318])

196. Более правильным толкованием Ho-na-gá‘-ni, по-видимому, является «Люди места ходьбы», от ho (местоположение), nága (ходить) и ni (люди). Небезосновательно предположить, что, как и

почти все другие языческие имена навахо, это имя имеет местное значение, а рассказанная здесь история о его происхождении является полностью мифической.

197. Этот эпизод показывает, что доброта и сострадание — чувства, не чуждые навахо, и что (несмотря на наличие многих воров) среди них есть честные мужчины и женщины.

198. *На-нас-тё'-зин*, название индейцев зуни на языке навахо, как полагают, происходит от слов aná (чужой или враг), naste (горизонтальная полоса) и zĩn (черный). Некоторые считают, что оно относится к тому, как зуни стригут волосы — «под челку», прямо поперек лба; другие полагают, что это название местности.

199. Kin-a-á'-ni или Kin-ya-á'-ni означает «люди высокого дома Пуэбло» — высокой стены из камня или сырцового кирпича. Название kinaá' можно было бы с полным правом применить к любой из сотен руин в стране навахо, но единственная, которой, как известно, было дано это название, — это массивные руины высотой в шесть или семь этажей в округе Берналильо, штат Нью-Мексико, примерно в семнадцати милях к северу от станции Чавес на железной дороге Атлантик-Пасифик. Эти руины состоят из необычно больших фрагментов камня и больше похожи на разрушенный европейский замок, чем на другие старые индейские жилища. Они кажутся слишком удаленными на восток и юг, слишком далеко от поселений на реке Сан-Хуан, где заканчивали свое путешествие западные иммигранты, чтобы быть тем местом, от которого, как некоторые говорят, произошло название племени Кинаани. Высокая каменная стена, мимо которой прошли иммигранты по пути, упомянутая в параграфе 435 в связи с родом Кинаани, может быть тем местом, которому легенда первоначально приписывала происхождение названия. Вокруг горы Сан-Франциско находится много руин пуэбло. На прилагаемой карте название написано как «Kin-ya-a-ni».

200. На илл. 1, табл. I, изображена йебаад, или женская йеи, или богиня, как она обычно изображается в сухих росписях. Здесь указаны следующие предметы: (1) Квадратная маска или домино, которая покрывает только лицо (см. рис. 28), окрашена в синий цвет, по краям внизу окрашена в желтый цвет (чтобы изобразить желтый вечерний свет), а в других местах — красными и черными линиями (для волос сверху, для ушей по бокам), а сверху украшена пуховыми орлиными перьями, привязанными белыми нитками; (2) белая мантия, простирающаяся от подмышек до колен, украшенная красным и синим цветом, символизирующим солнечные лучи, и красиво отороченная бахромой внизу; (3) белые гетры, закрепленные цветными подвязками (такими, как плетут индейцы); (4) вышитые мокасины; (5) декоративный пояс; (6) палочка из еловых веток в каждой руке (иногда она изображается с еловой веткой в одной руке и корзиной с семенами в другой); (7) драгоценности — серьги, браслеты и ожерелья — из бирюзы и кораллов; (8) длинные полоски лисьей шкуры, украшенные на концах, которые свисают с запястий и локтей. (Объяснение синей шеи см. в примечании 74.) В танце нахикаи, собственно, участвуют шесть йебаадов в маскарадных костюмах, но иногда приходится обходиться меньшим количеством из-за трудностей с поиском подходящих людей для исполнения этой роли. Актеры — это обычно невысокие мужчины и мальчики, которые должны контрастировать по внешнему виду с теми, кто исполняет роли мужчин. Каждый актер-йебаад не носит одежды, кроме мокасин и юбки, которая держится на поясе, украшенном серебряными заклепками; его тело и конечности окрашены в белый цвет; волосы распущены и свисают на плечи; он носит квадратную женскую маску и держит в каждой руке пучок еловых веток, который закреплен с помощью веревок, чтобы он не мог небрежно уронить его. Иногда в этом образе танцуют женщины: их тела полностью одеты в обычную женскую одежду, но они носят маски и держат палочки, как и молодые мужчины. В то время как мужские боги на таблице I, за исключением Дсахадолдзы, изображены с белыми руками, женские боги изображены с желтыми руками. Этот символизм объясняется в примечании 27.

201. Точное происхождение слова Na-tĭ′n-ĕs-tha-ni не установлено. Оно передает следующую идею: тот, кто учит себя сам, тот, кто открывает для себя, или тот, кто сам размышляет над проблемой. Этот глагол встречается в выражении nasĭnítin, которое означает «Научи меня, как это делать». Здесь второй и третий слоги являются местоимениями. Хотя через некоторое время имя героя меняется, рассказчик обычно продолжает называть его Натĭ′нĕстхани до конца истории. Часто он говорит о нем как о человеке или навахо.

202. Восемнадцать предметов, о которых здесь идет речь, следующие: 1, белая раковина; 2, бирюза; 3, раковина халиотис; 4, пазини или каннельный уголь; 5, красный камень; 6, перья желтой пеночки; 7, перья синей птицы; 8, перья орла; 9, перья индейки; 10, борода индейки; 11, хлопковая нить; 12, i‘yidězná;[11] 13, корзина из белой раковины; 14, корзина из бирюзы; 15, корзина из халиотиса; 16, корзина из pászĭni; 17, корзина из горного хрусталя; 18, священная оленья кожа. (См. примечание 13.) Это были священные предметы, которые, согласно мифам о klédzi *hatál* и atsósidze *hatál*, требовались богам. В мифах о первом обряде они упоминаются снова и снова, до утомления слушателя. Все они используются сегодня в упомянутых обрядах, за исключением пяти корзин. Сейчас используются обычные священные корзины (примечание 5, параграф 28); корзины с драгоценными камнями существуют только в легендах.

203. Знание о домашних или домашних индейках не ново для навахо. Индейцы Пуэбло на юго-западе держали их веками. Навахо заявляют, что в прежние годы они сами держали домашних индеек, но это кажется сомнительным, учитывая их образ жизни. Консервативный навахо сейчас не будет есть мясо индейки, хотя он без колебаний застрелит дикую индейку, чтобы продать ее белому человеку.

204. На сухих росписях навахо радуга обычно изображается с головой на одном конце и ногами и лапами на другом. Голова представлена в виде квадратной маски, чтобы показать, что это богиня. Она обожествлена. (См. рис. 29.) На одной из сухих росписей горного песнопения радуга изображена без конечностей и головы, но заканчивается на одном конце пятью орлиными перьями, на другом конце пятью сорочьими перьями и украшена в середине перьями синей птицы и краснохвостого дятла. (См. «Горное песнопение», стр. 450.[314])

205. Эта волшебная чаша фигурирует во многих других мифах навахо. (См. параграф 572.)

206. Хацэ-ол-то-и означает «Стреляющий Хацэ» (параграф 78) или «Стреляющее божество». Поскольку исполнитель этой роли всегда носит женскую маску (рис. 28), можно предположить, что это божество охоты, подобно римской Диане, является богиней. Исполнитель (мужчина) носит колчан из кожи пумы, лук и две стрелы. Последние сделаны из тростника, не имеют наконечников и имеют оперение из хвостовых и крыльев краснохвостого канюка (*Buteo borealis*), привязанное волокнистой тканью. Кончики стрел покрыты увлажненной белой землей и увлажненным пыльцой. Каждая стрела имеет длину не менее двух ладоней и ширину ладони, но она должна быть обрезана на три пальца за узлом, и для этого ее можно сделать немного длиннее указанных размеров. Существуют очень строгие правила нанесения перьев. Человек, изображающий Хастсеолтоя, в ритуале помощи в церемонии ночного песнопения следует за изображающими богов войны. Пока пациент стоит на шкуре буйвола перед шатром целителя, актер машет ему правой рукой одной стрелой, издавая особый крик; затем, переложив стрелы из одной руки в другую, он машет другой стрелой пациенту. Это делается на востоке, юге, западе и севере. Актер повторяет эти движения вокруг хижины; затем все входят в хижину; там пациент произносит

молитву и, соблюдая множество формальностей, дарит сигарету исполнителю роли (после того, как тот помолился и принес жертву богам войны). Затем трое маскарадных исполнителей идут на запад от хижины, чтобы положить свои жертвы (жертва Хастсеолтоя кладется под сорняк — *Gutierrezia euthamiæ*, если возможно). Когда это сделано, они снимают маски, надевают обычные одеяла, принесенные сообщником- , прячут маски под одеялами и возвращаются в хижину в облике обычных индейцев. Некоторые говорят, как будто существует только одна Хастсеолтой, и говорят, что она является женой Найенэзгани. Другие говорят, как будто она есть в каждом месте, где живут йеи.

207. Ган-ас-ки-ди — многочисленная раса божеств. Их главный дом находится в месте под названием *Депехатиль* (Пытается застрелить овцу), недалеко от Цегихи, к северу от Сан-Хуана; но они могут появляться где угодно и, согласно мифам, часто встречаются в компании с йеи и другими богами. Они принадлежат к народу горных овец и часто появляются перед людьми в образе овец Скалистых гор. В мифах ночного песнопения говорится, что они похитили пророка обрядов, отвели его в свой дом и научили его многим тайнам ночного песнопения. В лечении, сопровождающем эти обряды, сухожилие ахилла горной овцы прикладывают к больной конечности, чтобы облегчить боль; рог прижимают к голове, чтобы облегчить головную боль; а воду из глаза овцы используют для лечения болезненных глаз. Ганаскиди — это боги изобилия и урожая. Маскарадный персонаж, представляющий одного из них, иногда появляется в акте помощи около заката в последний день ночного песнопения, следуя за представителями Хастсеялти и Дсахадолдза. Он носит обычную синюю маску йебака без бахромы из волос. Он носит корону или головной убор, сделанный из корзины, у которой отрезано дно, чтобы она могла поместиться на голове. Корзиночная корона украшена искусственными рогами; ее нижняя поверхность окрашена в черный цвет с зигзагообразными полосами, символизирующими молнии, играющие на поверхности черной тучи; верхняя поверхность окрашена в красный цвет (не показано на картинке), чтобы обозначить солнечный свет на другой стороне облака; она украшена лучевыми перьями из хвоста краснохвостого дятла (*Colaptes mexicanus*), символизирующими лучи солнца, пробивающиеся сквозь края облака. Бог увенчан грозовым облаком. Рога на короне сделаны из кожи овцы Скалистых гор (сшиты с помощью волокна юкки); они набиты шерстью той же овцы или черной шерстью; они окрашены частично в черный, частично в синий цвет с белыми отметинами; на их концах привязаны орлиные перья с помощью белой веревки. На спине актер несет длинную сумку из оленьей кожи, которая пуста, но поддерживается в раздутом состоянии с помощью легкой рамы из веток ароматного сумаха, чтобы казаться полной; она украшена сзади орлиными перьями, а иногда также перьями краснохвостого дятла; по бокам она расписана короткими параллельными белыми линиями (12 или 16), а сзади — длинными линиями четырех цветов. Эта сумка символизирует мешок с черными облаками, наполненный урожаем с полей, который, как говорят, носит бог. Облачный мешок настолько тяжел, что, по их словам, бог вынужден опираться на посох, сгибать спину и ходить, как человек, несущий груз; поэтому актер делает то же самое. Посох, или *gĭs*, который носит последний, сделан из вишни (новый для каждого случая); он имеет длину от середины левой груди до кончика вытянутой правой руки; он окрашен в черный цвет углем из четырех священных растений; на нем есть белая зигзагообразная полоса, символизирующая молнию, и он украшен множеством индюшиных перьев в два витка и одним орлиным пером. Эти атрибуты и украшения условно изображаются на сухих картинах. (См. иллюстрацию I, рис. 5.) Красный порошок, тонко посыпанный на орлиные перья сзади, символизирует пыльцу. Согласно мифу, мешок с облаками привязан к богу радугами. Желтая горизонтальная линия на подбородке на картинке символизирует желтую линию на маске, которая олицетворяет вечерние сумерки. Актер носит воротник из лисьей шкуры (обозначенный отметкой под правым ухом) и обычную одежду. Сложная церемония помощи не будет описана здесь. Ганаскиди означает «горбатый». Иногда это имя называют Нанаскиди.

208. Единственный Киндолиз, или Киндотлиз (Голубой дом), о котором известно автору, — это разрушенное поселение с таким названием в каньоне Чако; но вряд ли это тот Голубой дом, о котором говорится в мифе. Вероятно, есть еще одни руины с таким названием на берегу реки Сан-Хуан.

209. Дсахадолдза, или «Бахромчатые рты», — это класс божественных существ, о которых известно очень мало. Они представлены в ритуале кледзи *хаталь* песчаными рисунками и маскарадными персонажами, украшенными и замаскированными, как показано на картинках. Существует два вида — Fringe- , или «Бахромчатые рты земли», и Fringe-mouths of the water (пластина I, рис. 3), или Thastlátsi Dsahadoldzá; последние являются классом, упомянутым в этой истории. Зигзагообразные линии на их телах, показанные на картинках, символизируют искривленную молнию, которую они использовали в качестве веревок для подъема бревна. На маске (показанной на сухой росписи) рот окружен белыми лучевыми линиями; отсюда и название «окрайные рты». Актер, изображающий «бахромчатоустых» суши, имеет половину тела и половину маски окрашенными в черный цвет, а другую половину — в красный. Тот, кто изображает «бахромчатоустых» воды ( ), имеет тело окрашенным наполовину в синий, а наполовину в желтый цвет, как показано на таблице I, рис. 3. Оба носят похожие маски и похожие короны или головные уборы. Корона состоит из корзины, у которой вырезано дно, чтобы она могла поместиться на голове; нижняя поверхность окрашена в черный цвет, чтобы изобразить темное облако, и покрыта белыми полосами, изображающими молнии; верхняя поверхность (не показана на картине) окрашена в красный цвет, чтобы изобразить солнечный свет сзади облака; а к краю прикреплены перья краснохвостого дятла, изображающие солнечные лучи. До сих пор эта корона похожа на ту, которую носит Ганаскиди (примечание 207). От корзинообразной короны поднимается треножник из веток ароматного сумаха, окрашенных в белый цвет; между ножками треножника уложена тонко расчесанная красная шерсть, а на конце каждой палочки находится пуховое орлиное перо. Актер держит в левой руке лук, украшенный тремя орлиными перьями и двумя пучками индюшиных перьев, а в правой руке — белую тыкву-погремушку, иногда украшенную двумя витками перьев. Его торс, руки и ноги обнажены, но раскрашены. Он носит рубашку вокруг бедер, а также богатые ожерелья и серьги. Все эти детали четко обозначены на сухих росписях. Воротник из лисьей шкуры, который он носит, смутно показан в виде придатка у правого уха. Углы белой молнии на груди и конечностях актера не так многочисленны, как на картинах.

210. *Тиелин* — это свирепые домашние животные, принадлежащие Тиехолцоди, водяному чудовищу, и охраняющие дверь его жилища. Говорят, что у них голубые рога.

211. *На-ци-ли'т* а-ко-ди (короткая радуга) — фрагментарная или неполная радуга.

212. Хас-це-зин-и означает Черный Хастсе, или Черный Бог. Их несколько (они живут в *Цениходили*, недалеко от Цегихи), но описание будет дано в единственном числе. Он сдержанный, закрытый человек. Йеи из других мест не посещают его, когда захотят. Он владеет всем огнем; он был первым, кто разжег огонь, и он изобрел огниво. Лишь в редких случаях его представляет маскарадный персонаж на церемонии. Когда решено провести ночное пение без публичного танца последней ночи (а это происходит редко), Черный Бог появляется в сцене помощи206 вечером девятого дня в компании трех других богов — Найенэзгани, Тобадзистсини и Хастсеолтои. Говорят, что человек, изображающий его, одет в черную одежду, носит черную маску с белыми отметинами и красными волосами, а также воротник из лисьей шкуры, и что он несет огниво и связку кедровой коры. Автор никогда не видел изображения Хастсезъини ни в сухих росписях, ни в маскарадах, и поэтому никогда не был свидетелем упомянутой сцены или церемонии помощи. Эта церемония, которая является очень сложной, была описана автору знахарями. Актер должен

быть хорошо оплачен за свои утомительные услуги, которые занимают весь день от восхода до заката, хотя сам акт помощи длится всего несколько минут.

213. В настоящее время навахо очень редко используют огниво — его заменили спички и кремневые зажигалки, но оно часто упоминается в мифах и используется в церемониях. Из множества аборигенных огнива, описанных и изображенных доктором Уолтером Хоугом в его прекрасной статье «Устройства для разжигания огня»[302], огниво навахо является самым примитивным. Оно выглядит как вещь, изготовленная на заказ.

214. Tsĭn-tlĭ′-zi означает твердое, хрупкое дерево.

215. Вероятно, что различные своеобразные действия, описанные в этом параграфе, имеют отношение к сельскохозяйственным обрядам, которые все еще практикуются или недавно практиковались навахо, но автор никогда не был свидетелем таких обрядов.

216. В настоящее время навахо повсеместно курят сигареты, но они говорят, что в древние времена курили трубки, изготовленные из терракоты. Осколки таких трубок часто находят в Нью-Мексико и Аризоне. Жители скал также имели трубки, и эти предметы до сих пор используются в церемониях моки. Навахо теперь неизменно приносят в жертву табак в виде сигарет во время церемоний. Но сигареты не являются новинкой для юго-запада: их находят в древних пещерах и других давно заброшенных местах в Нью-Мексико и Аризоне.

217. Ni-no-ká-dĭ-ne‘ (Люди на Земле) может означать людей, живущих в горах, в отличие от тех, кто живет в каньонах и долинах; но другие племена используют термин с похожим значением, чтобы отличить всю индейскую расу от белых или других рас, и вполне вероятно, что он используется в этом смысле здесь и в других мифах навахо. Люди, которых сейчас встречает Натинестани, вероятно, считаются сверхъестественными существами, а не индейцами.

218. С табаком смешивались следующие растения: tsohodzĭlaí‘, silátso (мой большой палец), ядовитый сорняк, azébini‘ и azétloi. Не установлено, что это за растения, но названия навахо занесены в записи, так как они могут помочь в их идентификации в будущем.

219. В церемониях навахо, когда священные сигареты закончились и перед тем, как их положить в качестве подношения богам, их символически зажигают лучами солнца. (См. пар. 94.) Утверждение, сделанное здесь, что герой зажег свою трубку солнцем, вероятно, относится к этому символическому зажиганию.

220. Kĕ′tlo — это название любого лекарства, используемого наружно, *т. е.* втираемого в тело. Atsósi kĕ′tlo означает мазь или отвар для церемонии atsósi *hatál*, или церемонии перьев. Его также называют atsósi azé (лекарство из перьев) и atsósi *tsíl* (травы из перьев).

221. *Я-ди-ниль*, ладан священников навахо, представляет собой очень сложную смесь. В некоторых частях церемоний исцеления его рассыпают на раскаленные угли, которые кладут перед пациентом, а тот активно вдыхает густые белые пары, которые поднимаются. Этот дым, наполняющий своим запахом всю хижину целителя, является резким, ароматным и довольно приятным, хотя, как говорят, в смеси содержатся перья. Автор получил формулу *yádidĭnil*, но не определил растения, которые в основном входят в его состав.

222. Это животные, которых он выращивает и контролирует, как сказано в п. 527.

223. Навахо говорят, что они знакомы с четырьмя видами дикого табака и используют их в своих обрядах. Из них автор видел и идентифицировал только два. Это *Nicotiana attenuata*, который

является dsĭ′lnạto, или горным табаком; и *Nicotiana palmeri*, который является depénạto, или овечьим табаком. *N. attenuata* широко, но не в изобилии растет в горах Нью-Мексико и Аризоны. *N. palmeri* встречается редко; автор видел его растущим только в одном месте в каньоне Челли. Неизвестно, какие виды называются курильщиком и облачным табаком, но один или несколько из трех видов, *N. rustica, N. quadrivalvis* и *N. trigonophylla*, вероятно, известны навахо.

224. Описание этих болезней, данное рассказчиком этой истории, следующее: «Пациенты, страдающие этими болезнями, слабы, шатаются и теряют аппетит; затем они идут в потную баню и принимают рвотное средство. Если у них lĭ′tso, или желтая болезнь, они рвут чем-то желтым (желчью?). Если у них tĭl-litá, или болезнь вареной крови, они рвут чем-то похожим на вареную кровь. У тех, кто страдает желтухой, часто желтые глаза и желтая кожа. *Thatlĭ′t*, или слизистая болезнь, возникает от питья грязной воды, полной зеленой слизи или мелкой рыбы (головастиков?). *Tsoxs*, глисты, обычно возникают от поедания червей, что иногда происходит неосознанно; но tsĭ′lgo, ленточный червь, возникает от поедания жареной кукурузы». Вероятно, последнее представление возникло из-за небольшого сходства звеньев *Tænia solium* с зернами кукурузы. Эта небольшая глава по патологии из *книги «* Hatáli Natlói» вряд ли согласуется с распространенной теорией, что дикари считают все болезни демонического происхождения.

225. Используемое здесь прилагательное yazóni или yasóni, которое переводится как «красивый», означает не только это: оно означает и хороший (или полезный), и красивый. Оно содержит элементы слов yatí‘, хороший, и ĭnzóni, nĭzóni и hozóni, которые означают красивый.

226. Согласно мифам и песням навахо, кукуруза и другие продукты в садах йеи, или божественных существ, растут и созревают за очень короткое время. Быстрый рост урожая на ферме Натинестани, как полагают, является результатом божественного происхождения семян.

227. Порядок, в котором Натинестани укладывает початки кукурузы, соответствует порядку, в котором жертвенные сигареты, кетоны и другие священные предметы, когда они окрашены, укладываются в прямой ряд. Белый, будучи цветом востока, имеет приоритет над всеми и укладывается первым. Синий, цвет юга, идет следующим, потому что, когда мы движемся по часовой стрелке (священный церемониальный круг навахо), юг следует сразу за востоком. Желтый, цвет запада, по тому же принципу, идет третьим; а черный (в данном случае смешанный) идет четвертым. Смешанный цвет является цветом верхней области и обычно следует за черным, но иногда заменяет его. Эти, казалось бы, лишние детали укладки кукурузы имеют церемониальное или религиозное значение. Располагая священные предметы церемониально в прямой линии, оператор движется на юг от своей отправной точки, поскольку это приближается к кругу по часовой стрелке, и он направляет концы на восток.

228. *Пин-и-аз* би-цо (олений сыр) — это вещество, которое находится в брюшной полости олененка. Подобное вещество встречается у других молодых млекопитающих. Говорят, что оно похоже на творог или сыр и имеет приятный вкус. Его едят в сыром виде. Автор не определил путем наблюдения, что это за вещество. Доктор К. Харт Мерриам из Министерства сельского хозяйства предполагает, что это частично переваренное молоко в желудке олененка, и, вероятно, это так.

229. Блюдо, предложенное Натинестани, называется навахо *ацон*, что здесь переводится как «пемикан». Оно состоит из сушеного оленины, растолченной на камне и обжаренной в жире.

230. Чтобы приготовить ди-тло-ги кле-сан, срежьте зерно с початка, измельчите его в кашицу на метате, разровняйте угли, положите на них несколько зеленых листьев кукурузы, выложите

кашицу на листья, положите другие листья поверх кашицы, разровняйте горячие угли по всей поверхности и оставьте запекаться.

231. Dĭ-tló-gĭn tsĭ-dĭ-kó-i готовят из кашицы зеленого кукурузного зерна, растертого на метате, как и dĭtlógi klesán. Кашицу заворачивают в шелуху, заправляют концы, а затем кладут между листьями и горячими углями для запекания.

232. Thá-bĭ-tsa (три початка) также изготавливается из мякоти зеленого кукурузного зерна. Она помещается в сложенные конусы из шелухи; три конуса изготавливаются из одной целой шелухи, листья которой не удаляются со стебля. Это выглядит как три початка, скрепленных вместе, откуда и происходит название. Блюдо варится в воде.

233. Рассказчик сказал: «примерно на расстоянии отсюда до дома Джейка», — расстояние, которое автор оценил в 300 ярдов.

234. Над восточной дверью одна сигарета, предназначенная для мужчины, была сделана из горного красного дерева (tsé‘estagi, *Cercocarpus parvifolius*), перфорирована, окрашена в синий цвет и отмечена четырьмя символами следов оленя желтого цвета; другая сигарета, предназначенная для женщины, была сделана из скальной розы (awétsal, *Cowania mexicana*), окрашена в желтый цвет и отмечена четырьмя символами следов оленя синего цвета. Над южной дверью сигарета для мужчины была сделана из подсолнечника (ĭndĭgíli), окрашена в желтый цвет и отмечена четырьмя символами следов антилопы синего цвета; сигарета для женщины была сделана из «сильно пахнущего подсолнечника» (ĭndĭgíli nĭltsóni, *Verbesina enceloides*), окрашена в белый цвет и украшена четырьмя символами следов антилопы черного цвета. Над западной дверью сигареты были из того же материала, что и на восточной, но одна была окрашена в черный цвет с символами следов оленя синего цвета, а другая — , окрашена в синий цвет с символами следов оленя черного цвета. Внизу лестницы одна из сигарет была окрашена в черный цвет и украшена четырьмя символами следов олененка желтого цвета; другая была окрашена в желтый цвет и украшена четырьмя символами следов олененка черного цвета. Вышеизложенное было написано по описанию рассказчика. Автор никогда не видел таких сигарет, но, как говорят, они используются в некоторых церемониях навахо в настоящее время. В этой серии сигарет цвета не расположены в обычном порядке18, но, возможно, для этих животных существует особый символизм, или же различие может быть связано с тем, что это сигареты волшебника и поэтому они не являются священными.

235. Когда навахо загоняют дичь в засаду, они часто имитируют вой волка. В этом мифе старик должен издавать вой не для того, чтобы загонять медведей, а для того, чтобы Натинестани поверил, что загоняют оленей.

236. Имя Ца-на-наи происходит от слова «цан», которое означает «навоз». Цэ-ско-ди означает «Расставленные ноги». Рассказчик сказал, что у других медведей были имена, но он не мог их вспомнить.

237. «Он даже не поблагодарил своего зятя» — это пример сарказма.

238. Медведь — священное животное для народа навахо; по этой причине герой не снимал с медведей шкуры и не ел их мясо. Старик, будучи волшебником, мог делать и то, и другое.

239. Há-la-dzĭ-ni? означает «Что ты делаешь?», но это шутливое выражение, используемое только между близкими людьми или родственниками по браку. Используя этот вопрос, навахо дали понять старику, что его узнали.

240. Эпизод с двенадцатью медведями — самый слабый и наименее художественный в этой сказке. Кроме того, в нем подробно описывается пятый план Оленя-воспитателя по убийству своего зятя. В обычных обстоятельствах мы могли бы ожидать только четырех уловок. Это похоже на вставку, сделанную каким-то рассказчиком, менее изобретательным, чем тот, кто сочинил остальную часть сказки, с целью снова собрать мужчин вместе, чтобы по дороге домой произошел инцидент с сожженными мокасинами. Последний инцидент был ранее записан автором в другом контексте. (См. примечание 242.)

241. У народа навахо, когда человек умирает, к его (или ее) имени добавляется суффикс ni или ini, и так его (ее) называют в дальнейшем.

242. До того, как была получена история Натинестани, автор уже записал эту историю о сожженных мокасинах в одной из версий легенды о происхождении. В последней связи она представлена как одна из историй о Койоте. Злобный Койот пытается проделать эту шутку со своим тестем, но тот, предупрежденный Ветром, срывает планы Койота.

243. Хребет, который он пересекает на востоке, а также те, которые он пересекает позже на юге, западе и севере, окрашены в соответствии с обычным порядком символики навахо.

244. Рассказчик описал птицу под названием tsĭ-das-tó-i следующим образом: когда человек проходит мимо места, где сидит эта птица, она не улетает, а сидит и смотрит на человека, поворачивая голову во все стороны. Она примерно размером с сову.

245. Не следует полагать, что в этом и следующем абзаце, когда упоминаются люди с бледными лицами, имеется в виду какая-либо аллюзия на кавказцев. Это упоминание носит чисто символический характер. Белый — это цвет востока в символике навахо: поэтому эти люди на востоке изображаются с бледными лицами. По аналогичным причинам человек на юге (параграф 551) имеет голубое лицо, человек на западе (параграф 552) — желтое лицо, а человек на севере (параграф 553) — темное лицо. (См. примечание 18.)

246. Bĭ-za (его сокровище), то, что он особенно ценит; отсюда его амулет, его личный фетиш , его магическое оружие, то, что человек носит с собой, чтобы таинственным образом защитить себя. Считается, что даже божества обладают такими амулетами . В песнях часто упоминается какое-то свойство бога, которое, как говорят, является «Bĭ′za-yedĭgĭ′ngo» (сокровище, которое делает его святым или священным). (См. параграф 367 и примечание 280.)

247. Эти лекарства до сих пор используются среди навахо. Лекарство, приготовленное из желчи, состоит в основном из желчи орлов. Если колдун рассыпал на вас злое лекарство, используйте это. Если есть определенные виды пищи, которые вам не подходят, но вы все равно хотите их есть, используйте лекарство от рвоты. Охотники добывают материалы, когда выходят на охоту. Все названные тотемные животные (пума, голубая лиса, желтая лиса, волк и рысь, см. п. 548) рвут, когда переедают. Так сказал рассказчик.

248. *Buteo borealis.* Наши орнитологи описывают хвост как красный («яркий каштаново-красный», Кус), но навахо считают его желтым и называют птицу atsé-lĭtsói, или желтохвостая.

249. A-tsó-si-dze *ha-tál*, или a-tsó-si *ha-tál* означает «песня перьев» или «церемония перьев». Следующие подробности, касающиеся церемонии, были предоставлены рассказчиком этой истории. На полу лечебного шатра рисуют сухими красками картины, очень похожие на те, что рисуют кледзи *хатал*, а также другие картины, изображающие различных животных. Церемония по-прежнему проводится, но нечасто, и в живых осталось только четыре священника, владеющих этим обрядом. Церемония длится девять дней и включает в себя больше рассказов, песен и

действий, чем любая другая церемония навахо. В старину частью обряда был танец оленя, но сейчас он не практикуется. Обряды полезны для многих целей, но особенно для лечения болезни оленей. Если вы спите на сухой, необработанной оленьей шкуре или гнилой шкуре, или если олень чихает на вас или делает какие-либо другие заметные жесты в ваш адрес, вы подвергаетесь опасности заразиться болезнью оленей.

250. Йо-и *ха-тал*, или йои-дзе *ха-тал* (песнь бус), — это девятидневная церемония, которая постепенно выходит из употребления. Автору сообщили, что остался только один жрец, владеющий этим обрядом; он научился ему от своего отца, но знает о нем не так много, как его отец.

251. Устройство из раздвоенных палок, помогающее обнаруживать ночные костры и запоминать положение удаленных объектов, часто упоминается в рассказах навахо. (См. пункты 382 и 497.)

252. *Equisetum hiemale* и, возможно, другие виды *Equisetum*, или хвощ.

253. [«Клис-ка», стрелочная змея, — это длинная тонкая змея, которая движется с большой скоростью, настолько большой, что, добегая до края утеса, она летит некоторое расстояние по воздуху, прежде чем снова достигает земли. Навахо верят, что она может парить в воздухе, если захочет. У нее красно-синий живот, полосатая спина, длина шесть футов или больше. Иногда движется как измерительный червь».] Исходя из вышеприведенного описания, доктор Х. К. Ярроу, бывший куратор рептилий в Смитсоновском институте, считает, что стреловидная змея — это *Bascanium flagelliforme*.

254. *Accipiter cooperii*, называемый навахо gíni.

255. Сравните с описанием Паучихи и ее дома в параграфе 306. Похоже, что навахо верят в более чем одну Паучиху. (Возможно, они верят в одну для каждого мира.) В параграфе 581 мы имеем пример, когда черный цвет присваивается востоку, а белый — северу. (См. примечание 18.)

256. В Нью-Мексико и Аризоне есть несколько растений, которые осенью превращаются в кусты-перекати-поля, но конкретное растение, о котором здесь идет речь, — это *Amarantus albus*. Навахо называют его tlotáhi nagĭ′si, или «катящийся tlotáhi». Tlotáhi — это общее название для нескольких видов семейства *Amarantaceæ* и родственного *семейства Chenopodiacæ*. (См. «Название растений у народа навахо».[312]) Семена растений этих семейств ранее составляли важную часть рациона питания народа навахо, и они до сих пор в некоторой степени употребляют их в пищу.

257. Tsĭl-dĭl-gĭ′-si, как говорят, означает «пугающая трава», «страшная трава» или «скрывающаяся трава» ( ) и названа так потому, что змеи, ящерицы и другие животные прячутся в ее густой листве, когда испуганы. Это желтоцветковое сложноцветное растение, *Gutierrezia euthamiæ* (T. and G.), которое в большом количестве растет в Аризоне и Нью-Мексико. Оно широко используется в церемониях навахо при подготовке и складывании жертвоприношений и т. д.

258. Несильные вихри чрезвычайно распространены во всей засушливой местности. Редко можно увидеть обширный пейзаж, не заметив одного или нескольких столбов вихрящейся пыли.

259. В полном мифе о йои *хаталь*, рассказанном священником обряда, здесь было бы приведено полное описание церемоний, песен и жертвоприношений, которым обучают навахо, но в этом рассказе, рассказанном посторонним человеком, ритуальная часть опущена.

260. В мифе «Горная песня»[314], стр. 410, как и в этой сказке, говорится, что странник, вернувшийся в свой старый дом, находит запахи этого места невыносимыми для себя. Подобные случаи встречаются и в других мифах навахо.

261. В ритуале кледзи *хатал*, или ночном песнопении, первые четыре персонажа в масках, которые выходят танцевать в публичном представлении последней ночи, называются ацалей. Из этой истории следует, что подобный персонаж или персонажи относятся к йои *хатал*.

262. Эти огромные раковины, возможно, не являются полностью мифическими. Подобные раковины упоминаются в легенде о происхождении (параграфы 211, 213, 226) в связи с теми же пуэбло. Раковины такого размера, доставленные с побережья в каньон Чако, на расстояние 300 миль или более, до появления лошадей, имели бы неоценимую ценность для индейцев.

263. В мифе, записанном в «Горная песня: церемония навахо»[314], стр. 413, есть рассказ о путешествии курьера, который отправился пригласить несколько отдаленных племен принять участие в церемонии. Из этого рассказа взят следующий отрывок: «Я ... отправился на север. По дороге я встретил другого посланника, который путешествовал из далекого лагеря в этот, чтобы призвать вас всех на танец в кругу из веток другого вида, нежели наши. Узнав о моей миссии, он пытался убедить меня вернуться сюда и отложить наш танец до другого дня, чтобы мы могли посетить их церемонию, а они, в свою очередь, могли посетить нашу; но я отказался, сказав, что наш народ спешит завершить свой танец. Затем мы обменялись луками и колчанами, чтобы показать нашим людям, что мы встретились и что то, что мы расскажем по возвращении, является правдой. Вы заметили, что лук и колчан, которые у меня сейчас, не те, с которыми я уходил сегодня утром. Мы расстались, и я продолжил свой путь на север». В параграфе 597 «Великой раковины Кинтиэля» упоминается та же самая встреча курьеров. Интересно наблюдать, как одна легенда подтверждает другую, причем каждая из них относится к разным обрядам.

264. Pésdolgas здесь переводится как зубчатый нож. Пила называется benitsíhi, но при ее описании для обозначения зубчатости используется прилагательное dolgás. Pésdolgas часто упоминается в песнях и рассказах. Говорят, что он больше не используется. Описания указывают, что он был чем-то похож на многолезвийное обсидиановое оружие древних мексиканцев.

265. Руины на скале, известные как Белый дом, в каньоне Челли, Аризона, часто изображались и описывались. Навахо называют их Kin-i-na-é-kai, что означает «Каменный дом с белой горизонтальной полосой» (верхний этаж окрашен в белый цвет). Название «Белый дом» является свободным переводом этого названия. В легендах народа навахо много упоминаний об этом месте, которое, согласно им, когда-то было обитаемо божествами. (См. п. 78 и рис. 22.)

266. Хат-дас-ци-си — божество, которое не изображается на сухих картинах и которого автор не видел. Он редко появляется на церемониях и описывается следующим образом: актер носит обычный костюм навахо и обычную маску йебака, украшенную перьями совы, но не орла. Он несет на спине целое растение юкки с свисающими листьями и большое кольцо диаметром в две ладони, сделанное из листьев юкки (чтобы показать, что он великий игрок в *nánzoz*). Он несет кнут из листьев юкки и ходит среди собравшейся толпы, чтобы лечить больных. Если у человека болит поясница, он наклоняется перед актером и подставляет спину для порки; если у него болит голова, он подставляет голову. Когда актер отхлестал больного, он отворачивается от него и издает низкий звук (похожий на мычание коровы). Когда он не находит больше людей, которых можно отхлестать, он возвращается в лечебницу и снимает маску. Сигарета (которая находится в распоряжении автора), предназначенная для этого бога, окрашена в черный цвет и украшена грубыми изображениями кольца юкки и растения юкки. Она зарывается к востоку от хижины рядом с растущей юккой. Во время изготовления сигареты поют десять песен, а по окончании

работы повторяют молитву. Юкка, которую несет актер, должна иметь большую часть корневища над землей. Ее выталкивают из земли, не вырывая и не срезая. Главное жилище божества находится в *Цаситсозакаде* (*Yucca Glauca, Standing*), недалеко от каньона Челли.

267. Ниже приводится список двадцати одного божества, представленных масками в церемонии кледзи *хатал*:

МУЖЧИНЫ.

1. Хастсеяльти.

2. Ганаскиди.

3. Тоненили.

4. Найенэзгани.

5. Тобадзистсини.

6. Дсахадолдза.

7. Хастсезни.

8. Хастсегоган.

9. Хатдастси.[266]

10. Хастсельци.[271]

11. Цоханоай.

12. Клеханоай, или Тлеханоай.

13. Хастсебака.

Каждый из первых семи носит свою маску. Последние шесть носят маски одного образца, маски йебака. (См. таблицу I, рис. 1.)

ЖЕНЩИНА.

14. Хастсеолтой.

15–21. Хастсебаад, или богини.

Все женские персонажи носят маски одного вида. (См. рис. 28 и табл. I, рис. 3.)

268. Здесь приводится текст одиннадцатой переписи, хотя он немного отличается от официального отчета о переписи 1869 года, составленного исполняющим обязанности агента, капитаном Фрэнком Т. Беннеттом, США. Капитан Беннетт сообщает, что перепись проводилась в два

отдельных дня, 2 и 18 октября, и приводит число фактически переписанных индейцев — 8181. (Отчет Комиссии по делам индейцев за 1869 год, стр. 237.[298])

269. На гравюре IV изображен человек, одетый так, чтобы изобразить Найенэзгани, или Убийцу чужих богов, когда он появляется в акте помощи в церемонии ночного песнопения, во второй половине дня девятого дня, в компании двух других маскарадных персонажей (Тобадзистини[270] и Хастеолтои[206]). Тело исполнителя окрашено в черный цвет с помощью угля из четырех священных растений, а руки окрашены в белый цвет. Он носит черную маску с бахромой из желтых или красноватых волос поперек макушки и украшением из перьев индейки и орла на верхушке. На одной щеке маски (иногда на правой, иногда на левой) нарисованы пять параллельных линий с пятью углами в каждой, символизирующие молнию. В маске вырезаны небольшие ромбовидные отверстия для глаз и рта, а к краю каждого отверстия прикреплена небольшая белая ракушка. На его теле белой глиной нарисованы фигуры восьми луков; шесть из них нарисованы так, как показано на картинке, а еще два нарисованы над лопатками ( ). Все эти луки изображены в полном виде (или натянутыми), за исключением тех, что на левой ноге и левой стороне спины, которые изображены открытыми или ненатянутыми, как показано на гравюре и рис. 41. Символ на левой ноге делается первым, а на левом плече — последним. Все составляющие линии символа рисуются сверху вниз; на рис. 41 показан порядок, в котором они должны быть нарисованы. Все символы должны быть обращены в одну сторону. Исполнитель носит воротник из лисьей шкуры, несколько богатых ожерелий из ракушек, бирюзы и кораллов, изящную юбку или пояс вокруг бедер (обычно из алого сукна, *байета*, но подойдет и бархат или любой другой богатый материал), пояс, украшенный серебром, и обычные мокасины. В правой руке он держит большой каменный нож, которым в сцене помощи он делает движения в сторону пациента и лечебного шатра, чтобы изгнать болезнь. Пациент молится ему и дарит ему сигарету, окрашенную в черный цвет и украшенную белыми символами лука. Эту сигарету предпочтительно оставляют под сосновым деревом. Автор никогда не видел сухой росписи этого бога, и ему сказали, что ее никогда не делают.

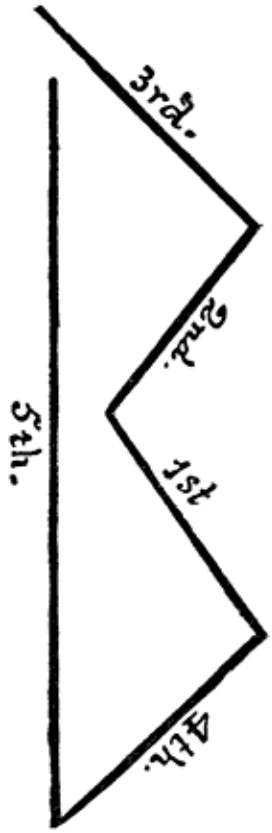


Рис. 41. Схема символа лука на левой ноге исполнителя роли Найенэзгани.

Рис. 42. Схема символа хвоста на левой ноге исполнителя роли Тобадзистсини.

270. На таблице VII изображен человек, олицетворяющий бога войны Тобадзистсини, или Ребенка Воды, в момент оказания помощи, описанном в примечаниях 206 и 269. Его тело и конечности окрашены красной охрой, руки смазаны белой землей, а на теле нарисованы восемь белых символов: два на груди, два на руках, два на ногах и два на спине, частично над лопатками. Как и в случае с символами лука Найенэзгани (примечание 269), два из символов оставлены незавершенными — на левой ноге (нарисованный первым) и над левой лопаткой (нарисованный последним), чтобы показать (как говорят некоторые), что труд бога еще не закончен. На рис. 42 показан порядок и направление, в котором должна быть нарисована каждая составляющая линия символа. Символы представляют собой косу, такую же, как носят сейчас навахо (рис. 31). Некоторые говорят, что эти фигуры представляют косу матери бога, другие — что они представляют скальпы побежденных врагов; последнее объяснение более вероятно. Исполнитель носит маску, также окрашенную красной охрой (за исключением небольшого треугольного пространства над лицом, которое окрашено в черный цвет и окаймлено белым); она украшена как спереди, так и сзади рядом символов косы (их количество никогда не бывает одинаковым на двух масках, но всегда кратно четырем). Маска имеет бахрому из красных или желтых волос, кокарду из индюшиного хвоста и пуховое орлиное перо. Отверстия для глаз и рта имеют форму ромба и украшены белыми ракушками. Актер держит в левой руке небольшой круглый цилиндр из кедрового дерева, окрашенный в красный цвет, а в правой — цилиндр из пиньона, окрашенный в черный цвет. С их помощью в сцене помощи он делает жесты в сторону пациента и хижины. Как и его спутник, исполнителя роли Найенэзгани, он носит воротник из лисьей шкуры (*Vulpes velox*); богатые ожерелья из ракушек, бирюзы и кораллов; юбку или пояс из *байеты* или другого дорогого материала; пояс, украшенный серебряными пластинами; и обычные мокасины. Жертвенная сигарета, которую он получает, окрашена в красный цвет, отмечена символами

очерета и помещена под кедром. Автор не видел сухих рисунков Тобадзицсини и ему заверили, что их не делают.

271. Имя Хас-цель-ци (Красный Бог) происходит от Хастсе (Бог, см. параграф 78) и лици (красный). Говорят, что Красный Бог никогда не изображается в сухих картинах. Автор никогда не видел этого персонажа в маскараде; он появляется редко — только в тех редких случаях, когда в последнюю ночь ночного песнопения не танцуют наакаи. Похоже, он является богом бега. Следующее описание о нем взято из устного рассказа: Красный Бог является одним из йеи и обитает там же, где и другие йеи (поэтому их много). Его представитель никогда не появляется в акте помощи и никогда не помогает пациенту. Для этой роли выбирается быстрый бегун. Он обходит собравшихся индейцев и знаками и нечленораздельными криками вызывает мужчин на гонку с ним. Если он выигрывает, он хлещет проигравшего двумя палками из листьев юкки (собранных с особыми обрядами), которые он носит с собой. Если он проигрывает, победитель не должен хлестать его. Если проигравший просит его бить мягко, он бьет сильно, и *наоборот*. Его тело окрашено в красный цвет и на нем нарисованы символы хвоста, как у Тобадзистини (таблица VII). Его маска, которая представляет собой домино, а не шапку, окрашена в красный цвет и отмечена белыми кругами и кривыми линиями. Его сигарета готовится на четвертый день, но ее не дают ему для жертвоприношения; ее кладут другие руки. Песни и молитвы сопровождают приготовление и жертвоприношение сигареты. Последняя окрашена в красный цвет и украшена белыми символами хвостов, либо двумя, либо четырьмя; если четыре, то два из них закрыты или завершены, а два открыты или незавершены. (Примечание 270.)

МУЗЫКА НАВАХО.

ПРОФ. ДЖОН КОМФОРТ ФИЛЛМОР.

272. Двадцать восемь песен, которые я переписал с фонографических записей, сделанных доктором Вашингтоном Мэтьюсом, представляют большой научный интерес и ценность, поскольку они проливают свет на проблему формы, которую спонтанно принимают естественные народные песни. Первобытный человек, выражая свои эмоции, особенно сильные чувства, в песнях, без каких-либо правил или теорий, должен, конечно, спонтанно двигаться по пути наименьшего сопротивления. Это закон, по которому обязательно должны формироваться народные мелодии. Чем дальше мы можем продвинуться к абсолютно первобытному выражению эмоций в песне, тем ценнее наш материал для научных целей, потому что мы можем быть уверены, что он является одновременно спонтанным и оригинальным, не подверженным влиянию цивилизованной музыки и каких-либо теорий. В такой музыке мы можем изучать действие естественных психических законов, соотносящихся с физическими законами, которые действуют свободно и спонтанно выражаются через голосовой аппарат.

Эти песни навахо особенно ценны, потому что они возвращают нас к истокам музыкального творчества. Достаточно услышать их исполнение или послушать их на замечательных фонографических записях доктора Мэтьюса, чтобы убедиться в этом по самому качеству тона, в котором они поются. Во всех них звуки больше похожи на вой, чем на пение, но они несомненно музыкальны в двух очень важных аспектах: (1) в их сильно выраженном ритме; (2) в несомненно гармонических отношениях между последовательными тонами. Поэтому я рассмотрю их в двух разделах: «Ритм» и «Гармоническая мелодия».

1. Ритм. — Ричард Уоллашек, выдающийся автор книги «Примитивная музыка», недавно обратил внимание на важность звукового ритма. Ритмический импульс не только предшествует другим музыкальным элементам, но и превосходит их по своей значимости, поскольку служит стимулом для произведения звуков. Ритм способствует запуску голоса; и, конечно, вокальные звуки, которые составляют первую музыку, не становятся музыкой, пока не будут ритмически упорядочены. Они имеют тенденцию упорядочиваться по естественному закону пульсации, который не нужно обсуждать здесь. Регулярно повторяющиеся пульсации, которые особенно проявляются во всех длительных вокальных звуках, также имеют тенденцию формироваться в метрические группы; в целом, эти метрические группы обычно состоят из двух или трех элементов, или простых кратных двух или трех. Так происходит в большинстве случаев в народной музыке диких народов, в нашей самой продвинутой культурной музыке и во всех промежуточных стадиях развития. Метрическая группировка по пять или семь сравнительно редка, но я обнаружил, что она гораздо чаще встречается в народной музыке диких народов, чем в нашей цивилизованной музыке.

Наиболее поразительной характеристикой метрической группировки тонов в приведенных здесь песнях навахо является свобода, с которой певец переходит от одного элементарного метра к другому, *т. е.* от двойки к тройке и *наоборот*. Так, в сложных метрах: две двойки и три двойки, или две тройки и три тройки, смешиваются с максимальной свободой, так что лишь немногие из них могут быть обозначены в нотации с помощью одного временного знака. Или, если они обозначены, то почти наверняка здесь и там будет один или два исключительных такта, которые отличаются от основного метрического типа. Так, первая песня на цилиндре № 38 имеет метрические группировки из трех троек и двух троек, *т. е.*,

8

и 6

8

. Две песни на цилиндре № 41 имеют три двойки и две двойки, рассматривая восьмую ноту как единицу; или, лучше сказать, 2

4

и 3

4

, смешанные по усмотрению певца. Почти все песни варьируют метр таким образом. Песня на цилиндре № 62 имеет исключительно богатое разнообразие метрического устройства, в то время как вторая песня на цилиндре № 38 исключительно проста и монотонна в метре и ритме. Некоторые из них, такие как № 25, записанная на цилиндре № 143, необычайно нерегулярны. Эта песня, по-видимому, основана на группировке простых двойных тактов (2

4

, равных 4

8

), но в то же время многие такты содержат только три восьмых ноты, а некоторые — пять или даже шесть. Песня № 28 на цилиндре № 144 имеет размер 8

8

, но варьируется на 2

4

, что равно 4

8

. Что касается метрической группировки, эти песни навахо не отличаются по своим основным характеристикам от песен омаха, квакиутл, пони, ото, сиу и других коренных народов, а также от песен других народов и рас, включая наш собственный. Сложность метрического устройства была доведена до гораздо более высокого уровня некоторыми другими племенами, в частности омахами и квакиутлами, чем навахо, насколько это видно из настоящего сборника песен. Здесь нет записей сопровождающего барабанного ритма, так что, если комбинации разнородных ритмов, столь распространенные у двух вышеупомянутых племен, существуют у навахо, то их еще предстоит записать и транскрибировать.

2. Гармоническая мелодия. Эти песни, по-видимому, являются настоящим связующим звеном между возбужденными криками и возбужденным пением. По *качеству* звучания они являются криками или воплями. По *соотношению высоты звуков* они *безошибочно гармоничны*. Некоторые из них проявляют эту характеристику наиболее ярко. Например, две песни на цилиндре № 41 содержат *все* тона, составляющие аккорд до мажор, *и никаких других*. Вторая песня на цилиндре № 38 содержит только тона D и F-sharp, за исключением небольшого вступительного пассажа в начале, где есть только проходящий тон E, который заполняет промежуток между двумя аккордовыми тонами. D, очевидно, является основным тоном, и вся мелодия состоит из неполного тонического аккорда. Первая песня на том же цилиндре аналогичным образом состоит из

неполного тонического аккорда до минор; только в начальной фразе есть неполный аккорд ми-бемоль, относительная мажорная тоника. Цилиндр № 49 содержит только тонический аккорд в до мажоре, и этот аккорд является полным. № 61 содержит полный аккорд си-бемоль минор и ничего больше. № 62 состоит в основном из полного аккорда фа мажор. В нем иногда используются два дополнительных тона, соль и ре, первый из которых принадлежит доминанте, а второй — как субдоминанте, так и относительному минорному аккорду. Песня № 9 на цилиндре № 100 содержит неполный аккорд ре-диез минор с га-диез, субдоминантой в тональности, в качестве случайного дополнительного тона. Последний тон каждого периода, самый низкий тон песни, звучит на фонографе так, как будто певец не может его легко достичь, и высота тона довольно неопределенная. Вероятно, он должен был быть соль-диез, но для окончательного выяснения этого вопроса необходимо личное интервью с певцом. Песня № 10 на том же цилиндре имеет полный тонический аккорд ре-диез минор и ничего больше, кроме тона до-диез, который здесь является *не* мелодическим промежуточным тоном, а *гармоническим тоном, минорной септой, добавленной к тоническому аккорду*. Это любопытно аналогично некоторым мелодиям, которые я слышал в деревне Дагомея на Всемирной выставке, а также некоторым мелодиям наших южных негров. Песня № 11 на том же цилиндре имеет те же характеристики, что и № 9. № 12 и 13 на цилиндре № 135 содержат полный аккорд ре-бемоль и ничего больше. Две песни на цилиндре № 138 содержат полный аккорд до мажор и ничего больше, за исключением начала, где в первой фразе появляется соль, относительный минорный тон. Как правило, любые побочные тона в этих песнях используются в вступительной фразе или в украшении песни, а затем певец плавно переходит к линии тонического аккорда. Две песни, записанные на цилиндре № 139, содержат полный мажорный аккорд B-flat с G, относительной минорной тональностью, в качестве побочной тональности. Две песни на цилиндре № 143 написаны в тональности C-sharp minor и содержат тонический аккорд с F-sharp, субдоминантой, в качестве побочной тональности. Только первая из двух начинается с тона B, который больше не повторяется. Песня № 27 на цилиндре № 144 содержит только полный аккорд до-диез минор. Песня № 28 имеет тот же аккорд с фа-диез в качестве промежуточного тона. Две песни на цилиндре № 145 написаны в ре миноре и состоят в основном из тонического аккорда. В качестве дополнительных тонов используются соль и си-бемоль, которые составляют две трети субдоминантного аккорда, а также до, относящийся к родственной мажорной тональности. Песня № 32 на цилиндре № 146 имеет более диатоническую мелодию. Она написана в тональности соль мажор и включает аккорд тоники с дополнительными тонами, принадлежащими как доминантному, так и субдоминантному аккордам, по одному из каждого аккорда. № 33 на том же цилиндре менее мелодична, но имеет те же гармонические элементы. На цилиндре № 147 есть две песни в тональности D-dur, которые воплощают полный тонический аккорд с небольшим использованием одного дополнительного тона, B, относительной минорной тональности. То же самое верно и для песни № 36 на цилиндре № 148. Песня № 37 на том же цилиндре имеет мажорный аккорд C и ничего больше.

В этом есть два поразительных факта: (1) Когда эти навахо спонтанно создают музыку, сочиняя *мелодии*, напевая тона в ритмически упорядоченной последовательности, всегда есть тон, который навязывается нашему сознанию как ключевой тон, тоника ( ) или тоника (Tonic), и этот тон, вместе с тонами, составляющими его аккорд (мажорный или минорный), неизменно доминирует; (2) Всякий раз, когда используются дополнительные тона, они неизменно принадлежат к аккордам, которые находятся в ближайшем отношении к тонике.

В настоящее время я не хочу вдаваться в какие-либо спекуляции о том, почему это так. Неважно, каково влияние сонантного ритма; каковы отношения между психическими, физиологическими и физическими элементами; как звук связан с музыкой; как люди приходят к понятию минорной тоники, когда в физическом составе тона присутствует только мажорный аккорд. Все эти вопросы я хочу оставить в стороне и настаивать только на одном факте, а именно: что, по крайней мере в

отношении песен народа навахо, *линия наименьшего сопротивления всегда является гармонической линией*. Если мы обнаружим, что то же самое верно для всех других народных мелодий, я не вижу никакой возможности избежать вывода, что *гармоническое восприятие является формирующим принципом в народной мелодии*. Это восприятие может быть подсознательным, если угодно; дикарь никогда в жизни не слышал аккорда, исполняемого или играемого как одновременное сочетание тонов; он не имеет никакого представления о гармонических отношениях тонов. Но это не случайность, что он поет, кричит или воет, следуя линии аккорда, и никогда не отклоняется от нее, за исключением тех случаев, когда он касается некоторых из наиболее близких связанных аккордовых тонов, используя их в основном как проходные тоны, чтобы заполнить промежуток между тонами своего тонического аккорда. Такие вещи происходят не случайно, а по закону.

Что эти навахо делают именно это, не может сомневаться ни один слушатель, который знает аккорд, когда слышит его. Но то же самое верно для всей народной музыки, которую я когда-либо изучал. Сотни народных песен омаха, квакиутл, ото, пауни, сиу, виннебаго, ирокезов, мексиканских индейцев, зуни, австралийцев, африканцев, малайцев, китайцев, японцев, индусов, арабов, турок и европейцев, которые я тщательно изучил, записав многие из них из уст коренных певцов, все рассказывают одну и ту же историю. Все они построены на простых гармонических линиях, все подразумевают гармонию, все одинаково понятны для самых разных народов и, следовательно, обязаны своим происхождением и формированием одним и тем же основополагающим принципам.

Г-н Уоллашек обратил внимание на тот факт, что ритмический импульс предшествует музыкальным тонам, а также на роль, которую играет сонантный ритм в запуске звукоизвлечения. Ритмический импульс, без сомнения, является фундаментальным в *происхождении* музыки. Но когда звукоизвлечение однажды запущено ритмическим импульсом, *оно принимает направление в соответствии с законами гармонического восприятия*. Я давно пришел к этому выводу в своем исследовании музыки омаха, и эти песни навахо являются его наиболее ярким подтверждением. Как еще можно объяснить тот факт, что так много из этих песен содержат абсолютно ничего, кроме аккордовых тонов? Как можно избежать вывода, что линия наименьшего сопротивления является гармонической линией? Разве не очевидно, что в свете этого принципа каждое явление народной музыки становится ясным и понятным? Есть ли какая-либо другая гипотеза, которая объяснила бы наиболее яркие характеристики народной музыки? Каждый студент должен ответить на эти вопросы сам. Но я, со своей стороны, совершенно не могу устоять перед убеждением, что *гармоническое чувство является формирующим принципом народной мелодии*.

[В номерах журнала *«The Land of Sunshine»* (Лос-Анджелес, Калифорния) за октябрь и ноябрь 1896 года под названием «Песни навахо» поэзия и музыка этого племени уже были обсуждены профессором Филлмором и автором. Вся последующая музыка (см. стр. 258, 279–290), за исключением «Песни голубя», была написана профессором Филлмором].

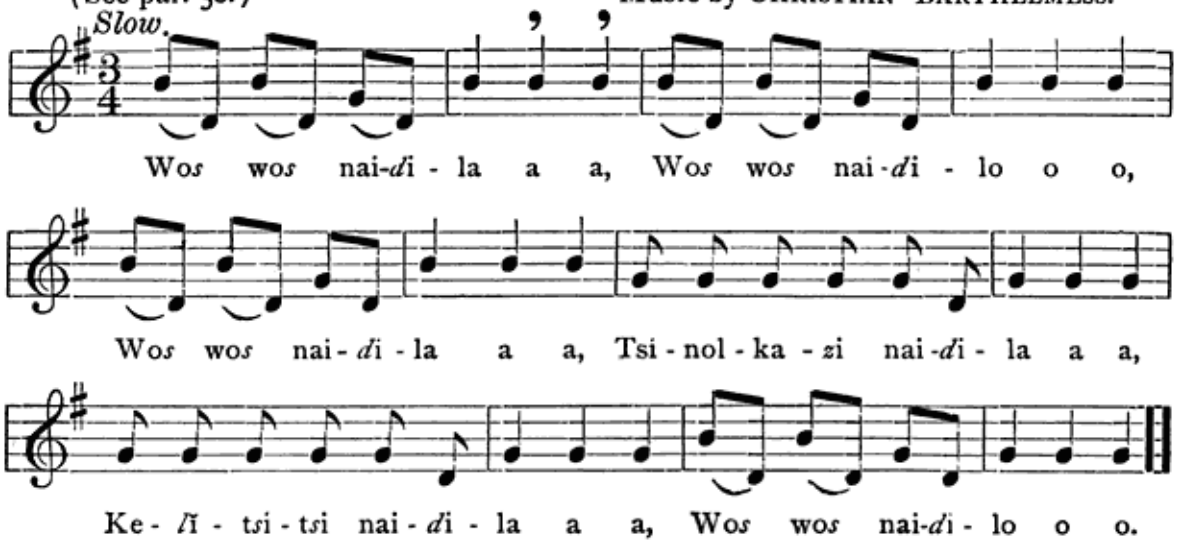
273. ПЕСНЯ ГОЛУБЯ.

[MIDI | [MP3] | MusicXML]

(See par. 50.)

Music by CHRISTIAN BARTHELMESS.

Slow.



ТЕКСТЫ И МЕЖРЯДКОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

274. ЗАВЕРЕНИЕ ТОРЛИНО (ЧАСТИЧНО).

Наестсан

Земля (Женщина Горизонтальная),

bayántsĭn.

за это я стыжусь.

Ядилыил

Небо (темное над головой),

баянтсин.

за это я стыжусь.

Хайолкал

Рассвет,

баянтсин.

за это я стыжусь.

Нахоцои

Вечер (Земля горизонтального желтого),

баянтсин.

за это мне стыдно.

Находотли′зи

Голубое небо (Земля или место горизонтального синего),

bayántsĭn.

за это мне стыдно.

Цалыэль

Тьма,

баянтсин.

за это я стыжусь.

Цоханоай

Солнце,

баянтсин.

за это мне стыдно.

Си сизини

Во мне это стоит,

беястии

со мной говорит,

баянтсинь.

за это я стыжусь.

275. НАЧАЛО ЛЕГЕНДЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ.

Тобиласкидиги

Вода с холмом в центре

хаадзе

на востоке

lakaígo

белый

таиндилто;

вверх поднялся;

tsin

день

дзилинла

они думали, что

tsĭ′ni.

они говорят.

Садаадзе

На юге

dotlĭ′zgo

синий

таиндилто;

вверх роза;

tábĭtsin

еще их день

ĭndzĭlté

они обошли

tsĭ′ni.

они говорят.

Inádze

На запад

lĭtsógo

желтый

таиндилто;

встала;

ininála

вечер всегда

á‘le

он показал

tsĭ′ni.

говорят.

Акого

Тогда

нахокосдзе

на север

dĭlyĭ′lgo

темный

таиндилто;

встал;

akógo

затем

дазĭнтса

они легли

dádzĭlkos

они спали

tsĭ′ni.

они говорят.

Тобильхаскиди

Вода с холмом в центре

то‘алцахазлин;

вода текла из разных направлений;

хаадзе

на восток

ла

один

илин,

текла,

садааго

на юге

ла

один

илин,

текла,

ла

один

инадзе

на запад

илин

текла

tsĭ′ni.

говорят.

Хаадзе

На восток

ilínigi

где он течет

бан

его граница

кеходзити;

место, где они жили;

садаадзе

на юг

ěltó‘;

также;

inádze

на запад

ěltó‘

также

бан

его граница

kéhodzĭti

место, где они жили

tsĭ′ni.

они говорят.

Хаадзе

На восток

Тан

Кукуруза

холге;

место под названием;

садаадзе

к югу

Находоола

Находоола

холге;

место под названием;

инадзе

на западе

Локацосакад

Камышовый Великий Стоящий

холге.

место под названием.

Хаадзе

На восток

Асалаи

Горшок один

холге;

место под названием;

садаадзе

к югу

Тохадзитил

Вода, за которой они часто приходят

холге;

место под названием;

inádze

на запад

Dsĭ llĭtsíbehogán

Горный красный Сделанный из дома

holgé.

место под названием.

Хаадзе

На восток

Леяхоган

Земля под домом

холге;

место под названием;

садаадзе

к югу

Цилцинта

Ароматический сумак среди

холге;

место под названием;

инадзе

на западе

Tse‘ lĭtsíbehogán

Скала Красный Сделанный из Дома

holgé.

место под названием.

Холаци

Муравьи

Дилиле

Темный

кехати

жил

ĭnté.

там.

Холаци

Муравьи

Лĭтси

Красный

кехати

жил

ĭнté.

там.

Танилаи

Стрекозы

кехати

жили

ĭнté.

там.

Цалца

(Желтые жуки)

кехати

жили

ĭнté.

там.

Woĭntlĭ′zi

Жуки (?) твердые

kéhati

жил

ĭнté.

там.

Tse‘yoáli

Каменные носильщики (жуки)

kéhati

жили

ĭnté.

там.

Кинлизин

Жуки черные (жуки)

kéhati

жил

ĭnté.

там.

Майцан

Койоты-навозники (жуки)

кехати

жил

ĭnté.

там.

Индита

Кроме того

Цапани

Летучие мыши

кехати

жил

ĭnté.

там.

Totsó‘

(Белолицые жуки)

kéhati

жили

ĭnté.

там.

Wonĭstsídi

Саранча

kéhati

жил

ĭnté.

там.

Вонĭстсиди

Саранча

Каи

Белый

кехати

жил

ĭnté.

там.

Накидатаго

Двенадцать

dĭné‘

людей

aísi

эти

дездель.

начал (жизнь).

Хаадзе

На восток

хахосе

протянутый

тосигин

океан

tsĭ′ni;

они говорят;

Садаадзе

на юг

то‘сигин

океан

tsĭ′ni;

говорят;

inádze

на запад

то‘сигин

океан

tsĭ′ni;

они говорят;

нахокосдзе

на север

to‘sĭgĭ′n

океан

tsĭ′ni.

говорят.

Хаадзе

На восток

то‘сигин

океан

биги

внутри

Тиэхолцоди

Тиэхолцоди

ситин

лежать

tsĭ′ni.

говорят.

Натани

Вождь

ĭnlíngo;

он был;

ханантай

Вождь народа

tsĭ′ni.

говорят.

Садаадзе

На юге

то‘сигин

океан

биги

внутри

Thaltláhale

Синяя цапля

ситин

лежать

sĭ′ni.

говорят.

Натани

Вождь

ĭnlin′go;

он был;

ханантай

вождь народа

tsĭ′ni.

говорят.

Инадзе

На западе

то‘сигин

океан

биги

внутри

Цал

Лягушка

си *tín*

лежать

tsĭ′ni.

говорят.

Натани

Начальник

ĭnlíngo;

он был;

ханантай

вождь народа

tsĭ′ni.

говорят.

Нахокосдзе

На север

to‘sĭgĭ′n

океан

bígi

внутри

Иднидсилкай

Горная гроза Белый

ситин

лежать

tsĭ′ni;

они говорят;

ханантай

вождь народа

tsĭ′ni.

они говорят.

Тиги

В этом

itégo

путь

хазаго

они поссорились

kédahatsitigo;

вокруг того места, где они жили;

ĕ′hyidelnago

друг с другом

ахадацтилге

они совершали прелюбодеяние

tsĭ′ni.

они говорят.

Ĕʹhyidelnago

Друг с другом

естсани

женщины

альцан

несколько

tatsĭkíd

совершили преступление

tsĭʹni.

говорят.

Юве

Изгнать

tséhalni

они потерпели неудачу

tsĭʹni.

говорят.

Тиэхолцоди

Тиэхолцоди

хаадзе

на восток

«Хатегола

«Каким образом

Долела?

Нам действовать?

Хвехея

Их земля

холдаодакала».

Место, которое им не нравится.

Садаадзе

На юге

Талтлахале

Синяя цапля

хални

говорил с ними

tsĭ′ni.

они говорят.

Инадзе

На западе

«Кат

«Сейчас

си

Я (говорю)

dokoné

не здесь

кехадзитидолель»,

будут ли они жить»,

Цал

Лягушка

хаци

сказал

Натани

Вождь

ĭnlĭ′ni,

он был,

хаци

он сказал

tsĭ′ni.

говорят.

Нахокосдзе

На север

Иднидсилкай

Горная гряда Уайт

«Такада»

«Быстро

хадзета

в другом месте

dahízdĭnolidi»

они должны уйти»

tsĭ′ni.

они говорят.

Хаадзе

На восток

Тиэхолцоди

Тиэхолцоди

аханадаздеяго

когда они снова совершили прелюбодеяние

алкинацидзе

между собой снова сражались

тохаци

ничего он не сказал

tsĭ′ni.

говорят.

Садаадзе

На юг

Талтлахале

Синяя цапля

татоханантсида

снова ничего им не сказал

tsĭ′ni.

говорят они.

Инадзе

На запад

Цал

Лягушка

натани

вождь

ĭnlĭnéni

он ранее был

татоханантсида

снова ничего им не сказал

tsĭ′ni.

говорят.

Нахокосзе

На север

Иднидсилкай

Горная белая

татоханантсида

снова ничего им не сказал

tsĭ′ni.

говорят они.

Тобилтахозондала

Не приятными способами, один

tsĭ′ni.

говорят они.

Tin

Четыре

наикалаго

снова концы ночей

таконахоца

снова произошло то же самое

tsĭ′ni.

говорят.

Садаадзе

На юге

кеходзитини

жители

таконацидза

сделали то же самое снова

tsĭ′ni;

они говорят;

кинацидзе

снова они сражались

tsĭ′ni.

они говорят.

Хаадзе

На восток

ла

один

естсаниго

женщина

ла

один

dĭnégo

мужчина

яхацааз

пытался войти вдвоем

ĭnté;

там;

тсеходĭнĕлца,

их прогнали

tsĭ′ni.

говорят они.

Садаадзе

На юг

Талтлахале

Синяя цапля

ситинэдзе

туда, где он лежал

yahanátsataz

снова они попытались войти вдвоем

ĭnté;

там;

tsenáhodĭnĕltsa

снова их изгнали

tsĭ′ni.

говорят.

Инадзе

На запад

T sal

Лягушка

Натани

вождь

ĭnlĭ′nedze

туда, где он был

yahanátsataz

снова они попытались войти вдвоем

ĭnté;

туда;

tsenáhodĭněltsa

снова их изгнали

tsĭ′ni.

говорят.

Нахокосдзе

На север

tsĕnáhodĭněltsa

Они снова были изгнаны.

«Тота

«Не

ní‘yila.

один из вас.

Дайнока

Продолжай идти

hádzeta,

elsewhere»,

hoʻdoní

так он говорил

tsĭʹni.

говорят.

Индита

Кроме того

aibĭtlé

в ту же ночь

Находоола

Находоола

baĭʹndadzitigo

они обсудили это

iskáʹ

конец ночи

татоастецада

они не приняли решения

tsĭʹni.

они говорят.

Наʻдеяйилкаго

После рассвета

Тиэхолцоди

Тиэхолцоди

hayálti

начал говорить

tsĭʹni.

говорят.

«Тодадоцада

«Ты не обращаешь внимания

tsǐní‘yitsinyasti

все, что я тебе сказал

хадис

где угодно

tadidotsíl

ты не послушаешься;

ní‘yila‘

все вы

hádzeta

в другом месте

tanelída;

должен уйти;

коне

здесь

tóta

не

ti‘

это

ни

земля

дасакадги

на стоять в

kạt

сейчас

тота;»

не;»

hodoní

так он сказал

tsĭ′ni.

они говорят.

Эстсаниго

Среди женщин

tin

четыре

искаго

концы ночей, до

басахацилаго

они говорили об этом

tsĭ′ni.

говорят.

Tín

Четыре

iská‘

концы ночей

apĭ′nigo

утром

názditse

когда они поднимались

ĭnté

там

tsĭ′ni,

говорят,

хаадзе

на восток

hatísi

что-то

лакаиго

белый

тайганиль

появился

tsĭ′ni;

они говорят;

инта

кроме того

садаадзе

на юг

ĕltó‘

также

тайганиль

появился

tsĭ′ni;

они говорят;

нааконе

снова здесь

inádze

на запад

ĕltó‘

также

taigánil

появился

tsĭ′ni;

они говорят;

инта

кроме того

náhokosdze

на север

ěltó‘

также

taigánil

появился

tsĭ′ni.

говорят.

Dsĭl

Горы

ahyéna‘a‘

возвышающиеся вокруг

náhalĭni

как

silín

она протянулась

tsĭ′ni;

они говорят;

татобитахазани.

не открывая.

Тоахьеинцил

Вода вокруг

tsĭ′ni;

говорят;

то‘тобĭтиĭо,

воду нельзя пересекать,

tatódĭzaatego

не подниматься

ахьеинтсилин

текло вокруг

tsĭ′ni.

говорят.

Таако

Сразу

тахадильтел

они начали

tsĭ′ni.

говорят.

Ahyéĭltégo

Они ходили кругами

нихизиилте

так они шли

tsĭ′ni;

говорят;

yabiĭlté

они ушли в небо

tsĭ′ni.

они говорят.

Dĭlkógo.

Все прошло гладко.

Таадо

Оттуда

тан

вниз

ĭndazdéti

они смотрели

tsĭ′ni;

они говорят;

to‘

вода

ĭ′ndadĭltlayengi;

где она поднялась;

to‘

вода

toahotéhida

ничего больше там

tsĭ′ni.

говорят.

Nité

Там

kondé

отсюда

ла

один

haznolán

выступающий

tsĭ′ni;

они говорят;

tsi

голова

dotlĭ′z

синий

léi;

было;

хацоци

он позвал их

tsĭ′ni;

они говорят;

«Конне»,

«Здесь»,

tsĭné,

сказал он,

«хаадзего

«на восток

ахотсала»

«дыра»

tsĭ′ni.

говорят.

Аконе

Здесь

ooĭlté

они вошли

tsĭ′ni;

они говорят;

bĭnaká‘

через него

ĭlté

они пошли

tsĭ′ni

они говорят;

баганце

на верхнюю поверхность

hasté

они вышли

tsĭ′ni.

они говорят.

Dotlĭ′zeni

Синий

Hastsósidĭne‘

Ласточки

ati′nla

принадлежали к

tsĭ′ni.

говорят.

Hastsósidĭne‘

Ласточки

kéhatil

жили там

tsĭ′ni.

говорят.

Хоганин

Дома

togólgo

грубые (неровные)

назнĭ′л,

рассредоточенный,

tsĭ′ni;

говорят;

háhosi‘

очень много

yilá‘

были помещены

tsĭ′ni.

говорят.

Bĭlathádze

К их вершинам

dahatsózgo;

они сужаются;

áde

от того

yahadáhaztsa‘

дал вход отверстие

tsĭ′ni.

говорят.

Хахоси

Очень много

dĭné‘

людей

альци

собрали

kotgá

вместе

tsĭ′ni.

они говорят.

Хаалахазлин

Они сгрудились вместе

tsĭ′ni.

говорят.

276. ПЕСНЯ ЭСТСАНАТЛЕХИ.

Айенея.

(Без значения.)

Эо эа айа ахеа айа эеайа айна.

(Бессмысленная прелюдия, повторяющаяся дважды.)

I.

1. Йеинаэзгани

Найенэзгани

са‘

для меня

нийи′ниги,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

2. *Kạt*

Сейчас

Bĭtéelgĕti

Téelgĕt

са‘

для меня

ниниги,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

3. Цĩ′да

По-настоящему

ла

один

bĭdzái

его легкое

ca‘

для меня

нииньиги,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

4. Dĭné‘

Люди

nahostlĩ′di.

восстановлены .

Ca‘

Для меня

niyĩ′nigi,

он приносит,

yeyeyéna.

(бессмысленно.)

Хайя айна айея айна.

(Бессмысленный припев после каждой строфы.)

II.

1. *Кат*

Сейчас

Тобадзицсини

Тобадзистсини

са‘

для меня

нийи′ниги,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

2. Цэнинахолиси

Ценахале

са‘

для меня

нийниги,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

3. Цї′да

По-настоящему

ла

один

bĭtái,

его крыло,

ca‘

для меня

ниниги,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

4. Dĭné‘

Люди

nahostlĭ′di.

восстановлены.

Ca‘

Для меня

niyĭ′nigi,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

III.

1. *Кат*

Сейчас

Léyaneyani

Лейанеяни

ca‘

для меня

ниниги,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

2. Цетахоцилтали

Tse‘tahotsĭltá‘li

са‘

для меня

нииниги,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

3. Цĭ′да

По-настоящему

bĭtlapĭ′le

его коса

са‘

для меня

niyĭ′nigi,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

4. Dĭné‘

Люди

nahostlĭ′di.

восстановлены.

Са‘

Для меня

niyĭ′nigi,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

IV.

1. *Кат*

Сейчас

Цовенатли

Цовенатлехи

са‘

для меня

нииньиги,

он приносит,

йееена.

(бессмысленно.)

2. Бинаяе

Бинаяе

Цагани

Ахани

са‘

для меня

нийиниги,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

3. Цĩ′да

Поистине

ла

один

bĭnái

его глаз

ca‘

для меня

ниниги,

он приносит,

yeyeyéna.

(бессмысленно.)

4. Dĭné‘

Народ

nahostlĩ′di.

восстановлены.

Ca‘

Для меня

niyĩ′nigi,

он приносит,

йеееена.

(бессмысленно.)

В строке 1, строфе I, Nayénězgạni заменено на Yéinaězgạni, а в строке 1, строфе IV, Bĭnáye Aháni заменено на Bĭnáye Tsagáni. Nahostlĩ′di в последней строке каждой строфы здесь переводится как

«восстановленный», но более точное значение заключается не в том, что первоначальные люди возвращаются к жизни, а в том, что на их место приходят другие. Этот глагол используется, если человек крадет лошадь и дает другую лошадь в качестве компенсации за украденную.

277. ПЕСНЯ НАЙЕНЗГАНИ (NAYÉNĚZGĄNI BĬGĬ'N).

I.

Атсе

Атсе

Эстсан

Эстсан

Найенэзгани

Найенэзгани

йихахолнĭ'з,

начал рассказывать ей о,

Битеэлгэти

Теэлгэт

йилахолнĭ'з,

начал рассказывать ей о,

Нае

Анайе

холоде

откуда они

ихахолни'з.

начал рассказывать ей о.

II.

Estsánatlehi

Эстсанатлехи

Тобадзицсини

Тобадзистсини

yilhaholnĭ'z,

начал рассказывать ей о

Ценахалеси

Ценахале

йилхахолнĭ'з,

начал рассказывать ей о,

Nayé

Анайе

холоде

откуда они

йилхахолни'з.

начал рассказывать ей о.

III.

Атсе

Атсе

Эстсан

Эстсан

Лейанейани

Лейанеяни

йилхахолнĭ'з,

начал рассказывать ей о,

Цетахоцилтали

Цетахоцилтали

йилхахолнӣ'з,

начал рассказывать ей о,

Нае

Анайе

холоде

откуда они

йилхахолни'з.

начал рассказывать ей о.

IV.

Эстсанатлехи

Эстсанатлехи

Цовенатлехи

Цовенатлехи

йилхахолнӣ'з,

начал рассказывать ей о,

Биная

Биная

Цагани

Ахани

yilhaholnĭ'z,

начал рассказывать ей о,

Нае

Анае

холоде

откуда они

йилхахолни'з.

начал рассказывать ей о.

Прелюдия, припев и бессмысленные слоги опущены из этого текста.

278. ПЕСНЯ НАЙЕНЕЗГАНИ.

I.

Кат

Сейчас

Найенэзгани

Убийца чужеземных богов

koanígo

так он говорит

dĭgíni,

святой,

Кат

Сейчас

Цоханоай

Солнце

koanígo,

так он говорит,

Дигн

Святой

ика

на нем

sĭzíni

он стоит

коаниго.

так он говорит.

II.

Кат

Сейчас

Тобадзистини

Ребенок Воды

koaníǵo

так он говорит

dǐǵíni,

святой,

Kạt

Сейчас

Клеханоай

Луна

koaníǵo,

так он говорит,

Дигн

Святой

ика

на нем

холеси

он идет

коаниго.

так он говорит.

III.

Кат

Теперь

Léyaneyani

Воспитанный под землей

koanígo

так он говорит

dĭgíni,

святой,

Кат

Сейчас

T sóhanoai

Солнце

koanígo,

так он говорит,

Dĭgĭ′n

Святой

ика

на нем

sĭzíni

он стоит

коаниго.

так он говорит.

IV.

Кат

Теперь

Цовенатли

Изменение Внук

koaníǵo

так он говорит

dǐǵíni,

святой,

Kạt

Сейчас

Клеханоай

Луна

koaníǵo,

так он говорит,

Дигин

Святой

ика'

на нем

холеси

он идет

koaníǵo.

так он говорит.

Бессмысленные части опущены. Koaníǵo происходит от kónigo, что является прозаической формой.

279. ПЕСНЯ НАЙЕНЗГАНИ.

I.

Кат

Сейчас

Йенаэзгани

Убийца чужеземных богов (Nayénězgạni)

ла

один

дисцая.

Я слышу его.

Я

Небо

benikásde

через

ла

один

dĭsĭtsáya.

Я слышу его.

Биние

Его голос

tsíye

звучит

tĭ'snĭsad

во всех направлениях

lée.

(без значения).

Биние

Его голос

tsíye

звучит

dígini

святой, божественный

lée.

(без значения).

II.

Kạt

Сейчас

Тобадзистини

Ребенок Воды

ла

один

дисцая.

Я слышу его.

То‘

Вода

benikásde

через

ла

один

dĭsĭtsáya.

Я слышу его.

Биние

Его голос

tsíye

звучит

tĭ'snĭsad

во всех направлениях

lée.

(без значения).

Биние

Его голос

tsíye

звучит

dígini

божественный

lée.

(без значения).

III.

Kạt

Сейчас

Léyaneyani

Воспитанный под землей

ла

один

дисцая.

Я слышу его.

Ни

Земля

benikásde

через

ла

один

dĭsĭtsáya.

Я слышу его.

Биние

Его голос

tsíye tĭ

звучит

'snĭsad

во всех направлениях

lée.

(без значения).

Bíniye

Его голос

tsíye

звучит

dígini

божественный

lée.

(без значения).

IV.

Kạt

Сейчас

Цовенатли

Изменение Внук

ла

один

дисцайя.

Я слышу его.

Кос

Облака

benikásde

через

ла

один

dĭsĭtsáya.

Я слышу его.

Биние

Его голос

tsíye

звучит

tǐ'snǐsad

во всех направлениях

lée.

(без значения).

Биние

Его голос

tsíye

звучит

dígini

божественный

lée.

(без значения).

Nayénězgạni изменено на Yénaezgạni; bǐne (его голос) изменено на bíniye; dǐgǐ'n изменено на dígini по поэтическим соображениям. Прелюдии и припевы опущены.

280. ПЕСНЯ НАЙЕНЕЗГАНИ.

I.

Кат

Сейчас

Найенэзгани

Убийца чужеземных богов

нахания,

он прибывает,

Пес

Ножи

dĭlyĭ′li

темный

бегоганла

дом, построенный из

ásde

из

нахания,

он прибывает,

Пес

Ножи

dĭlyĭ′li

темный

дахонихе

висеть высоко

ásde

от

нахания.

он прибывает.

Nizáza

Ваши сокровища

dĭnĭgíni,

ты святой,

сика

ради меня

нет.

тота.

II.

Kạt

Сейчас

Тобадзистсини

Ребенок Воды

нахания,

он прибывает,

Пес

Ножи

долгаси

serrate

бехоганла

дом, построенный из

ásde

из

нахания,

он прибывает,

Пес

Ножи

долгаси

зубчатый

дахонихе

висеть высоко

ásde

от

нахания.

он прибывает.

Nizáza

Ваши сокровища

dĭnĭgíni,

ты святой,

сика

ради меня

нет.

тота.

III.

Kạt

Сейчас

Léyaneyani

Воспитанный под землей

нахания,

он прибывает,

Пес

Ножи

алтхасаи

всех видов

бехоганла

дом, построенный из

ásde

из

нахания,

он прибывает,

Пес

Ножи

алтхасаи

всех видов

дахонихе

висят высоко

ásde

от

нахания.

он прибывает.

Nizáza

Ваши сокровища

dĭnĭgíni,

ты святой,

сика

ради меня

тота.

нет.

IV.

Kạt

Сейчас

Цовенатли

Изменение внука

нахания,

он прибывает,

Пес

Ножи

lĭtsói

желтый

behogánla

желтый дом, сделанный из

ásde

от

нахания,

он прибывает,

Пес

Ножи

lĭtsói

желтый

дахонихе

висеть высоко

ásde

от

нахания.

он прибывает.

Ни záza

Ваши сокровища

dĭnĭgíni,

ты святой,

сика

ради меня

тота.

нет.

Пытаясь объяснить смысл этой песни, певец рассказал, что Найенэзгани сказал своей матери: «Ты божественная, а не я». Она ответила: «Нет, божественный — это ты». Они обменивались комплиментами. Затем он сказал: «Не ради меня, а ради тебя эти сокровища (оружие и т. д.) были даны Солнцем. Они твои». Значение слова bĭzá (его сокровище) см. в примечании 246. Nizá или nĭ′za означает «твое сокровище»; последний слог здесь, возможно, повторяется как поэтическое множественное число. Дома ножей, как говорят, — это разные комнаты в доме Солнца. Бессмысленные слоги в этом тексте опущены.

281. ПЕСНЯ О СОЛНЦЕ.

I.

Кат

Сейчас

Найенэзгани

Убийца чужеземных богов

sĭdeyáïye,

Я прихожу (или приближаюсь) с,

Пес

Ножи

dĭlyĭ′li

темный

behogánde

из дома, построенного из

sĭdeyáïye,

Я прихожу с

Пес

Knives

dĭlyĭ′li

темный

дахониде

откуда они высоко свисают

sĭdeyáïye,

я прихожу с

Ca‘

Для меня

alíli

инструмент для проведения обрядов

сидеяйе,

Я прихожу с

ани хойеле

к тебе, ужасный

айнеяхи айне.

(без значения).

II.

Kạt

Сейчас

Тобадзистини

Ребенок Воды

sĭdeyáïye,

Я прихожу с

Пес

Ножи

dolgási264

serrate

behogánde

из дома, сделанного из

sĭdeyáïye,

Я прихожу с

Пес

Ножи

dolgási

serrate

дахониде

откуда они высоко свисают

sĭdeyáïye,

Я прихожу с,

Ca‘

Для меня

alíli

инструмент для проведения обрядов

сидеяйе,

Я прихожу с

anídĭgĭnle

к тебе священный (божественный, святой)

айнеяхи айне.

(без значения).

III.

Kạt

Сейчас

Léyaneyani

Воспитанный под землей,

sĭdeyáïye,

Я прихожу с

Пес

ножами

алтхасаи

всех видов

behogánde

из дома, сделанного из

sĭdeyáïye,

Я прихожу с

Пес

ножами

алтхасаи

всех видов

дахониде

откуда они высоко свисают

sĭdeyáïye,

Я прихожу с

Ca‘

Для меня

alíli

инструмент для проведения обрядов

сидеяйе,

Я прихожу с

анихойеле,

к тебе, ужасный,

айнеяхи айне.

(без значения).

IV.

Kạt

Сейчас

Цовенатли

Меняющийся внук

sĭdeyáïye,

Я прихожу с

Пес

Ножи

lĭtsói

желтый

behogánde

из дома, построенного из

sĭdeyáïye,

Я прихожу с

Пес

Ножи

lĭtsói

желтый

дахониде

откуда они высоко свисают

sĭdeyáïye,

я прихожу с

Ca‘

Для меня

alíli

инструмент для проведения обрядов

сидеяйе,

Я прихожу с

anídĭgĭnle

к тебе священный

айнеяхи айне.

(без значения).

Алиль или алили означает представление, танец или другое единичное исполнение обрядов (см. рис. 30). Это слово также означает жезл или другой священный инструмент, используемый в обрядах. Считается, что цветные обручи для вызывания бури, описанные в параграфе 355, являются алили, упомянутыми в этой песне.

282. ПЕСНЯ О СОЛНЦЕ.

I.

Сини

Мой разум

eé

deyá

подходит,

aá,

deyá

приближается,

aa,

Цинханоай

Бог Солнца

eé

deyá

приближается,

aa,

Ниньнела

Граница Земли

eé

deyá

подходы,

аа,

Эстсанатлеси

Эстсанатлехи

бигани

ее дом

юнидзе

к очагу

дея

приближается,

аа,

Сана

В старости

нагаи

ходя

ээ

дея

приближается,

аа,

Bĭké

Его след

хозони

красивый

ээ

дея

приближается.

аа.

Сини

Мой разум

eé

deyá

подходит,

aá,

deyá

приближается.

аа.

II.

Сини

Мой разум

eé

deyá

подходит,

aá,

deyá

приближается,

aa,

Клеханоай

Бог Луны

eé

deyá

приближается,

aa,

Ниньнела

Граница Земли

eé

deyá

подходы,

aa,

Йо lkaí

Йо lkaí

Estsán

Estsán

bigáni

ее дом

юнидзе

к очагу

дея

приближается,

аа,

Сана

В старости

нагаи

ходя

ээ

дея

приближается,

аа,

Bĭké

Его след

хозони

красивый

ээ

дея

приближается.

аа.

Сини

Мой разум

eé

deyá

подходит,

aá

deyá

приближается.

аа.

Юни, здесь переведенное как «очаг», является определенной частью пола в хижине навахо. Юнидзе означает «в направлении юни».

Выражения Sána nagái и Bĭké hozóni встречаются во многих песнях и молитвах и всегда используются вместе. Их буквальный перевод приведен выше, но они эквивалентны выражению «долгая жизнь и счастье»; в молитве они означают просьбу о долгой и счастливой жизни. Hozóni в первую очередь означает «земная красота», но также означает «счастливый», «счастливо» или, в определенном смысле, «хороший».

Estsánatlehi в песнях часто называют Estsánatlesi, а Tsóhanoai часто называют (по-видимому, более правильно) Tsínhanoai. Sĭní‘ = Sĭ′ni.

Непереведенные слоги не имеют значения.

283. ЗНАЧИМЫЕ СЛОВА ПЕСЕН ЛОГА, ПЕРВЫЙ НАБОР.

Первая песня: Цзинь

Дерево (бревно, палка)

nĭzóni

красивый

ca‘

для меня

niĭ′nitha.

они упали.

Вторая песня:— Цин

Дерево

nĭzóni

красивое

ca‘

для меня

haídile.

они готовят или подстригают.

Третья песня:— Цзинь

Дерево

nĭzóni

красивый

ca‘

для меня

haiyĭdíla‘.

они подготовили.

Четвертая песня:— Цзинь

Дерево

nǐzóni

красивое

sǐlá‘

со мной

yidǐtí‘yi‘.

они несут.

Пятая песня:— Цин

Дерево

nǐzóni

красивое

sǐlá‘

со мной

tháiyiyitin.

они положили в воду.

Слово «красивый» обычно произносится как ǐnzóni, а не nǐzóni, как выше.

284. ЗНАЧИМЫЕ СЛОВА ПЕСЕН ЛОГА, ВТОРОЙ НАБОР.

Первая песня:— Цзинь

Дерево

nǐzóni

красивый

sǐlá‘

со мной

нейильго.

они толкают.

Вторая песня:— Цзинь

Дерево

nǐzóni

красивое

sǐlá‘

со мной

yidisél.

плавает.

Третья песня:— Цин

Дерево

nǐzóni

красивый

sǐlá‘

со мной

yiyilól.

двигается, паря.

285. СЛОВА ОРЛА.

Ахалани

Приветствие,

сиаз!

мое дитя!

Эйехе

Спасибо,

сиаз!

Мой ребенок!

Nĭtsĭ′li

Твой младший брат

та

вниз

тоадаинин'лда,

ты не бросил,

Доники.

Доники.

286. ПЕСНЯ ОРЛОВ — ПЕСНЯ БУСОВОГО ПЕСНЯ.

I.

Аооо айа-хена *ан* анайе анайе.

(Бессмысленная прелюдия.)

Киннакие

Киннакие

йее

сааииста

вот он сидит,

ан,

Хаяааа

Когда он поднимается,

йее

сааииста

там он сидит,

ан ан,

Ильца

Посмотрим,

аа йее

саайиста

вот он сидит,

ан ан,

Talpíl

Он будет махать,

аа йее

саайиста

вот он сидит.

ан ан.

Айадосее айадосее *ан ан ан* оханее.

(Бессмысленный припев.)

Kinnakíye = Kinníki. Непереведенные слова в настоящее время не имеют значения.

287. ПЕСНЯ ВОЗНЕСЕНИЯ.

I.

Айо эо эо эо хе, эо оо эо эо хе.

(Бессмысленная прелюдия.)

1. *Цзинатан*

Растение кукурузы

alkaí

белый,

ээ ээ,

2. Бидаги

Его ухо торчит в

tso

великолепно

í *нян*

есть.

eé.

3. Nantá

Оставайся на месте.

Анан тосе тосе.

Тосе эйэ эйэ.

II.

(Повторить прелюдию, как в строфе I.)

1. *Циннатан*

Растение кукурузы

dotlĭ'z

синий,

ээ ээ,

2. Бидаги

Его ухо торчит в

tso

великом

иньян

есть.

ээ.

3. Nantá

Оставайся на месте.

anán tosé tosé.

(Повторить припев, как в строфе I.)

III.

(Повторить прелюдию.)

1. *Циннатан*

Растение кукурузы

альцои

желтый,

ээ ээ,

2. Бидаги

Его ухо торчит в

tso

великом

иньян

есть.

ээ.

3. Nantá

Оставайся на месте.

anán tosé tosé.

(Повторить припев.)

IV.

(Повторить прелюдию.)

1. Циннатаа

Растение кукурузы

zĭ′ni

черный,

ээ ээ,

2. Бидаги

Его ухо торчит в

tso

великом

иньян

есть.

ээ.

3. Nantá

Оставайся на месте.

anán tosé tosé.

(Повторить припев.)

V.

(Повторить прелюдию.)

1. *Циннат*

Растение кукурузы

althasaí

все виды или цвета,

ээ ээ,

2. Бидаги

Его ухо торчит в

tso

великом

иньян

есть.

ээ.

3. Nantá

Оставайся на месте.

anán tosé tosé.

(Повторить припев.)

VI.

(Повторить прелюдию.)

1. *Циннатан*

Растение кукурузы

dĭtsól

круглый (бугорок),

ээ ээ,

2. Бидаги

Его ухо торчит в

tso

великом

иньян

есть.

ээ.

3. Nantá

Оставайся на месте.

анань тосе тосе.

(Повторить припев.)

В некоторых словах этой песни внесены значительные изменения по просодическим соображениям. *Tsĭ'natan,* tsĭ'nataa и *tsĭ'nat* (1-я строка) происходят от *tsĭl* (растение) и *natán* (кукуруза), Bidági (2-я строка) — от bidí (его початок), iá‘ (он торчит) и gi (в). Alkaí (строка 1, строфа I) = lakaí. Altsói (строка 1, строфа III) = lĭtsói.

288. МОЛИТВА ПЕРВЫХ ТАНЦОРОВ ИЗ ЦЕРЕМОНИИ НОЧНОГО ПЕНИЯ.

1. Tse‘gíhigi,

Tse‘gíhi в

2. *Хайолкал*

Рассвет

бехоганги,

сделанный из дома в,

3. Нахоцои

Вечерние сумерки

бехоганги,

сделанный из дома в,

4. *Косдилийл*

Облако темное

бехоганги,

сделанный из дома в,

5. Нилцабака

Дождь мужской

бехоганги,

сделанный из дома в,

6. *Адилийл*

Туманный темный

бехоганги,

сделанный из дома в,

7. Нилцабаад

Дождь женский

behogángi,

сделанная из дома в,

8. *Тадити*

Пыльца

бехоганги,

сделанный из дома в,

9. Анилтани

Кузнечики

бехоганги,

сделанный из дома в,

10. *Адилыил*

Туман темный

dadĭnlági,

у двери,

11. *Нацилит*

Радуга

bĭkedzétin,

его след — дорога,

12. Ациниклиси

Зигзагообразная молния

ики

на ней

дасизини,

высокие подставки,

13. Нилцабака

Дождь мужчина

ики

на нем

дасизини,

высоко стоит,

14. Хастсебака,

божество мужского пола,

15. *Косдилий*

Облако темное

нǐкего

твои мокасины

нахаиния.

приходи к нам.

16. *Kósdǐlyǐl*

Облако темное

nǐsklégo

твои леггинсы

нахаиния‘.

приходи к нам.

17. *Косдилийл*

Облако темное

ниэго

твоя рубашка

nahaíniya‘.

приди к нам.

18. *Косдилийл*

Облако темное

nĭtságo

твой головной убор

nahaíniya‘.

приди к нам.

19. *Косдилыл*

Облако темное

bininĭnlágo

твой разум окутывает

nahaíniya‘.

приди к нам.

20. Никидзе

Ты наверху

иднидылил

гром темный

dahitágo

высоко летающий

nahaíniya‘.

приходи к нам.

21. Косистин

Облако, имеющее форму

bikégo

у ног

дахитаго

высоко летающее

nahaíniya‘.

приходи к нам.

22. Ĭntsekádo

Твоя голова над

kósdĭlyĭl

облако темное

бетасадасьельго

созданная из далекой тьмы

dahitágo

высоко летающий

nahaíniya‘.

приди к нам.

23. Ĭntsekádo

Твоя голова над

nĭltsabaká

дождь мужчина

бетасадыэльго

сделанный из далекой тьмы

dahitágo

высоко летающий

нахаиния‘.

приди к нам.

24. Ĭntsekádo

Твоя голова над

á ‘dĭlyĭl

туман темный

бетасадыэльго

созданный из далекой тьмы

dahitágo

высоко летающий

nahaíniya‘.

приди к нам.

25. Ĭntsekádo

Твоя голова над

nĭltsabaád

дождь женский

бетасадыэльго

сделанная из далекой тьмы

dahitágo

высоко летающий

на хаиния‘.

приди к нам.

26. Ĭntsekádo

Твоя голова над

atsĭniklĭ′si

зигзагообразная молния

хадахатильго

высоко выброшенная

dahitágo

высоко летящий

nahaíniya‘.

приходи к нам.

27. Ĭntsekádo

Твоя голова над

natsílĭt

радуга

adahazlágo

высоко висящий

dahitágo

высокий полет

нахаиния.

приходи к нам.

28. Ниталатадо

Твои крылья на концах

kósdĭlyĭl

облака темные

бетасадыэльго

созданные из далекой тьмы

dahitágo

высоко летающий

nahaíniya‘.

приди к нам.

29. Ниталатадо

Твои крылья на концах

nĭltsabaká

дождя мужского пола

бетасадыэльго

созданные из далекой тьмы

dahitágo

высоко летающий

нахаиния‘.

приди к нам.

30. Ниталатадо

Твои крылья на концах

á ‘dĭlyĭl

тумана темные

бетасадыэльго

созданные из далекой тьмы

dahitágo

высоко летающий

nahaíniya‘.

приди к нам.

31. Ниталатадо

Твои крылья на концах

nĭltsabaád

дождь женский

beatsadasyélgo

созданный из далекой тьмы

dahitágo

высоко летающий

нахаиния‘.

приди к нам.

32. Ниталатадо

Твои крылья на концах

atsĭniklĭ′si

зигзагообразной молнии

хадахатиго

высоко взметнутые

dahitágo

высоко летящий

nahaíniya‘.

приходи к нам.

33. Ниталатадо

Твои крылья на концах

natsílĭt

радуги

адахазлаго

высоко висящие

dahitágo

высоко летающий

нахаиния.

приходи к нам.

34. *Косдилийл*,

Облако темное,

nĭltsabaká,

дождь мужской,

á ‘dĭlyĭl,

туман темный,

nĭltsabaád

женский дождь

bil

с ним

бенацидасйельго

сделанный из почти полной темноты

нахаиния‘.

приди к нам.

35. Нигидасиэль

На земле тьма

nahaíniya‘.

приходи к нам.

36. Айбе

С тем же

нататсо

великим кукурузным

nĭtadeél

плавающий над

биаги

на дне

талавус

пена

йилто‘лин

с текущей водой

esĭ′nosĭn.

что я желаю.

37. Найджел

Твоя жертва

islá‘.

Я сделал.

38. Наде

Для тебя дым

хила‘.

Я приготовил.

39. Сике

Мои ноги

саадитлил.

для меня восстановить (как были).

40. *Сицсат*

Мои ноги

саадитлил.

для меня восстановить.

41. Сицис

Мое тело

саадитлил.

для меня восстановить.

42. Сини

Мой разум

саадитлил.

для меня восстановить.

43. Сине

Мой голос

саадитлил.

для меня восстановить.

44. *Адистсин*

Сегодня

налил

твое заклинание

саадилель.

для меня извлечь.

45. *Адистсин*

Сегодня

налил

твое заклинание

саанĭ′нла‘.

для меня удали (убери).

46. Сицадзе

Прочь от меня

tahĭ′ndĭnla‘.

ты взял это.

47. Низаго

Далеко

sĭtsa‘

от меня

нэнла‘.

Это взято.

48. Низаго

Далеко

nastlín.

Вы сделали это.

49. Хозого

Счастливо (в смысле красоты)

nadedestál.

Я восстанавливаюсь.

50. Хозого

Счастливо

sĭtáhadĭnokél.

Мое внутреннее состояние становится спокойным.

51. Хозого

Счастливо

sĭná

мои глаза,

nahodotlél.

Я восстанавливаю (силу).

52. Хозого

Счастливо

sĭtsé

моя голова

dĭnokél.

становится прохладной.

53. Хозого

Счастливо

sĭtsát

мои конечности

nahodotlél.

Я восстанавливаюсь.

54. Хозого

Счастливо

nadeděstsíl.

Снова слышу.

55. Хозого

Счастливо

сахададолто‘.

для меня это снято.

56. Хозого

Счастливо

насадо.

Я иду.

57. Тосохододельного

Невосприимчивый к боли

насадо.

Я иду.

58. Ситахаго

Мое внутреннее

солаго

свет

насадо.

Я иду.

59. Saná‘

Мои чувства

nǐslíngo

живой

насадо.

Я иду.

60. Хозого

Счастливо (в земной красоте)

kós *dǐlyǐl*

облака темные

senahotlédo.

Я желаю (в изобилии).

61. Хозого

Счастливо

á ‘dǐlyǐl

туманы темные

senahotlédo.

Я желаю.

62. Хозого

Счастливо

sedaahuiltyído

проходящие ливни

сенахотледо.

Я желаю.

63. Хозого

Счастливо

nanisé

растения всех видов

сенахотледо.

Я желаю.

64. Хозого

Счастливо

thaditín

пыльца

сенахотледо.

Я желаю.

65. Хозого

Счастливо

dató‘

роса

сенахотледо.

Я желаю.

66. Хозого

Счастливо

Наталькай

кукуруза белая

Ясони

хороший красивый

нидахазлаго

до края земли

ни‘йилокаи.

пусть (это) будет с тобой.

67. Хозого

Счастливо

наталцой

кукурузно-желтый

yasóni

хороший красивый

нидахазлаго

до края земли

ни‘йилокаи.

может пойти с тобой.

68. Хозого

Счастливо

натадотли′зи

кукуруза синий

yasóni

хороший красивый

нидахазлаго

до края земли

ни‘йилокаи.

может пойти с тобой.

69. Хозого

Счастливо

натаалтхасаи

кукуруза всех видов

ясони

хороший красивый

нидахазлаго

до края земли

ни‘йилокаи.

может пойти с тобой.

70. Хозого

Счастливо

nanisé

растения всех видов

yasóni

хороший красивый

нидахазлаго

до края земли

ни‘йилокаи.

может пойти с тобой.

71. Хозого

Счастливо

юди

товары

althasaí

всех видов

yasóni

хороший красивый

нидахазлаго

до края земли

ни‘йилокаи.

может пойти с тобой.

72. Хозого

Счастливо

ĭnklĭ′z

драгоценности

althasaí

всех видов

yasóni

хорошие красивые

нидахазлаго

до края земли

ни‘йилокаи.

может пойти с тобой.

73. Тибе

С этими

ни‘йитси′де

перед вами

хозого

счастливо

ни‘йилокаи.

может прийти с тобой.

74. Тибе

С этими

niʻyikéde

за тобой

хозого

счастливо

ниʻйилокаи.

может пойти с тобой.

75. Тибе

С этими

ниийяги

ниже вы

хозого

счастливо

ниʻйилокаи.

может пойти с тобой.

76. Тибе

С этими

ниикиги

выше вас

хозого

счастливо

ниʻйилокаи.

может прийти с тобой.

77. Тибе

С этими

нииньагидальцо

вокруг вас

хозого

счастливо

ни‘йилокаи.

может прийти с тобой.

78. Тибикего

Таким образом

хозого

счастливо

находолал.

вы выполняете свои задачи.

79. Хозого

Счастливо

nastúwin

старики

та‘нишийтинолил.

они будут смотреть на тебя.

80. Хозого

Счастливо

сани

старушки

та‘нишитинолил.

они будут смотреть на тебя.

81. Хозого

Счастливо

tsĭlké

молодые люди

та ‘нишийтинолил.

они будут смотреть на тебя.

82. Хозого

Счастливо

tsĭké

молодые женщины

та ‘нишийтинолил.

они будут смотреть на тебя.

83. Хозого

Счастливо

asiké

мальчики

та ‘нишитинолил.

они будут смотреть на тебя.

84. Хозого

Счастливо

atéte

девочки

та ‘нишитинолил.

они будут смотреть на тебя.

85. Хозого

Счастливо

альцини

дети

та‘нишийтинолил.

они будут смотреть на тебя.

86. Хозого

Счастливо

ĭntanitaí‘

вожди

та‘нишийтинолил.

они будут смотреть на тебя.

87. Хозого

Счастливо

тайдолта‘

разбрасывая в разные стороны

танишитинолил.

они будут смотреть на тебя.

88. Хозого

Счастливо

nitailté

добираться домой

та‘нишийтинолил.

они будут смотреть на тебя.

89. Хозого

Счастливо

thaditínke

пыльцевой след

etíngo

на дороге

нитайлтеде.

они добираются до дома.

90. Хозого

Счастливо

ninádahidoka.

пусть все вернутся.

91. Хозого

Счастливо (или в красоте)

насадо.

Я иду.

92. Sĭtsĭ′dze

Я перед

хозого

счастливо

насадо.

Я иду.

93. Sĭkéde

Я позади

hozógo

счастливо

насадо.

Я иду.

94. Сияги

Я внизу в

хозого

счастливо

насадо.

Я иду.

95. Sĭkĭ′dze

Я вверх к

хозого

счастливо

насадо.

Я иду.

96. Sĭná

Я вокруг

dáltso

все

хозого

счастливо

насадо.

Я иду.

97. Хозона

В счастье (или красоте) снова

hastlé,

все закончилось (или сделано),

98. Хозона

Вновь в красоте

поспеши,

все закончено,

99. Хозона

Снова в красоте

поспеши,

все кончено,

100. Хозона

Снова в красоте

поспеши,

все кончено,

СВОБОДНЫЙ ПЕРЕВОД МОЛИТВЫ.

1. В « » Tse‘gíhi (о вы, обитающие!)

2. В доме, построенном из рассвета,

3. В доме, построенном из вечерних сумерек,

4. В доме, построенном из темного облака,

5. В доме, построенном из дождя,

6. В доме, построенном из темного тумана,

7. В доме, построенном из женского дождя,

8. В доме, построенном из пыльцы,

9. В доме из кузнечиков,

10. Где темный туман завешивает дверной проем,

11. Путь к которому лежит на радуге,

12. Где зигзагообразная молния возвышается на вершине,

13. Где он-дождь стоит высоко на вершине,

14. О, божество мужского пола!

15. В своих мокасинах из темных облаков, приди к нам.

16. В своих гетрах из темных облаков, приди к нам.

17. В своей рубашке из темных облаков, приди к нам.

18. С твоим головным убором из темных облаков, приди к нам.

19. С твоим разумом, окутанным темным облаком, приди к нам.

20. С темным громом над головой, приди к нам, паря в воздухе.

21. С облаком у твоих ног, прилетай к нам, паря в воздухе.

22. С далекой тьмой, созданной темным облаком над твоей головой, прилетай к нам, паря в воздухе.

23. С далекой тьмой, сложенной из дождя над твоей головой, прилетай к нам, паря в воздухе.

24. С далекой тьмой, образованной темным туманом над твоей головой, прилетай к нам, паря в воздухе.

25. С далекой тьмой, созданной женским дождем над твоей головой, прилетай к нам, паря в воздухе.

26. С зигзагообразной молнией, разрывающей небо над твоей головой, прилетай к нам, паря в воздухе.

27. С радугой, висящей высоко над твоей головой, прилетай к нам, паря в воздухе.

28. С далекой тьмой, созданной темным облаком на концах твоих крыльев, прилетай к нам, паря в воздухе.

29. С далекой тьмой, созданной дождем на концах твоих крыльев, прилетай к нам, паря в воздухе.

30. С далекой тьмой, созданной темным туманом на концах твоих крыльев, прилетай к нам, паря в воздухе.

31. С далекой тьмой, созданной женским дождем на концах твоих крыльев, прилетай к нам, паря в воздухе.

32. С зигзагообразной молнией, взметнувшейся высоко на концах твоих крыльев, прилетай к нам, паря в воздухе.

33. С радугой, висящей высоко на кончиках твоих крыльев, прилетай к нам, паря в воздухе.

34. С ближней тьмой, созданной из темного облака, из мужского дождя, из темного тумана и из женского дождя, прилетай к нам.

35. С тьмой на земле, прилетай к нам.

36. С этим я желаю пену, плавающую на текущей воде над корнями великого кукурузного поля.

37. Я принес твою жертву.

38. Я приготовил для тебя дым.

39. Мои ноги восстанавливают меня.

40. Мои конечности восстанавливаются для меня.

41. Мое тело восстанови для меня.

42. Мой разум восстанавливает меня.

43. Мой голос восстановился для меня.

44. Сегодня сними с меня свое заклятие.

45. Сегодня сними с меня свое заклятие.

46. Ты убрал его от меня.

47. Далеко от меня оно унесено.

48. Ты сделал это далеко.

49. Я счастливо выздоравливаю.

50. Счастливо мое внутреннее состояние становится спокойным.

51. Счастливо мои глаза восстанавливают свою силу.

52. Счастливо моя голова становится прохладной.

53. С радостью мои конечности вновь обретают силу.

54. С радостью я снова слышу.

55. К счастью для меня (заклятие) снято.

56. С радостью я иду.

57. Невосприимчивый к боли, я иду.

58. Чувствуя легкость внутри, я хожу.

59. С живыми чувствами я иду.

60. Счастливо (или в красоте) я желаю обильных темных облаков.

61. С радостью я желаю обильных темных туманов.

62. С радостью я желаю обильных проходящих ливней.

63. С радостью я желаю обильной растительности.

64. С радостью я желаю обилия пыльцы.

65. Я желаю счастья в изобилии росы.

66. Счастье, пусть прекрасная белая кукуруза до краев земли придет с тобой.

67. Счастливо, пусть прекрасная желтая кукуруза до краев земли придет с тобой.

68. Счастье, пусть прекрасная голубая кукуруза до краев земли придет с тобой.

69. Счастье, пусть прекрасная кукуруза всех видов до краев земли придет с тобой.

70. Пусть с тобой будут счастливые растения всех видов до самых концов земли.

71. Пусть счастливо все виды прекрасных товаров дойдут с тобой до концов земли.

72. Пусть счастливо все виды прекрасных драгоценных камней до конца земли будут с тобой.

73. С этими перед вами, пусть они счастливо сопровождают вас.

74. С этими позади вас, пусть они счастливо сопровождают вас.

75. С этими под вами, пусть они счастливо сопровождают вас.

76. С этими над вами, пусть они счастливо сопровождают вас.

77. С этими вокруг вас, пусть они счастливо сопровождают вас.

78. Так счастливо ты выполняешь свои задачи.

79. Старики будут с радостью относиться к тебе.

80. Старухи будут смотреть на тебя с радостью.

81. Молодые мужчины будут с радостью смотреть на тебя.

82. С радостью будут смотреть на тебя молодые женщины.

83. Мальчики будут с радостью смотреть на тебя.

84. Девочки будут с радостью смотреть на тебя.

85. Дети будут с радостью относиться к тебе.

86. Вожди будут смотреть на тебя с радостью.

87. С радостью, расходясь в разные стороны, они будут смотреть на тебя.

88. С радостью, приближаясь к своим домам, они будут смотреть на тебя.

89. Пусть их дорога домой будет счастливой, как след пыльцы (мира).

90. Пусть все они счастливо вернутся.

91. В красоте (счастливо) я иду.

92. С красотой передо мной я иду.

93. С красотой позади меня я иду.

94. С красотой под ногами я иду.

95. С красотой над собой я иду.

96. С красотой вокруг меня я иду.

97. Это закончено (снова) в красоте,

98. Это закончилось в красоте,

99. Это закончилось в красоте,

100. Это закончилось в красоте.

ЗАМЕЧАНИЯ О МОЛИТВЕ.

Эта молитва обращена к мифической птице-громовержцу, отсюда и упоминание о крыльях; но птица упоминается как мужское божество и, как полагают, обитает вместе с другими йеи в Цегихи. Молитва произносится в начале работы, в последнюю ночь кледзи *хатал*. Шаман произносит ее, стих за стихом, как записано здесь, а один из ацалей или первых танцоров повторяет ее, стих за стихом, за ним.

Слово hozó означает, в первую очередь, земную красоту. Его производная hozógo означает «красивым земным образом». Hozóni означает «красивый на земле», «красивый в данном месте» (ĩnzóni относится к красоте предметов и людей); Hozóna *снова* означает «красивый». Но значения этих слов и других слов с похожим происхождением были расширены и теперь означают счастливый, счастье, счастливым или радостным образом и т. д. В свободном переводе они должны быть переданы различными английскими словами.

Четыре последних стиха были ранее записаны автором как hozóni haslé (Qojòni qaslè), но теперь он считает форму hozóna hastlé более правильной.[289] Это выражение, повторяемое два или четыре раза, в зависимости от обстоятельств, завершает все молитвы навахо, которые были записаны. Оно аналогично христианскому «Аминь».

289. В нескольких случаях в этой работе можно найти слово навахо, написанное или акцентированное с небольшими различиями в разных местах. Из этого не следует делать вывод, что одна форма правильная, а другая нет. Поскольку употребление слов варьируется в языках наиболее культурных народов, оно варьируется (только в большей степени) и в языках неграмотных народов. Одно и то же слово часто произносилось по-разному и поэтому записывалось автором по-разному. Была сделана попытка выбрать единый стандарт формы и всегда отдавать ему предпочтение, но в некоторых случаях вариации могли быть упущены. Слова иногда претерпевают большие изменения, когда становятся частью сложных слов. Если форма слова в этой работе отличается от формы, представленной в предыдущих работах автора, это может быть объяснено в некоторых случаях различием в используемых алфавитах, а в других — изменением мнения, которое пришло к нему со временем в результате более обширного опыта или более углубленного изучения языка.

290. Примечание 290 опущено.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ.

ФРЕДЕРИК УЭББ ХОДЖ.

Для удобства читателя приводится список основных работ, упомянутых в этой книге, а также всех статей на тему навахо, написанных автором.

291.

Бэкус, Э. Отчет о навахо из Нью-Мексико. (В Schoolcraft, Информация об истории, положении и перспективах индейских племен Соединенных Штатов, часть IV. стр. 209–215, Филадельфия, 1854 г.)

292.

Бэнкрофт, Хьюберт Хоу. Коренные народы тихоокеанских штатов Северной Америки, т. III, Нью-Йорк, 1875.

293.

Бикфорд, Ф. Т. Доисторические пещерные жилища. (В Century Illustrated Monthly Magazine, Нью-Йорк, т. XL. № 6, с. 896–911, октябрь 1890 г.)

294.

Бурк, Джон Грегори. Змеиный танец моки из Аризоны, Нью-Йорк, 1884.

295.

—— Шаманы апачей. (В девятом ежегодном отчете Бюро этнологии, стр. 443–595, Вашингтон, 1892 г.)

296

Кэтлин, Джордж. Письма и заметки о нравах, обычаях и положении североамериканских индейцев и т. д., два тома, Лондон, 1841.

297

Перепись населения. Отчет об индейцах, облагаемых налогом, и индейцах, не облагаемых налогом, в Соединенных Штатах (за исключением Аляски) по данным одиннадцатой переписи: 1890 г., Вашингтон, 1894 г.

298.

Комиссар по делам индейцев. Отчет министру внутренних дел за 1867 год, Вашингтон, 1868. То же самое за 1870 год, Вашингтон, 1870.

299.

Даттон, Кларенс Э. Гора Тейлор и плато Зуни. (В шестом годовом отчете Геологической службы США, стр. 105–198, Вашингтон, 1886 г.)

300.

Итон, Дж. Х. Описание истинного положения и характера племен Новой Мексики. (В: Скулкрафт, Индейские племена, часть IV, стр. 216–221, Филадельфия, 1854 г.)

301.

Ходж, Фредерик Уэбб. Ранние навахо и апачи. (В American Anthropologist, т. VIII. № 3, стр. 223–240, Вашингтон, июль 1895 г.)

302.

Хоф, Уолтер. Приспособления для разжигания огня в Национальном музее США. (В отчете Национального музея 1887–88 гг. стр. 531–587, Вашингтон, 1890 г.)

303.

Летерман, Джона. Очерк о племени индейцев навахо, территория Нью-Мексико. (В отчете Смитсоновского института за 1855 г., стр. 283–297, Вашингтон, 1856 г.)

304.

Мейсон, Отис Тафтон. Колыбели американских аборигенов. (В отчете Национального музея за 1886–87 гг., стр. 161–235, Вашингтон, 1889 г.)

305.

Мэтьюз, Вашингтон. Этнография и филология индейцев хидатса. (Министерство внутренних дел, Геологическая и географическая служба Соединенных Штатов , разные публикации № 7, Вашингтон, 1877 г.)

306.

—— Часть мифологии народа навахо. (В American Antiquarian, т. V. № 3, стр. 207–224, Чикаго, апрель 1883 г.)

307.

—— Ювелиры народа навахо. (Во втором годовом отчете Бюро этнологии, стр. 169–178, Вашингтон, 1883 г.)

308.

—— Ночь с навахо. Автор: Зай Элини. (В журнале «Forest and Stream», т. XXIII, стр. 282–283, Нью-Йорк, 6 ноября 1884 г.)

309.

—— Ткачи-навахо. (В третьем годовом отчете Бюро этнологии, стр. 371–391, Вашингтон, 1884 г.)

310.

—— Происхождение утов. Миф народа навахо. (В American Antiquarian, т. VII. № 5, стр. 271–274, Чикаго, сентябрь 1885 г.)

311.

—— Мифические сухие росписи навахо. (В American Naturalist, т. XIX. № 10, стр. 931–939, Филадельфия, октябрь 1885 г.)

312.

—— Название растений у народа навахо. (В American Naturalist, т. XX. С. 767–777, Филадельфия, сентябрь 1886 г.)

313.

—— Некоторые божества и демоны навахо. (В American Naturalist, т. XX. С. 841–850, Филадельфия, октябрь 1886 г.)

314.

—— Горный гимн: церемония народа навахо. (В пятом годовом отчете Бюро этнологии, стр. 379–467, Вашингтон, 1887 г.)

315.

—— Молитва шамана навахо. (В American Anthropologist, т. I. № 2, стр. 149–170, Вашингтон, апрель 1888 г.)

316.

—— Песни навахо о азартных играх. (В American Anthropologist, т. II, № 1, стр. 1–19, Вашингтон, январь 1889 г.)

317.

—— Нокоилпи, игрок: миф народа навахо. (В Journal of American Folk-Lore, т. II, № II, стр. 89–94, Бостон и Нью-Йорк, апрель-июнь 1889 г.)

318.

—— Система родства индейцев навахо. (В Journal of American Folk-Lore, т. III. № ix. с. 89–110, Бостон и Нью-Йорк, апрель-июнь 1890 г.)

319.

—— Исследование о мундинах и типах. (В журнале «Американский антрополог», т. V, № 4, стр. 345–350, Вашингтон, октябрь 1892 г.)

320.

—— Некоторые иллюстрации связи между мифом и церемонией. (В Memoirs of the International Congress of Anthropology, стр. 246–251, Чикаго, 1894 г.)

321.

—— Корзиночный барабан. (В American Anthropologist, т. VII, № 2, с. 202–208, Вашингтон, апрель 1894 г.)

322.

—— Песни последовательности навахо. (В «Журнале американского фольклора», т. VII, № xxvi, стр. 185–194, Бостон и Нью-Йорк, июль-сентябрь 1894 г.)

323.

—— Бдение богов — церемония народа навахо. (В American Anthropologist, т. IX. № 2, стр. 50–57, Вашингтон, февраль 1896 г.)

324.

Минделефф, Виктор. Исследование архитектуры пуэбло: Тусаян и Сибола. (В восьмом ежегодном отчете Бюро этнологии, стр. 3–228, Вашингтон, 1891 г.)

325.

Морган, Льюис Генри. Древнее общество, или Исследования в области прогресса человечества от дикости через варварство к цивилизации, Нью-Йорк, 1877.

326.

Пауэрс, Стивен. Племена Калифорнии. (Вклад в североамериканскую этнологию, т. III, Вашингтон, 1877 г.)

327.

Скулкрафт, Генри Роу. Информация об истории, положении и перспективах индейских племен Соединенных Штатов, часть IV. Филадельфия, 1854.

328.

Симпсон, Джеймс Х. Отчет об экспедиции в страну навахо в 1849 году. (В сенатском документе 64, 31-й конгресс, 1-я сессия, Вашингтон, 1850 г.)

329.

Стивен, А. М. Навахо. (В American Anthropologist, т. VI. № 4, с. 345–362, Вашингтон, октябрь 1893 г.)

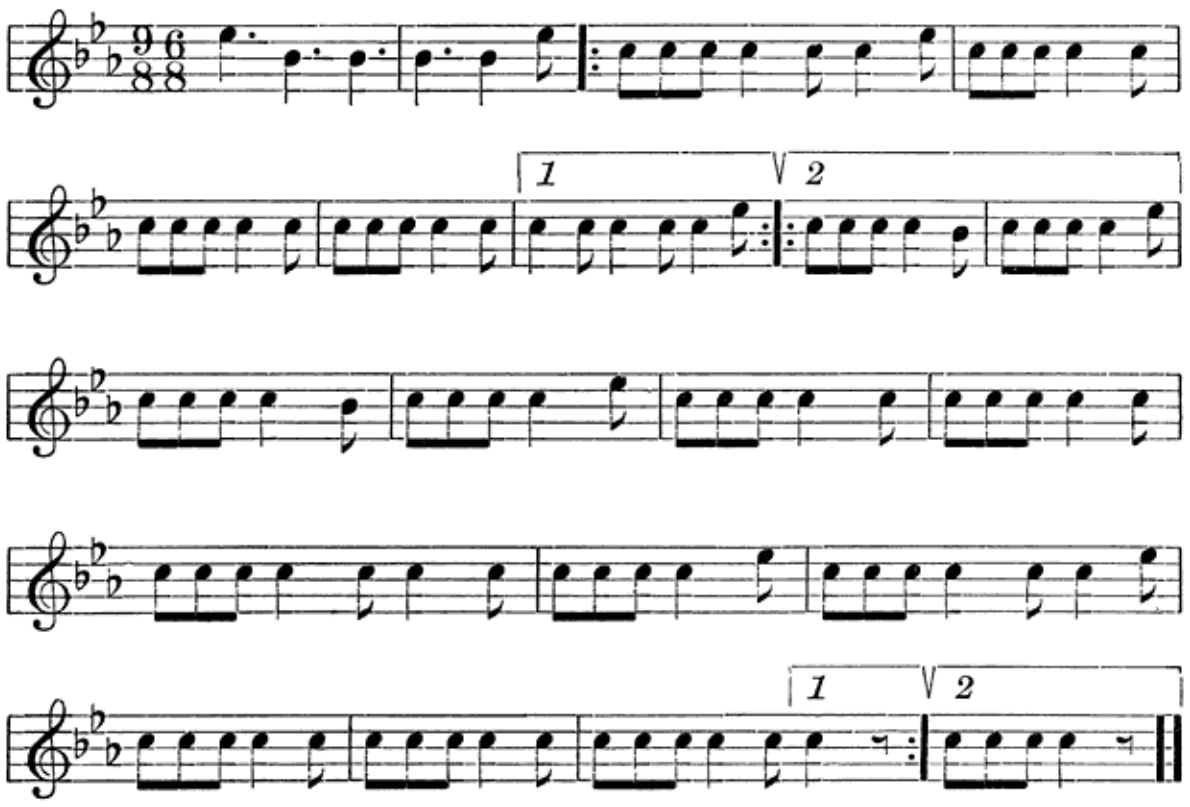
МЕЛОДИИ[1]

Записано на фонографе Вашингтоном Мэтьюсом *и записано с цилиндров* Джоном К. Филлмором.

№ 1.

ПЕСНЯ О ПРИБЛИЖЕНИИ БОГОВ ВОЙНЫ.

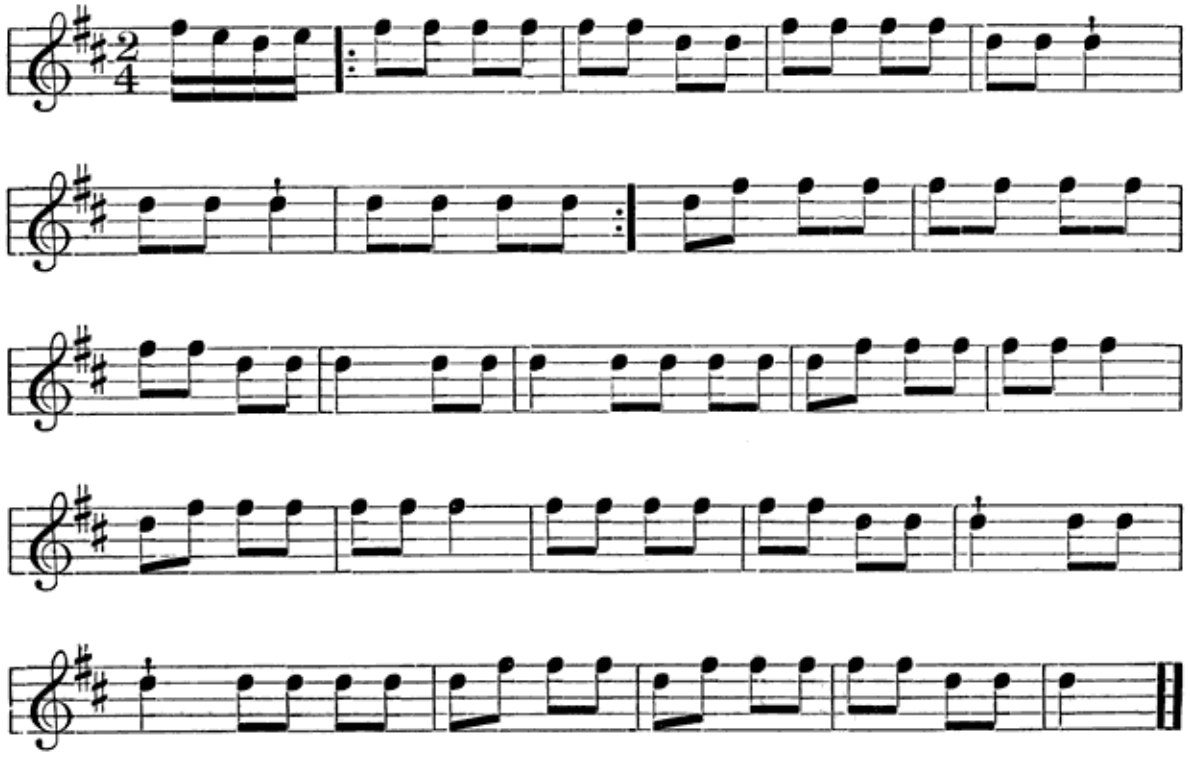
[MIDI | [MP3] | MusicXML]



№ 2.

ПЕСНЯ БОГОВ ВОЙНЫ.

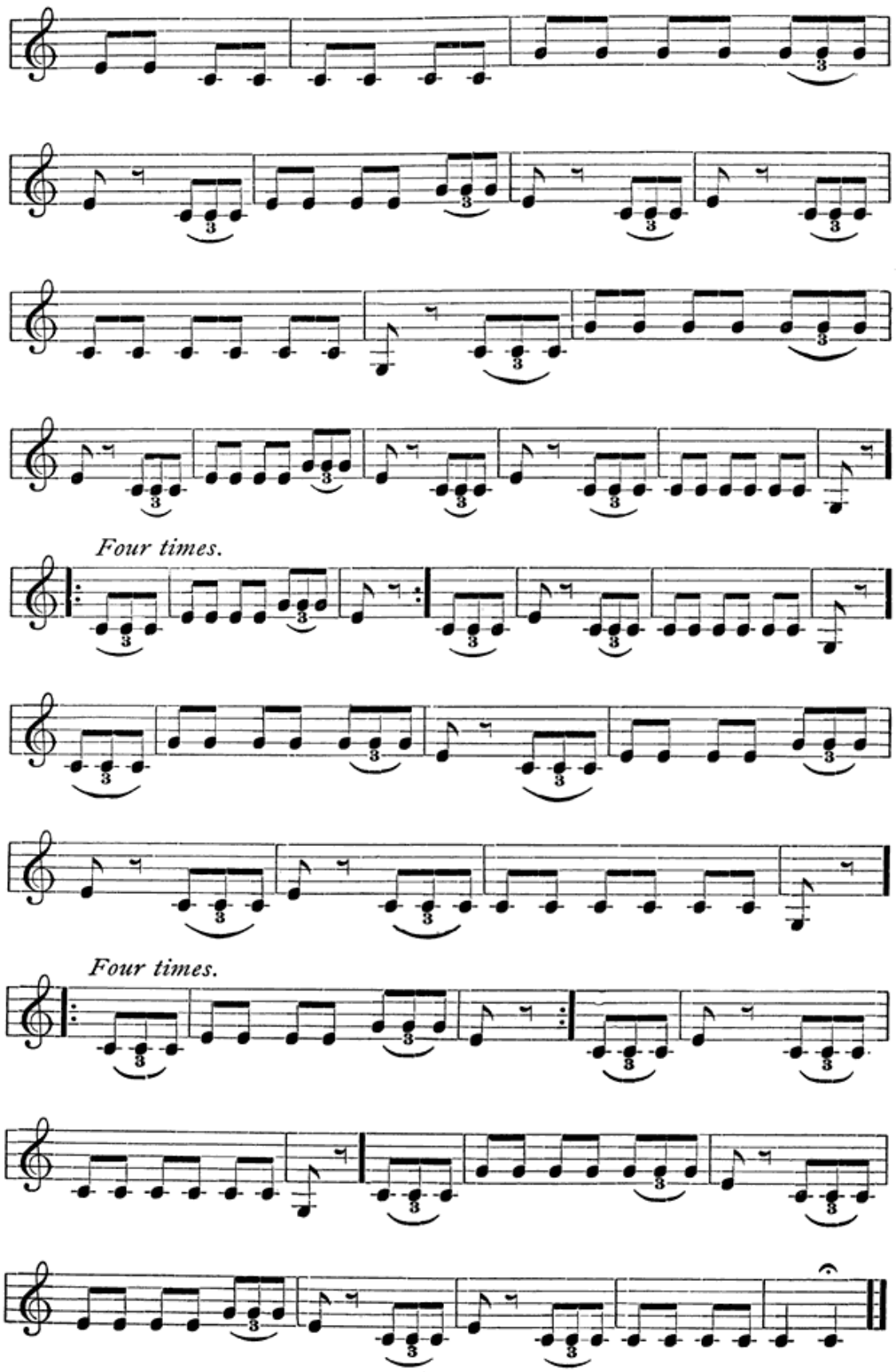
[MIDI | [MP3] | MusicXML]



№ 3.

ДВЕНАДЦАТАЯ YIKAÍGĬN ИЛИ ДНЕВНАЯ ПЕСНЯ.

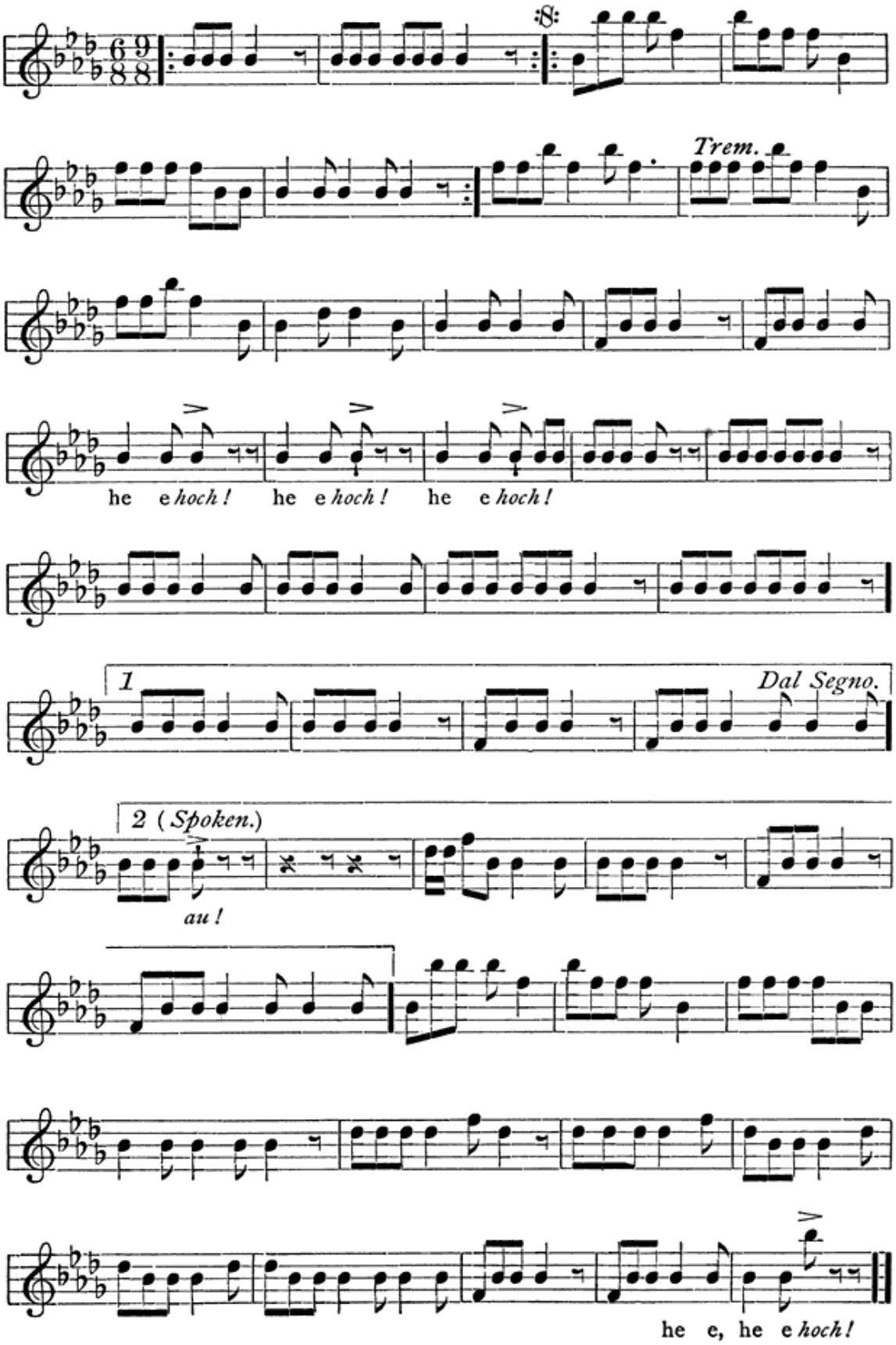
[MIDI | [MP3] | MusicXML]


Four times.
Four times.

№ 4.

ПЕСНЯ НААХАИ,
ИЛИ ТАНЕЦ ПОСЛЕДНЕЙ НОЧИ НОЧНОГО ПЕСНЯ.

[MIDI | [MP3] | MusicXML]


Trem.
he e hoch! he e hoch! he e hoch!
1
Dal Segno.
2 (Spoken.)
au!
he e, he e hoch!

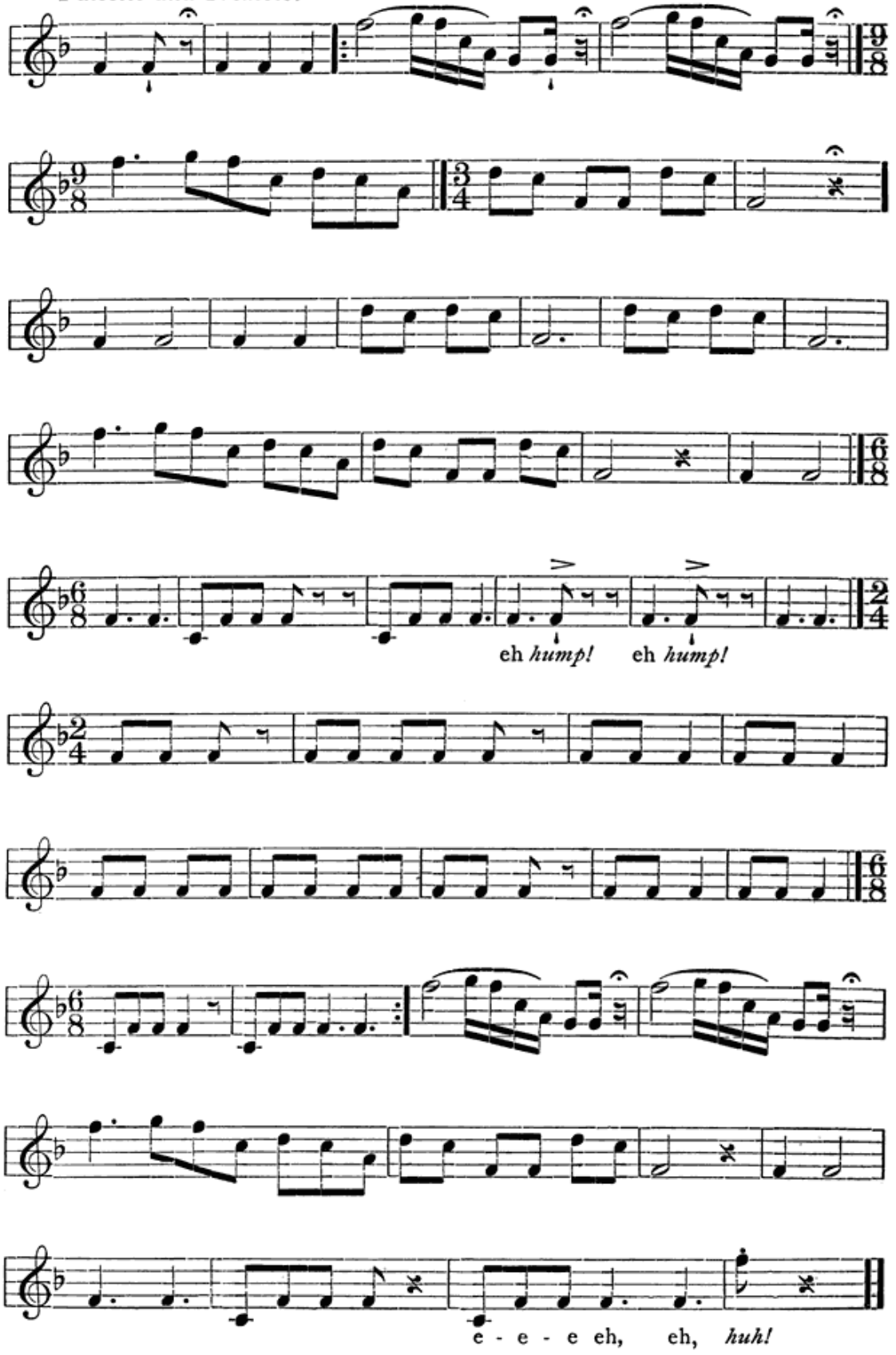
№ 5.

ПЕСНЯ НААХАИ.

[MIDI | [MP3] | MusicXML]

Композитор: Томас Торлино.

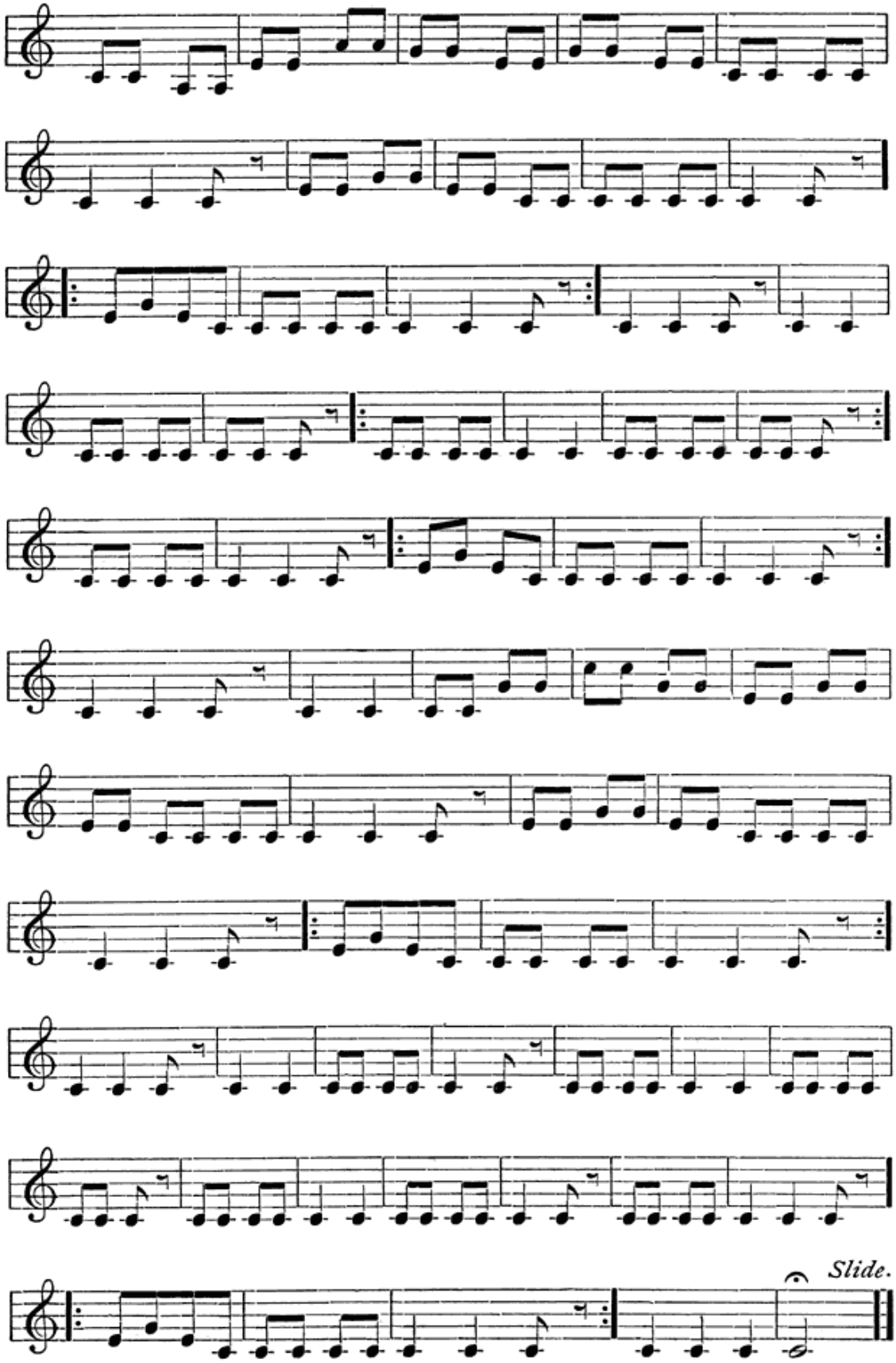
Falsetto and Tremolo.



№ 6.

СЕДЬМАЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН.

[MIDI | [MP3] | MusicXML]

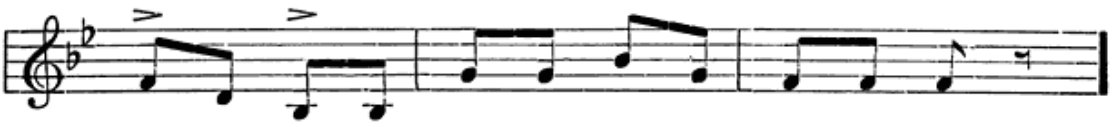

Slide.

№ 7.

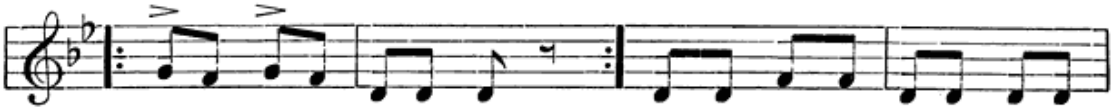
ДЕСЯТАЯ И ОДИННАДЦАТАЯ ПЕСНИ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН.

[MIDI | [MP3] | MusicXML]

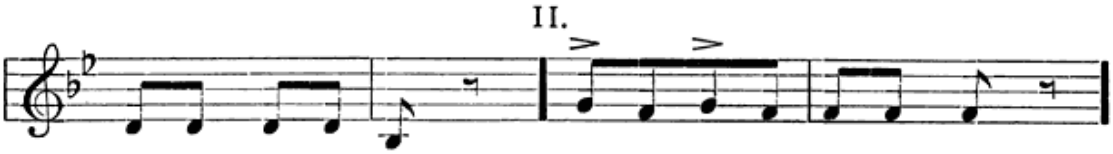
I.



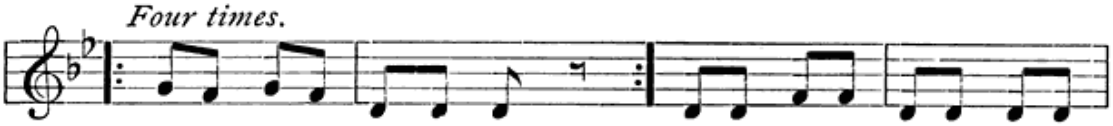
Four times.



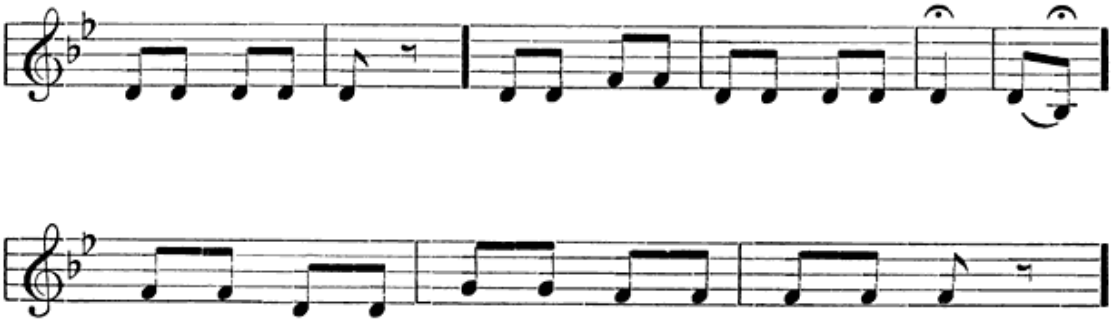
II.



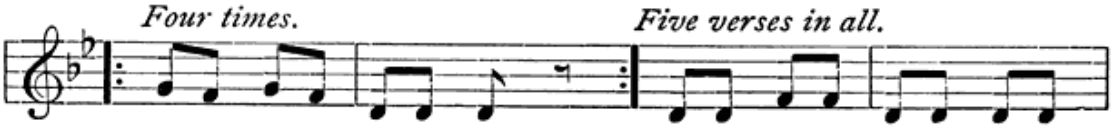
Four times.



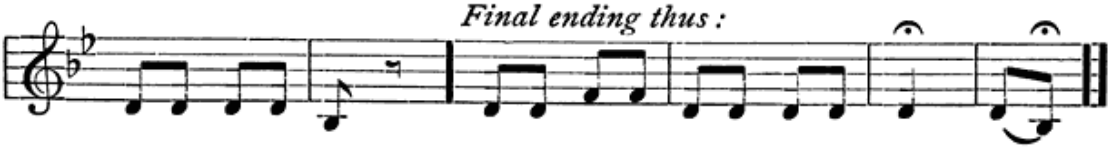
III. *and* IV. *are exactly the same, and so is* V., *except that it ends thus :*



Four times. *Five verses in all.*



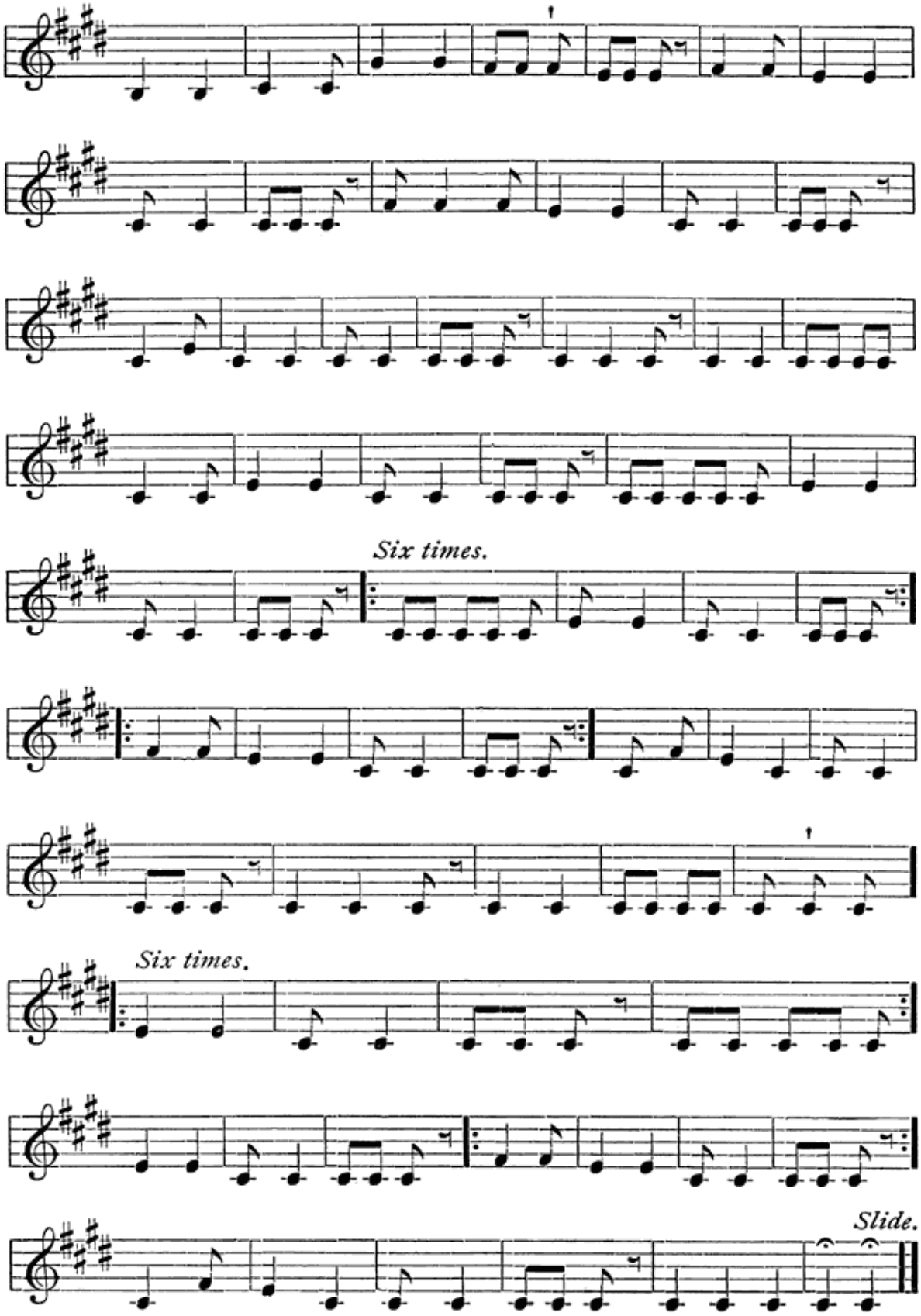
Final ending thus :



№ 8.

ПЯТНАДЦАТАЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН.

[MIDI | [MP3] | MusicXML]

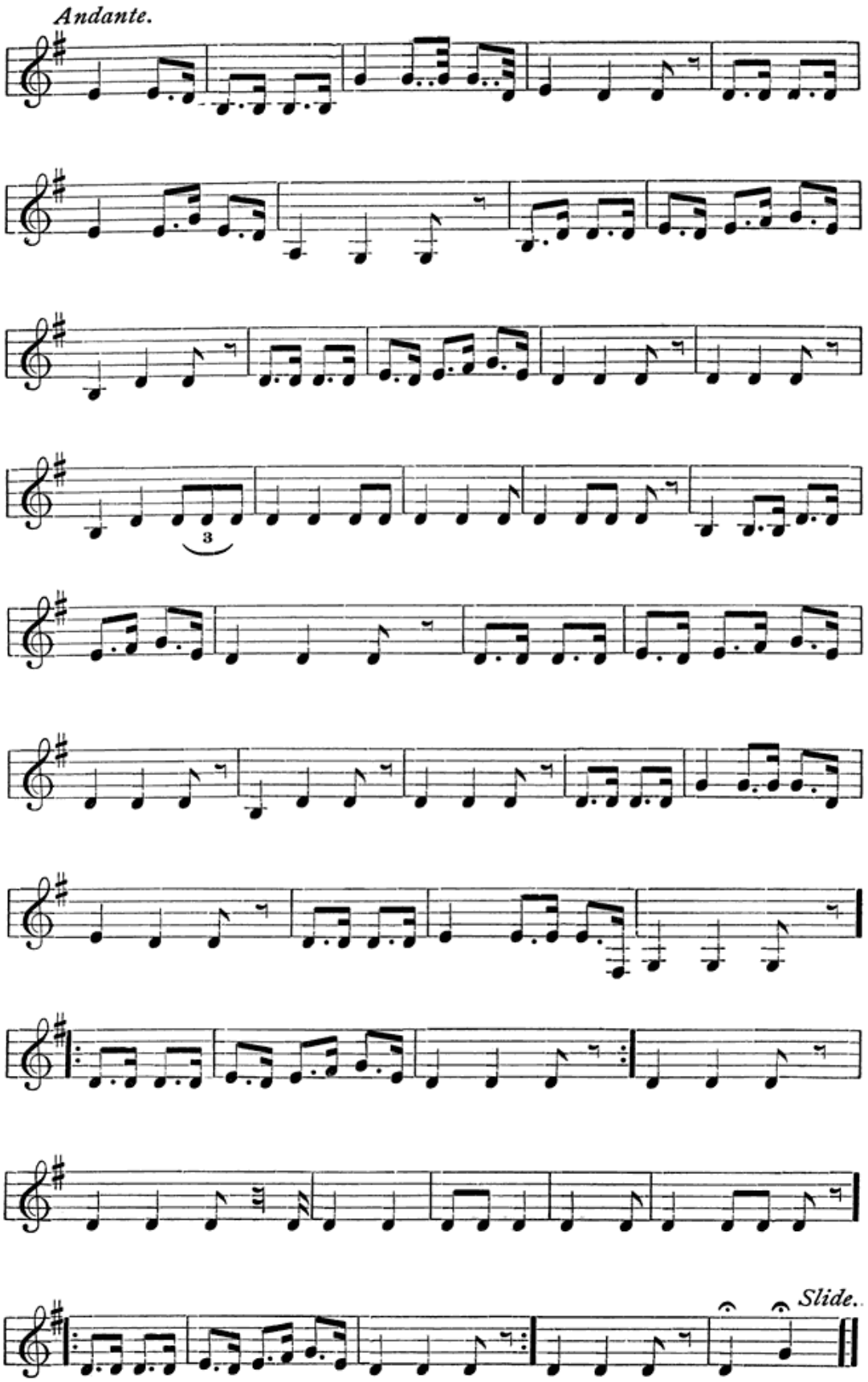


Эта песня представляет собой очень интересную метрическую задачу.

№ 9.

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН.

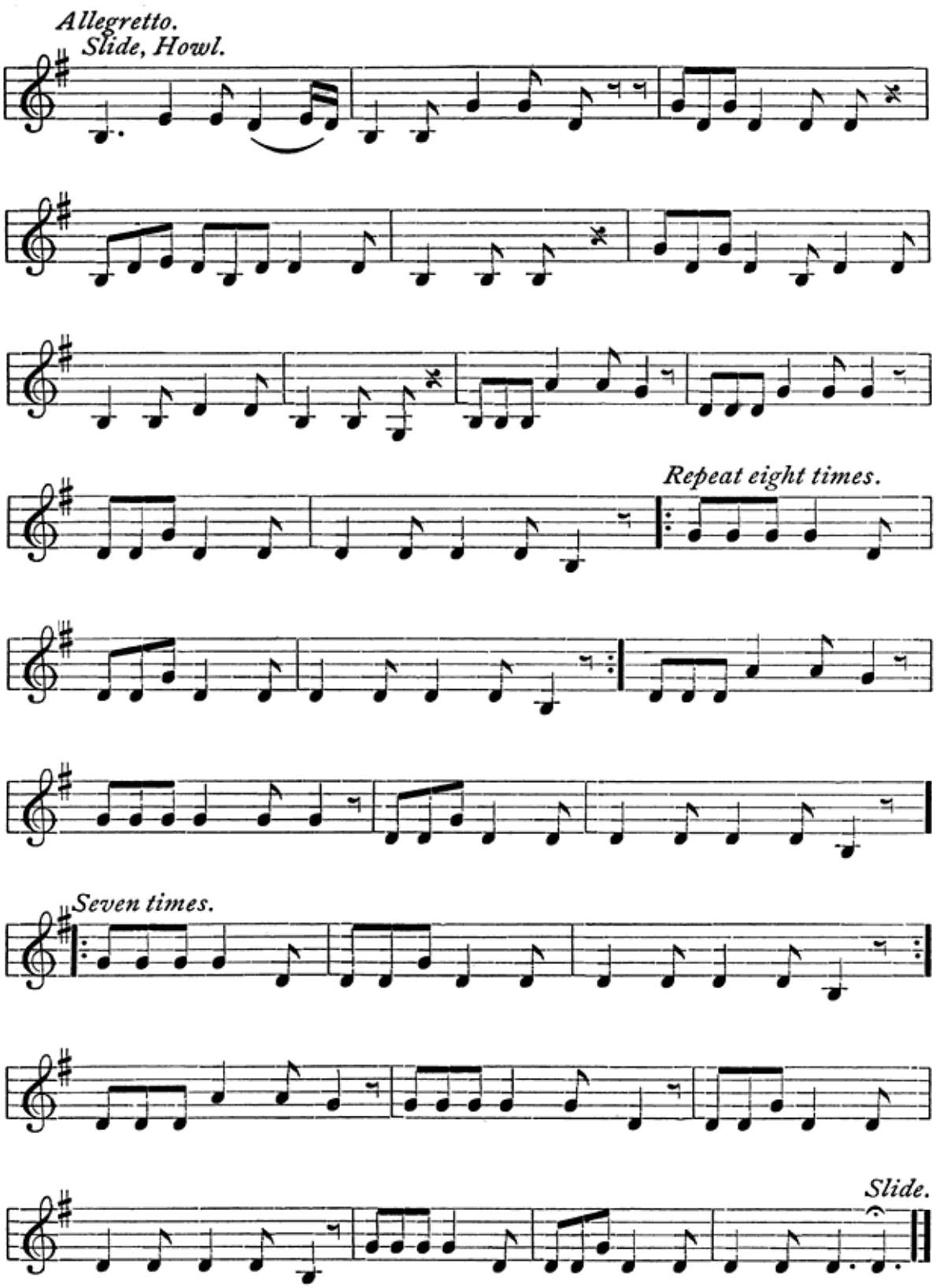
[MIDI | [MP3] | MusicXML]


Andante.
3
Slide.

№ 10.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН.

[MIDI | [MP3] | MusicXML]

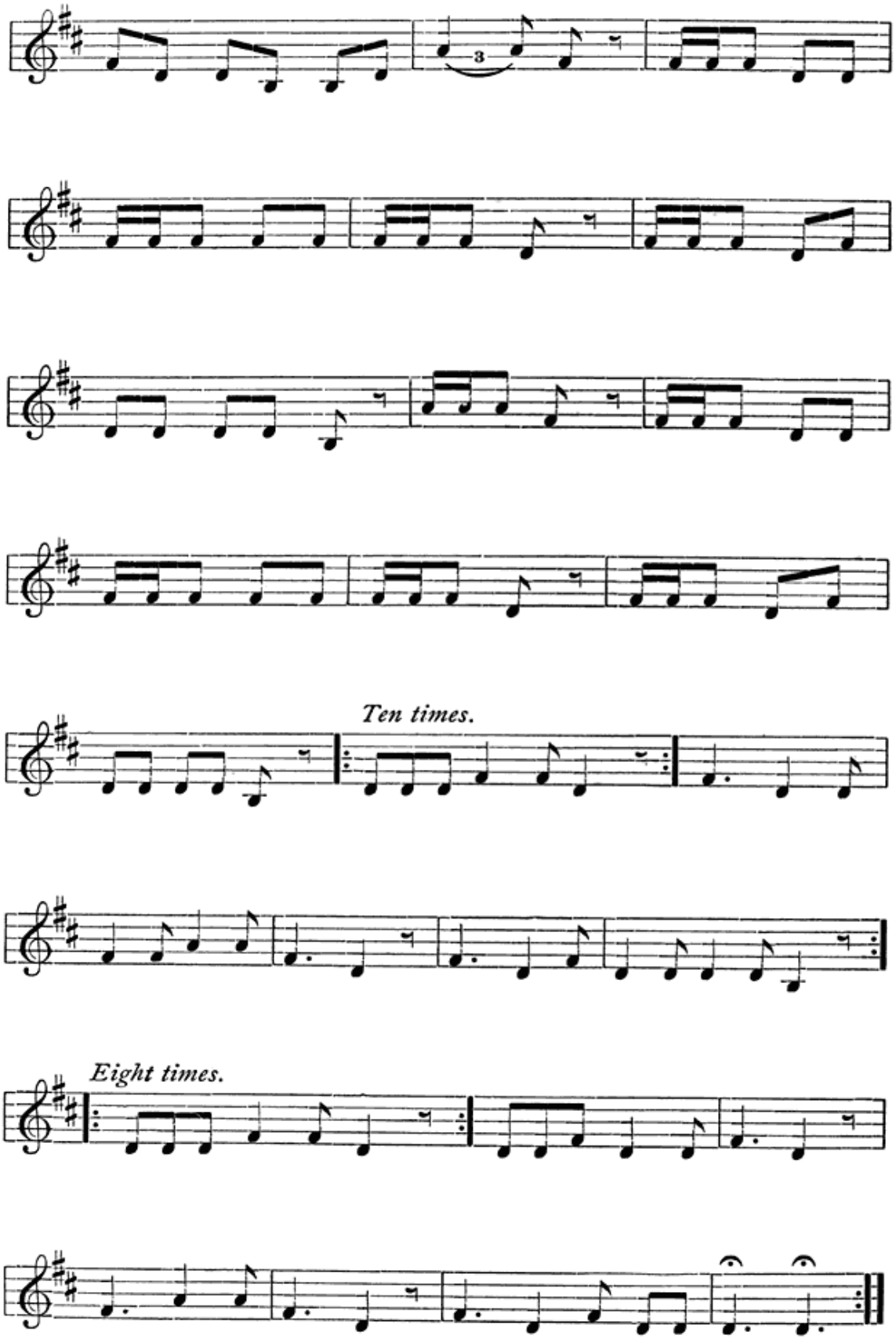


Этот индеец выет так, что гораздо сложнее, чем обычно, определить высоту звуков. Кроме того, во многих местах трудно понять, имеет ли он в виду двойной или тройной ритм.

№ 11.

ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ HASTSÉHOGAN.

[MIDI | [MP3] | MusicXML]


Ten times.
Eight times.

[1]

См. примечание 272. ↑

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА

АМЕРИКАНСКОГО

АМЕРИКАНСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ОБЩЕСТВА,

1897.

Президент.

СТЮАРТ КУЛИН, Филадельфия, Пенсильвания.

Первый вице-президент.

ГЕНРИ ВУД, Балтимор, Мэриленд.

Второй вице-президент

ФРАНЦ БОАС, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Совет.

В. М. БОУЧАМП, Болдуинсвилл, Нью-Йорк

РОБЕРТ БЕЛЛ, Оттава, Канада.

ДАНИЭЛЬ Г. БРИНТОН, Филадельфия, Пенсильвания

ХЕЛИ ШАТЕЛЕН, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

[1] ЧАРЛЗ Л. ЭДВАРДС, Цинциннати, Огайо.

ДЖЕЙМС В. ЭЛЛСВОРТ, Чикаго, Иллинойс.

1МЕРРИТ ЛИНДОН ФЕРНАЛД, Кембридж, Массачусетс.

ЭЛИС К. ФЛЕТЧЕР, Вашингтон, округ Колумбия

1АЛСИ ФОРТИЕР, Новый Орлеан, Луизиана.

СТАНСБЕРИ ХАГАР, Бруклин, Нью-Йорк.

ДЖОН Х. МАККОРМИК, Вашингтон, округ Колумбия

1Д. П. ПЕНХАЛЛОУ, Монреаль, Квебек

1ФРЕДЕРИК В. ПУТНЭМ, Кембридж, Массачусетс

ГАРДНЕР П. СТИКНИ, Милуоки, Висконсин.

Постоянный секретарь.

В. В. НЬЮЭЛЛ, Кембридж, Массачусетс.

Казначей.

ДЖОН Х. ХИНТОН, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

1

В качестве президентов местных отделений. ↑

ПОДПИСЧИКИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ФОНДА АМЕРИКАНСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ОБЩЕСТВА, 1896.

Джон Аберкромби, Эдинбург, Шотландия.

И. Адлер, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Сэмюэл П. Эйвери, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Мэри М. Барклай, Вашингтон, округ Колумбия.

Юджин Ф. Блисс, Цинциннати, Огайо.

Бостонский Атенеум, Бостон, Массачусетс.

Чарльз П. Боудич, Бостон, Массачусетс.

Дэниел Г. Бринтон, Филадельфия, Пенсильвания.

Филип Грили Браун, Портленд, штат Мэн.

Мисс Мэри Чепмен, Кембридж, Массачусетс.

Мисс Эллен Чейз, Бруклайн, Массачусетс.

1Фрэнсис Джеймс Чайлд, Кембридж, Массачусетс.

Кларенс Х. Кларк, Филадельфия, Пенсильвания.

Чарльз П. Дейли, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Уильям Г. Дэвис, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Чарльз Ф. Дэймонд, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Хайрам Эдмунд Дитс, Флемингтон, Нью-Джерси

Миссис Генри Дрейпер, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Джеймс У. Эллсворт, Чикаго, Иллинойс

Джон Фиск, Кембридж, Массачусетс

Мисс Элис Флетчер, Вашингтон, округ Колумбия

Альфред К. Гарретт, Кембридж, Массачусетс

Джордж Берд Гринелл, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Эдвин Сидней Хартланд, Глостер, Англия.

Миссис Эстер Херрманн, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Томас Уэнтворт Хиггинсон, Кембридж, Массачусетс.

Джон Х. Хинтон, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Ричард Ходжсон, Бостон, Массачусетс.

Мисс Корнелия Хорсфорд, Кембридж, Массачусетс.

Джон Э. Хадсон, Бостон, Массачусетс

Теодор Д. Хёрлбут, Бруклин, Нью-Йорк

Кларенс М. Хайд, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Э. Фрэнсис Хайд, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Фредерик Э. Хайд, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

А. Якоби, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Эдвард К. Джеймс, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Мисс Луиза Кеннеди, Конкорд, Массачусетс

Генри Чарльз Ли, Филадельфия, Пенсильвания

Уолтер Лернед, Нью-Лондон, Коннектикут

Чарльз Мак. Леозер, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Миссис У. Кингсмилл Маррс, Бостон, Массачусетс.

Альберт Мэтьюз, Бостон, Массачусетс.

Дж. Мейер, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Мисс Агнес Морган, Чикаго, Иллинойс.

Уильям Уэллс Ньюэлл, Кембридж, Массачусетс

Освальд Оттендорфер, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Мисс Мэри А. Оуэн, Сент-Джозеф, Миссури

Д-р К. Огаста Поуп, Бостон, Массачусетс.

Фредерик У. Путнэм, Кембридж, Массачусетс.

Миссис Х. Э. Реймонд, Бруклайн, Массачусетс.

У. Л. Ричардсон, Бостон, Массачусетс

Джон С. Рингвалт-младший, Маунт Вернон, Огайо.

Чарльз Шеффер, Филадельфия, Пенсильвания.

Отто Б. Шлуттер, Хартфорд, Коннектикут.

К. Бернард Ши, Питтсбург, Пенсильвания.

Гарднер П. Стикни, Милуоки, Висконсин.

Брэндрет Симондс, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

Ф. Ф. Томпсон, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Джон С. Тилни, Ориндж, Нью-Джерси

Кроуфорд Х. Той, Кембридж, Массачусетс

Генри Х. Вейл, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Вашингтонская семинария, Вашингтон, округ Колумбия

Альфред М. Уильямс, Провиденс, Род-Айленд

Генри Дж. Уиллинг, Чикаго, Иллинойс

Миссис Генри Дж. Уиллинг, Чикаго, Иллинойс.

Уильям Янг, Филадельфия, Пенсильвания.

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ. v

ИЛЛЮСТРАЦИИ. vii

ВВЕДЕНИЕ. 1

ПРЕДИСЛОВИЕ. 1

РОДИНА НАВАХО. 1

НАСЕЛЕНИЕ. 5

РАСОВАЯ ПРИБЛИЖЕННОСТЬ — ВНЕШНИЙ ВИД. 9

ПОРТРЕТЫ. 11

ЧЕРЕПА. 12

ЯЗЫК. 12

ДОМА. 13

ИСКУССТВО. 18

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. 22

ПОЭЗИЯ И МУЗЫКА. 22

ПЛЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. 29

РЕЛИГИЯ. 33

ЦЕРЕМОНИИ. 40

ЛЕГЕНДЫ. 50

ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ АЛФАВИТ. 54

ПРАВИЛА ПИСЬМА НА ЯЗЫКЕ НАВАХО. 55

ПРИМЕЧАНИЯ. 56

ШАМАНЫ.16 56

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО (ПОЭТАМ И ДРУГИМ). 59

ЛЕГЕНДЫ. 61

ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАВАХО. 63

I. ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ. 63

II. РАННИЕ СОБЫТИЯ В ПЯТОМ МИРЕ. 76

III. БОГИ ВОЙНЫ. 104

IV. РАЗВИТИЕ НАЦИИ НАВАХО. 135

НАТИ'НЭСТАНИ. 160

ВЕЛИКАЯ РАКОвина КЎНТЫЭЛЯ. 195

ПРИМЕЧАНИЯ. 209

МУЗЫКА НАВАХО. 254

ПЕСНЯ ГОЛУБЯ. 258

ТЕКСТЫ И МЕЖРЯДКОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ. 258

УТВЕРЖДЕНИЕ ТОРЛИНО (ЧАСТИЧНО). 258

НАЧАЛО ЛЕГЕНДЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ. 258

ПЕСНЯ ЭСТСАНАТЛЕХИ. 261

ПЕСНЯ НАЙЕНЗГАНИ (НАЙЕНЗГАНИ БИГЕН). 262

ПЕСНЯ НАЙЕНЗГАНИ. 262

ПЕСНЯ НАЙЕНЗГАНИ. 263

ПЕСНЯ НАЙЕНЗГАНИ. 264

ПЕСНЯ О СОЛНЦЕ. 265

ПЕСНЯ О СОЛНЦЕ. 266

ЗНАЧИМЫЕ СЛОВА ПЕСЕН ЛОГА, ПЕРВЫЙ НАБОР. 266

ЗНАЧИМЫЕ СЛОВА ПЕСЕН ЛОГА, ВТОРОЙ НАБОР. 267

СЛОВА ОРЛА. 267

ПЕСНЯ ОРЛОВ — ПЕСНЯ ЧАСТИ ЧАСТИ. 267

ПЕСНЯ ВОЗНЕСЕНИЯ. 267

МОЛИТВА ПЕРВЫХ ТАНЦОРОВ ИЗ ЦЕРЕМОНИИ НОЧНОГО ПЕНИЯ. 269

СВОБОДНЫЙ ПЕРЕВОД МОЛИТВЫ. 273

ЗАМЕЧАНИЯ О МОЛИТВЕ. 275

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ. 276

МЕЛОДИИ 279

[1] ПЕСНЯ О ПРИБЛИЖЕНИИ БОГОВ ВОЙНЫ. 281

2. ПЕСНЯ ВОЕННЫХ БОГОВ. 281

3. ДВЕНАДЦАТАЯ ПЕСНЯ ИКАИГИН ИЛИ ДНЕВНАЯ ПЕСНЯ. 282

4. ПЕСНЯ НААХАИ, ИЛИ ТАНЕЦ ПОСЛЕДНЕЙ НОЧИ НОЧНОГО ПЕСНЯ. 283

5. ПЕСНЯ НААХАИ. 284

6. СЕДЬМАЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН. 285

7. ДЕСЯТАЯ И ОДИННАДЦАТАЯ ПЕСНИ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН. 286

8. ПЯТНАДЦАТАЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН. 287

9. ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН. 288

10. ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАН. 289

11. ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ПЕСНЯ НА ФЕРМЕ ХАСТСЕХОГАНХАСТСЕХОГАН. 290

УКАЗАТЕЛЬ. 291

ПОДПИСЧИКИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ФОНДА АМЕРИКАНСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ОБЩЕСТВА, 1896 Г. 302

Колофон

Доступ

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любом месте и практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg License , включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по адресу www.gutenberg.org .

Эта электронная книга создана Йероном Хеллингманом и командой онлайн-корректоров www.pgdp.net . Музыка, представленная в этой книге, была перенесена в формат MusicXML Линдой Кантони.

Сканы этой книги доступны в Интернет-архиве (копия 1 , 2 , 3).

Рецензия У. У. Ньюэлла была опубликована в *журнале « The Journal of American Folklore»* в июле 1896 года.

Метаданные

Название:	Легенды народа навахо: сборник и перевод	
Автор	Вашингтон Мэтьюз (1843–1905)	Информация
Соавтор	Джон Комфорт Филлмор (1843–1898)	Информация
Язык	Английский	
Дата первоначальной публикации:	1897	

Кодировка

Орфография, используемая в этой книге для языка навахо, значительно отличается от орфографии, используемой в настоящее время. Не было предпринято никаких попыток изменить это, но очевидные несоответствия были исправлены.

Для удобства обработки курсивные буквы, используемые в орфографии языка навахо, были закодированы в Unicode как буквы с макронами внизу. Для производных файлов эта кодировка будет преобразована обратно в курсивные буквы без украшений.

История изменений

19.06.2019 Начало.

Внешние ссылки

Эта электронная книга Project Gutenberg содержит внешние ссылки. Эти ссылки могут не работать для вас.

Исправления

В текст были внесены следующие исправления:

Страница	Источник	Исправление	Расстояние редактирования
N.A.' 30' 269	[*Нет в источнике*]	)	1
v	Натинестани	Натинестани	0
15	включенный	включенный	1
15	hogáns	хоганс	0
16	hogán	hogán	0

30	Хасканхатсо	Хасканхатсо	0
30’ 30’ 30’ 294	[*Нет в источнике*]	,	1
30	Дестсини	Дестсини	0
31	dĭne‘	dĭné‘	1 / 0
36’ 83	Хастсегоган	Хастсегоган	0
36	Хастсеялти	Хастсеялти	0
38’ 261	,	.	1
39	сениор	сеӈор	1 / 0
39	)»,	»),	2
40	hatáli	hatáli	0
46	аканинили	аканинили	2 / 0
52	Алили	Алили	1 / 0
54	зима	лето	4
57	кледзи	кледзи	1 / 0
63	*Тан*	*Тан*	0
63	Целисибехоган	Целисибехоган	0
63’ 63	Холаци	Холаци	0
63	Дилиле	Дилиле	0

65	Hastsósidĭne‘	Hastsósidĭne‘	0
69, 69, 207	огороженное пространство	огороженная территория	1
80, 107, 133	[*Нет в источнике*]	»	1
82	*Киндотлиз*	*Киндотлиз*	0
98	несмотря на	несмотря на	1
103	Натлехи	Натлехи	0
103	Dsĭllĭzĭ n	Дсĭллизĭ́н	1
105	Хастсейалти	Hastséyalti	1 / 0
106, 108, 134, 297	Йолкаи	Йолкаи	2 / 0
114	Циснадзини	Циснадзини	0
115	[*Нет в источнике*]	«	1
119	Цэбитай	Цэбитай	0
122	Цедеза	Цетеза	2
124	умолять	умолял	2
134	*Докослид*	*Докослид*	0
136	*Докослид*	*Докослид*	1 / 0
142	Танеза	Танеза	1 / 0
142	Тапахахалаи	Тапахахалаи	0

146’ 157’ 240	Тапаха	Тапаха	0
148	после	после	3
153	обременение	обременение	1
159	Bĭtáˈni	Битани	0
169’ 295	Хастсезини	Хастсезини	0
194’ 243	хаталь	*hatál*	0
212	.	,	1
212	обычно	обычно	1
213	фетиши	фетиши	1
215’ 216	Něz	Нез	1 / 0
221	Бирюзовый	Бирюзовый	1
222	*Та-ди-тин*	*Та-ди-тин*	0
222	yúdi	юди	0
222	Най-ди-сис-и	Най-ди-сис-и	1 / 0
224	Ценагахи	Ценагахи	1 / 0
224’ 247’ 295’ 295	Хатали	Хатали	0
225	Кледзи	кледзи	0
226	маскерадер	маскерадер	1

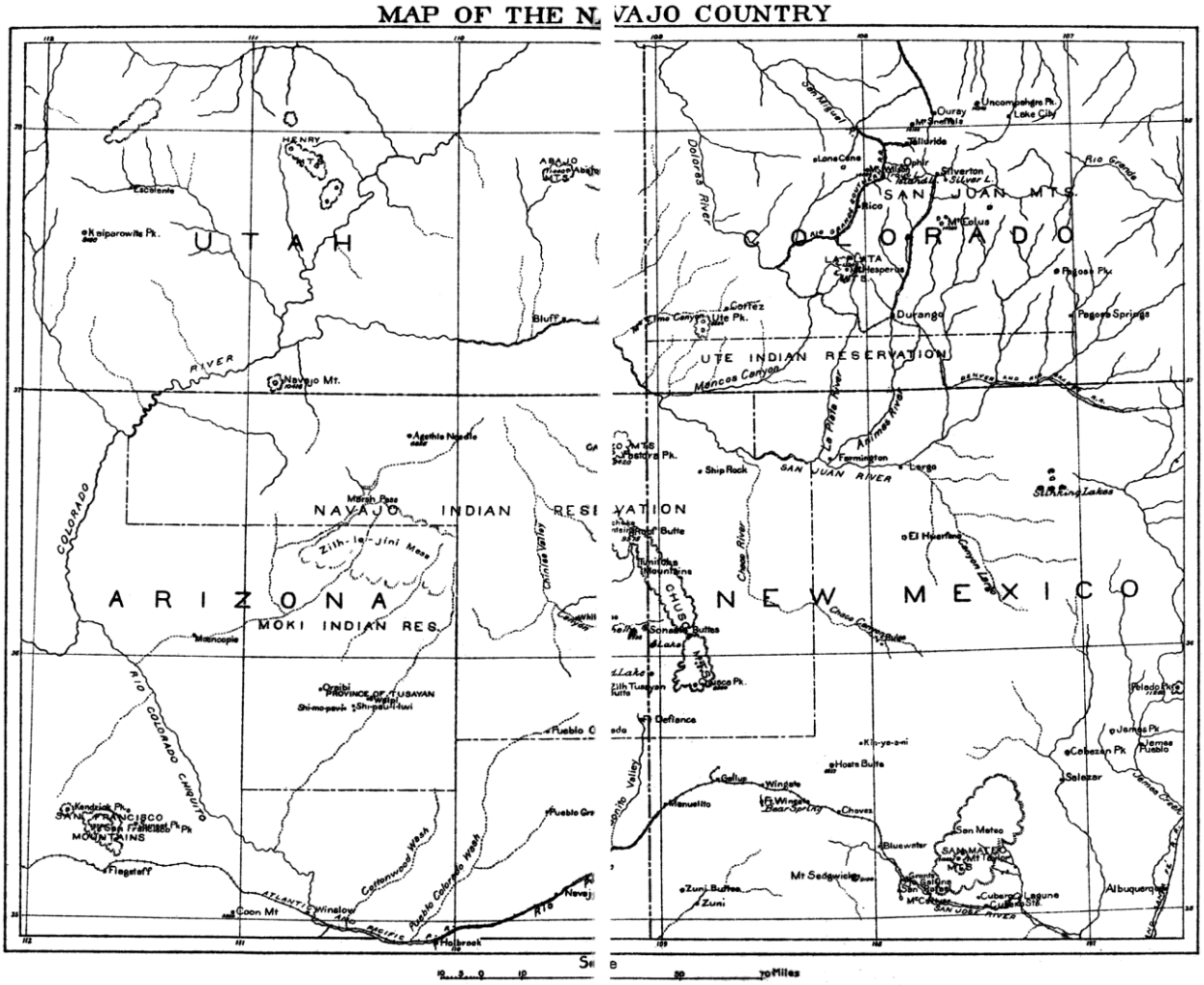
226	Natı̄́nesthani	Натинестани	1 / 0
230	*Дсилнаотиль*	*Дсилнаотиль*	0
234	ana	aná	1 / 0
237	*Нанзоз*	*Нанзоз*	1 / 0
241	Гонцо	Гонцо	0
242’ 249	Фетиш	фетиш	1
258	*Хайолкал*	*Хайолкал*	0
259	Дсиллитсибегоган	Дсиллитсибегоган	1 / 0
259	*Цельцибегоган*	Цельцибегоган	1 / 0
259	садаадзе	Садаадзе	1
259	tsı̄́ni	tsı̄́ni	0
259	sitín	*ситин*	0
259	ханантай	ханантай	0
260	*Цал*	*Цал*	0
260	тайганиль	тайганиль	0
261	для	Для	1
261	Тобадзицини	Тобадзистини	1 / 0
262	Теэлгэт	*Теэлгет*	0

263	Цоханоай	Цоханоай	0
263	ика'	ика'	1 / 0
263	Nayénězgani	Найенэзгани	1 / 0
265	Низаза	Низаза	0
265	дахониде	дахониде	0
265	анихойеле	anîhoyéle	1 / 0
265	anieyáhi	айнеяхи	2
265	сидеяие	сидеяие	1
266, 266	Йолкай	Йолкаи	1 / 0
267	*иньян*	*иньян*	0
270	нахаиния	нахаиния	0
271	kósdīlyīl	*kósdĭlyĭl*	0
273	Tsegíhi	Цегихи	1
290	ХАСТСЕХОГАН	ХАСТСЕХОГАН	0
293	Натинестани	Натинестани	1
293	Ацалей	Ацалей	0
293, 296	Лейанейани	Лейаньяни	0
293	Ахани	Ахани	0

293	Тосато	Тосато	0
294	Цускай	Цускай	0
294	Дигини	Дигини	0
294	Дсильдасдзини	Дсїлдасдзи'ни	1 / 0
295	Хаслизни	Хаслизни	0
295	Дине	Дине	1 / 0
295	Хииетиси	Хииетиин	3
296	,,	,	1
297	Тоненили	Тоненили	1
297	Тосато	Тосато	1 / 0
297' 298	Цэбитай	Цэбитай	1 / 0
298	Тацини	Тацини	0
298	*Тиелин*	*Тиелин*	0
298	Тодицини	Тодицини	0
298	Тодоконци	Тодоконзи	1 / 0
298	*Тонихили*	*Тонихили*	1 / 0
298	Цэтади	Цэтади	1 / 0
298	Цетахоцилтали	Цетахоцилтали	1 / 0

298	Цезиндаи	Цезиндиаи	1 / 0
298	Дине	Дине	1 / 0
298	Саси	Саси	0
298	Циснадзини	Циснадзини	1 / 0
298	Туинца	Туинца	0
299	Нилци	Нильци	2
299	Натан	*Натан*	0

MAP OF THE N VAJO COUNTRY



назад